

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЛАСТНОЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

НОВОЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

*материалы
международной научно-практической
конференции*

Орехово-Зуево
2012

УДК 81
ББК 81-7
Н 74

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Московского государственного областного гуманитарного института*

Конференция проведена на базе
Московского государственного областного гуманитарного института

Рецензенты:

Василевич А.П., доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингводидактики МГОУ.

Касаткина О.А., кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой романо-германской филологии МГОГИ.

Ответственные редакторы:

Букина В.А., кандидат филологических наук, доцент, заведующая
кафедрой английского языка МГОГИ.

Лесниковская И.В., кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой английского языка и переводоведения
МГОГИ.

Н 74 Новое в переводоведении и лингвистике. Материалы международной
научно-практической конференции. – Орехово-Зуево.: МГОГИ,
2012. – 308 с.

ISBN 978-5-87471-137-5

Сборник содержит материалы, отражающие современные тенденции
в отечественном и зарубежном переводоведении и лингвистике.

Издание адресовано специалистам-филологам, переводчикам,
аспирантам и студентам гуманитарных факультетов.

Печатается в авторской редакции.

УДК 81
ББК 81-7

ISBN 978-5-87471-137-5

© ГОУ ВПО Московский
государственный областной
гуманитарный институт, 2012

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Блох М.Я.

Доктор филологических наук, профессор
МПГУ г. Москва

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода. Эквивалентный, неэквивалентный, полуквивалентный переводы рассматриваются в статье.

Abstract. The article is devoted to the problems of translation. Equivalent, non-equivalent, semi-equivalent translations are examined in the article.

Ключевые слова: эквивалентный перевод, неэквивалентный перевод, полуквивалентный перевод, адекватность перевода.

Key words: equivalent translation, non-equivalent translation, semi-equivalent translation, adequacy of translation.

В теории перевода понятия эквивалентности и адекватности занимают центральное место. В основе того и другого лежит идея соответствия (см., например: Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., ВШ, 1983 [2]; Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М., «Наука», 1988; Eco Umberto. Experiences in Translation. Buffalo, University of Toronto Press, 2001) [3]. Толковыми словарями эта идея выдвигается на первый план таким образом, что обычные дефиниции трактуют данные понятия как тождественные. Ср. определения их адъективных деривационных основ по «Толковому словарю русского языка» Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. (М., «АЗЪ», 1993): «ЭКВИВАЛЕНТНЫЙ... – вполне равнозначный чему-н., в каком-н. отношении...»; «АДЕКВАТНЫЙ... – вполне соответствующий, совпадающий...». Как правило, отождествляются эти понятия и в специальной переводческой литературе (см. ссылки выше). Между тем для естественного развития переводоведения эти понятия следует принципиально развести, поскольку дублетные термины лишь перегружают научную терминосистему.

Определим адекватность перевода как его соответствие переводческой цели. В этом определении адекватность охарактеризована как функциональное свойство некоторого объекта (т.е. переводного текста, транслята).

Определим эквивалентность перевода как максимальное структурно-функциональное подобие переводного текста (транслята) его оригиналу. Теперь оба фундаментальных понятия заняли разные рубрики в системе теоретико-переводческих представлений, чем и расширили данную систему.

В точных науках из определений выводятся следствия. Выведем следствия из наших определений и в эмпирической науке, каковой является теория перевода. В качестве главных из отмеченных следствий выступают два.

Первое следствие. Поскольку перевод есть передача содержания некоторой речи (некоторого текста) на другом языке, постольку требованию адекватности (своей конкретной коммуникативной цели) должен отвечать любой доброкачественный перевод. Неадекватный перевод представляет собою не что иное, как переводческую ошибку. Так, если на уровне простых номинаций (т.е. бесконтекстно) перевести английское слово «to die» русской фраземой «сыграть в ящик», то это будет очевидной ошибкой; такой перевод неадекватен коммуникативно-переводческой цели дать русское толкование указанному английскому слову в общем, абстрактно-номинативном виде. Если же, с другой стороны, мы переведем русскую фразему «сыграть в ящик» английской фраземой «to kick the bucket», то наш перевод будет вполне адекватен намеченной цели.

Второе следствие. Поскольку содержание некоторой речи может быть передано на другом языке в разных видах: полном, сокращенном, сверхполном (интерпретационном), «точном» (т.е. возможно более соответствующем содержанию оригинала), приблизительном, выборочном, вольном, постольку перевод по степени структурно-функционального подобия оригиналу может быть как эквивалентным, так и неэквивалентным (свободным, вольным). Итак, всякий эквивалентный перевод, безусловно, адекватен, но не всякий адекватный перевод эквивалентен.

Между эквивалентным и неэквивалентным переводом можно ввести промежуточную рубрику в виде полуэквивалентного перевода (см. нашу работу: M. Blokh. *Modernization of Religious Translation*. В кн.: *Koine. Annali della Scuola Superiore per Interpreti e Traduttori «San Pellegrino»*, V–VI, 1995–1996, p. 62) [5].

Проиллюстрируем три типа перевода по степени структурно-функционального подобия (перевод эквивалентный, перевод полуэквивалентный, перевод неэквивалентный) на примере отрывка из английского «дамского» романа:

Before he could reply, the door burst open and a stunning brunette burst in. Older than Maggie herself, she had the polished perfection which Maggie automatically associated with someone very much in the public eye and very much aware of herself and her attractions.

(Penny Jordan. *A Reason for Being*. – Harlequin Books, 1989) [6]

Эквивалентный перевод:

He успел он ответить, как дверь широко распахнулась, и в комнату влетела ослепительная брюнетка. Она была немного старше Мэгги и отличалась особой рафинированностью, которую Мэгги немедленно ассоциировала с обликом дам, привыкших находиться в центре внимания публики и полных сознания своей неотразимости.

Полуэквивалентный перевод:

He успел он ответить, как через широко распахнувшуюся дверь в комнату влетела эффектная брюнетка, по виду немного старше Мэгги. Мэгги машинально подумала, что такие, как она, привыкли находится в центре всеобщего внимания и полны сознания собственной неотразимости.

Неэквивалентный (свободный) перевод:

Он едва раскрыл рот, как в комнату впорхнула эффектная темноволосая дама. На Мэгги она произвела впечатление особы, привыкшей к поклонению и весьма склонной к преувеличенной оценке собственных прелестей.

Что касается адекватности как необходимого свойства всякого правильного перевода, то это качество выявляется лишь в контексте развернутого текста (письменного, устного), элементарной единицей которого служит высказывание, или диктема. Диктема – единица, стоящая на верхнем уровне сегментной иерархии языка, формируемая либо одним, либо несколькими предложениями и выражающая свою собственную тему, т.е. «микротему» (Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка. Журн. «Вопросы языкознания», 2000, № 4) [1]. Будучи элементарной единицей текста, диктема вместе с тем является центральной единицей текстового перевода (Блох М.Я. Проблема единиц перевода. Журн. «Мост», 1998, № 4). Это свойство диктемы ясно видно и на приведенном примере.

Указанное свойство диктемы можно показать и на примере стихотворного перевода. Следует при этом учесть, что стихотворный перевод, как правило, отвечает характеристике свободного или полусвободного (т.е., соответственно, неэквивалентного или полуэквивалентного). Для иллюстрации мы выбрали стихотворение Ю. Энтина «Светлячок» и наш перевод его на английский язык, сделанный для англоязычного мультипликативного фильма.

Оригинал:

Ю. Энтин

СВЕТЛЯЧОК

Светлячок – это сон:

То ли есть, то ли нету.

*Мир во тьму погружен,
Но он тянется к свету.
Свет... Свет... Светлячок
Днем обычный червячок.
Свет... Свет..., Светлячок,
Ночью в новой роли.
Ваша светлость, Светлячок!
Вы волшебник, что ли,
Светлячок!
Светлячок так красив,
И вокруг так красиво.
Этой песни мотив
Мелодичен на диво.
Светлячок, дай ответ,
Ты куда и откуда?
Этот мир, этот свет –
Разве это не чудо?*

Перевод:

FIREFLY

*Firefly, you tiny light,
Will you vanish, or will you stay?
The world is plunged into the night,
Ever longing for the day.
Fire... Fire... Firefly,
Are you real, or just a dream?
In the day, a common fly,
In the night, a speck of gleam.
Oh, your Brightness, lucky mark,
Bringing joy to us through the dark,
You're a wizard – yea or nay?
Lucky, lucky, whatever your way,
Firefly!
Firefly, oh Firefly,
See how marvelous all is here!
You're a pleasure to the eye,
As the song is to the ear.
Where'd you come from, where'll you go?
Tell me, Firefly, you tiny light,
For I am eager ever so
To join you in your wondrous flight.*

Приведенный перевод, местами полуквивалентный, местами совсем

свободный (неэквивалентный), сохраняет диктемный строй оригинала, релизуемый в последовательности строф стихотворения.

Итоги:

Адекватность и эквивалентность перевода – тесно связанные, но различные понятия. Адекватность, осмысливаемая как соответствие перевода своей коммуникативной цели, есть непереносимое свойство перевода вообще, т.е. свойство любой разновидности перевода. Эквивалентность есть максимальное структурно-функциональное подобие перевода оригиналу. И адекватность и эквивалентность перевода выявляются в рамках диктемого строя текста, разворачивающего содержание текста по микротемам.

Литература

1. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания, 2000, № 4).
2. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М., ВШ, 1983.
3. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М., «Наука», 1988; Eco Umberto. Experiences in Translation. Buffalo, University of Toronto Press, 2001.
4. Энтин Ю. С. Сборник русской поэзии «Лирикон». – М., 2000.
5. M. Blokh. Modernization of Religious Translation. В кн.: Koine. Annali della Scuola Superiore per Interpreti e Traduttori «San Pellegrino», V – VI, 1995 – 1996, p. 62).
6. Penny Jordan. A Reason for Being. – Harlequin Books, 1989.

Вишняков А.Г.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме академического перевода. Проблема статьи рассмотрена на материале французской и отечественной издательской и переводческой практики.

Abstract. The article is devoted to the problem of academical translation. The problem of the article is examined through the material of French and Russian publishing and translation practice.

Ключевые слова: академический перевод, принципы перевода.

Key words: academical translation, principles of translation.

Понятия, вынесенного в название этого доклада, не существует в терминологии переводоведения, так что начнём с его характеристики. Это будет не определение, а скорее описание с разных сторон и на разных уровнях.

Прототип того, что я называю «академическим переводом», 16 веков назад дал блаженный Иероним, покровитель переводчиков и автор «Вульгаты» – перевода Библии на латынь. Европейские и американские учёные всё это время продолжали усилия по переводу Библии, которые можно увидеть, например, в изданной впервые в середине XX века «Иерусалимской Библии» на французском языке, переводчики и составители которой преследовали две задачи: приблизить Священное Писание к современным людям, и показать, что научно-исторический подход к нему не подрывает, а укрепляет веру. Каждой книге Ветхого и Нового Заветов здесь предпослано введение, а к тексту даны более специальные подстрочные комментарии богословского, текстологического и исторического характера. Текст перевода разбит на рубрики с подзаголовками, поэтические части расположены столбцами, на полях даны параллельные места. К книге приложены справочные и хронологические таблицы и карты.

Огромный и разнообразный опыт богословской экзегетики, обращённой к самым широким слоям читателей Библии, может быть очень полезен и при академическом переводе. Важно то, что огромная популярность этого издания во всём мире – это ещё один аргумент в пользу способности самых широких и вполне игнорирующих филологические тонкости кругов читателей выдержать и по достоинству оценить такой способ перевода и интерпретации иноязычного материала.

Французский гуманист, поэт и переводчик Этьен Доле (1509–1546) считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода: 1) в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого он переводит; 2) в совершенстве владеть языком, с которого переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит; 3) избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы; 4) использовать в переводе общеупотребительные формы речи; 5) правильно выбирая и располагая слова, воспроизводить общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности». Для нашего варианта перевода особенно важен пятый принцип из этого списка.

В свете нашей проблемы определённый интерес представляют некоторые тенденции романтического и постромантического перевода. Романтическая традиция перевода, расцвет которой пришёлся на конец XVIII–начало XIX веков (Шлегель, Шелли, Жуковский, Карлейл) подчёркивала

роль переводов в развитии литературы и культуры, активно содействуя включению иноязычных достижений в сокровищницу национальной культуры (например, три перевода «Леноры» Бюргера (1773), выполненных Жуковским на разных этапах его собственной эволюции как поэта и переводчика: «Людмила» (1808), «Светлана» (1813), «Ленора» (1831)). С другой стороны, романтики ратовали за сохранение странности, чужеродности, экзотичности языка и стилистики перевода, которые должны свидетельствовать о новизне, необычности, затруднённости переводимого текста и его социокультурного кода.

Парадоксальное соединение присвоения, усыновления инокультурного текста и подчёркивание его иносущности, инородности пришли в «академический перевод» как раз от романтиков. Показательно, что массовый, беллетристический, перевод стремится к стиранию этой инаковости, к максимальному приближению переведённого текста к социокультурному коду и опыту читателя, вот почему массовые издания немислимы со сносками, комментариями, анализом лексической и текстуальной игры оригинала и перевода, который сближается за счёт этого со старинными переложениями, снимая саму проблему адекватности перевода.

Сопоставляя сложности, возникающие при переводе популярного произведения (классической или массовой литературы), предназначенного для самого широкого читателя и сложного классического или современного произведения, предполагающего малочисленного, но и более строгого читателя, приходишь к неожиданному выводу: в первом случае перевод сопровождается гораздо более многочисленным, серьёзными и разнообразными проблемами, нежели во втором, порождёнными как раз нетребовательностью (а значит – и меньшим вниманием, и неготовностью к усилиям при чтении) широкой публики и её непредсказуемым разновкусием. Удовлетворить многих, пусть и не очень требовательных, оказывается значительно сложнее, чем немногих, но знающих, что их ожидает и привычных к чтению как эстетико-интеллектуально-психической деятельности, а не развлечению.

Британская исследовательница М. Снелл-Хорнби в своей книге «Переводческие исследования. Интегрированный подход» (1988) делает ряд выводов, некоторые из которых могут иметь самое прямое отношение к нашей проблеме. Опираясь на идеи М.А.К.Хэллiday, исследовательница предполагает, что «теория стиля (перевода – АВ) должна предусматривать многоуровневый подход, иметь дело с множеством семантических, синтаксических, физических свойств художественного текста; такой многоуровневости соответствует и множественность текстовых функций; ведущим

понятием в теории стиля является «форграундинг» (foregrounding – выбор приоритетного направления, выход на авансцену) – художественно-мотивированное отклонение от норм языка, качественное или количественное; стиль может быть «прозрачным», прямо раскрывающим содержание, к «непрозрачным», где форграундинг направлен на языковую форму» (Комиссаров, с. 23–28). Думается, что наш «академический перевод» можно охарактеризовать как такой, который систематически, в разных формах и на разных уровнях использует приём форграундинга (что мы увидим ниже, на первом нашем практическом примере).

Теперь рассмотрим проблему нашего доклада на материале французской и отечественной издательской и переводческой практики. Во Франции, издание, в которое входит перевод, который я называю «академическим», называют «критическим». Критическое издание – это издание, соответствующее целому ряду строгих условий. Во Франции есть несколько издательских проектов, отвечающих этим требованиям. Рассмотрим самый знаменитый из них. Это – 670 томов «Библиотеки Пляды», которую один критик назвал «Роллс-ройсом книгоиздательства». Прочитав официальный каталог этой серии выпускаемой с 1931 года крупнейшим издательством Галлимар: «Тексты публикуются по самым надёжным источникам и рукописям; в самых лучших из существующих или специально для этого издания выполненных переводах; все вновь найденные тексты включаются в состав книги; предисловия, аннотации текстов и комментарии составлены лучшими специалистами, что не может не привлечь как любителя чтения, так и профессионального исследователя». Обратим внимание на эту принципиально важную и для нашей темы двуединую направленность «Пляды»: и на читателя-дилетанта, и на специалиста-филолога.

В нашей стране аналогичные (хотя и уступающие в некоторых важных вопросах) издания называются академическими, и в этом эпитете, приложенном мной к предложенному виду перевода, видится не только престижность, но и напоминание о прямой обязанности Российской Академии наук, сформулированной Петром I в его указе о её учреждении: «Учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили бы книги» (Алексеева, с. 89). В СССР и России академическими изданиями традиционно занимались государственные издательства под эгидой Академии Наук. Образец книжной серии интересующегося нас типа – серия, выпускаемая Институтом мировой литературы РАН «Литературные памятники». С 1948 года вышло 618 томов. Помимо государственного издательства «Наука» книги в этой серии выпускает и частное издательство «Ладомир».

Академический перевод подразумевает не только литературного редактора, но и научную редактуру, выполняемую специалистом в данной теме, знающим язык оригинала. Так, кандидатуры в «Литературные памятники» рассматриваются редколлегией серии, в которую входят виднейшие отечественные филологи, помогают которым эксперты, переводчики, специалисты в различных национальных литературах. Претенденты подают заявку и фрагмент своего перевода вместе с оригинальным текстом для экспертного изучения. Дело это небыстрое и мелочей в нём, как и в работе сапёра, нет. Например, мой издательский проект для «Литпамятников» (том Избранного французского нобелевского лауреата Клода Симона) рассматривался в общей сложности около восьми лет прежде чем получить положительную оценку.

Специфику академического перевода трудно понять без разбора того, что такое академическое издание вообще: 1. Выбор для перевода выдающихся произведений, без скидок на моду, на трудность формы и содержания, на спорность идей и образов; 2. За основу берётся последнее прижизненное издание как максимально полно отражающее волю самого автора; 3. Никакие купюры и исправления в этом тексте не допускаются, кроме исправления явных опечаток, которые обязательно оговариваются в примечаниях; 4. Издание обязательно сопровождается значительным по объёму и научной ценности справочным аппаратом, включающим в себя статью об авторе, его поэтике, его времени и произведении, подробный исторический, текстологический и лингвокультурный комментарий, иллюстрации, фотовоспроизведения рукописей, приложения, указатель имён и названий, цитируемых или упоминаемых в книге.

В виду сложности решаемых задач такие издания нечасто делаются одним человеком, тем не менее, идеал переводчика для академического издания – это филолог, специализирующийся на творчестве, эпохе или школе данного автора. Приведу несколько примеров из Литпамятников переводчиков-составителей, осиливших не только перевод, но и комплексное издание: Филипп Сидни, подготовленный Л.И. Володарской, Герберт Уэллс, подготовленный Ю.И. Кагарлицким, Феофраст Г.А. Стратановского, «Легенда о докторе Фаусте» В.М. Жирмунского, «Мысли» Паскаля, подготовленные Юлией Гинзбург). Непосредственным образцом для меня когда-то стал «Улисс» Джойса, блестяще переведённый и откомментированный Сергеем Хоружим.

Особым и ни на что не похожим памятником филологического перевода стал прозаический английский перевод (в переводоведении называемый «информационным переводом») и подробнейшие комментарии Владимира Набокова к «Онегину», поставившим проблему соотношения формы и со-

держания в совершенно необычную плоскость и напомнивший, что смакование всех оттенков смысла может доставлять не меньшее эстетическое наслаждение, чем адекватная передача совершенной формы. Странники «информационного перевода» уверены, что адекватная передача средствами чужого языка и формы, и содержания оригинального текста невозможна, и раз выбор неизбежен, они выбирают второе.

А вот определение перевода современным американским учёным С. Россом: «Во-первых, перевод определяется как высказывание, имеющее целью выступать в качестве эквивалентного оригиналу в некоторых отношениях, несмотря на некоторые фундаментальные и важные различия. Во-вторых, С. Росс указывает, что перевод (самим фактом своего существования) заверяет нас, что, несмотря на все различия, он может заменить оригинал в определенных отношениях и в определенных целях. Эти два аспекта – признаки телеологической (целевой) сущности перевода (текст является переводом данного оригинала, потому что он предназначен в качестве такового) и его претензии на полноправную замену оригинала – имеют первостепенное значение для научного определения перевода» (Комиссаров, с. 62). В этом смысле то, что в литпамятниках всегда сначала идёт произведение, а уж потом весь аппарат, позволяет снять эту дихотомию: текст здесь можно прочесть и как самостоятельный текст, эквивалентный оригинальному, и как эквивалентный академический перевод, компенсирующий неизбежные лакуны комментариями, примечаниями и прочим. Кстати, и том «Плеяды», хотя и открывается всегда критической статьёй, пагинацию начинает от первой страницы самого произведения, давая тем самым возможность неподготовленному читателю сразу войти в текст, пропустив литературоведческие штудии.

Английский теоретик Т. Сэвори в своей книге 1952 года предлагает классификацию переводов в четырёх позициях. Нас интересует третий тип, «не получающий особого названия, – это перевод классических произведений, где форма так же важна, как и содержание. Качественная характеристика этого типа перевода дается путем указания на то, что не может быть «совершенным» /.../ и что он требует столь длительного времени и таких больших усилий, что это сводит на нет коммерческую ценность перевода» (Комиссаров, с. 13).

В действительности не столько перевод несовершенен, сколько неутолимо желание настоящего ценителя литературы дойти до дна любимого текста. И вот этой-то максималистской установке и призвано служить академическое издание, позволяющее оценить переводимый текст и как завершённое целое, и как бесконечную «игру в бисер». Обратим внимание

на констатацию нулевой коммерческой ценности такого издания и такого перевода. По этой причине над такими издательскими проектами профессиональные переводчики вряд ли будут работать. Так что ещё одна типологическая черта нашего перевода: для многих филологов он становится делом всей жизни. Как пример можно вспомнить коломенского профессора А.Г. Ингера, всю жизнь готовившего перевод и издание «Анатомии Меланхолии» Роберта Бертона.

Говоря о законах перевода, тот же Сэвори приходит к выводу, что каких-либо общепризнанных принципов перевода не существует, но, пытаясь сделать какие-то обобщения, способные помочь переводчику в его практической работе, он выделяет четыре типа читателя, на которых должен ориентироваться переводчик. Лучшим из них учёный считает четвёртый: «читателя, хорошо знающего иностранный язык» (хотя этому-то как раз вряд ли есть надобность читать в переводе!). С другой стороны, именно такой читатель больше какого бы то ни было другого заинтересуется академическим изданием как в переводе с известного ему языка, так и с неизвестного, а значит, замечанию английского исследователя не откажешь в мудрости.

Английский же учёный и переводчик-практик П. Ньюмарк предложил в монографии «Подступы к переводу» характеристику двух общих методов перевода. Коммуникативный перевод связан с передачей информации, семантический перевод – с отражением процесса мышления. Первый воспроизводит то, что сообщает автор оригинала, второй – то, что и как он думает. Хотя коммуникативный перевод более распространен, семантический перевод оказывается, по мнению П. Ньюмарка, более значимым (Комиссаров, с. 23). В нашем академическом переводе можно усмотреть близость в целях и генетическое родство со вторым из этих методов.

Отечественный переводчик и исследователь Венедикт Виноградов, говоря о чём-то сходном с нашим «академическим переводом», предлагает объединить два основных подхода к переводу (лингвистический и литературоведческий) в «филологический перевод» (Виноградов, с. 5). Отметим, что перевод для академического издания сложного по самой своей природе текста, читаемого слово за словом, не может не включать в себя лингвистические подходы наряду с литературоведческими.

Итак, академический перевод – это перевод филологический в высоком и строгом значении этого слова, объединяющий в себе обязательный эстетический (нередко постигаемый лишь интуитивно, иррационально) компонент и рациональную составляющую, присутствующую в оригинале неявно, но необходимую для максимально стремящегося к адекватному восприятию и переживанию переводимого текста на языке перевода. Т.о., хотя

и на другом уровне и в иной форме, но академический перевод, призван, пусть ценой некоторого утяжеления оригинала, воссоздать оригинальный текст как полнокровный эстетический и рационалистический феномен.

В художественном тексте вообще, а в классическом (а именно такие и есть главный объект «академического перевода») – тем более, всегда присутствует игровой, ludicкий уровень. Текст как бы приглашает читателя принять участие в ритуале игры, цель которой – максимальное наслаждение всем его эстетическим потенциалом – явным и скрытым. Но со временем даже для носителей языка правила этой игры становятся всё непонятней, а в переводе неизбежно происходит их почти полная аннигиляция. Это делает справочно-аналитический аппарат не только желательным, но уже и обязательным. Много в классической литературе нуждается не только в переводе, но и в интерпретирующем пояснении. Это верно и для Гомера, и для Сервантеса, и для Шекспира, и для Рабле, и для Гёте, и для Толстого, уже давно немыслимых вне «академического перевода».

Попробуем понять, почему не только древние, но и многие современные книги, нуждаются при переводе в научном справочно-аналитическом аппарате. В подготавливаемый мной том Избранного Клода Симона входят произведения 1958–1987 годов, главное из которых – роман «Трава», для которого характерно пограничное положение с точки зрения Нормы (языковой, жанровой, стилистической) и нарушения (и даже разрушения) её. Вот почему то, что в оригинальном тексте предстаёт неким балансированием между, снованием от одного к другому, амбивалентным опрокидыванием одного в другое и обратно, должно быть в переводе решено как-то однозначно. Вот здесь комментарии и призваны помочь: через простое объяснение, через перебор возможных вариантов перевода и понимания, через расшифровку аллюзий и коннотаций. «Практически критика переводов, главным образом, основывается на интуитивном представлении о жанрово-стилистической норме» (Казакова, с. 136). А в случае с «Травой» (как и во многих других) эту норму определить очень сложно, если вообще возможно, что делает необходимыми комментарии и на эту тему. Ещё одна из проблем перевода любых книг Клода Симона: их синтаксис: чтобы понять и прочувствовать его, надо смоделировать его генезис (от Бальзака через Достоевского, Фолкнера и Пруста) и его эволюцию (от нормативного традиционалистского романа к новаторскому роману XX века, взрывающему почти все нормы). При таком диакритическом взгляде многие сокровенные особенности его текста как синкретического среза его поэтики и письма станут очевидны и более понятны. И для этого тоже нужны самые различные комментарии и приложения.

Можно спросить, какое отношение всё вышесказанное имеет к наше-

му факультету, выпускники которого вряд ли займутся когда-либо не то что «академическим», но даже обычным художественным переводом? Приведу мнение немецкой исследовательницы Юсты Хольц-Мянттяри, живущей и преподающей в Финляндии: «Переводчики – это специалисты по созданию текстов через культурные и языковые барьеры, как бы их ни называть – устные или письменные переводчики или консультанты в указанном смысле. Специалисты являются экспертами в своей области и сами несут ответственность за свою деятельность. Они выполняют действия, которые их заказчики не могут осуществить без их помощи. Условия профессиональной деятельности определяются ее целью, а также условиями поставки и характером используемых материалов. Переводчики работают с текстами, поставляют тексты для межкультурной коммуникации и «продают» свои переводы. Переводчик – это «текстовик», специалист по созданию текстов. Если текст касается какой-либо специальной области, он сотрудничает с юристами, инженерами, литературоведами и т.п. При этом в функции профессионального создателя текстов входит и умение создавать тексты о других текстах» (Комиссаров, с. 103).

«Переводчику художественной литературы абсолютно необходимо знать переводимого автора, его мировоззрение, эстетические взгляды и вкусы, литературное течение, к которому принадлежит этот автор, его творческий метод, а также описываемую в данном художественном произведении эпоху, обстановку, условия жизни общества, его материальную и духовную культуру и многое другое» (Бархударов, с. 35–36). Добавим ещё раз: ему крайне желательно быть практикующим филологом и лингвистом.

Как видим, современный переводчик не может не быть и писателем, и филологом, и лингвистом, и текстологом, и энциклопедистом, хотя бы в простейшей, зачаточной форме. Оптимальным по части соотношения затраченного времени и изученных феноменов вариантом может быть опыт прикосновения к художественному переводу, позволяющий всё попробовать и многому научиться.

Литература.

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – М.: Академия, 2004. – 352 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство ИОСО РАО, 2001. – 117 с.
4. Казакова Т.А. Теория перевода (лингвистические аспекты). – СПб.: Издательство Союз, 2000. – 296 с.
5. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. – М.: ЧеРо, 1999. – 134 с.

Красилова И.Е.
Старший преподаватель
Московский государственный областной
гуманитарный институт

НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЛИНГВИСТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ

Аннотация. Статья посвящена новым подходам к профессиональной подготовке лингвистов-переводчиков в современной информационно-образовательной среде.

Abstract. The article is about new approaches to professional training of linguists and translators in the modern information and education environment.

Ключевые слова: информационное общество, компетенции, информационно-образовательная среда, международное сотрудничество

Key words: information society, competences, information and education environment, international collaboration.

Наше общество в процессе развития все больше приобретает черты информационного. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий и многократное увеличение информационных потоков привели к кардинальному изменению места и роли информации в жизни общества, что оказывает существенное влияние как на систему образования в целом, так и на систему профессиональной подготовки лингвистов-переводчиков в частности. Масштаб и значение этого влияния еще предстоит осознать.

Среди черт информационного общества выделим следующие:

- единое информационное пространство;
- ведущая роль информационных ресурсов в обеспечении устойчивого поступательного развития общества;
- доминирование в экономике новых технологических укладов, базирующихся на массовом использовании сетевых информационных технологий;
- высокий уровень образования, обусловленный расширением возможностей систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях, и, соответственно, повышение роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как важнейших характеристик труда.

Если раньше высшая школа давала знания, которых должно было хватить если не на всю жизнь, то, по крайней мере, на достаточно про-

должительную часть профессиональной деятельности. Сегодня требуется «образование в течение жизни». Только в этом случае, постоянно повышая свою квалификацию, а зачастую и осваивая совершенно новые пласты знаний, человек сможет добиться желаемых результатов. Таким образом, профессиональная подготовка будущих переводчиков в вузе должна быть выстроена таким образом, чтобы обеспечить их «выживаемость» в условиях жесткого рынка труда современного информационного общества.

Достижению этой цели способствует компетентностный подход, который предполагает формирование у студентов некоего набора ключевых компетенций, которые позволят в дальнейшем успешно продолжать образование каждый раз, когда в этом возникает необходимость, при столкновении с проблемами, появляющимися в личной и профессиональной жизни. В основу Новых федеральных государственных образовательных стандартов положен именно компетентностный подход. Указанные там компетенции Вам известны. Показательно то, что наборы компетенций, которыми сейчас оперируют как в нашей стране, так и за рубежом, примерно одинаковы.

Так Совет Культурной Кооперации при Совете Европы определил следующие ключевые компетентности, которые должны освоить выпускники образовательных учреждений в современном обществе:

- социально-политические, позволяющие человеку реализовать активную жизненную позицию в жизни в многокультурном обществе;
- коммуникативные, рассматриваемые как способность эффективно общаться, устанавливать деловые контакты, сотрудничать, взаимодействовать в команде и так далее, то есть обеспечивающие эффективную устную и письменную коммуникацию;
- информационные, включающие в себя умения поиска, отбора, представления информации, решения профессиональных задач с помощью ИКТ и обусловленные возникновением и развитием информационного общества;
- личностные, связанные с самоуправлением – умение ставить и реализовывать жизненные цели, организационно-управленческий потенциал, эффективно использовать собственные ресурсы и ресурсы других, рефлексивные умения;
- отдельно выделен элемент познавательной компетентности – «способность учиться всю жизнь».

В докладе Комиссии ЮНЕСКО под руководством бывшего министра образования Франции Эдгара Фора, опубликованном под названием «Учиться быть», представлена концепция образования в течение всей жизни.

Определены 4 «столпа образования»:

1. Учить учиться и пользоваться знаниями, то есть получать образование в течение всей жизни, углубленно работать в своей узкой области при достаточно широких общих знаниях;

2. Учиться делать дело, не только пользуясь стандартными навыками, но шире, научиться в рамках как формального, так и неформального социального опыта справляться с разными ситуациями и работать в команде;

3. Учиться жить вместе, развивая и понимая других людей и их стремление к независимости (выполняя совместные проекты и участь улаживать конфликты), укрепляя плюрализм, взаимопонимание и мир;

4. Учиться быть, то есть в большей степени развивать свои личностные качества и способность действовать с большей независимостью, руководствуясь собственными суждениями и личной ответственностью. Образование не должно игнорировать ни одного аспекта человеческого потенциала: памяти, разума, чувства прекрасного, физических возможностей и навыков общения.

В информационном обществе образовательный процесс осуществляется в условиях информационно-образовательного пространства и информационно-образовательной среды. Информационное пространство – это пространство создания, хранения, переработки и использования информации. В понятие «среда» в отличие от понятия «пространство» включаются субъекты образовательного процесса. В условиях вуза это преподаватели, студенты, библиотекари, лаборанты, словом, все, кто причастен к образовательному процессу. Начиная действовать в среде, субъект одновременно и приспосабливается к ней, и старается изменить в соответствии со своими нуждами.

Современные учебники и учебные пособия должны быть построены на основе принципов работы в открытом информационно-образовательном пространстве – с использованием гипертекстов, мультимедиа и т. д. Часть учебных материалов создается совместными усилиями субъектов образовательного процесса, сохраняется в информационно-образовательном пространстве, например, в той его части, которая представляет собой систему управления учебным процессом (в нашем вузе это Moodle), или в электронных фондах специализированных лабораторий, библиотек. В любом случае эти материалы становятся достоянием образовательного сообщества вуза и доступ к ним возможен как через локальную сеть, так и через Интернет.

Принципиальная избыточность ресурсов информационно-образовательного пространства позволяет обеспечить возможность выбора уровня

и глубины изучения материала. Это очень важно при внедрении кредитно-модульной системы обучения. Подписав Болонскую декларацию, Россия взяла на себя определенные обязательства. Поэтому вопрос не стоит, принимать или не принимать эту систему. Более того, она обладает рядом преимуществ. Например, обеспечение академической мобильности. При тех скоростях, которыми развивается информационное общество, это может стать актуальным для наших студентов буквально в ближайшее время.

Кредитно-модульная система стимулирует и использование хорошо известных и эффективных старых методик. Например, проектной методики. В условиях современной открытой информационно-образовательной среды эта методика получает дальнейшее развитие. Для успешного прохождения курса студент обязан выполнять учебно-творческие задания. В качестве такого задания может быть предложен проект. К сожалению, сегодня зачастую проект сводится к подготовке доклада на какую-либо тему с презентацией. Методом компиляции доклад «собирается» из кусков, скопированных в Интернете, и затем прочитывается в учебной группе. А между тем именно проектная деятельность может способствовать успешному развитию самостоятельности, формированию умения ставить цель, определять задачи, выбирать способы их решения, работать в команде, критически оценивать информацию, подводить итоги, делать выводы и т.д. Словом, на практике применять профессиональные знания, умения и навыки, которые в сочетании с личным опытом и составляют профессиональную компетентность.

До сих пор в вузах практически не используется потенциал междисциплинарных связей. В средней школе межпредметные учебные проекты становятся обычным явлением. Учебные проекты в вузе могут осуществляться не только студентами одного курса, факультета, но и студентами разных факультетов. Будущие переводчики могут стать весьма ценным ресурсом вуза в целом. Например, студенты-переводчики на взаимовыгодной основе могли бы выполнять учебные проекты со студентами-информатиками. В Интернете, в открытом доступе сейчас находится большое количество лекций профессоров ведущих университетов мира. Можно говорить о глобальной тенденции демократизации высшего образования. Для того, чтобы войти в число лучших, университет обязан иметь открытый сегмент образовательных ресурсов. Это лекции, практические задания, иначе говоря, целый комплекс образовательных ресурсов, воспользовавшись которыми благодаря Интернету любой гражданин мира может самостоятельно повысить свой образовательный уровень, исходя из имеющихся у него потребностей. Более того, во многих странах, включая Россию, на уровне мини-

стерств образования обсуждается возможность официального признания результатов такого неформального образования. Это задача непростая, но она будет решаться. А в настоящее время эти ресурсы могут использовать наши студенты. Существенная проблема – недостаточно высокий уровень языковой подготовки. Для примера, студенты переводчики и студенты факультета информатики в качестве проектного могут получить задание перевести лекцию профессора, скажем, университета в Беркли (США). К слову сказать, помимо сайтов собственно университета имеются и другие источники, например, сайт проекта Academic Earth. Совместными усилиями студенты двух факультетов могут сделать действительно хороший перевод, доступ к которому получают все студенты, заинтересованные в этом материале. Студенты-переводчики объективно знают английский язык лучше, студенты-информатики, безусловно, лучше разбираются в предмете лекции и могут подсказать нужные эквиваленты в русском языке. Для студентов переводчиков это хорошая возможность реализовать дискурсивный подход к обучению иностранным языкам.

Кроме того, в ближайшее время у нас будет создаваться компьютерный класс с лицензионными программами машинного и автоматизированного перевода. В частности, будет установлена система автоматизированного перевода Trados. Это система класса Translation Memory (накопительная память). Вводя параллельные тексты, мы можем создавать свою собственную базу памяти, которой смогут воспользоваться как студенты, так и преподаватели, заинтересованные в переводе специальной литературы по своей дисциплине. То есть, учебный проект может быть не только «для галочки», чтобы благополучно миновать очередной учебный курс, но и существенно помочь в освоении этого курса, в формировании и развитии целого ряда компетенций, необходимых для продолжения образования и для дальнейшей профессиональной карьеры.

Единое информационное пространство дает возможность осуществлять совместные проекты с зарубежными вузами. Один из эпитетов, используемых применительно к нынешнему поколению студентов, – сетевое поколение, N-generation. Они уже приходят в вуз с навыками взаимодействия, сотрудничества в сети Интернет. Прекрасно владеют всеми средствами коммуникации, синхронными и асинхронными. У нас есть опыт международного сотрудничества. Группа наших студентов, основу которой составляют студенты третьего курса переводческого отделения факультета иностранных языков, в рамках дополнительного курса «Business English» успешно взаимодействуют со студентами американского университета Northwood (штат Техас), изучающими курс международного маркетинга.

Цель итогового задания, которое они совместно выполняют сейчас, написание статьи о том, как особенности культуры влияют на поведение в сфере бизнеса. У нас пока не внедрена кредитно-модульная система, тем более, применительно к дополнительным учебным курсам. А вот американские студенты поставлены в прямую зависимость от результата совместного проекта. Чтобы получить заветные кредиты, они обязаны проявить активность. В результате, и наши и американские студенты внесли существенный вклад в развитие своей коммуникативной компетентности, и, в конечном итоге, в формирование своей профессиональной компетентности.

Информационное общество уже изменило цели, приоритеты образования. В результате вся система образования подвергается реформированию. Именно реформированию, а не разрушению. Что касается методики, можно и нужно брать в будущее многое из того, что давало отличные результаты в прошлом, но необходимо адаптировать к новым условиям. Опыт наших преподавателей бесценен и он обязательно найдет применение в новых условиях, что обеспечит высокое качество профессиональной подготовки нынешнего поколения студентов.

Литература

1. Гончаров В.Н. Информатизация образования современного общества: социально-антропологический аспект // *Фундаментальные исследования*. – 2009. – № 1 – С. 87–88.
2. Иванова Е.О. Тенденции развития образования в условиях информационного общества // *Ярославский педагогический вестник* – 2011 – № 2 – Том II (Психолого-педагогические науки) – С. 12–16.
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 № 393).
4. Савченко И.В. Информационное общество или общество знаний?// *Современные наукоемкие технологии*. – 2008. – № 10 – С. 45–46. URL: www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=5081 (дата обращения: 20.10.2012).
5. Higher Education in a Web 2.0 World. Report of an independent Committee of Inquiry into the impact on higher education of students' widespread use of Web 2.0 technologies. 2009. URL: <http://www.jisc.ac.uk/media/documents/publications/heweb20rptv1.pdf> (дата обращения: 20.10.2012).
6. Prensky, M., "Digital natives, Digital Immigrants", *On the Horizon*. NCB University Press, Vol. 9 No. 5, October 2001. URL: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения : 20.10.2012).

«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ»

MODERN TRENDS IN RUSSIAN
AND FOREIGN SCIENCE OF TRANSLATION

Narcisa Schwarz,
Angela Jireghie,
Rodica Biriş

Faculty of Humanities
Western University «Vasile Goldiș», Arad, Romania

HUMAN TRANSLATION VERSUS MACHINE TRANSLATION

Abstract. This article proposes a reflection on the use of the concept of “translation”. In our study we focus on the emergence of Machine Translation and how it evolved. This presentation will underline the major developments in the history of machine translation: from the pioneers of the early 1950s till the present, from main frame computers to personal computers and the Internet.

Key words: machine translation, translator, computer, language, Internet.

Introduction

Much has been said about translation as being one of the most effective, if not the only, means of communication especially among cultures of different languages. Translation as a concept has existed hundred years ago, but it is only during the second half of the twentieth century that it emerged as an independent academic discipline called Translation Studies and taught at universities.

1. The Concept of Translation

Translation is usually defined as the act of transmitting the language of the source text into the language of the target text taking into consideration cultural and linguistic differences. It is necessary that before starting the translation of any text, the translator should have a clear understanding, linguistically, semantically and culturally speaking of that source text so that he or she would be able to convey the real intended meaning of the target language.

In his book *Introducing Translation Theory: Theories and Applications*, Jeremy Munday describes translation as a process saying that: “The process of translation between two different languages involves the translator changing an original written text (the source text or ST) in the original verbal language (the source language or SL) into a written text (the target text or TT) in a different verbal language (the target language or TL)”[1]. In fact, what Jeremy defines in this statement is the type of translation called “interlingual translation” as has been categorised by Jakobson along with the two other types known as “intralingual translation” and “intersemiotic translation” [2]. The type of translation defined by Jeremy is the most common one in that it is concerned with translation of written texts of different languages as opposed, for instance, to intralingual translation which is concerned with translating within the same language (using, for example, paraphrasing), or as in the case of intersemiotic translation that has to do with translating written texts into non-written works such as: films, pictures or music.

2. The Emergence of Machine Translation and Its Evolution

The competition towards establishing more business with different parts of the world incited advanced countries in technology to look for easy and quick ways for communication. Hence, there emerged a type of translation known as Machine Translation for the process of translation was carried out by machines.

From the beginning, researchers concentrated almost exclusively on the translation of scientific and technical documents, where the difficulties of cultural differences and variable contexts are less acute than in the more ‘culture-bound’[3] translation of literature, legal texts, and many areas of sociology. In science and technology, the demand for translation has almost always exceeded the capacity of the translation profession, and these demands are growing rapidly. In addition, the coming of the Internet has created a demand for immediate online translations, which human translators cannot possibly meet.

Experts have been trying to automatically translate languages for even longer as computers have been in our way of life. Every person encounters at some point the problem of linguistic barriers, but it was not till roughly the 1920s that the idea of creating automatic dictionaries looked as if they could be the key to address the problem of linguistic barriers.

In the 1933 two scholars started independently to solve the same problem: the Russian Petr Smirnov-Troyanskii and the Franco-Armenian George Artsrouni. Smirnov-Troyanskii remained the more significant since he established the notion that three stages are necessary for a system that could do automatic translation:

1. An editor who knows the source language analyses the words and converts them into base forms according to their syntactic functions;

2. Then a machine organises the base forms into equivalent sequences in the target language

3. This rough version is corrected by a second editor, familiar with the target language

Even though Troyanskii patents a device for transforming word-root sequences into their other-language equivalents, his work stayed by and large nameless until the late 1950s. Sadly Troyanskii was ahead of his time and was almost unknown outside Russia.

In the 1950s computer led very fast to attempts to use them also for the translation of languages. After the World War II computers were used in the beginning to calculate ballistic firing tables or in code-breaking, they assisted a great deal in furthering this idea. Nevertheless the main credit for pioneering machine translation is usually given to Warren Weaver in the US. He is titled the founding father of Machine Translation (MT). As in a letter from Weaver to the computer specialist Norbert Wiener in March 1947, he marks the beginning of this process.

Only two years passed, in July 1949, when Weaver publicised his ideas on using the computer to translation. Soon after that few Universities in the United States introduced research into the arena of machine translation. Only in 1954 the first public demo of to use computers for translation was carried out at Georgetown University, a joint project between IBM and Leon Dostert at the University whereby in January 1954 49 Russian sentences were translated into English, by using a vocabulary comprising of 250 words and six grammar rules. Even though it had very limited scientific value, it gave rise to other projects in this field, mostly in America and Russia.

For the next years many research groups became active: a number of them took theoretical approaches, involving fundamental linguistic research, aiming for long-term solutions, others were adopting experiential trial-and-error approaches. These contrasting methods usually came up with first versions of machine translation programs. These were based on detailed bilingual dictionaries that offered a number of equivalent words in the target language for each word listed in the source language, as well as a series of rules on word order. The difficulty and resource rich task made it essential for researchers to carry on improving the sequencers.

As initial optimism vanished researchers started to believe that semantic barriers were impossible to overcome and could not think of a solution to the problem of machine translation. By 1964 the US government sponsored Automatic Language Processing Advisory Committee (ALPAC) started their investigation into MT and wrote in their 1966 published highly critical report, that machine

translation was slow, inefficient and twice as expensive as human translation. It concluded by the fact it would not worth investing money in research in this field anymore. The report was widely judged as too narrow, biased and shortsighted. At least the influence it had was immense and brought an end to MT research at least in the US for more than a decade and had a negative influence on the public perception of MT for many years. On the other hand, examination continued in Canada, France, Germany and many other European Countries, due to the European Economic Community (EC). The EC was demanding translations in many different fields, namely administrative, legal, scientific and technical documents into all the member languages of the community, so two machine translation systems came into use by the European Union Commission. The most used one is the Eurotra project, which involved research groups in all member states.

Significant improvements and changes occurred again during the 1980s. The EC became bigger and more and more member states had the demand for translation for their multilingual communities. This impulse leads to the development in countries such as France and Germany to new machine translation systems such as Logos (from German to French and vice versa). Also in Canada and Japan (e.g. Sharp, NEC, Mitsubishi, Sanyo) needed these programs. In the later 1980s the large-scale entrance of personal computers (PC) and word-processing programs at private homes created a new market and asked therefore for less expensive machine translation systems. Companies such as Globalink, PC-Translator, Tovna and the METAL system developed by Siemens from earlier research at Austin, Texas made this possible. Mostly PCs are honestly unsophisticated in the linguistic quality of output, but then again are cost-effective in appropriate circumstances.

In the 90s a vital improvement in MT could be seen, as languages were no longer perceived as a stationary object directed by unchangeable rules. A language is a fairly vibrant mass that modifies itself according to the use and the users. Time is also a crucial factor for languages, which has strong influence on it. Even so we cannot look naively at the role of machines in translation, we should rather take in account the fact that translators are living in a technologically advanced world today takes translations and MT to a complete new level. [4] Even up today machine translations continue to develop. Businesses are now using it more and more, which even leads to the paradox it seems not anymore the quality of an translation counts, it is more the quantity, as even the creation of on-line machine translation services such as Altavista, Babelfish or Google Translate, which offer rapid translation services in almost all desired language combinations. All these are underpinned by the availability of multilingual dictionaries, encyclopedias, and free direct-access terminology databases.

3. MT on the Internet

Since the mid-1990s, the Internet has exerted a powerful influence on MT development. First, there have been the appearance MT software products specifically for translating Web pages and electronic mail messages offline (i.e. on receipt or before sending). Japanese companies led the way, but they were followed quickly elsewhere. Second, beginning in the mid-1990s, many MT vendors have been providing Internet-based online translation services for on-demand translation. The pioneer was the service offered in France by Systran on the Minitel network during the 1980s, but the idea was not taken up more widely until CompuServe introduced a trial service based on the Transcend system in 1995. Shortly afterwards, the now best known service Babelfish appeared on the AltaVista site offering versions of Systran to translate French, German and Spanish into and from English (and later many other language pairs). It was followed by numerous other online services (most of them free of charge), e.g. Softissimo with online versions of its Reverso systems, LogoMedia with online versions of LogoVista and PARS. Some services offer post-editing by human translators (revisers), at extra cost, but in most cases the results are presented untouched in any way. Many of them can be accessed through ‘MT portals’, i.e. independent services offering a range of translation systems from one or more system vendors. The translation quality of online MT services is often poor, inevitably given the colloquial nature of many source texts, but these services are undoubtedly filling a significant (and apparently widely acceptable) demand for immediate rough translations into users’ own languages for information purposes – the function offered by earlier mainframe systems in the 1960s, often ignored then and in later years. Despite their widespread use and the obvious impact they have on the public ‘image’ of MT – often negative – online MT services have been largely neglected by most MT researchers. [5]

A particular challenge for MT is the use of online systems for translation into languages which users do not know well. Much of the language used on the Internet is colloquial, incoherent, ‘ungrammatical’, full of acronyms and abbreviations, allusions, puns, jokes, etc. – this is particularly true for electronic mail and the language of chatrooms and mobile telephones. These types of language use differ greatly from the language of scientific and technical texts for which MT systems have been developed. However, recently a UK company Translusion has released a system for online translation of emails (as well as web pages) between English, French, German, Italian and Spanish. The demand must be substantial, and no doubt more systems will come in the near future. The Internet has also encouraged somewhat less scrupulous companies to offer online versions of electronic dictionaries (or phrase books) as ‘translation systems’ [6].

Anyone using such products for translating full sentences (and text) is bound to get unsatisfactory results – although if users do not know anything of the target languages they will be unaware of the extent of the incomprehensibility of the results. Such systems are undoubtedly damaging for the perception of MT as a whole; as damaging as the failure of some vendors and some service providers to stress that their fully automatic systems (whether online or not) produce only rough versions that should always be used with caution.

Conclusion

MT should restrict itself to the development of language dependent strategies and follow the general linguistic research only to such a degree as it is necessary without losing oneself in translation.

References:

1. Munday, J., *Introducing Translation Studies: Theories and Applications*, New York, Routledge. 2001.
2. Jakobson R., *The Framework of Language*, 1980.
3. Hutchins W. J. and Somers H. L., *An Introduction to Machine Translation* London: Academic Press, 1992.
4. Samuelson-Brown G., *A Practical Guide for Translators* (2nd Ed.). London: Multilingual Matters Ltd, 1995.
5. Gaspari F., *Controlled Language, Web Usability and Machine Translation Services on the Internet*. International Journal of Translation. 2004.
6. Horwood E., *Machine Translation: Past, Present, Future*. Chichester. 1986.

Rodica Teodora Biriș,
Narcisa Tirban Schwarz,
Laura Precup Spiegelbauer
Faculty of Humanities
Western University «Vasile Goldiș»
Arad, Romania
Viorica Banciu
University of Oradea

BILINGUALISMUS UND MEHRSPRACHIGKEIT IN RUMÄNIEN

Abstract. German is the second foreign language in the students' option in Romania after English, which comes first. Lately more and more students want to learn German. Thus difficulties can frequently be encountered in translating from English into German and vice versa from German into mother tongue/ native language. In this paper we analyze the advantages and

disadvantages of bilingual speakers and problems they encounter the in usual translations.

Key words: Multilingualism, bilingualism, disciplines, students, foreign language, german language, english language.

Zusammenfassung:

Die deutsche Sprache in Rumänien wird als die zweite Fremdsprache, nach der englischen Sprache betrachtet und wird in allen Schulen, die Fremdsprachen als Fach haben, unterrichtet. In letzter Zeit wollen immer mehrere Schüler und Studenten Deutsch lernen. Dabei kommen Schwierigkeiten beim Übersetzen aus der Muttersprache ins Deutsche vor und umgekehrt aus dem Deutschen ins Rumänische.

Schlüsselwörter:

Multilingvismus, Bilingvismus, Fächer, Studenten, Fremdsprache, deutsche Sprache, englische Sprache.

1. Einführung

Rumänien hat neben der rumänischen Bevölkerung auch verschiedene andere ethnische Gemeinschaften, die bestimmte kulturelle, sprachliche und religiöse Traditionen haben. Die Regionen Rumäniens mit der größten ethnischen Vielfalt sind Siebenbürgen, Banat, Bukowina und Dobruđa. Laut der Volkszählung aus dem Jahr 2002 gehören 10,5% der rumänischen Bevölkerung einer ethnischen Minderheit an und 9% haben eine andere Muttersprache als Rumänisch. Das Recht sich in ihrer Muttersprache zu verständigen, ihre eigene Religion auszuüben, ihre Traditionen zu erhalten und das Recht auf Bildung in der eigenen Muttersprache sind durch die momentane Gesetzgebung gesichert.

2. Bildung in Sprachen nationaler Minderheiten in Rumänien

Die größte nationale Minderheit Rumäniens ist laut der letzten Volkszählung (2002) die ungarische Minderheit. Daneben gibt es auch ukrainische, deutsche, russische, türkische, tatarische, serbische, slowakische, bulgarische, kroatische, griechische, jüdische, tschechische, polnische, italienische und armenische Minderheiten. Das Ministerium für Bildung, Forschung und Jugend hat eine Generalregelung für den Unterricht in den Sprachen der Minderheiten verfasst, die sich um die Organisation und den Inhalt des Unterrichts in den Minderheitensprachen kümmert, je nach Bedürfnis, neben der Muttersprache, Geschichte und Traditionen der nationalen Minderheiten, Landeskunde, sowie auch andere Fächer. Diese Regelungen des Ministeriums für Forschung, Bildung und Sport ist auch für den Sprach- und Literaturunterricht an Schulen, in denen in Rumänisch unterrichtet wird und für die Förderung und schulische Unterstützung von benachteiligten Kindern, besonders die der Roma, zuständig. Im Rahmen

des Strategieprogramms zur Bildung der rumänischen Regierung möchte die Generaldirektion für den Unterricht der Minderheitensprachen die aktuellen Ziele im Bereich der Minderheitensprachen erreichen. Für die ungarische und deutsche Minderheit wird in der Muttersprache vom Kindergarten bis zur Universität unterrichtet. Die deutschen, ukrainischen, serbischen und slowakischen Minderheiten werden im Kindergarten, der Grundschule, Gymnasium und weiterführende Schule in der Muttersprache unterrichtet. Außerdem gibt es in manchen schulischen Einrichtungen einige Unterrichtsfächer für die Minderheitensprachen. Im nationalen Bildungsprogramm sind Wahlfächer vorgesehen und Minderheitensprachen können gelernt werden, besonders die, die eher unterrepräsentiert sind (sie sind Teil des Lehrplans und Pflicht). Türkisch, Mazedonisch, Russisch und Griechisch werden beispielsweise als Wahlfächer in allen Jahrestufen an einigen Schulen angeboten. Neben dem Unterricht gibt es auch außerschulische Aktivitäten mit demselben Ziel, sowie Privatschulen, die den Schwerpunkt auf den Erwerb der Muttersprache legen. Die Organisation des Minderheitensprachunterrichts in Rumänien ist von geographischen Faktoren, der Anzahl der Kinder pro Jahrestufe und der Anzahl der verfügbaren Lehrkräfte abhängig.

An rumänischen Universitäten gibt es die Möglichkeit eines pädagogischen Schwerpunktes, um die nötige Anzahl an Lehrkräften in den Minderheitensprachen auszubilden. 2007 fiel den leitenden Strukturen vor allem auf, dass der Lehrerberuf für die junge Generation nicht attraktiv zu sein scheint. Eine entscheidende Rolle für das Erlernen der Muttersprache und das Erhalten der Traditionen spielt die Art und Weise wie die nationalen Minderheiten organisiert sind. Für die Minderheit der Roma gibt es Regierungsprogramme zur Lösung der wirtschaftlichen und sozialen Probleme. Die romanischen Kinder besuchen auch Schulen, in denen in rumänischer, ungarischer, deutscher, slowakischer, bulgarischer, türkischer Sprache unterrichtet wird. Mit den Programmen „Zugang benachteiligter Gruppen zur Bildung“ (Integration in den allgemeinen Schulen) und „Zweite Chance“ (zum Abschließen der schulischen Pflichtjahre für diejenigen, die die Schule frühzeitig abgebrochen haben) wird versucht, den Kindern eine schulische Bildung zu garantieren und außerdem Lehrkräfte in der romanischen Sprache auszubilden, um das Fortbestehen der ethnischen Identität zu erhalten. Die Veränderungen im schulischen Bereich seit 1989 haben es auch erlaubt, Schulbücher auf den Minderheitensprachen zu verfassen und die Lehrkräfte in diesem Prozess einzubeziehen. Auf diese Weise wurden Lehrbücher in den Minderheitensprachen publiziert, was den Spracherwerb um ein vielfaches vereinfacht. Es ist bemerkenswert, dass der Beobachtung der Minderheitenrechte auf der zentralen Entscheidungsebene

eine besondere Rolle zukommt und dass die Beteiligung verschiedener sozialer und beruflicher Kategorien in den letzten Jahren angestiegen ist.

Einerseits gibt es Konzeptionen, die auf die Förderung der Erstsprache der Kinder setzen. Die Weiterentwicklung muttersprachlicher Kompetenzen sollte sich in der Verbesserung der Sprachkompetenzen in der Muttersprache widerspiegeln. Andererseits existieren vielfältige Sprachförderprogramme, die das Ziel anstreben, die verbale Kommunikationsfähigkeit und die Alltagssprache bei Kindern mit nichtdeutscher Erstsprache zu entwickeln. Es gibt aber, Untersuchungen die zeigen dass die Kinder, die umgangssprachlich relativ sicher wirken, oft Probleme mit der grammatikalisch und lexikalisch anspruchsvollen Schulsprache aufweisen.

3. Schulen im Banat

Eine der wichtigsten Deutschschulen im Banat ist das Nikolaus-Lenau-Lyzeum. Es ist ein deutschsprachiges Gymnasium. Sein Name kommt von dem rumäniendeutschen Schriftsteller Nikolaus Lenau, der in Lenauheim geboren wurde und nach Österreich ausgewandert ist. Der Schulbetrieb erstreckt sich auf 21 Grundschulklassen, 17 Gymnasialklassen und 19 Lyzealklassen, in denen in deutscher Sprache unterrichtet wird. Ausser der deutschen Sprache (Muttersprache) werden auch Englisch und Französisch unterrichtet. Die Schüler die in diesem Lyzeum lernen, haben sehr viele Vorteile: z.B. die Austauschprogramme mit Schülern aus Deutschland, England und Frankreich. Diese sind auf die Verbesserung der Sprachkenntnisse, die Förderung der Multikulturalität und der Mehrsprachigkeit, sowie die Bildung neuer Freundschaften ausgelegt. Diese singen in einem deutschen Chor. Es gibt auch das Deutsche Staatstheater Temeswar auftretenden Theatergruppe, haben die Schülerzeitung in der deutschen Sprache usw.

Die Mehrzahl der Schüler stammt aus rumänischsprachigen Familien, die Deutsch als Fremdsprache ansehen. Die deutsche Schulsprache ist jedoch ein wichtiger Bestandteil der deutschen Minderheitensprache in Temeswar.

Die deutsche Unterrichtssprache an der Nikolaus-Lenau-Schule ist wegen spezifischer Sprachveränderungen nicht identisch mit Hochdeutsch, obwohl als Ziel des Deutschunterrichts die Zweisprachigkeit angestrebt wird. Es ist eine schultypische Zweitsprache entstanden, die in der Forschung unter dem Terminus Lenaudeutsch bekannt ist. Das Lenaudeutsch ist „ein mit dem Rumänischen interferierender Schuldiskurs“, dessen Wortschatz von einer gesellschaftlich klar definierten Gruppe in einer spezifischen Situation verwendet wird. Diese Sprache ist im gemeinsamen Lebensraum der Schule nicht nur bei den etwa 2000 Schülern, sondern auch mit gewissen Einschränkungen bei etwa 100 Lehrern in Gebrauch, obwohl sie an dem

Hochdeutschen streben. Hier gibt es Austauschprogramme mit Schülern und Lehrern aus Deutschland. Die Lehrer aus Deutschland kommen um hier zu unterrichten, meistens je für ein Jahr, aber einige bleiben auch länger.

Zur diesem Zeitpunkt werden die deutsche Abteilungen der Schulen aus Rumänien, je häufiger von den Kindern, die aus rumänische Familie kommen besucht. Hier werden verschiedene Aktivitäten außerhalb des Unterrichtsprogrammes durchgeführt, zum Beispiel: der Erntedankfest (wird immere am ersten Samstag des Monats Oktober gehalten), der Martinstag, zum Gedenken des Heiligen Martin, Mutterstag usw. Daran nehmen die Kinder von der deutschen Abteilung teil. Eine ganz andere Aktivität ist der Fasching, an dem mit Essen, Saft, Musik und Tanz gefeiert wird. Die Schüler haben daran viel Spaß und die Vorbereitungen werden schon vom Anfang der Jahres geplant, bearbeitet und geprobt.

Die Lehrer schenken sehr viel Aufmerksamkeit dem Unterricht bei der deutschen Abteilung. Das beginnt schon bei den Kleinen aus der ersten/zweite Klasse und setzt in den anderen Klassenstufen weiter, damit die Kinder das Sprechen und das Schreiben der deutschen Sprache richtig lernen können. Es werden viele Spiele gespielt, damit der Unterricht interessant wird und die Kinder leichter neue Wörter und grammatische Regeln lernen können.

4. Schlussfolgerungen

Die Mehrsprachigkeit und auch der Bilingualismus hat mehrere positive als negative Aspekte. Man kann andere Sprachen, Mentalitäten, Kulturen, Eigenarten der anderen Sprachträger kennen lernen. Ein anderer Aspekt ist die Möglichkeit des Vergleichs des Wortschatzes, der Morfologie und der Syntax mit der eigenen Muttersprache.

Später im weiteren Leben kann man sehr leicht eine andere Sprache aus der selben Sprachfamilie lernen.

Das Erlernen einer anderen Sprache schon in den Schuljahren bringt ein Gewinn für das weitere Leben. Die Kinder aus den mehrsprachigen Familien gewinnen in der Entwicklung.

Im Falle des Bilingualismus ist aber die Situation anders. Es erscheinen Schwierigkeiten, wenn die Kinder Sprachstrukturen aus einer Sprache in einer anderen, aus dem Deutschen ins Rumänische, aber auch umgekehrt aus dem Rumänischen ins Deutsche. Diese Probleme kommen besonders bei der Stellung des Verbs im Satz vor, weil in der rumänischen Sprache auch die konjugierte Verbform an zweiter Stelle im Satz steht und nicht an letzter. Zur Behebung dieser Probleme, müssen die Lehrer sehr viele spezielle Übungen machen.

Bibliographie

1. Albayrak, B. (2007). Mehrsprachigkeit – Definitionen, Typen und wissenschaftliche Fragestellungen. Grin Verlag: Norderstedt German
2. Biris, R., T., Kontrikova, I., Jurcut, T.,R (2009) –Landeskunde, Gutenberg Univers Verlag, Arad, ISBN 978-973-1869-72-8
3. Colin Baker (2007): Zweisprachigkeit zu Hause und in der Schule. Ein Handbuch für Erziehende. Verlag auf dem Ruffel. Engelshoff
4. Csaba Földes (2005): Kontaktdeutsch. Zur Theorie eines Varietätentyps unter transkulturellen Bedingungen von Mehrsprachigkeit. Tübingen: Verlag Gunter Narr
5. Riehl, C.(2004). Sprachkontaktforschung. Eine Einführung. Narr, Tübingen
6. Riehl, C (2006). Artikel „Die Bedeutung von Mehrsprachigkeit“

Rodica Teodora Biris

Conf. univ. dr.
Western University «Vasile Goldiș»,
Arad, Romania

TRADUKTOLOGISCHE ANSÄTZE ZUR ABENDLÄNDISCHEN ESOTERIK TRANSLATION PERCEPTIONS IN WESTERN ESOTERICISM

Abstract. Serious studies in the field of Western esotericism demonstrated that this tradition has played an important role until the end of the 18th century. Scientific revolution was possible thanks to the spiritual power of this trend and during the enlightenment it can be found, this time “rationalized” (with reason) and reborn in eclectic philosophy. The development and its peak brilliance is touched during the romantic period, when it can be seen as a fairy world.

Key words: traductology, revolution, enlightenment, tradition.

Zusammenfassung:

Ernsthafte Forschungen auf dem Gebiet der abendländischen Esoterik haben bewiesen, dass diese Tradition ein wesentliches Bestandteil des europäischen Gedankengut ist und dass sie eine bemerkenswerte Rolle bis zum Ende des achtzehnten Jahrhunderts spielte. Die wissenschaftliche Revolution wurde durch diese geistige Strömung ermöglicht und während der Aufklärung finden wir sie wieder, diesmal “rationalisiert” und in Gestalt von eklektischer Philosophie belebt. Letztlich würde sie ihr bedeutungsvolles Aufblühen in der Romantik erreichen, die rechtmäßig als letztes Bollwerk, gegen eine endgültig entzauberte Welt betrachtet werden kann.

Schlüsselwörter: Traduktologie, Strömung, Revolution, Aufklärung, Tradition

1. Einführung und Problematik

Diese Arbeit versucht diejenigen Umstände zu betonen, in denen die Einflüsse der Esoterik auf dem romantischen Projekt deutlich zu erkennen sind und bei denen die Möglichkeit einer historischen Wiederherstellung besteht.

Wir behandeln die verschiedenen methodologischen Ansätze zur Esoterikforschung. Der Gründer dieses Fachgebietes als eigenständiger Bereich der akademischen Untersuchung, der französische Wissenschaftler Antoin Faivre, führte ein methodologisches Paradigma ein, das sich auf einem typologischen Modell begründet. Faivre versucht die Esoterik zu bestimmen, indem er ihre vorausgesetzten Grundmerkmale vereinzelt, und kommt schließlich zu der Überzeugung, dass in diesem Fall wir von einem Denkmuster sprechen können. Anscheinend ist seine Vorstellung von dieser geistigen Strömung transhistorisch, allerdings besteht er darauf, die Produkte der Esoterik geschichtlich zu kontextualisieren. Ein anderer Ansatz zu diesem Forschungsfeld, der üblicherweise gegenüber Faivres Taxonomie eine kritische Stellung annimmt, ist der kulturwissenschaftliche Ansatz. Dieser lehnt jegliche essentialistischen Auslegungen der Esoterik ab und betrachtet diese als ein ausschließlich heuristisches Konstrukt, nichts weiter als eine notwendige Erfindung.

2. Traduktologische Ansätze zur abendländischen Esoterik

Das akademische Studium im Bereich der Religionswissenschaft wird von zwei unterschiedlichen aber gleichermaßen komplementären Tendenzen beherrscht. Einerseits kann man über einen religionistischen Ansatz, einer der innerhalb des geforschten Tradition stattfindet, sprechen; andererseits über einen der Anspruch auf Objektivität erhebt, und in diesem Sinne das Ausgangsmaterial aus einer historisch-kritischen Perspektive betrachtet, mit gelegentlichen Wendungen zum Reduktionismus. Demzufolge hat sich ein erheblicher Anzahl von methodologischen Ansätzen zwischen diesen beiden Polen gestaltet, Ansätze die mehr oder weniger die Ergebnisse einer oder beider dieser Ansichten sind.

Die abendländische Esoterik ist grundsätzlich ein religiöses Phänomen und schließt sich deswegen dieser allgemeinen Betrachtung an. Der große Anzahl von nichtwissenschaftlichen Veröffentlichungen, die sich mit Themen und Gegenstände die vermutlich zu einer esoterischen Tradition gehören beschäftigen, so wie die Notwendigkeit für die Entstehung eines neuen heuristischen Konstruktes im akademischen Bereich hat dazu geführt, dass die Auseinandersetzungen bezüglich auf den angemessensten Ansatz zur abendländlichen Esoterik immer noch sehr aktuell und von höchster Bedeutung für diesen Bereich sind. Obwohl wichtige Namen wie Lynn Thorndike, Ernst Cassirer, Giorgio Agamben, Frances Yates aber auch Robert Klein und Ioan Petru Culianu ihren Beitrag

zu diesem wissenschaftlichen Bereich geleistet haben, wurden die jeweiligen Studien nie aus der Perspektive einer bewussten Bestrebung die Geschichte einer solchen Tradition wiederherzustellen durchgeführt. Höchstens war dies der Fall für Yates, die aber von einer hermetischen Strömung sprach. Selbverständlich ist damit ein akademischer Ausgangspunkt gemeint und nicht einer der mit der eigentlichen Praxis und den ergebenden Weltanschauungen zu tun hat. Dieser Mangel wurde erst in den neunziger Jahren beseitigt, durch die Arbeit des französischen Wissenschaftlers Antoine Faivre. Durch sein Modell versucht Faivre verschiedene Gedankströmungen wie die Alchemie, die Astrologie, die Magie, aber auch die Hermeneutik, die Lehre Paracelsus, die christliche Kabbala, die Theosophie und das Rosenkreuzertum unter dem Oberbegriff „Esoterik“ zusammen zu bringen, anhand bestimmter Eigenschaften, die all diesen Strömungen eigen seien. Dementsprechend etabliert er sechs Merkmale, welche eine esoterische Denkensart (pattern of thought) greifbar machen:

- Entsprechungen, zwischen den verschiedenen Niveaus des Universums, zwischen Macrocosmos und Microcosmos;

Lebende Natur

Imagination

Transmutation

Und optional: - Konkordanzbildung

- Transmission.

Es ist offensichtlich, dass Faivres Modell typologisch ist und sich auf Invarianten begründet. Dieser Ansatz wurde durch der Gnostikforschung bekannt gemacht und in diesem Bereich verwendet. Dank Wissenschaftler wie Hans Jonas und Ugo Bianchi die Klassifizierung mittels Invarianten bestimmte die Leistungen im Umfeld der Gnostikforschung für lange Zeit. Dieser Ansatz hat auch beachtenswerte Begrenzungen bewiesen. Der rumänische Religionswissenschaftler Ioan Petru Culianu zum Beispiel, hat gegenüber Ugo Bianchis Klassifizierungsentwurf darauf hingewiesen, dass das Eigene der Texte, die offensichtlich zum Gnostizismus gehören, dennoch über Merkmale verfügen, die sie auch zum Gegenteil einer solchen Bestimmung machen. Obwohl Culianu die Angemessenheit einer solchen Analyse für einen bestimmten Text oder eine Gruppe von Schriften anerkennt, weist er jede Generalisierung ab. Dementsprechend erweist sich die Etablierung eines gnostischen Corpus anhand Invarianten ein sehr schwieriges Vorhaben. In der Gegenwart finden wir ähnliche Überlegungen gegenüber der Gnostikforschung:

(Man muss unterscheiden) zwischen solchen Erscheinungen [...], die durch direkte historische Zusammenhänge miteinander verbunden

sind, solchen, die mehr indirekt durch ein gemeinsames kulturelles Klima in Zusammenhang stehen, und solchen, die durch inhaltliche Übereinstimmungen in einen typologischen Zusammenhang gebracht werden können.

Da Faivre eindeutig die Invariantenanalyse als Ausgangspunkt für seine eigene Taxonomie nimmt, ist diese für ähnliche Kritiken anfällig. Trotzdem, der Versuch selbst ein neues heuristisches Konstrukt, das eine wesentliche Seite der abendländischen Kultur und Denkensart zu konkretisieren verdient Beachtung und man muss anerkennen, dass viele bemerkenswerte Ergebnisse durch das faivresche Paradigma ermöglicht wurden. Zusätzlich hat Faivre selbst die Mangelhaftigkeit seines typologischen Modells anerkannt und dementsprechend originelle methodologische Vorhaben auf dem Gebiet der Esoterikforschung ermutigt.

Die Begründung der Esoterik als selbständiges Studienfach im Bereich der akademischen Forschung hat zu einer Neubewertung einiger Phänomene und Ereignisse der abendländischen Kulturgeschichte getragen, die bis vor kurzem als endgültig geklärt betrachtet wurden. Wenn für einige historische Zeiträume, wie zum Beispiel das Altertum, das Mittelalter und die Renaissance die Entwicklung einiger Hauptbestandteile in Rahmen einer "vorwissenschaftlichen" Weltanschauung allgemein anerkannt wurde, nicht das gleiche könnte man über der moderne Zeitraum, der mit der Geburt der empirischen Wissenschaften anfang, sagen. Viele Forscher betrachteten Fächer wie die Alchemie, die Astrologie, die Magie als abergläubischen Unsinn, der zu einer unfruchtbaren und düsteren Vergangenheit gehören. Nur sehr wenige haben die innere Kohärenz und Systematizität deren betont und haben versucht sie historisch wiederherzustellen.

Einer der ersten und produktivsten Forscher der Faivres Herausforderung annahm ist Professor Wouter Hanegraaff, der durch eine Reihe von umfangreichen Untersuchungen seine eigenen Beiträge zur Diskussion über die am besten geeigneten methodologischen Ansätze zur Esoterik anzubieten versuchte, dennoch ohne die Auffassung des französischen Wissenschaftlers zu übersehen. Wo einige Kritiker Faivres in dessen Ansatz eine Neigung zum Essentialismus sehen, betont Hanegraaff den deutlich historischen Bestandteil seiner Methode. Nach Hanegraaff wird die Esoterik folgendermaßen von Faivre bestimmt:

" ... an idea complex, in the sense of a cluster of related ideas recognizable over time by virtue of familz resemblance. An esoteric tradition, on this foundation, may be defined as a historical continuitz in which individuals and/or groups are demonstrably influenced in their

life and thinking by the esoteric ideas formulated earlier, which they use and develop according to the specific demands and cultural context of their own period. A diachronic study of such an esoteric tradition, recognizing the irreversibility of historical time, must be genetic: it traces the filiation of ideas over time not with the prior intention of demonstrating their trans- or meta-historical similarity or unity, even less with the intention to demonstrate historical anticipations of cherished ideas, but with the intention of clarifying the complex ways in which people process – absorb, (re)interpret, (re)construct etc. – the ideas of the past accessible to them. Such a genetic approach nevertheless leaves room for the recognition of relatively constant factors: certain types of religious experience, certain inferences which are likely to be drawn from such experiences, the logical pressure of ideas and basic assumptions, and various pre-rational factors ...

Hanegraaff hat sich zugunsten einer historisch-kritischen Annäherung zu diesem Forschungsgebiet ausgedrückt und er betrieb eine Unterscheidung zwischen dem emischen Niveau der Forschung und dem ethischen. In erster Phase ist eine Untersuchung des vorliegenden Materials nötig. Diese Stufe entspricht dem emischen Niveau. Nach diesem Verfahren folgt der Versuch das vorherig untersuchte Material zu interpretieren, um damit Sinngehalte und Strukturen zu enthüllen, die dannach in einem kohärenten Diskurs geordnet werden. Es ist aber deutlich, dass die Ergebnisse dieser Bemühungen an den Bevorzungen jedes Schriftstellers und auch an den theoretisch-interpretativen Instrumente die er verwendet geknüpft sind. Die innewohnenden Gefahren einer solchen Aussicht sind in beiden Fälle deutlich. Ein emisch übertriebener Ansatz würde die Arbeit des Wissenschaftlers zu einer eher deskriptiven Dimension beschränken, während der ethische Ansatz von der Gefahr einer ideologischen Darstellung ständig bedroht wird. Die Wechselwirkung deren, wird daher zu einer Notwendigkeit und nach Hanegraaff begründet die empirische Methode. Er ist auch der Meinung, dass ein sicheres Mittel gegen der Gefahr, dass ein wissenschaftlicher Diskurs zum ideologischen Manifest wird ist die ständige Strömung von konstruktiver Kritik gegenüber methodologischen Innovationen auf dem Gebiet der Esoterikforschung. Damit wird auch den anfänglichen theoretischen Rahmen mehrfach überprüft und verbessert.

Der amerikanische Wissenschaftler Arthur Versluis bevorzugt die historisch kritische Methode als Ausgangspunkt für die Esoterikforschung mit dem Unterschied, dass der Forscher eine etws sympathetische Haltung zum Forschungsgegenstand haben soll. Das bedeutet, dass die Innere Kohärenz und Logik des Gegenstandes nur dann enthüllt werden kann, wenn der Forscher selbst eine Innere

Perspektive erlangt. Es ist Versluis eigene Auffassung des empirischen Ansatzes, nämlich ein simpatetisches Empirismus. An dieser Stelle scheint er zugunsten einer religiösen Richtung zu sein oder in jedem Fall scheint die Notwendigkeit der Gleichwertigkeit des Forschers und Praktikanten zu betonen. Wie anders konnte einer eine Tradition, die sich auf spezifische Rituale und praktische Anwendungen begründet verstehen und historisch wiederherstellen.

Ein Ansatz, der sich deutlich von bisherigen methodologischen Entwürfe unterscheidet ist der von Kocku von Stuckrad. Seine fundamentale Kritik an Faivre besteht darin, dass dieser mit der Zugrundelegung eines esoterischen Corpus als Referenzpunkt das Forschungsfeld unangemessen einschränkte:

To be specific: because Faivre mainly drew on Renaissance Hermeticism, philosophy of nature, Christian Kabbalah and Protestant theosophy to generate his taxonomy, some areas are excluded from research, which might actually be decisive for a comprehensive survey. Historically this concerns the ancient world, the medieval and modern periods; from the point of view of content, Jewish and Islamic esotericism, and for modernity also Buddhism, which strongly influenced twentieth-century European esotericism.

Es geht Stuckrad also, sowohl um eine zeitliche Erweiterung, als auch darum, dass die Esoterik im Umfeld nicht-christlicher Religionen nicht länger ausgeklammert wird. Aber für ihn gibt es die Esoterik als historisch begründete Tradition nicht. Das sei nur eine notwendige Klassifizierung die dazu dient komplexe kulturelle Vorgänge zu analysieren und zu verstehen. Stuckrad bevorzugt es über Esoterik als Diskurselement zu sprechen und in diesem Sinne es in einem dynamischen Verhältnis zu anderen Diskursbestandteilen, wie zum Beispiel das Christentum, Naturwissenschaft und die Aufklärung zu betrachten. Die Esoterik als Diskurselement wird durch zwei Merkmale charakterisiert:

1. Der Anspruch auf höherem Wissen
2. Das Vorhandensein eines Weges, um dieses höhere Wissen zu erlangen.

Infolgedessen, was nach Stuckrads Meinung ein Diskurs als esoterisch etabliert ist eine Rhetorik der verborgenen Wahrheit, die auf eine spezifische Weise enthüllt werden kann und damit unterscheidend gegenüber anderen Weltanschauungen ist.

Stuckrad erkennt sich Foucault und den soziologischen „feldtheoretischen“ Ansätzen für seinen eigenen Diskursbegriff verpflichtet. Eigentlich steht sein Ansatz den kulturwissenschaftlichen Analysen sehr nah, da diese die Esoterik folglich bestimmen:

Aufgrund der bisherigen Überlegungen lässt sich folglich Esoterik als

identifikatorischer Allgemeinbegriff in Form eines leeren Signifikanten verstehen, der durch eine Diskursgemeinschaft und in verschiedenen Diskursfeldern artikuliert und reproduziert wird. In diesem Sinne ist Esoterik ein historisches Phänomen und wird weder nominalistisch noch idealistisch verstanden, sondern als kontingenter Knotenpunkt bzw. Fixierung eines strittigen Machtdiskurses. In diesem Sinne wird Esoterik hier als Gegenstand der religionswissenschaftlichen Esoterikforschung bestimmt.

3. Schlussfolgerung

Aus den obigen Bemerkungen und Behandlungen wird es deutlich, dass die deutsche Romantik insbesondere bezüglich auf ihr epistemologisches Entwurf sich in einer engen Beziehung zu der abendländischen Esoterik befand. Außerdem können wir feststellen, dass die Romantik in einem ständigen Wechselspiel mit anderen Feldern der menschlichen Untersuchung, wie zum Beispiel die Naturwissenschaften und die Religionswissenschaften war. Die Affinitäten zwischen Romantik und Esoterik kann man am besten durch die Notwendigkeit der Romantiker erklären eine dualistische und mechanistische Weltanschauung zu überwinden und durch einen organistischen und holistischen Modell zu ersetzen. Folglich übernahmen die Romantiker jede Bestandteile der esoterischen Tradition, die sie für ihre eigenen philosophischen Entwürfe benötigten und sie auf diese anwandten.

NOTEN

1. Faivre, Antoine (2007): *Căi de acces la esoterismul occidental, vol. 2*, Editura Nemira & Co., București, S. 20 – 21.
2. Culiuanu, Ioan Petru (2002): *Gnozele dualiste ale Occidentului*, Editura Polirom, Iași, S. 79.
3. Neugebauer-Wölk, Monika (2008): *Aufklärung und Esoterik, Rezeption – Integration – Konfrontation*, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, S. 483
4. Hanegraaff, W. J., On the Construction of Esoteric Traditions, in: Faivre, A. und Hanegraaff, W. J. (Hg.) (1998): *Western Esotericism and the Science of Religion*, Louvain, S. 43.
5. Stuckrad, Kocku von (2005) *Western Esotericism. A Brief History of Secret Knowledge*, Equinox Publishing Ltd., London, S. 5.
6. Ebd., S. 10.

BIBLIOGRAPHIE

1. Abrams, M. H. (1973): *Natural Supernaturalism: Tradition and Revolution in Romantic Literature*, W. W. Norton & Company.
2. Ameriks, Karl (2000): *The Cambridge Companion to German Idealism*, Cambridge University Press.
3. Beiser, Frederick C. (2002): *German Idealism: The Struggle Against Subjectivism, 1781–1801*, Harvard University Press.

4. Faivre, Antoine (2007): *Căi de acces la esoterismul occidental*, Editura Nemira & Co., București.
5. Frank, Manfred (1989): *Einführung in die frühromantische Ästhetik*, Frankfurt: Suhrkamp Verlag.
6. Glaser, Horst Albert und Vajda, György M. (Hrsg.) (2001): *Die Wende von der Aufklärung zur Romantik 1760–1820*, John Benjamins B.V.
7. Nemoianu, Virgil (2004): *Îmblinzirea Romantismului*, Curtea Veche Publishing, București.
8. Neugebauer-Wölk, Monika (2008): *Aufklärung und Esoterik, Rezeption – Integration – Konfrontation*, Max Niemeyer Verlag, Tübingen.
9. Pinkard, Terry (2002): *German Philosophy 1760–1860 The Legacy of Idealism*, Cambridge University Press.
10. Stuckrad, Kocku von (2010): *Locations of Knowledge in Medieval and Early Modern Europe*, Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands.
11. van den Broek, Roelof und Hanegraaff, W. J. (Hg.) (1998): *Gnosis and Hermeticism From Antiquity to Modern Times*, State University of New York Press.
12. Zimmermann, Rolf Christian (1979): *Das Weltbild des jungen Goethe, Bd.1, Elemente und Fundamente*, Wilhelm Fink Verlag, München.

Александрова Е.М.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный
областной гуманитарный институт

Дударева Д.Р.

студентка 3 курса отделения
переводоведения МГОГИ

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные способы перевода компьютерной лексики и терминологии с английского языка на русский. Исследуются факторы, обуславливающие выбор того или иного способа перевода.

Abstract. This article deals with the main translation methods used in computer terms translation from English into Russian, the specifics of their usage and the main factors which cause their choice.

Ключевые слова: Перевод, термин, трансплантация, транслитерация, транскрибирование.

Key words: translation, term, transplantation, transliteration, transcription.

Основная задача научно-технической литературы – предельно четко, ясно и кратко донести до читателя необходимую информацию и обеспечить ее правильное понимание.

Научно-технические тексты отличаются ясностью изложения, четкостью определений, лаконичностью форм. В такого рода текстах используется большое количество терминологической лексики для максимально точной передачи мысли.

Проблема перевода научно-технических текстов по компьютерной тематике связана, прежде всего, с проблемой перевода компьютерной лексики и терминологии.

В данной статье рассматривается специфика использования некоторых способов перевода, используемых при переводе компьютерной лексики и терминологии.

При переводе компьютерных терминов в научно-технических текстах чаще других используются такие переводческие приемы как трансплантация, транскрибирование и транслитерация.

Трансплантация, или иноязычное вкрапление, представляет собой полное копирование англоязычного слова, сохраняя его написание на латинице. При этом термин может вводиться как с пояснением, так и без него. Таким образом переводятся, как правило, технологические стандарты, названия программных продуктов, названия корпораций и т.д.

Так, стандарт беспроводной связи *Bluetooth* на русский язык транслируется не как «синий зуб», а как *технология Bluetooth*. Так же переводятся *стандарт цифрового кодирования MPEG* (Moving Pictures Expert Group), *графический формат JPEG* (Joint Pictures Entertainment Group), *ассоциация стандартизации видеотехники VESA* (Video Electronics Standards Association), *язык разметки гипертекста HTML* (Hyper Text Markup Language) и др.

В качестве примеров можно также привести названия программных продуктов *Adobe Photoshop* (редактор растровых изображений от компании Adobe) или *Gnome* (среда рабочего стола, разрабатываемая интернет сообществом). Здесь следует отметить, что существует две группы названий программных продуктов. К первой группе относится программное обеспечение, разрабатываемое крупными корпорациями, как правило, с закрытым исходным кодом. Такие приложения имеют наименование вида «производитель + название продукта» (сюда относятся вышеупомянутый *Adobe Photoshop* и *Microsoft Windows*). Ко второй группе относятся приложения, написанные сообществами энтузиастов или индивидуально, обычно в рамках модели *Open Source*, т.е. с открытым исходным кодом. Чаще

всего в названии таких программных продуктов не указана фирма-производитель (например, *Gnome, Gimp, KDE*). Названия обеих групп на русский язык транслируются прямым включением.

Известные корпорации *Novell, Microsoft* и *Intel* в современных русскоязычных документах также остаются нетронутыми и вводятся в текст, сохраняя английское написание, при этом данные названия в русском тексте не склоняются.

Названия фирм *Microsoft* и *Intel* употребляются достаточно часто, в связи с чем иногда их записывают кириллицей – «Майкрософт», или «Микрософт», и «Интел». Такой способ записи чаще встречается в публицистике, нежели в официальных документах. Тем не менее, даже эти исключения в русскоязычном тексте не склоняются (например, программы от «Майкрософт»). Причина заключается в том, что названия корпораций транслируют свойство склоняемости на предшествующее пояснительное существительное «компания», «фирма» или «корпорация» (например, рабочие компании «Интел»), даже если эти существительные не манифестируются явно, а только подразумеваются.

Известно, что в советской практике переводов для транслирования названий корпораций вместо трансплантации использовали транскрибирование. Например, IBM (International Business Machines) переводили как «корпорация ИБМ – Интернэшнл Бизнес Мэшинз». Данная переводческая трансформация может повлечь за собой целый ряд непредвиденных последствий, которые могут существенно усложнить понимание исходного текста. Главной сложностью в приведенном случае является тот факт, что название корпорации ИБМ, за годы существования фирмы, превратилось в международный бренд, именно поэтому перевод IBM (International Business Machines) как «корпорация ИБМ – Интернэшнл Бизнес Мэшинз» не может считаться правильным: подобное преобразование ведет к потере смыслового фона объекта перевода и к полному отсутствию узнаваемости бренда.

Транскрибирование и **транслитерация** – это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв русского языка, при этом при транскрибировании воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации – его графическая форма (буквенный состав).

Ведущим способом в современной переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации. Поскольку фонетические и графические системы языков значительно отличаются друг от друга, передача формы слова ИЯ на языке перевода

всегда несколько условна и приближительна. В таких случаях английский термин приобретает русскую морфологию, парадигму спряжений и склонений, сохраняя при этом исходный корень в кириллическом написании.

Несмотря на то, что большинство вводимых в специальных областях терминов подлежат транскрипции и транслитерации, важно помнить, что иногда нет необходимости в транскрибировании или транслитерации чужого слова. В первую очередь это касается тех случаев, когда у этого слова в переводящем языке есть однозначное соответствие, которое либо ранее употреблялось в аналогичном значении, либо применимо в качестве вновь вводимого термина. Необходимо понимать, что введение в обиходную речь параллельных терминов-транслитераций/транскрипций и их функционирование наряду с уже существующими терминами из числа единиц переводимого языка ведет к созданию жаргонизмов, которые, как известно, не являются литературной нормой и которые препятствуют процессу межкультурной коммуникации, внося в указанный процесс множество «информационных помех». Примерами жаргонизмов являются такие слова, как *апгрейд* (от *upgrade* – модернизация, усовершенствование), *юзер* (от *user* – пользователь) и т.д.

Транслитерация в каждой паре языков производится по определенным правилам передачи звукового состава слова исходного языка, в которых указываются случаи сохранения элементов транслитерации и традиционные исключения из правил, принятых в определенный период времени.

Транслитерация связана с передачей некоторых непроизносимых согласных и редуцированных гласных (*server* – сервер) и передаче двойных согласных между гласными и в конце слов после гласных (коннект – *connect*).

Транслитерацию используют при переводе **акронимов** – сокращений, фонетическая структура которых совпадает со структурой общеупотребительных слов. Например, *ALGOL* – Algorithmic Language – Алгол; *LISP* – List Processing – Лисп; *UNIX* – Юникс; *MMORPG* – Massively Multiplayer Online Role-Playing Game – ММОППГ.

Некоторые лексические единицы также переводятся при помощи транслитерации: *robot* (робот), *modem* (модем), *adapter* (адаптер), *printer* (принтер), *sensor* (сенсор).

Транслитерации отдается предпочтение в тех случаях, когда это необходимо для сохранения благозвучия или во избежание путаницы. Например, при транскрибировании существительного *server* появляется слово «север», что неизбежно приведет к возникновению проблем при понима-

нии, так как указанный вариант имеет сходство с уже существующим в русском языке существительным «север (сторона света)».

Транскрибирование чаще встречается при переводе терминов, получивших широкое применение в сфере информационных технологий: the Internet (интернет), file (файл), interface (интерфейс), computer (компьютер), browser (браузер), design (дизайн). Сюда также относятся: reader (ридер – программа, предназначенная для чтения определенных файлов), Screen-Shot (скриншот – снимок экрана в какой-либо момент времени), torrent – торрент (специальный сетевой протокол для обмена данными).

Использование транскрибирования, как правило, обусловлено необходимостью сохранения благозвучия и адекватности восприятия термина. К примеру, при транслитерации существительного *file* появляется слово «филе», использование которого непременно привело бы к возникновению путаницы, возможно, именно поэтому при переводе данного термина на русский язык предпочтение было отдано транскрипции.

Стоит отметить, что описанные выше переводческие трансформации в некоторых случаях имеют множество общих черт, но в то же время они не являются равнозначными приемами перевода компьютерной лексики и терминологии. Например, несмотря на то, что названия таких компаний как Microsoft и Intel иногда записываются кириллицей, данные переводы отнюдь не являются примерами транслитерации, но представляют собой возможные варианты трансплантации, обязанные своим появлением частотностью употребления в публицистической литературе.

Использование в переводческой деятельности такого приема как трансплантация вызвано, прежде всего, крайней необходимостью сохранить те информационные коннотации, которые несет в себе слово исходного языка. В то время как транскрипция и транслитерация в большинстве своем имеют дело со словами, которые хоть и обладают определенным информационным фоном, абсолютно не теряют его при использовании вышеупомянутых переводческих приемов. Они не усложняют перевод, но в каком-то смысле упрощают его, лишая читающего необходимости «спотыкаться» об иностранные слова и искать их правильное произношение.

Таким образом, использование трансплантации при переводе компьютерной лексики, как правило, обусловлено необходимостью сохранения смыслового фона объекта перевода, узнаваемости международного бренда, использование транскрипции и транслитерации в свою очередь связано с необходимостью сохранения благозвучия.

К ПРОБЛЕМЕ КООПЕРАТИВНОГО И НЕКООПЕРАТИВНОГО ДИАЛОГА

Аннотация. В статье рассматривается кооперативный и некооперативный диалог. Материалом исследования послужил английский художественный текст.

Abstract. The problem of cooperative and non-cooperative dialogue is considered. The material of investigation is English literary text.

Ключевые слова: диалог, кооперативный, некооперативный, речевое общение, пресуппозиция, постпозиция.

Key words: dialogue, cooperative, non-cooperative, communication, presupposition, postposition.

Диалог (греч. Διάλογος – разговор, беседа двух людей) в *обыденном смысле* – литературная или театральная форма устного или письменного обмена высказываниями (репликами) в разговоре между двумя и более людьми; – в *философском и научных смыслах* – особая форма и организация общения, коммуникации. Традиционно противопоставляется монологу [1].

Именно так определяет диалог большинство исследователей.

Диалог представляет собой весьма сложную структуру, имеет собственную градацию и являет собой широчайшее поле для исследований [2]. В настоящее время становится актуальным понятие «некооперативный диалог». Изначально, подразумевая классический диалог, мы имеем в виду, кооперативный диалог, т.е. диалог, в котором все стороны приходят к некоей кооперации, и участники диалога удовлетворены результатом общения. Вот пример типичного кооперативного диалога:

«“Hello,” she said, holding up a stack of toast, which she was carrying in a napkin. “I brought you this... Want to go for a walk?”

“Good idea,” said Harry gratefully.»

(J.K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire.)

Как видно из диалога, обе стороны пришли к взаимному согласию, т.е. кооперация состоялась, как и сам диалог.

Соответственно, некооперативный диалог – это несостоявшийся диалог, либо диалог, не приводящий ни к чему, либо приводящий к конфликту сторон.

Например:

«If Dad hadn't said anything, old Rita would just have said it was disgraceful that nobody from the Ministry had commented,» said Bill, who was playing chess with Ron. «Rita Skeeter never makes anyone look good. Remember, she interviewed all the Gringotts' Charm Breakers once, and called me 'a long haired pillock'?»

«Well, it is a bit long, dear,» said Mrs. Weasley gently. «If you'd just let me—»

«No, Mum.»»

(J.K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire.)

Прерванные диалоги, аналогично, можно отнести к некооперативным. Интересными формами прерванных являются диалоги, в которых диалог прерывается решительным действием одной из сторон, например:

«Boys, boys...» said Mr. Weasley vaguely. «I'm trying to think what to do... Yes... only way... Stand back, Harry.» Harry retreated to the sofa. Uncle Vernon, however, moved forward.

«Wait a moment!» he bellowed at the fire. «What exactly are you going to—»

BANG.

The electric fire shot across the room as the boarded up fireplace burst outward, expelling Mr. Weasley, Fred, George, and Ron in a cloud of rubble and loose chippings. Aunt Petunia shrieked and fell backward over the coffee table; Uncle Vernon caught her before she hit the floor, and gaped, speechless, at the Weasleys, all of whom had bright red hair, including Fred and George, who were identical to the last freckle.»

(J.K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire.)

Как правило в некооперативном диалоге можно выделить наиболее часто встречающийся случай, когда одна из сторон не заинтересована в продолжении диалога, либо в продолжении действия, которое может произойти. Это отчётливо демонстрируют два последних приведённых примера, где одна из сторон целенаправленно прерывает общение.

Кооперативные и некооперативные диалоги бывают весьма тесным образом связаны между собой – т.е. кооперативный диалог может стать некооперативным, и наоборот, изначально некооперативный диалог, усиленным одной из сторон может стать кооперативным.

Мы называем первый случай – инверсией кооперативного диалога (в дальнейшем ИКД) и восстановленный некооперативный диалог (ВНД). Особенно яркий пример последнего хотелось бы привести отдельно:

«Great,» said Harry bitterly. «Really great. Tell him from me I'll swap any

time he wants. Tell him from me he's welcome to it... People gawping at my forehead everywhere I go..."

"I'm not telling him anything," Hermione said shortly. "Tell him yourself. It's the only way to sort this out."

"I'm not running around after him trying to make him grow up!" Harry said, so loudly that several owls in a nearby tree took flight in alarm. "Maybe he'll believe I'm not enjoying myself once I've got my neck broken or—"

"That's not funny," said Hermione quietly. "That's not funny at all." She looked extremely anxious. "Harry, I've been thinking—you know what we've got to do, don't you? Straight away, the moment we get back to the castle?"

"Yeah, give Ron a good kick up the—"

"*Write to Sirius.* You've got to tell him what's happened. He asked you to keep him posted on everything that's going on at Hogwarts... It's almost as if he expected something like this to happen. I brought some parchment and a quill out with me—"

"Come off it," said Harry, looking around to check that they couldn't be overheard, but the grounds were quite deserted. "He came back to the country just because my scar twinged. He'll probably come bursting right into the castle if I tell him someone's entered me in the Triwizard Tournament—"

"*He'd want you to tell him,*" said Hermione sternly. "He's going to find out anyway."

"How?"

"Harry, this isn't going to be kept quiet," said Hermione, very seriously. "This tournament's famous, and you're famous. I'll be really surprised if there isn't anything in the *Daily Prophet* about you competing... You're already in half the books about You-Know-Who, you know... and Sirius would rather hear it from you, I know he would."

"Okay, okay, I'll write to him," said Harry, throwing his last piece of toast into the lake. They both stood and watched it floating there for a moment, before a large tentacle rose out of the water and scooped it beneath the surface. Then they returned to the castle.»

(J.K. Rowling. Harry Potter and the Goblet of Fire).

Как мы видим из приведённого примера, данный ВНД имеет весьма ярко-выраженную динамику, в которой одна из сторон совершенно агрессивно не желает продолжать диалог, и следовать советам, в то время как вторая сторона тактично пытается продолжать диалог, что впоследствии приводит к восстановлению всего диалога в целом, т.е. стороны приходят к консенсусу. Необходимо также отметить, что в данном диалоге особую роль играет пресуппозиция и постпозиция сторон по отношению друг к

другу, т.е. дружественная препозиция говорящих, заранее даёт им больше возможностей к кооперативному диалогу, и если даже происходит некооперативный диалог – больше шансов к его восстановлению.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества.– М.: Искусство, 1979.
2. Мартемьянов Ю.С. К формализации способов речевого воздействия // Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов.– М., 2004.
3. J.K. Rolling Harry Potter and the Goblet of Fire.– Bloomsbury, 2000.

ЭПИГРАММА И ЛИМЕРИК В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются сходства и различия эпиграммы и лимерика. Являясь текстами малого поэтического жанра, они имеют определенное сходство в структурно-семантическом плане, несмотря на существенные различия содержания.

Abstract. This article deals with two literary forms. Being very popular form of short, humorous verse, often nonsensical and frequently ribald both epigram and limerick have homogeneous features and some peculiarities.

Ключевые слова: эпиграмма, лимерик, структура, рифма, поэтическая строка, бессмыслица.

Key words: epigram, limerick, structure, rhyme, poetic line, nonsense verse.

Классическая английская эпиграмма и английский лимерик принадлежат к малым поэтическим жанрам, пристальное изучение которых привлекает не только литературоведов, но и исследователей лингвистики текста. Специфичность эпиграмматического текста, точно также как и лимерика, составляет ее внешняя структура и семантическая наполняемость. В связи с этим, считаем целесообразным сопоставить тексты обоих жанров.

Немаловажно отметить, что тексты обоих жанров исторически выделяются среди других жанров своим содержанием. Так, английская классическая эпиграмма, имеющая многовековую историю, славится своим сатирическим наполнением, однако это ее не единственная характерная особенность. М.Л. Гаспаров в литературной энциклопедии терминов и понятий определяет эпиграмму следующим образом: «(греч. *epigramma* – надпись) короткое лирическое стихотворение произвольного содержания (сперва – посвятительные надписи, потом – эпитафии, поучения, описания, любовные, застольные, сатирические стихи)» [2].

Влияние творчества Джона Оуэна (1561–1628), выдающегося английского эпиграмматиста, представителя неолатинской поэзии эпохи зрелого Возрождения, продолжателя сатирической эпиграмматической традиции Марциала, явилось определяющим для всей европейской эпиграмматики до конца XVIII в.

Диапазон сатирического высмеивания в XVIII в. был предельно широк: конституционная монархия в Англии допускала появление эпиграмм, в том числе и на царствующие лица. В начале XIX в. сатира на монархию достигла своей вершины, благодаря появлению революционного поэта Байрона [1, 25].

В отличие от эпиграммы, заимствованного из античности литературного жанра, существовавшего изначально в переводах, лимерик – это поэтическая форма характерная для английского языка как не для какого другого. Цитата Луиса Антермейера в «The Lure of the Limerick» отчетливо это демонстрирует: «Лимерик теряет все свои качества и посыл, будучи профильтрованным через другой язык» [5, 20]. Если эпиграмма обладает определенной академичностью содержания, то лимерик – это истинно фольклорный жанр. Известный фольклорист Дж. Легман во вступительной части своего исследования утверждает, что «лимерик является и был изначально непристойным стихотворением» [7, 7]. Он называет содержание «чистого» лимерика скучным, а рифму – искусственно изошренной. С его точкой зрения нельзя не согласиться, поскольку долгое время лимерик оставался исключительно формой народного творчества и передавался из уст в уста, будучи особенно востребованным в питейных заведениях, отсюда и особенности его содержания.

Однако, многие исследователи лимерика не согласны с общепринятой точкой зрения, согласно которой лучшие произведения обязательно обладают непристойным содержанием. В защиту «чистого» лимерика они утверждают, что эта форма является гибкой как по отношению содержания, так и метрического размера.

Большинство существующих эпиграмм насчитывают, как правило, от двух до шестнадцати строк [4, 268]. Несмотря на лаконизм, характерной особенностью эпиграммы является законченность мысли и полная определенность в концовке стихотворения, несущей оценочную нагрузку, так называемый пуант [1, 10].

Двухстрочные эпиграммы отличаются отсутствием полной структурной рамки на поверхностном уровне, заключающемся в неимении вводной и заключительной части [4, 271], представляя собой лишь смысловую центральную часть с концентрацией мысли автора. Однако встречаются эпиграммы с расширенной или полной структурной рамкой, объем которых значительно больше.

В отличие от эпиграмм, лимерик имеет фиксированное структурное построение. Ошибочно полагать, что структурно-композиционная организация данных произведений является «законсервированной» формой [3, 25].

Такой литературоведческий догматизм возник в связи с лимериками знаменитого Эдварда Лира, прославившегося своими бессмысленными стишками. Традиционно, пять строк лимерика имеют следующее содержание: в первой строке называется имярек из названной страны или местности, в последующих – разворачивается главное событие лимерика (необычность героя), в последней – частичное повторение первой строки [1, 55]. Именно такая форма лимерика была популяризирована Лиром и снискала много подражателей.

Однако лимерик в более широком плане, за рамками произведений и многочисленных подражательств Лиру, имеет подчеркнuto эпиграмматическую направленность, поскольку, несмотря на нарочитую бессмыслицу содержания, концовка лимерика призвана удивлять читателя неожиданным поворотом сюжета в пятой строке [5, 30].

Следует отметить, что нередко появлялись лимерики, количество строк которых далеко не соответствовало стандарту формы. Однако важно подчеркнуть, что эксперименты с формой в сторону увеличения количества строк или же их удлинения, сразу подвергались жесткой критике со стороны ценителей и исследователей поэтической формы небезосновательно. «Все изменения такого рода разрушают характер и компактность чистой формы. Не может существовать шестистрочный лимерик точно также как не существует пятнадцатистрочный сонет» [5, 18]. Таким образом, точного определения лимерика до сих пор не существует, однако многие высказывают свои суждения по поводу того, что составляет «хороший лимерик» [6, 75].

Итак, подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что эпиграмма и лимерик, являясь текстами малого поэтического жанра, имеют определенное сходство в структурно-семантическом плане, несмотря на существенные различия содержания, которое для эпиграммы характеризуется законченностью мысли, а для лимерика – нарочитой бессмыслицей. В силу своего крайне малого размера в них невозможно проследить функциональную смысловую зависимость всего содержательного каркаса, которая характеризует произведения большего размера. Несмотря на существующие ограничения формы, эпиграмма и лимерик обладают безграничными возможностями использования рифмы и содержания. Эпиграммы и лимерики славятся своей концовкой, неожиданной рифмой и непредвиденным поворотом авторской мысли в последней строке.

Литература

1. Всемирная эпиграмма: Антология в 4т. Т. I / Сост. В.Е.Васильев. – СПб.: Политехника, 1998. – 864 с.

2. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 стб.
3. Радченко И.О. Сравнительно-сопоставительный анализ английского лимерика и русского садистского стишка в диахронии и синхронии. Перевод лимерика на русский язык. Дис. канд. фил. наук. – М., 2005. – 204 с.
4. Стилистика современного английского языка: Учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / И.Г.Кошечкина. – М.: Академия, 2011. – 352 с.
5. Baring-Gould William S. The lure of the limerick. An unhibited history. – London: Hart-Davis, 1969 – 143 p.
6. Bibby Cyril. The art of the limerick. – London: The research publishing, 1978 – 276 p.
7. Legman G. The limerick: 170 examples with notes, variants and index. – New York: Bell, 1969 – 511 p.

Голякова Ю.Б.

учитель английского языка
МОУ «Лицей № 14» г.о. Жуковский,
Московская область

ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации процесса обучения художественному переводу англоязычных поэтических произведений в начальной школе с целью достижения его наибольшей адекватности.

Abstract. The article deals with the problems of teaching junior pupils the effective ways of English literary translation.

Ключевые слова: практика перевода, англоязычная поэзия, английский язык в школе, начальная школа, перевод поэзии.

Key words: translation practice, English poetry, English language at school, elementary school, translation of poetry.

Проблема организации обучения переводу поэтических произведений при изучении иностранного языка в школе сегодня продолжает оставаться актуальной и методически в рамках учебного процесса решается достаточно разнообразными способами. Однако приоритет при этом отдается обучению в старших классах, в то время как теории и практике изучения поэзии младшими школьниками часто уделяется незаслуженно мало вни-

мания. Считается, что в начальной школе еще рано поднимать проблему воспитания чувства адекватности в переводе художественных текстов. Однако это мнение, как нам кажется, глубоко ошибочно.

Как свидетельствует наш практический опыт, именно в начальных классах весьма интересным и плодотворным представляется использование образцов англоязычной поэзии для достижения ведущих целей обучения, определенных Концепцией модернизации российского образования, новыми Федеральными государственными стандартами образования, реализацией личностно-ориентированного подхода. Следует отметить, что отдельные поэтические произведения предлагаются авторами современных учебно-методических комплектов для I–IV классов по английскому языку, методические аспекты работы над стихотворением анализируются на страницах журнала «Иностранные языки в школе», но системного подхода к изучению английской поэзии и особенностям ее перевода на уроках в начальной школе до сих пор не разработано [1, 19]. Между тем, знакомство с поэтическими произведениями стран изучаемого языка и их перевод способствуют духовному обогащению младших школьников, развитию их этических взглядов и эстетического вкуса, учат их видеть красоту человека и природы, содействуют формированию художественного вкуса, помогают воспитывать высокие нравственные качества. Изучение и перевод английской поэзии стимулируют познавательную активность школьников, развивают их мышление, знакомят их с культурой народа, язык которого они изучают, развивают мотивацию к дальнейшему изучению иностранного языка. Приобщение к лучшим образцам детской иноязычной поэзии способствует преодолению национального культуроцентризма и расширяет кругозор учащихся уже в самом раннем возрасте [2].

Работа с художественным поэтическим текстом как вид деятельности также дает огромную возможность для развития и укрепления первых навыков речевого общения и развития навыков самостоятельной работы с текстом. Этот вид работы можно использовать как на уроках, так и во внеклассной деятельности – на занятиях кружков, при проведении литературных вечеров и различных внеклассных мероприятий. Возможно планировать интегрированные уроки или даже серии уроков, а также межпредметные мероприятия совместно с другими учителями начальной школы и родителями, включая в учебно-воспитательный процесс элементы таких предметов, как «Чтение», «Русский язык», «Окружающий мир», «Музыка», «Изобразительное искусство» и др. [3, 15].

Практика показывает, что обучать правильному переводу художественных поэтических текстов, чувству эквивалентности перевода младших

школьников не просто можно, но и необходимо. В основе развивающих и учебно-воспитательных задач таких занятий лежит овладение учащимися целым рядом компетенций: понимать содержание прослушанного или прочитанного стихотворения; воспринимать идейно-эмоциональное содержание стихотворения; выделять тематику поэтического произведения и видеть ее связь с общественным развитием; понимать национально-культурную специфику произведения в сравнении с особенностями родной культуры; творчески переосмысливать, переводить и рифмовать полученный текст на родном языке.

Основная развивающая задача подобных занятий заключается в том, чтобы пробудить у учащихся интерес к критическому и аналитическому восприятию поэтического произведения, естественно, на доступном для возраста младших школьников уровне. Не менее важно научить школьников младшего возраста самостоятельно формулировать свою точку зрения по предлагаемой автором стихотворения проблематике. Ведь в английской детской поэзии присутствуют понятные и интересные детям темы и проблемы. И это облегчает задачу перевода в контексте его эквивалентности.

Образовательная задача таких занятий направлена на формирование у учащихся представления об англоязычной поэзии как составной части мировой культуры. Воспитательная задача заключается в привитии учащимся любви к иноязычной поэзии, поэзии в целом, изучаемому языку, обогащении духовного мира ребенка. Конечная цель занятий по изучению иноязычной поэзии и обучению ее переводу нам видится в том, чтобы научить младших школьников читать наизусть, художественно и литературно переводить (с учетом национально-культурных особенностей) и интегрировать оригинальный текст поэтического произведения.

Многие исследователи утверждают, что иноязычная поэзия непереводаема, что перевод обедняет языковую, содержательную и культурную насыщенность художественного произведения, а иногда и полностью нивелирует ее. Однако С.Я. Маршак, один из талантливейших российских переводчиков, справедливо утверждал, что эквивалентный перевод лирического стихотворения всегда представляет собой исключение из правил. Его творчество великолепно подтверждает данный факт.

Мир английских народных стихов для детей привлекает внимание своей доступностью для младших школьников, музыкальностью, необычными сравнениями и метафорами, юмором. Одно из наиболее удачных изданий для организации обучения эквивалентному переводу и работе с иноязычной поэзией в школе, на наш взгляд, это сборники из серии «Mother

Goose Rhyme» («Стихи Матушки Гусыни»). Его современные издания насчитывают около 700 детских стихов [4].

Успехи, которых достигают младшие школьники в процессе перевода англоязычной поэзии на наших уроках, говорят о том, что перевод доступен и крайне интересен для обучаемых данного возраста. Конечно, он происходит в тесном сотрудничестве учащихся, педагога и родителей, но постепенно – становится все более и более самостоятельным и качественным. Приведем пример. Для этого обратимся к известному английскому стихотворению «Three little kittens» в оригинале, в переводе С.Я. Маршака и одного из наших учащихся (см. Таблицу 1).

Таблица 1

«Three little kittens»

Three little kittens Lost their mittens And they began to cry: - Oh, mother dear! We very much fear That we have lost our mittens! - Lost your mittens, You naughty kittens! Then you will have no pie, Three little kittens Found their mittens, And they began to cry - Oh, mother dear See here! See here! See, we have found our mittens - Oh, you are good kittens! Put on your mittens And you will have some pie, But I smell a rat close by, Good bye.	

<i>Перевод С.Я.Маршака:</i> Потеряли котятки На дороге перчатки, И в слезах прибежали домой: - Мама, мама, прости, Мы не можем найти, Мы не можем найти перчатки! - Потеряли перчатки? Вот дурные котятки! Я вам нынче не дам пирога. Мяу-мяу, не дам, Мяу-мяу, не дам, Я вам нынче не дам пирога! Побежали котятки, Отыскали перчатки, И, смеясь, прибежали домой. - Мама, мама, не злись, Потому что нашлись, Потому что нашлись, перчатки! - Отыскали перчатки? Вот спасибо, котятки! Я за это вам дам пирога, Мур-мур-мур, пирога, Мур-мур-мур, пирога, Я за это вам дам пирога!	<i>Перевод ученика 4-го класса:</i> У крошек-котят Потерялись перчатки, И заплакали горько котятки: - Ты нас мама, прости! Не смогли мы найти..., Потеряли мы наши перчатки. - Потерялись перчатки? Вот растяпы-котятки! Я не дам вам тогда пирога! Карапузы-котятки Отыскали перчатки, И закричали котятки: - Мама-мам, не кричи, Потому что нашли! Посмотри, мы нашли все перчатки! - Вы нашли все перчатки? Молодчины, котятки! Одевайте скорее на лапки, Я вам дам пирога, Но попозже, Пока... Поохочусь за мышкой я, Ну а всем – до свидания!

На наш взгляд, детский перевод стихотворения не только сделан на достаточно высоком уровне, но в некоторых моментах (особенно в начальных и конечных строках произведения), если говорить об эквивалентности, даже во многом более достоверен и приближен к оригиналу. Иногда мы даже не подозреваем, какой огромный потенциал имеют младшие школьники, когда изучаемый материал им близок и интересен, когда работа над ним захватывает от начала до конца – как это происходит при изучении и переводе детской поэзии.

Перечислим основные моменты, на которых строится процесс работы над отдельным поэтическим произведением и обучение эквивалентности перевода:

1. В центре внимания всегда находится ученик с его потребностями, мотивами, интересами, а также такие виды деятельности, которые помогают ему учиться с радостью, творчески и видеть результаты своего труда.

2. Работа строится как процесс взаимодействия учителя и учащихся, учеников друг с другом, учеников и родителей, активизируя гуманистические взаимоотношения, стремление к соучастию и взаимопомощи.

3. Используется дифференцированный подход, предполагающий учет уровня обученности школьников, который реализуется через:

- использование материала разного уровня трудности (например, индивидуальная работа с раздаточным материалом (заданиями к стихотворению), когда каждый ученик получает возможность работать в соответствии с уровнем языковой подготовки);

- использование опор различной степени развернутости (иллюстрации – в т.ч. в интерактивном виде, ключевые слова с переводом, выражения, русские переводы стихотворения, чтение по ролям, игровые постановки и т.д.);

- учитывается разный объем знаний учащихся по анализу выученного стихотворения и применяются разные способы контроля.

Работа над стихотворением обязательно предваряется сообщением учителя об особенностях творчества поэта (если произведение авторское), историей стихотворения, культуроведческим комментарием и сравнением с отечественной культурой, ознакомлением с новыми словами, что мотивирует учащихся к дальнейшей дискуссии и более углубленному изучению материала. После прослушивания и первичного восприятия стихотворения обучаемые обязательно выполняют серию креативных упражнений, направленных на контроль понимания содержания, интерпретацию и осмысление текста на основе собственных оценочных установок и традиций родной культуры, ролевое выразительное чтение. Обязательно используется проектная деятельность – создание построчного иллюстрированного ряда к стихотворению, создание компьютерных презентаций, конкурсы самостоятельных художественных переводов произведений, ролевые костюмированные постановки и др. Все это позволяет осмыслить каждый компонент произведения, снять языковые трудности, расширить языковой запас учащихся, усвоить грамматические структуры, постичь культурологические реалии страны изучаемого языка в доступном для детей формате, повторить и активизировать многие программные темы и достичь максимальной адекватности перевода стихотворения, понимания важности данного процесса самими учениками.

Как показывает наш опыт работы, все это способствует вовлечению всех учащихся в активную учебную деятельность по овладению необходимыми знаниями, навыками, умениями адекватного, художественного перевода поэзии, а также увеличивает время активной работы учеников, что

позволяет в средней и старшей школе осуществлять данную деятельность на более качественном и продуктивном уровне.

Литература

1. Камаева Т.П., Карпова Л.В. и др. Поэзия на уроке иностранного языка: современные подходы к обучению чтению // Иностранные языки в школе. – М.: ИЯШ. – 1996. – № 3. – С. 19–27.
2. Рачок Т.П. Работа над стихотворениями на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. – 1999. – № 2. – С. 15–18.
3. Гаврилова М.В., Попова С.Е. Обучение художественному переводу – проблемы и пути решения // Социальная сеть работников образования NSPortal.Ru: Блог преподавателя М.В.Гавриловой. – 2012. – URL: <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/blog/obuchenie-khudozhestvennomu-perevodu-problemy-i-puti-resheniya>.
4. Mother Goose Rhyme/ Ed. by Opie I. – London: Chronicle Books, 2010. – 750 p.

Иванова Н.А.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

ДОСТИЖЕНИЕ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ РЕАЛИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы отражения в языке материальной и духовной культуры национальной общности, а также способы передачи слов-реалий русского языка на немецкий и французский языки.

Abstract. The article deals with the national culture problems, i.e. the ways of translation Russian words with no direct equivalents into German and French.

Ключевые слова: слова-реалии, национальная культура, переводческие трансформации, приемы перевода, адекватность перевода.

Key words: national culture, translation transformations, ways of translation, translation adequacy.

Существует давняя традиция изучения языка в тесной связи с изучением сведений о стране, обслуживаемой данным языком. Лексика каждого национального языка представляет собой своеобразную систему, отражающую многовековой опыт познания окружающей действительности определенной этнической общности. Все особенности жизни народа находят

отражение в языке нации. Слова-реалии отражают специфику определенной культуры, обусловленную структурой материальных и духовных ценностей, сложившейся в процессе развития данной культурной общности.

При переводе происходит переход от одного языка к другому, при этом на нескольких уровнях взаимодействуют разные картины мира. Такими уровнями можно считать структурный уровень (грамматические и когнитивно-семантические структуры) и лингвокультурологический уровень [3, 37]. Лингвокультурологическому уровню присущ лингвострановедческий компонент, который актуализируется в семантических комплексах, имеющих национальную специфику. Такие семантические комплексы получили название реалий. Термин «реалия» обычно употребляется расширенно для обозначения всех слов, маркированных в национальном плане. В статье предпринимается попытка проанализировать, как русская национальная действительность, отображенная в текстах художественных произведений, находит выражение в переводах на немецкий и французский языки.

В самом деле, процесс перевода «пересекает» не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры. При сопоставлении языков национально-культурные различия проявляются фактически на всех уровнях, но особенно ярко – на лексическом и фразеологическом. С одной стороны, этнические языковые элементы, содержащиеся в тексте художественного произведения, затрудняют восприятие его представителями другой культуры. С другой стороны, их разъяснение может дополнить образ мира инокультурного реципиента, помогая ему проникнуть в другую культуру и понять инокультурный текст.

Литературные произведения, являясь фактом национальной культуры, помимо заключенного в них идейно-художественного содержания, непременно отражают особенности конкретной национальной культуры. Специфичность слов-реалий приобретает особое значение, поскольку они обозначают предметы, объекты и явления, характерные лишь для определенного народа. Термин «реалия» имеет двойственную природу: это и предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова, и слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта [4, 89]. Итак, языковое выражение реалии находят в словах и словосочетаниях – в языковых реалиях.

Язык как достояние всех говорящих на нем, в силу кумулятивной функции является подлинным зеркалом национальной культуры [2, 14]. Одним из явлений, свидетельствующих о взаимосвязи национального языка и национальной культуры, являются языковые реалии, которые можно рассма-

тривать как средства вербального выражения специфических черт национальной культуры. Особую трудность при общении с носителями другого языка, а также при переводе текстов представляют, как известно, языковые единицы с ярко выраженной национальной спецификой, не имеющие эквивалентов в другом языке. К таким единицам в первую очередь относятся слова-реалии. Слова-реалии отличаются от прочих слов связями с реальным миром и отражают в своей совокупности специфику определенной культуры, обусловленную особой структурой материальных и духовных ценностей, сложившейся в процессе становления и развития данной культурно-генетической общности.

Основным средством, позволяющим достичь адекватности перевода, являются переводческие трансформации (преобразования). Существенный вклад в разработку типологии переводческих трансформаций внёс Л.С. Бархударов. Он исходит из того, что переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков [1, 130]. Переводческие трансформации производятся с тем, чтобы текст перевода с максимальной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм ПЯ. Приемы перевода языковых реалий в общей сложности сводятся к следующим: 1) транскрипция/транслитерация; 2) калькирование; 3) описательный (разъяснительный) перевод; 4) приближенный (уподобляющий) перевод; 5) элиминация национально-культурной специфики. Реально в процессе перевода они носят смешанный характер, объединяя в себе признаки различных структурно-уровневых и содержательных трансформаций.

Обратимся к конкретным примерам из разряда бытовых реалий, взятых из произведений художественной литературы.

Вот несколько примеров перевода на немецкий язык.

Однажды вероучитель опоздал придти в обычный час, и мы, думая, что он уже не придет, устроили маленький пир, купив бутылку *водки*, хлеба и огурцов. (Горький 1969: 529)

Einmal erschien unser Glaubenslehrer nicht puenktlich zu ueblichen Zeit. Wir dachten schon, er wuerde ueberhaupt nicht mehr kommen, und goennten uns ein kleines Gelage: wir kauften eine Flasche *Wodka*, Brot und Gurken. (Gorki 1953: 37) (транслитерация).

Ещё красного *борица* со свининой. И хорошего вина выпила бы. (Ажаев 1953: 343)

Auch *Roteruebensuppe* mit Schweinefleisch und guten Wein dazu trinken (Ashajew 1950: 137) .(приближенный/уподобляющий перевод).

Я слово сдержу. Я умею на хлебе с *квасом* целые месяцы просидеть, потому что у меня есть характер. (Достоевский 1986: 263)

Ich werde Wort halten. Ich kann monatelang von Brot und *Kwas* leben, denn ich habe Charakter. (Dostojewski 1995: 217)

В этом примере название русского национального напитка транслитерируется, а в примечаниях переводчика дается объяснение этого понятия: *Kwas*: moussiedendes Getraenk, das mit getroknetem Schwarzbrot angesetzt wird.

А вот пример разных переводов одного и того же предложения:

Встречаю Залёжнева, тот не мне чета, ходит как прикащик от парикмахера, и лорнет в глазу, а мы у родителя в смазных сапогах да на *постных щах* отличались. (Достоевский 1985: 283)

Un' dann begegne ich Saljoshnew, der ist 'ne ganz andere Sorte als ich, der sieht aus wie 'n Frisoergehilfe, traegt Monokel, wir aber hatten vom Vater aus Schmietstiefel an un' mussten *Fasten-Stschi* loeffeln. (Dostojewski 1995: 251)

Второй вариант:

Wenig spaeter traf ich Saljoshew, der war von einer anderen Sorte, als ich, geschiedelt wie ein Friseurgehilfe, ein Monokel im Auge, waerend wir unter dem strengen Regime meines Vaters in geschmierten Stiefel gingen und *Kohl-suppe* assen. (Dostojewski 1986: 269)

В первом примере словосочетание «постные щи» передается в переводе сложным существительным «Fasten-Stschi», таким образом, первая часть слова калькируется, а вторая транслитерируется. В примечаниях переводчика дается объяснение понятию «щи»: *Stschi*: russ. Kohl- oder Sauerkrautsuppe mit Fleisch, in der Fastenzeit (oder aus Not und aus Sparsamkeit auch ohne Fleisch). Во втором варианте переводчик использует прием описательного перевода: У немецкого читателя при слове «Kohlsuppe» не возникает понятия о том, что «щи» – типично русская еда.

Приведем примеры перевода на французский язык.

Однако что за черт! Ведь сегодня голодная кутья, а он ест *вареники, вареники скоромные!* (Гоголь 1974: 124)

Mais le diable! Le careme n'est pas fini, et lui, il mange *des vareniki au gras*. (Gogol 1985: 97)

Для перевода используется транслитерация + калькирование.

Хозяйка *щей* ему в тарелку налила, да как глянула, с какой он жадностью ест, так и залилась (Шолохов 1960: 43)

La femme de mon copain lui a verse une assiette de *soupe aux choux*, et, a le voir devorer, elle a verse sa larme (Cholokhov 1986 : 301)

В данном примере используется приближенный/ уподобляющий перевод.

А в два часа сели обедать. Была среда, день постный, и потому бабушке подали *постный борщ* и леща с кашей. (Чехов 1971: 336)

A deux heures on se mit a table. C'était mercredi, un jour maigre, c'est pourquoi on servit a la grand-mere du *borchtsch maigre* et du breme au gruan (Tchekhov 1985: 234)

Здесь переводчик использует для перевода языковой реалии транслитерацию + калькирование.

Подведем некоторые итоги. В языке перевода высок удельный вес слов, обозначающих типичные явления жизни, описываемые в оригинале, и не являющихся типичными для жизни народа – носителя языка перевода. Слова-реалии характеризуют определенную культурно-этническую общность в самых разнообразных аспектах. Они фиксируют в языковой памяти данного народа важнейшие понятия, особенности жизни народа, страны, которые находят отражение и надежно хранятся в языке. В текстах художественных произведений: слова-реалии являются одним из наиболее ярких средств выражения национального своеобразия. На примерах были показаны основные способы представления реалий русской этнокультуры в переводах художественных произведений на немецкий и французский языки: транслитерация и транскрипция, лексическое калькирование, описательный или разъяснительный перевод, приближенный или уподобляющий перевод, примечания переводчика. Из совокупной национально-специфической информации, передаваемой в тексте подлинника с помощью слов-реалий, лишь часть её воспроизводится в тексте перевода, а остальная элиминируется или заменяется на неспецифическую. Анализ приведенных примеров показал, что ни один из способов передачи слов-реалий русского языка на немецкий и французский языки не является идеальным, каждый из них имеет как свои достоинства, так и недостатки. Только использование всей гаммы приемов, часто в дополнение друг к другу, позволяет успешно решать переводческие задачи и достигать адекватности перевода. Переводчикам необходимо осуществлять лингвострановедческое комментирование лексики, учитывая роль слов-реалий в художественном произведении, их функционально-стилистическую значимость.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Международные отношения, 1975. – 238 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 246 с.

3. Миронова Н.Н. Адекватность перевода реалий как признак компетентности// Коммуникативные аспекты лингвистики, перевода и методики преподавания иностранных и родного языков. – Курск: Курский государственный технический университет, 1998. – С. 37–38.
4. Нелюбин Л.Л. Переводоведческий словарь. Учебное пособие. – М.: Издательство МПУ «Сигнал», 1999. – 137 с.

Список использованных художественных произведений

1. Ажаев В. Далеко от Москвы. Роман в трех книгах. Книга вторая. – М.: Советский писатель, 1953.– С. 265–518.
2. Гоголь Н.В. Ночь перед рождеством // Гоголь Н.В. Избранные повести. – М.: Правда, 1974. – С. 100–143.
3. Горький М. Мать. Роман. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1969. – 256 с.
4. Достоевский Ф.М. Идиот. Роман в 4-х ч.- Вильнюс: Vaga,1985.– 591 с.
5. Чехов А.П. Невеста // Чехов А.П. Избранные произведения в 3 т. Том 3. Повести и рассказы. Пьесы.– М.: Художественная литература, 1971.– С. 229–246.
6. Шолохов М. Судьба человека.– М.: Гос. изд. художественной литературы, 1960. – 47 с.
7. Ashajew W. Fern von Moskau. Roman in drei Büchern. Zweites Buch.– Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1950.– 460 S.
8. Cholokhov M. Le destin d'un homme // Classiques russes et soviétiques.- Moscou: Editions "Radouga", 1986.– P.P. 261–305.
9. Dostojewski F. Der Idiot. Roman in 4 Teilen. Dt. von Harmuth Herboth.– Berlin: Weimer: Aufbau, 1986. – 598 S.
10. Dostojewski F. Der Idiot. Roman aus dem Russischen von S.Geier.- Ammann Verlag, Zuerich, 1995.– 602 S.
11. Gogol N. La nuit de Noel // Lectures russes. Classiques du XIXe siècle.– Moscou: Editions "Radouga", 1985.– P.P.75–116.
12. Gorki M. Die Mutter. Roman.– Aufbau-Verlag Berlin, 1953.– 472 S.
13. Tchekhov A.P. La fiancée // Lectures russes. Classiques du XIXe siècle.- Moscou: Editions "Radouga", 1985.– P.P.226–238.

РОЛЬ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПО ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Аннотация. Важность изучения терминологии в современном мире неоспорима, т.к. терминология является, с одной стороны, связующим звеном между различными областями знаний, а, с другой, – способствует четкому разграничению понятий. Ее исследованием занимаются как лингвисты, так и терминологи – представители различных областей науки и техники. Данная статья уделяет особое внимание юридической терминологии.

Abstract. The importance of terminology in the contemporary world is out of question. On the one hand, it is a connecting point of different branches of science and terminology. On the other hand, it stimulates a strict differentiation of notions. Both linguists and terminologists make research work in all spheres of our life. This article deals with the problem of law terminology.

Ключевые слова: термин, правовая система, законодательный акт, синоним, однозначность, общее законодательство.

Key words: term, law system, law act, synonym, monosemantics, common law.

Важность изучения терминологии в современном мире неоспорима, т.к. терминология является, с одной стороны, связующим звеном между различными областями знаний, а, с другой, – способствует четкому разграничению понятий. В связи со стремительным научно-технологическим прогрессом представляется необходимым уделять должное внимание терминологическому аппарату различных наук. Терминология не стоит на месте, она постоянно развивается, расширяет свои границы. Ее исследованием занимаются как лингвисты, так и терминологи – представители соответствующих областей науки и техники. Несмотря на все возрастающую значимость в современном мире правовой науки и разнообразие сфер ее применения, юридическая терминология как в русском, так и в английском языке исследована в недостаточной степени. В данной статье проводится анализ состояния юридической терминологии на примере английского и русского языка на современном этапе ее развития. Юридическая терминология характеризуется большим разнообразием сфер применения по сравнению с другими терминосистемами. Проводить исследование си-

стем юридических терминов и понятий в английском и русском языках довольно сложно, т.к. приходится иметь дело не столько с самими терминами, сколько с разными правовыми системами. Словарное соответствие часто не дает правильного представления о лексической единице, т.к. за аналогичными терминами в двух языках стоят разные понятия или разный объем значения близких по смыслу понятий. Например, “prosecutor” означает «прокурор», однако функции этих фигур в системах американского и российского права не совпадают. Р.К. Миньяр-Белоручева считает, что «правильное решение на перевод термина возможно только при знании эквивалентов двух языков и умении выделить обозначаемый денотат из окружающей действительности [5].

В.М. Лейчик указывает на то, что обеспечение полной однозначности («один термин – одно понятие») практически недостижимо [4].

Специальные юридические термины, как правило, лаконично и относительно точно обозначают понятия, применяемые в юриспруденции («истец», «судимость», «неустойка», «дознание» и т.д.). Применяются они для обозначения особых понятий и только в юриспруденции. Многие термины, которые были созданы законодателями и первоначально являлись чисто юридическими, в дальнейшем широко распространились в быту, в художественной литературе, активно применяются за пределами юриспруденции («преступник», «закон», «алименты» и т.д.). Они перестали быть собственно юридическими, превратились в обыденные.

Для более четкого описания юридических терминологических систем необходимо разработать классификацию терминов данной предметной области. Обратимся к фундаментальному исследованию «Юридическая терминология: формирование и состав» С.П. Хижняка, в котором дается классификация признаков, предъявляемых к термину юристами. По мнению автора, термин должен быть:

1) единым, т.е. употребляться в данном законе или ином нормативном акте в одном и том же смысле, быть однозначным в пределах единой системы;

2) общепризнанным, а не изобретенным законодателем только для данного случая, недопустимо использование термина в каком-то особом смысле;

3) стабильным, т.е. смысл и значение термина не должны изменяться в зависимости от контекста;

4) логически связанным с другими терминами данной системы;

5) соотносенным с профессиональной сферой употребления [7].

Английская правовая система имеет богатую и содержательную исто-

рию своего развития, в ходе которого выделилась самостоятельная, весьма большая правовая семья, получившая в настоящее время название – система Общего права.

Обычай, доктрина и разум играют определенную роль в правовой жизни Англии. Само Общее право характеризуется в Англии как выражение разума. Общее право распространилось по миру и стало одной из крупнейших правовых систем. Правовая терминология отделялась от общего языка. Слова, перешедшие в правовую сферу из повседневного общения, постепенно все больше обособливались, получая свою собственную, понятную только профессионалам дефиницию. В английской терминосистеме сохранилось достаточно большое число прямых латинских заимствований, что свидетельствует о важности правовых понятий, привнесенных в английское право из римского права. Норманнское завоевание было другим важным фактором, окончательно изменившим все англосаксонское право, а вместе с ним и язык, его обслуживающий. Англосаксонские юридические термины, сохранившиеся после первого потока прямых латинских заимствований, были практически полностью вытеснены из употребления французскими аналогами. В современной англоязычной юридической терминологии сохранились такие французские заимствования, как: *carte blanche*; *droit*; *autrefois acquit*; *rapprochement* и др. Важно отметить, что французский язык стал проводником опосредованных латинских заимствований, обозначающих основные понятия прецедентного права, например: *justice*; *accuse*; *cause*; *jury*; *plead*; *heritage*; *marriage*; *prison*; *appeal*; *felony* и др.

В составе англоязычной юридической терминологии наблюдается наличие составных комбинированных терминов, одна часть которых является прямым латинским заимствованием, а другая – английским термином или ассимилированным заимствованием, например: *pro forma letter*; *ad valorem duty*; *writ of habeas corpus*; *action in rem*; *guardian ad litem* и др.

Помимо всего прочего, в англоязычной юридической терминологии обнаружено довольно большое количество терминов-интернационализмов. К ним относятся термины греко-латинского происхождения, например: *sodomy*; *prostitution*; *doctrine*; *precedent* и др.

Говоря об англоязычной юридической терминологии, нельзя не упомянуть о синонимии в ней. Принято считать, что в терминологии может существовать только абсолютная синонимия. Она является результатом «столкновения» в терминосистеме заимствований и терминов, образованных на базе родного языка или калек, например, *mercy killing* – *euthanasia*; *seizure* – *forfeiture*; *deceit* – *false representation* и др. Иногда абсолютные си-

нонимы отличаются только синтаксической структурой, например, Natural Law – Law of nature; Substantial Law – Law of substance и др.

Одним из источников синонимии в англоязычной юридической терминологии являются эвфемизмы, которые наблюдаются в сфере образования терминов со значением преступления (killing – deprivation of life – blood) или в случае, когда упоминание одного из слов избегалось в древних временах, например, death penalty – capital punishment, capital case, capital offence, capital sentence.

В англоязычной юридической терминологии отмечаются абсолютные синонимы, образовавшиеся при «столкновении» в терминосистеме уже устоявшихся терминов и номинантов, перешедших в терминосистему из профессионального сленга (hijacking – air piracy; white knight – potential merger partner), что объясняется такой особенностью прецедентной правовой системы, как ее большая демократичность по сравнению с кодифицированной.

Не все юридические термины являются абсолютными синонимами или дублетами. Так, если сравнить определения таких терминов, как “murder” и “assassination”, то сразу становится понятным, что “assassination” употребляется только в тех случаях, когда речь идет об убийстве при помощи наемных убийц. Ярким примером может послужить наличие в англоязычной юридической терминологии нескольких терминов, обозначающих понятия «иск»: “action”, “complaint”, “claim”, “plea”, “lawsuit”. Но не все из них абсолютные синонимы. Термины “suit”, “lawsuit”, “action” и “plea” являются абсолютными синонимами.

Русская же юридическая терминология почти полностью опирается на общеупотребительные слова, что, как кажется, нельзя расценивать в качестве ее преимущества, однако, в работах, посвященных языку законодательства, принцип использования общеупотребительных слов считается вполне приемлемым.

Владение английским языком стало в современном мире обязательным условием успешности профессиональной деятельности специалиста любой области знаний. Не является исключением и сфера права. Более того, англо-американская правовая система, выработавшая в результате своего многовекового развития четкую и стройную систему предъязыка права, установила строгие соответствия между правовыми реалиями и терминами, их выражающими.

Существует насущная необходимость подготовки специалистов, способных точно переводить юридические тексты разных жанров в письменной и устной форме. Без специальных учебников и словарей такая задача

трудно выполняема, поскольку в настоящее время учащимся предлагаются пособия по юридическому переводу, содержащие переводные эквиваленты отдельных терминов и терминологических словосочетаний вне связи с целостными терминосистемами. При этом не ставится задача ознакомиться с различиями между двумя правовыми системами, хотя без изучения соотношения англо-американских юридических терминов с их русскими эквивалентами качественный специальный перевод невозможен. Особенности правовой доктрины сказываются на использовании терминологии, поэтому адекватное понимание терминов возможно только после исследования взаимосвязей внутри каждой терминологической системы.

Литература

1. Английский язык для студентов-юристов “American Civil Procedure”. Учеб. пособие / под ред. Артамоновой Л.С. – М.: ЮРКНИГА, 2006.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1986.
3. Лейчик В.М. Культура термина [Электронный ресурс]. – URL: www.library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0113944.pdf.
4. Лейчик В.М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания, 1981. – №2.
5. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980.
6. Федотова И.Г. Юридические понятия и категории в английском языке: учеб. пособие. Изд. 3-е, перераб. и доп. / И.Г. Федотова, Г.П. Толстопятенко. – Дубна: Феникс+, 2006.
7. Хижняк С.П. Юридическая терминология: формирование и состав. – Саратов, 1997.

Кириллова А. В.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В современном развивающемся обществе большое значение приобретает технический перевод. Данная статья посвящена актуальным проблемам современного технического перевода, таким как: разработка новой терминологии, определение критериев качества перевода и другим.

Abstract. Nowadays technical translation is of high importance. This article deals with actual problems of modern technical translation, developing of new terminology, defining of principles of qualitative translation, etc.

Ключевые слова: технический перевод, терминология, эквивалентность, качество перевода, прием перевода.

Key words: technical translation, terminology, equivalence, quality of translation, principles of translation.

В наши дни технический перевод становится все более актуальными в разных сферах деятельности. **Технический перевод**, являясь разновидностью письменного перевода, включает в себя перевод технических текстов, перевод документации и научно-технической литературы. В связи с возросшим объемом импорта высокотехнологичного оборудования и внедрения новых технологий требуется профессиональный перевод технической документации для грамотной установки и эксплуатации оборудования на производстве. Для организации текущей деятельности необходим перевод технических текстов и научно-технической литературы, который позволяет отслеживать новости в своей сфере и всегда быть в курсе последних достижений инженерной мысли.

Перевод технической литературы достигается другими приемами, чем перевод художественной литературы. Е.В. Бреус сравнивает переводчика художественной литературы с портретистом [Бреус, 2001: 49], добивающимся портретного, а не фотографического сходства Г.М. Стрелковский считает, что переводчик художественной литературы — художник, а переводчик технической литературы — фотограф, качество перевода которого зависит от его технического мастерства [Стрелковский, 1980: 115–116]. Можно сказать, что перевод художественной литературы тяготеет к разделу искусства, а перевод технической — к разделу науки. Из этого следует, что переводчик технической литературы должен хорошо владеть не только соответствующими языками и тематикой, но и научным мышлением, логическими категориями. Я.И. Рецкер выделяет два основных требования, предъявляемые к переводчику технической литературы: а) перевод должен быть точным, т. е. передавать именно то, что содержится в оригинале — не больше, не меньше; б) в переводе должна быть ясность и четкость — независимо от степени ясности подлинника [Рецкер, 1960: 231–233].

Технический перевод имеет свою специфику, и главные его особенности заключаются в необходимости максимально точного описания технологических процессов, грамотном переводе узкоспециализированных терминов и соблюдении соответствующего стиля изложения. Перевод тех-

нической документации, в том числе **перевод текстов инструкций** к оборудованию и документации к программному обеспечению, требует переводческой, лингвистической и профессиональной компетентности.

Переводческая компетентность позволяет делать технический перевод на высоком профессиональном уровне, а лингвистическая компетентность – в совершенстве владеть языковым переводом. При этом основным требованием к переводу технических текстов является профессиональная компетентность и специальные знания в тех областях, к которым относится техническая документация.

Перевод технической литературы – это та сфера переводческой деятельности, в которой профессиональное выполнение работы возможно только высококвалифицированными техническими специалистами, хорошо знающими предметную область и ее специфическую терминологию, в достаточной мере владеющими иностранным языком и умеющими грамотно излагать свои мысли.

Растущая востребованность и колоссальные объемы технической документации, требующей перевода, неизбежно приводят к возникновению ряда проблем.

Во-первых, остро встает необходимость в тщательной проработке новой технической терминологии. Работа с толковыми словарями, географическими атласами, энциклопедиями, поиск в Интернете грамматически и этимологически корректных русскоязычных эквивалентов не всегда представляется заслуживающим внимания для перегруженного работой переводчика. Вот и появляются на свет несуществующие города, герцогства, штаты; перевираются известные фамилии и имена.

Важная особенность современного этапа научно-технического прогресса заключается во взаимном проникновении специальной терминологии из одних областей знаний в другие; в результате этого для перевода технической литературы и документации, например, по системам связи требуется одновременно использовать отраслевые и толковые словари по телекоммуникациям, радиоэлектронике, микроэлектронике, вычислительной технике, экономике и финансам, рекламе и маркетингу и нередко – по средствам массовой информации.

Во-вторых, некачественный перевод в технической сфере, к сожалению, становится привычной нормой. Хотя полки книжных магазинов буквально ломятся от изобилия безумно дорогой переводной научно-технической продукции (в особенности, компьютерной), качество этого товара зачастую оказывается настолько обескураживающим, что грамотному читателю нередко приходится с помощью собственной интуиции мысленно

восстанавливать безнадежно испорченный недобросовестным переводчиком текст оригинала.

Происходит это, главным образом, потому, что заказчику необходимо получить нужный ему перевод побыстрее и подешевле, а ни за что не отвечающий исполнитель, вынужден переводить качество в количество.

Сегодня техническому переводчику, выполняющему письменный перевод, приходится делать свое дело в крайне жёстких условиях: получать и сдавать работу в электронной форме, работать в сверхбыстром темпе, гарантировать точность интерпретации специальной терминологии, самостоятельно искать эквиваленты бесконтекстным аббревиатурам, иностранным наименованиям, непонятным единицам измерений, а также вносить правку по замечаниям заказчика после просмотра им полученного перевода. Основная задача при этом – сохранение высокого качества, обеспечение терминологической корректности и нередко – сохранение формата оригинала, что в свою очередь превращает практически любой перевод в срочный.

Следующая проблема, заслуживающая пристального внимания – это определение действенных и понятных критериев качества технического перевода и процедур профессионального отбора переводчиков. Так как в условиях отсутствия каких-либо стандартов качества довольно легко объявить перевод не соответствующим требованиям заказчика.

В наши дни очень актуально создание творческого сообщества переводчиков, которое помогло бы создать преемственность, способствовало накоплению переводческого опыта в каждой из сфер технического перевода.

Сегодня, несмотря на то, что рынок переводческих услуг очень широк, остро стоит проблема профессионального мастерства переводчиков (и, как следствие, проблема качества технического перевода). Переводчик, занимающийся переводами в технической сфере, должен быть специалистом не только в лингвистической сфере, но и в технической – таков суровый вектор развития рынка.

Литература

1. Бреус, Е.В. Теория и практика перевода с английского языка на русский. – М.: Ладомир, 2001 – 349 с.
2. Рецкер, Я.И. Пособие по переводу с английского языка на русский: в 2 ч. Ч. 1. Лексико-фразеологические основы перевода / Я. И. Рецкер. – М.: Наука, 1960. – 388 с.
3. Стрелковкий, Г.М. Научно-технический перевод. – М. : Просвещение, 1980. – 293 с.

РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В настоящей статье описаны некоторые ресурсы Web 2.0, позволяющие повысить скорость перевода и его качество.

Abstract. The following article describes some of the resources of Web 2.0 allowing to increase translation speed and quality.

Ключевые слова: машинный и автоматизированный перевод, Интернет, интернет-сообщество.

Key words: machine and computer-assisted translation, Internet, online community.

В современном информационном обществе, в условиях глобализации растет потребность в переводе текстов различного назначения. Интернет стал для миллионов людей средой обитания, рабочим местом или, как минимум, помощником, в том числе и в тех случаях, когда требуется перевести содержание иноязычного текста. Благодаря новым компьютерным технологиям в сети появились разнообразные средства для машинного и автоматизированного перевода.

Не следует путать автоматизированный и машинный перевод. От машинного перевода автоматизированный перевод отличается тем, что весь процесс перевода осуществляется человеком. Компьютер лишь помогает ему произвести готовый текст либо за меньшее время, либо с лучшим качеством. Машинный перевод предполагает значительно меньшую долю участия человека, но не исключает ее полностью. Переведенный компьютерной программой текст нуждается, как минимум, в постредактировании. «Искусственный интеллект», который мог бы полностью заменить человека, пока остается недостижимой мечтой.

В Интернете доступны средства машинного перевода двух основных категорий: системы на основе грамматических правил (Rule-Based Machine Translation, RBMT) и статистические системы (Statistical Machine Translation, SMT). Системы RBMT анализируют текст и строят его перевод на базе встроенных словарей и набора правил для данной языковой пары. Пример такой системы – бесплатный онлайн-переводчик **Prompt** (<http://www.translate.ru/>). В системах SMT применяется принцип статистическо-

го анализа: в программу загружаются большие (в миллионы слов) объёмы текстов на исходном языке и их переводы, выполненные человеком. Программа анализирует статистику межъязыковых соответствий, словоупотребления, синтаксических конструкций и т. д., и позже опирается на неё при выборе вариантов перевода. Именно так работает широко известный сервис «Переводчик Google». В Интернете, разумеется, нет проблем с объемом текстов, но вызывает сомнение качество многих переводов, сделанных пользователями сети, что неизбежно сказывается на качестве работы сервиса.

С большим успехом можно пользоваться разнообразными онлайн-ресурсами для автоматизированного перевода, многие из которых представляют собой результат коллективного труда членов интернет-сообщества.

В сети сейчас можно найти онлайн-версии практически всех известных словарей. Например, The Merriam-Webster Dictionary – <http://www.merriam-webster.com/>. Большой интерес представляют сайты, которые позволяют вести поиск определения или перевода нужного слова по многим словарям одновременно. Так благодаря **Alpha Dictionary.com** (<http://www.alphadictionary.com/index.shtml>) можно искать нужную информацию сразу по 1065 онлайн-словарям.

Ценным мультилингвальным ресурсом для переводчиков является **Acronym Finder** (<http://www.acronymfinder.com>), где интернет-сообществом собрано уже более миллиона определений разных типов аббревиатур. Поиск можно вести по категориям (бизнес, медицина и т.д.). На сайте имеются и Web 2.0 теги.

Весьма интересен **Online Etymology Dictionary** (<http://www.etymonline.com/>), дающий достаточно полную информацию о происхождении слов. База данных постоянно пополняется благодаря вкладам пользователей. Очень удобны гиперссылки (в виде изображения книги), которые ведут на еще один полезный сайт – **Dictionary.com** (<http://dictionary.reference.com/>), где можно найти определение слова, примеры использования, услышать звучание, найти тезаурус, цитаты с использованием искомого слова и другую полезную информацию.

Полезным может оказаться и такой сайт как **The Alternative Dictionaries** (<http://www.alternative-dictionaries.net/>), который является порталом, ведущим к 162 словарям сленга и разнообразных ругательств со всего мира. «Коллекция» постоянно пополняется пользователями этого ресурса.

Для российских переводчиков, как, впрочем, и для всех интернет-пользователей, интересующихся английским и русскими языками, интерес представляют онлайн-версии Национального корпуса английского

языка (**The British National Corpus** – <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>) и **Национального корпуса русского языка** (<http://www.ruscorpora.ru/>). Корпус языка – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме. Тексты, относящиеся к разным функциональным стилям (источники указаны), позволяют понять тонкости употребления отдельных слов и словосочетаний в современном языке.

Для переводчиков поэтических текстов (в паре языков русский-английский) можно рекомендовать словари рифм. На сайте **Rhyme Zone** (<http://www.rhymezone.com/>) помимо рифмы можно найти схожие по звучанию слова, синонимы, омофоны и прочую полезную информацию. К этому же типу ресурсов можно отнести **Write Express Online Rhymic Dictionary for Poetry and Songwriting** (<http://www.writeexpress.com/online2.html>), а также **Free Rhyming Dictionary** (<http://www.rhymer.com/>), позволяющий оптимизировать поиск по типу рифмы. Аналогичные словари есть и для других языков.

Разумеется, выше представлена лишь малая часть того, что дает Интернет переводчику. Примечательно то, что большая часть ресурсов, предназначенных для автоматизации процесса перевода, создается, обновляется и, конечно же, используется интернет-сообществом переводчиков, которые объединяют знания, опыт с целью повышения качества своей работы.

Список используемых Интернет-источников

1. Prompt (<http://www.translate.ru/>).
2. The Merriam-Webster Dictionary – <http://www.merriam-webster.com/>
3. Alpha Dictionary.com (<http://www.alphadictionary.com/index.shtml/>)
4. Acronym Finder (<http://www.acronymfinder.com/>)
5. Online Etymology Dictionary (<http://www.etymonline.com/>),
6. Dictionary.com (<http://dictionary.reference.com/>)
7. The Alternative Dictionaries (<http://www.alternative-dictionaries.net/>)
8. The British National Corpus – <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
9. Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>)
10. Rhyme Zone (<http://www.rhymezone.com/>)
11. Write Express Online Rhymic Dictionary for Poetry and Songwriting (<http://www.writeexpress.com/online2.html>)
12. Free Rhyming Dictionary (<http://www.rhymer.com/>)

КОНФЛИКТ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Статья рассматривает феномен конфликта и его отражение в художественном тексте, а также дифференцирует понятия конфликт и конфликтная ситуация. В качестве иллюстративного материала используется текст романа У.С. Моэма «Луна и грош».

Abstract. The article studies the phenomenon of conflict and its representation in fiction. The author differentiates the concepts of conflict and conflict situation. The text of W.S. Maugham's novel *The Moon and Sixpence* is used as illustrations.

Ключевые слова: Конфликт, конфликтная ситуация, конфликтное поведение, коммуникативный контакт, фазы развития конфликта, вербализация эмоций.

Key words: conflict, conflict situation, competitive behavior, communication, phases of conflict development, verbalization of emotions.

Феномен конфликта, его природа всегда занимали лучшие умы человечества. Конфликтам уделяли внимание такие великие умы Древнего мира, как Конфуций, Гераклит, Аристотель, Платон, в эпоху Возрождения известные гуманисты, английские демократы, французские просветители, а также на рубеже XVIII–XIX века немецкие философы. В конце XIX – начале XX века явление конфликта рассматривалось представителями различных наук: социологами Г. Зиммелем, Л. Козером, юристом Л. Гумпловичем, экономистами Д. Смоллом, У. Самнером и многими другими. Ученые пытались понять природу конфликтов, их причины, тем самым глубже проникая в тайны природы человеческой.

В современной науке конфликтология выделилась как самостоятельная научная дисциплина в 50–60-е годы XX века. В наши дни конфликтология приобретает все большую самостоятельность, вызывает все больший интерес представителей существенно отличающихся друг от друга по содержанию и методологии наук [6, 74]. Особенностью конфликтологии является её комплексный характер, поскольку конфликты имеют место во всех сферах жизни и на всех уровнях её организации и развития.

Для лингвиста представляет интерес речевая специфика конфликта как проявление взаимодействия различных внешних факторов.

Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры [11, 25–26], а в конфликте человеческие эмоции и выражаются языковыми средствами.

Богатейшим хранилищем эмоционального опыта человечества является художественная литература. В художественных текстах вербализованные человеческие эмоции передаются автором более точно, чем в разговорной речи, поэтому анализ литературного произведения позволяет нам наглядно проследить отражение в тексте эмоционального конфликта, переживаемого героями.

Следует различать **конфликтные ситуации** и **конфликты**. **Конфликтная ситуация** – это столкновение разногласий, т.е. столкновение желаний, мнений, интересов. **Конфликт** – это взаимные отрицательные отношения, возникающие при столкновении желаний, мнений; это отягощенные эмоциональным напряжением и «выяснением отношений» разногласия между людьми.

The younger generation, conscious of strength and tumultuous, have done with knocking at the door; they have burst in and seated themselves in our seats. The air is noisy with their shouts. Of their elders some, by imitating the antics of youth, strive to persuade themselves that their day is not yet over; they shout with the lustiest, but the war cry sounds hollow in their mouth;... The wiser go their way with a decent grace. In their chastened smile is an indulgent mockery. They remember that they too trod down a sated generation, with just such clamor and with just such scorn, and they foresee that these brave torch-bearers will presently yield their place also. There is no last word.

Автор описывает общественную ситуацию, конфликт поколений, неразрешимый спор со временем. В данном случае конфликтная ситуация отражает столкновение интересов, мнений, но конкретного выражения она не получает.

Но не всякое столкновение позиций и противоборство мнений, желаний являются конфликтом. Несмотря на эмоциональный заряд дискуссии и спора, они могут не переходить в конфликт, если хотя бы одна сторона, например, старается конструктивно рассмотреть суть вопроса и разрешить создавшуюся ситуацию, а не просто «выяснить отношения».[8, 18]

“Has it occurred to you that your wife is frightfully unhappy?” - “She’ll get over it.”.....- “Has she deserved that you should treat her like this?” - “No.” - “Have you any complaint to make against her?” - “None.” - “Then, isn’t it monstrous to leave her in this fashion, after seventeen years of married life, without a fault to find with her?” - “Monstrous.”

Главный герой, цель которого – любым способом убедить Стрикленда вернуться в семью, пытается разбудить в нем сострадание к оставленной жене. Стрикленд, оставаясь совершенно равнодушным, в конфликт не вступает; напротив, полностью соглашаясь с обвинениями писателя, он просто обезоруживает его, не оставляя ни малейшей возможности развития конфликта.

“Why doesn’t Amy marry again? ...I can recommend her as an excellent wife...«Your wife says that nothing you can do will ever induce her to divorce you...” - He looked at me with an astonishment... “But, my dear fellow, I don’t care. It doesn’t matter a twopenny damn to me one way or the other.” - I laughed. - “Oh, come now; you mustn’t think us such fools as all that. We happen to know that you came away with a woman.” ... Then his face grew bitterly scornful.

“What poor minds women have got! ...Do you think I should be such a fool as to do what I’ve done for a woman?” - “Do you mean to say you didn’t leave your wife for another woman?” - “Of course not.”...- “Then, what in God’s name have you left her for?” - “I want to paint.”

Оба участника разговора высказывают свою точку зрения на сложившуюся ситуацию. Их отношение к проблеме совершенно противоположно и, хотя решения найти не удастся, суть этой проблемы становится ясной – Стрикленд оставил семью ради свободы заниматься живописью. Его доводы звучат настолько странно и необычно для собеседника, что конфликт угасает сам собой, так и не получив развития.

Любой конфликт как проявление противоречий двух сторон может возникнуть только на базе коммуникативного контакта, т.е. участник конфликта должен выразить свое отношение (позицию) к предмету разногласий или к своему противнику физически (позой, действием) или вербально [8, 18]. Н.Г. Комлев отмечает два случая, когда при наличии противоречия конфликт отсутствует: во-первых, при идеально слаженной интеракции на основании полного взаимного соответствия стратегических и тактических интересов общающихся индивидов и коллективов; во-вторых, при отсутствии всякого контакта между ними [9, 90] Нет конфликта и в том случае, когда действует только один участник. Объективные признаки конфликта в таком случае будут присутствовать, но внешне, физически или вербально, они не будут выражены.

Did she want to see me or did she not?.. Perhaps I should be wiser not to go. On the other hand, she might wish to keep the affair quiet, and it might be highly indiscreet on my part to give any sign that this strange news had reached me. I was torn between the fear of hurting a nice woman’s feelings and the fear

of being in the way. I felt she must be suffering, and I did not want to see a pain which I could not help; but in my heart was a desire, that I felt a little ashamed of, to see how she was taking it. I did not know what to do.

Герой переживает душевный конфликт, любопытство в нем борется с правилами приличия. Ему хочется увидеть горе миссис Стрикленд, а совесть не позволяет ему совершить подобную бестактность. Никаких внешних проявлений этого противоречия мы не наблюдаем, хотя два голоса, любопытство и совесть, терзают душу молодого человека. В этом случае конфликт выражен в форме внутреннего монолога, т.е. конфликтная ситуация отражена во внутренней речи [2].

Выделяют две фазы развития конфликта: *конструктивную и деструктивную*.

Для **конструктивной фазы конфликта** характерна неудовлетворенность собой, оппонентом, беседой, совместной деятельностью. Она проявляется, с одной стороны, в стиле ведения разговора – повышенном эмоциональном тоне речи, упреках, оправданиях, игнорировании реакции партнера, а с другой – в неречевых характеристиках поведения: уходе от разговора, прекращении совместной деятельности или её нарушении, замешательстве, внезапном увеличении дистанции с партнером по общению, принятии закрытой позы, отведении взгляда, неестественности мимики и жестикуляции. При этом разногласия не принимают необратимого характера, оппоненты контролируют себя.

“You won’t go back to your wife?” I said at last. - “Never.” - “She’s willing to forget everything that’s happened and start afresh. She’ll never make you a single reproach.” - “She can go to hell.” - “You don’t care if people think you an utter blackguard? You don’t care if she and your children have to beg their bread?” “Not a damn.”...- “You are a most unmitigated cad.” - “Now that you’ve got that off your chest, let’s go and have dinner.”

Главный герой тщетно пытается убедить Стрикленда вернуться в семью, исчерпав возможные аргументы, он переходит к прямому оскорблению собеседника. Однако тот уходит от неприятного обоим разговора, неожиданно меняя тему.

Деструктивная фаза конфликта начинается тогда, когда взаимная неудовлетворенность оппонентов друг другом, способами решения вопроса, результатами совместной деятельности превышает некий критический порог и совместная деятельность или общение становятся неконтролируемыми.

Эта фаза может иметь две стадии. Первая психологически характеризуется стремлением зависить свои возможности и занизить возможности оппонента, самоутвердиться за его счет. Она связана также с необоснован-

ностью критических замечаний, с пренебрежительными репликами, взглядами, жестами в сторону оппонента. Эти реакции воспринимаются последним как личные оскорбления и вызывают противодействие, т.е. ответное **конфликтное поведение**.

“Strickland is very ill. He may be dying. He is alone in a filthy attic, and there is not a soul to look after him. I want you to let me bring him here.”

She withdrew her hands quickly, I had never seen her make so rapid a movement; and her cheeks flushed. - “Oh no.”...- “But he’ll die.” - “Let him.”...- “Why can’t he go to a hospital?” - “A hospital! He needs the care of loving hands. He must be treated with infinite tact.” - I was surprised to see how moved she was. She went on laying the table, but her hands trembled...I saw that his wife was on the verge of tears. “But it’s not only because he’s a genius that I ask you to let me bring him here; it’s because he’s a human being, and he is ill and poor.” - “I will never have him in my house—never.”... “If he comes here, I shall go,” said Mrs. Stroeve violently....Then at last the tears came. She sank into a chair, and buried her face in her hands. Her shoulders shook convulsively.

По отрывкам этого диалога мы можем судить, какие сильные чувства обуревали Бланш Стрёв, какую ненависть вызывали в ней уговоры мужа перевезти в их дом Стрикленда. Бланш пытается скрыть свои чувства, но резкие движения и дрожащие руки её выдают. Женщина уже не может сдержаться и ссора заканчивается бурными слезами.

Если конфликтующие не меняют тактику взаимоотношений и негативизм субъектов становится все более упорным, возникает хронический конфликт, характеризующий вторую стадию деструктивной фазы.

Варианты исхода конфликтной ситуации также могут быть разными: предупреждение конфликта, уход от конфликта, его сглаживание, приход к компромиссу, возникновение конфронтации, принуждение.

Итак, конфликт – это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе. Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений и взглядов, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. [10]

Для лингвиста представляет интерес речевая специфика конфликта, а важнейшей задачей является установление факторов, обуславливающих зарождение, развитие и разрешение конфликта, а также отражение этих факторов в художественном тексте.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юнити-Дана, 2002. – 591с.

2. Блох М.Я., Сергеева Ю.М. Внутренняя речь (языковой строй и функциональная природа). – М.: ЭРА, 2009. – 308 с.
3. Горбунова М. Ю. Конфликтология: Конспект лекций. – Ростов-н-Д: Феникс, 2005. – 256 с.
4. Громова О.Н. Конфликтология. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем», Изд-во «ЭКМОС», 2001. – 319 с.
5. Ильин Е.П. «Психология общения и межличностных отношений» – СПб.: Питер, Серия: Мастера психологии, 2009. – С. 576.
6. Комлев Н.Г. Лингво-семантические мотивы возникновения и разрешения межперсонального конфликта // Тез. VI Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1978. – С. 73–75.
7. Линчевский Э.Э. Контакты и конфликты. – М.: Экономика, 2000 - 131 с.
8. Мелибруда Е. Я – Ты – Мы: психологические возможности улучшения общения. Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1986. – С. 18–20.
9. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения, дисс. д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 301 с.
10. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2003. – № 27, вып. 14 – С. 26–42.
11. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1983 – С. 25–26.
12. W.S. Maughan The Moon and Sixpence. – Moscow, Progress Publishers, 1972 – 240 с.

Марчук Ю.Н.

Доктор филологических наук, профессор
Московский Государственный Университет
им. М.В. Ломоносова

ПЕРЕВОД И ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ

Аннотация. Рассматривается роль перевода в преподавании иностранного языка. Эта роль проявляется в некоторых основных этапах преподавания и включения обучаемого в языковую картину мира изучаемого языка.

Abstract. The role of translation in the language teaching is reviewed. Modern language world presents different linguistic pictures and mastering of a foreign language requires translation which, in turn, is impossible without knowledge of outside world.

Ключевые слова: перевод, языковая картина мира, овладение иностранным языком, знание реалий, методы применения перевода к изучению языка.

Key words: translation, language picture of the world, mastering of foreign language, knowledge of realities, methods of using translation as a tool for language learning.

Среди разновидностей перевода учебный перевод как существенная часть лингвистической культуры и истории цивилизации занимает весьма видное место. Роль собственно перевода и науки о переводе в ее историческом развитии подробно и интересно описана в труде Л.Л. Нелюбина и Г.Т. Хухуни «Наука о переводе» [7]. Роль перевода в лингводидактической деятельности в настоящее время возрастает в связи с тем, что в мировой коммуникации участвуют все больше национальных языков, а концепция перехода человечества к единому языку вряд ли получит свое осуществление. Из новейших исследований и разработок в области применения перевода к изучению языка хотел бы отметить работу Анненковой А.В. [2]. Она рассматривает учебный перевод как алгоритм, состоящий из четырех последовательных стадий: перевод ориентировочный, обучающий, автономно-интерпретационный и контролирующий.

На первом этапе главной задачей считается развитие у обучающихся интереса к межкультурным сопоставлениям, систематизация фоновых знаний, привлечение внимания к переводу как важному средству ознакомления с другой культурой. Перевод теснейшим образом связан с культурой, точнее, по крайней мере с двумя культурами народов, вступающих в общение, как это убедительно показано в работе С.Г. Тер-Минасовой [9]. Второй, обучающий этап, состоит в том, что обучающимся разъясняется специфика предстоящей деятельности, проводится совместно с преподавателем перевод текстов с привлечением внимания к межкультурно значимым элементам текста. Предлагается перевести отрывки текста специально выделенными фразеологическими элементами текста, перевод которых требует специального объяснения. Как выражается автор (А.В. Анненкова), происходит «подключение» когнитивной системы обучающихся к когнитивной системе инофона, в результате чего создается «продукт» декодирования текста – так называемый перевод-подстрочник, который ляжет в основу процедуры проникновения студентов в суть исследуемых явлений, выявления их межкультурного смысла. В этом состоит третий этап. Заключительный, контролирующий этап, начинается с работы над текстом в форме вопросно-ответной беседы, в ходе которой студенты делятся общими впечатлениями о прочитанной и изученной информации.

В целом такая схема работы с текстом для лингводидактических целей представляется вполне приемлемой, однако требуется более детальная проработка некоторых важных аспектов, учет которых в переводе необходим. Рассмотрим некоторые из таких аспектов.

Один аспект – типология текстов, которые мы собираемся переводить в лингводидактических целях. Как сформулировал Е.В. Сидоров проблему коммуникативной дифференциации текстов, одновременно с производством и смысловым восприятием текстов в коммуникативной деятельности людей формируется, отрабатывается соответствующая совокупность языковых средств – фонетических, графических, лексических, грамматических, логико-композиционных. Отрабатывается, закрепляется и изменяется языковая семантика – лексические, грамматические и стилистические значения. Так формируются определенные типы текстов и соответствующие ресурсы языковых средств в коммуникативной деятельности людей, использование которых фиксируется в коммуникативном опыте [8] Какие типы текстов наиболее удобны для обозначенного выше дидактического перевода? Представляется, что на первом месте среди типов перевода для обучения иностранному языку более всего подходит перевод письменного текста. Он дает возможность ознакомиться с алфавитом нового языка, представить себе особенности правил написания, получить впечатление о структуре произношения письменных знаков. Однако письменный текст также представлен самыми различными формами. Нам представляется, что здесь наиболее продуктивным был бы диалогический текст, например, текст интервью, опубликованный в газете. Однако более точный выбор текста может быть сделан только с учетом особенностей контингента обучаемых. Так, например, если мы обучаем языку работников сферы обслуживания со средним образованием, то вряд ли политический письменный текст был бы эффективен как исходный материал для обучения. Возможно даже, что в некоторых случаях за исходный можно было бы принять и устный текст.

Другой аспект. Коммуникативная дифференциация текстов в современном мире безусловно связана с языковой картиной мира. В каждом национальном обществе своя языковая картина мира, поэтому четкое представление об особенностях языковой картины также должно присутствовать при использовании перевода в лингводидактике [5]. Культура данного языкового сообщества безусловно определяется также и особенностями языковой картины мира данного сообщества, см. также [9]. В работе С.Г. Тер-Минасовой подробно и очень иллюстративно показаны трудности, которые она называет «культурно-языковые». Эти трудности

делятся на очевидные, например, безэквивалентная лексика, и скрытые культурно-языковые трудности, которых довольно много в англо-русско и русско-английской языковых парах и которые приходится преодолевать при переводе.

Современная классификация текстов достаточно произвольна и не основывается на точных и объективных критериях. Так, мы привыкли к классификации текстов типа «политические, экономические, юридические» и т.п. Трудности перевода политических текстов хорошо иллюстрируются проблемами перевода таких текстов с русского языка на арабский [1]. В названной работе приводятся примеры неправильного и неточного перевода текстов политических интервью, опубликованных в газетах. Ясно, что более точная типология текстов могла бы исключить целый ряд ошибок в переводе и послужить правильному изучению языка. То же самое можно сказать и о текстах другой тематики. При этом неизбежно возникновение такой проблемы как правильный перевод терминов. Термины достаточно часто не отличаются от общеупотребительных слов и этот вопрос тоже недостаточно изучен к настоящему времени. В качестве примера можно привести англо-русский словарь туристских терминов [4]. Так, общеупотребительное слово *bed* как само по себе, так и в сочетаниях с другими словами может означать совершенно самостоятельные туристские термины. Например, *bed and breakfast* – постель и завтрак, *extra-bed* – дополнительная кровать и т.п. Специальное исследование терминологических значений общеупотребительных слов английского языка в научно-технических текстах весьма подробно и интересно проведено Л.И. Борисовой [3].

Рассматривая перевод как составляющую лингводидактической деятельности, следует безусловно обратить внимание на то, что в переводоведении сформулированы различные модели перевода. Так, в [6] дается краткий обзор и анализ наиболее известных моделей, среди которых можно выделить теорию закономерных соответствий, информационную теорию, семантико-семиотическую модель, ситуативную модель, теорию уровней эквивалентности, функционально-прагматическую модель, психолингвистическую теорию перевода, а также ряд других теорий (моделей). Выбор теории (модели) перевода для лингводидактической практики следует увязать с выбором типа текстов, на базе которых производится обучение.

По моему мнению, в моделировании переводческого процесса можно различать статику и динамику. Такое разделение позволяет применить к упорядочению лингвистических сведений методы, разработанные и ис-

пользованные при работе с базами данных, а также ввести понятие алгоритмов работы с этими данными. Кроме того, такое разделение помогает также использовать компоненты модели в обучении языку.

Согласно такой концепции, действия переводчика можно моделировать блоками, в которых должно быть отражено следующее:

- деление процесса перевода на две крупные части: обработка составляющих предложения, меньших, чем фраза в целом, и обработка фразы в целом. Фраза есть сложносочиненное или сложноподчиненное предложение, а предложение – простое предложение;

- разделение блоков действия и блоков управления;

- наличие в составе блоков управления страхующих, индикаторных и корректирующих механизмов;

- наличие «банков данных», где хранятся необходимые лингвистические сведения для осуществления процессов анализа и синтеза предложения на выходном языке.

Чрезвычайно важной представляется также обратная связь между результатами анализа частей, меньших, чем предложение, и анализом предложения в целом. Только наличие такой связи дает возможность обеспечить создание цельного перевода.

Блок-схема действий переводчика изображена графически на рис. 1 стр. 14 в работе [Марчук 2010]. Особую проблему при этом представляет правильный перевод фразеологических единств. В некоторых ситуациях, особенно при автоматическом анализе, трудно бывает отличить свободное сочетание слов от фразеологического единства. При работе с обучаемым человеком (не компьютером) можно уделить особое внимание сочетаемости слова, используемого как свободно, так и в составе фразеологического единства.

В рамках данной концепции можно также уделить достаточно необходимого внимания зависимости значения слова от контекста. При этом можно и нужно уточнить понятие «контекст», которое может пониматься как экстралингвистическая реальность, отраженная в языковой картине мира, или как ближайшее словесное окружение конкретной лексической единицы.

Приведенная выше концепция Анненковой А.В. безусловно укладывается в описанную модель статики и динамики переводческого процесса как с точки зрения общей идеи, так и в аспекте применения новой информационно-технологии работы с лингвистическими данными.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что перевод является эффективным средством, помогающим изучать иностранный язык.

Однако при этом нужно иметь в виду и использовать более точную типологию текстов, различие в картинах мира разных языков, особенности терминологического состава текстов, на основе перевода которых можно совершенствовать изучение иностранного языка, а также лингвистическую компетенцию обучаемых.

Литература

1. Акаш Бадр Абдуллах. Лингвистические особенности перевода политических текстов (на материале русско-арабских переводных соответствий). Канд. дисс. – М.: МГУ. 2011. – 156 с.
2. Анненкова А.В. Технология использования учебного перевода как средства формирования межкультурной коммуникативной компетенции. // Теория и практика перевода, – М.: 1/2010 (8). – с. 37–41.
3. Борисова Л.И. Лексические особенности англо-русского научно-технического перевода. – М.: НВИ-Тезаурус, 2005. – 215 с.
4. Даниленко О.В. Англо-русский словарь туристских терминов. – Омск, ООО Полиснаб, 2010. – 208 с.
5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 347 с.
6. Марчук Ю.Н. Модели перевода. – М.: Академия, 2010. – 175 стр.
7. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. – М.: Флинта, 2006. – 413 с.
8. Сидоров Е.В. Общая теория речевой коммуникации. – М.: изд-во РГСУ, 2010. – 242 с.
9. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 341 с.

Мильман К.С.

Ассистент

Московский государственный областной
гуманитарный институт

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы перевода фразеологизмов.

Abstract. The article deals with English phraseological units. Attention is focused on the ways of their translation.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, метафорические единицы, фразеологические выражения.

Key words: phraseological unit, idiom, metaphorical units, set expressions.

Перевод фразеологизмов всегда был и будет для переводчика одной из наиболее значимых проблем, возникающих при осуществлении профессиональной деятельности. Ведь еще великий Гёте говорил о том, что в переводе следует исследовать и объяснять даже неперебиваемое, ведь только так возможно погрузиться в иной язык и познать другой народ. Многолетняя практика перевода фразеологических единиц сформировала мощный спектр приёмов перевода фразеологизмов.

Чтобы в теоретическом плане говорить о приемах перевода фонетических единиц (ФЕ), нужно всю фразеологию данного языка классифицировать по какому-то обоснованному критерию на группы, в границах которых наблюдался бы как преобладающий тот или иной прием, тот или иной подход к передаче ФЕ. Многие авторы в качестве исходной точки берут лингвистические классификации, построенные в основном на критерии неразложимости фразеологизма, слитности его компонентов, в зависимости от которой и от ряда дополнительных признаков – мотивировки значения, метафоричности и т.п., определяется место ФЕ в одном из следующих трех (четырёх) разделов: фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства (метафорические единицы), фразеологические сочетания и фразеологические выражения (Ш. Балли, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, Н. М. Шанский). Эта классификация «весьма удобна для теории и практики перевода» по мнению Я. И. Рецкера, который, однако, берет из нее только единства и сращения, считая, что по отношению к этим двум группам ФЕ следует применять неодинаковые приемы перевода: «перевод фразеологического единства должен, по возможности, быть образным», а перевод фразеологического сращения «осуществляется преимущественно приемом целостного преобразования» [1].

Такой подход к классификации приемов перевода ФЕ нельзя считать неправильным, так как от степени слитности компонентов несомненно зависит в некоторой мере и возможность полноценного перевода, выбор наиболее удачных приемов. Однако, как было отмечено, ведущие теоретики перевода, опираясь на лингвистические схемы, насыщают их своим содержанием, делают ряд модификаций и оговорок, вводят дополнительное деление на образные и необразные единицы, на фразеологизмы пословичного и не пословичного типа и т.д.

Возможности достижения полноценного словарного перевода ФЕ зависят в основном от соотношений между единицами исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ):

ФЕ имеет в ПЯ точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие (смысловое значение + коннотации);

ФЕ можно передать на ПЯ тем или иным соответствием, обычно с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, переводится вариантом (аналогом);

ФЕ не имеет в ПЯ ни эквивалентов, ни аналогов, неперевода в словарном порядке.

Несколько упрощая схему, можно сказать, что ФЕ переводят либо фразеологизмом (первые два пункта) – фразеологический перевод, либо иными средствами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) – нефразеологический перевод.

Это, разумеется, полярные положения. Между ними имеется множество промежуточных, средних решений, с которыми связано дальнейшее развитие нашей схемы: приемы перевода в других разрезах – в зависимости от некоторых характерных признаков и видов ФЕ, перевод с учетом стиля, колорита, языка, авторства отдельных единиц и т.д. Эти дополнительные аспекты полнее представят проблему перевода ФЕ, расширят и облегчат выбор наиболее подходящего приема.

Фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ – от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия.

Фразеологический эквивалент – это фразеологизм на ПЯ, по всем показателям равноценный переводимой единице. Как правило, вне зависимости от контекста он должен обладать теми же денотативным и коннотативным значениями, что означает, что между соотносительными ФЕ не должно быть различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности, метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски. Они должны иметь приблизительно одинаковый компонентный состав, обладать рядом одинаковых лексико-грамматических показателей: сочетаемостью (например, в отношении требования одушевленности/неодушевленности), принадлежностью к одной грамматической категории, употребительностью, связью с контекстными словами-спутниками [4].

Фразеологические эквиваленты в свою очередь имеют свою структуру деления. Среди них выделяют:

Неполный фразеологический эквивалент – такая единица ПЯ, которая является эквивалентом, полным и абсолютным, соотносительной многозначной единицы в ИЯ, но не во всех ее значениях. Частичных эквивалентов сравнительно немного, так как вообще явление многозначности практически нехарактерно для фразеологии.

Относительный фразеологический эквивалент уступает абсолютному лишь в том, что отличается от исходной ФЕ по какому-либо из показателей: другие, часто синонимические компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения, иные морфологическая отнесенность, сочетаемость и т.п. В остальном он является полноценным соответствием переводимой ФЕ, «относительность» которого скрадывается контекстом.

К фразеологическим можно условно отнести и «индивидуальные» эквиваленты. Не находя в ПЯ полного соответствия, переводчик иногда вынужден прибегать к словотворчеству, оформляя в духе переводимой единицы новый, свой фразеологизм, максимально напоминающий «естественный». Если такую «подделку» читатель примет, значит, удалось передать содержание и стиль переводимой единицы в достаточно «фразеологической» форме.

Индивидуальные фразеологизмы, если они мастерски «сделаны», обладают показателями обычной ФЕ, отличаясь от них лишь по одному, самому важному показателю – они не воспроизводимы. Переводчик создает их в ходе своей работы, и маловероятно, чтобы такой перевод закрепился за данной единицей настолько, чтобы вошел в язык. Поэтому здесь скорее идет речь о контекстуальном переводе [5].

Основные области использования фразеологических эквивалентов

Прежде чем говорить о нефразеологическом переводе ФЕ, полезно отметить, что фразеологические эквиваленты и аналоги встречаются чаще всего в следующих группах устойчивых единиц:

– интернациональная фразеология

К ней принадлежат ФЕ, которые вошли в языки многих народов из исторических (главным образом античных), мифологических, литературных источников, заимствовались из языка в язык, или же возникали у разных народов независимо одни от других вследствие общности человеческого мышления, близости отдельных моментов социальной жизни, трудовой деятельности. Так, в разных языках существуют фразеологические эквиваленты англ. Achilles' heel: фр. talon d'Achilles, нем. Achilles Ferse, чеш. Achilova pata, рус. ахиллесова пята, болг. ахилесова пета.

– устойчивые сравнения

Довольно часто фразеологические эквиваленты встречаются среди устойчивых. Поет как соловей, смел как лев, упрям как осёл, пьян как свинья и т. д.

– составные термины

Особая группа ФЕ, требующих в любом случае эквивалентов в ПЯ. Од-

нако так как в них терминологическое начало преобладает над фразеологическим, приводим их здесь с той оговоркой, что они переводятся всегда эквивалентами, но не обязательно фразеологическими: многие составные термины в одном языке имеют однословные эквиваленты в другом. Болг. зъбно колело, рус. шестерня, англ. Thogah.

– **грамматическая фразеология** (название оформленных частей речи, главным образом составных предлогов и союзов. Предлоги *в течение, в связи*, союзы *так как, благодаря тому что, в то время как и т. д.*, подобно терминам, требуют эквивалента в ПЯ, но также не обязательно фразеологического).

– **глагольно-именные сочетания** – единицы, оформляющиеся на почве устойчивой лексико-синтаксической сочетаемости).

Независимо от того, считаются эти единицы фразеологизмами или нет, их перевод тяготеет к фразеологическому, хотя нередко приходится прибегать к их однословным синонимам. Дело в том, что «описательные глагольно-именные выражения» нередко отличаются стилистически от своих синонимов-слов, что большей частью и заставляет переводчика искать для них фразеологические эквиваленты в ПЯ.

Лексический перевод

Строго лексический перевод применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом – словом. Такому переводу поддаются, хотя и не совсем безболезненно, и ФЕ, у которых в ИЯ есть синонимы-слова. Так, многие английские глаголы, выраженные словосочетаниями, можно передать совершенно безболезненно их лексическим эквивалентом: *set или put on fire* – «зажечь», *catch fire* – «зажечься», «загореться». Такому переводу поддаются, хотя и не совсем безболезненно, и ФЕ, у которых в ИЯ есть синонимы-слова. Это большей частью идиомы, т. е. сочетания, обозначающие предметы или понятия.

В отличие от «однословного» и ближе к тому, что называют свободным переводом, смысловое содержание ФЕ может быть передано переменным словосочетанием. Такие переводы вполне удовлетворительно выполняют свою роль в словаре, указывая точное семантическое значение единицы. Однако в контексте любое соответствие должно приобрести «фразеологический вид» или, по меньшей мере, стилистическую окраску и экспрессивность, близкие к оригинальным.

Одним словом, и при лексическом переводе ФЕ нужно всегда стремиться приблизиться к фразеологическому, передать хотя бы отдельные его элементы или стороны [6].

Калькирование

Калькирование предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приемами, в частности фразеологическими, нельзя передать ФЕ в целостности ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно «довести до зрения» читателя образную основу.

Предпосылкой для калькирования является достаточная мотивированность значения ФЕ значениями ее компонентов. То есть калькирование возможно только тогда, когда дословный перевод может довести до читателя истинное содержание всего фразеологизма (а не значения составляющих его частей). Это осуществимо в отношении образных ФЕ.

К калькам прибегают и в таких случаях, когда «семантический эквивалент» отличается от исходной ФЕ по колориту, или при «оживлении» образа.

Многие кальки можно отнести к переводу фразеологическому. Например, англ. *caution is the parent of safety* можно перевести почти дословно и получить неплохую, вполне осмысленную русскую пословицу: осмотрительность - мать безопасности, повторение – мать учения или праздность – мать всех пороков.

Описательный перевод

Описательный перевод ФЕ сводится, по сути дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает вообще с единицами, не имеющими эквивалентов в ПЯ. Этому могут способствовать, сравнения, описания, толкования – все средства, передающие в максимально ясной и краткой форме содержание ФЕ, все с тем же неизменным стремлением к фразеологизации или хотя бы намеку и на коннотативные значения.

В контексте этот путь перевода самостоятельного значения не имеет, так как в любом случае переводчик постарается вплести содержание ФЕ в общую ткань таким образом, чтобы правильно были переданы все элементы текста в целом, т. е. прибегнет к контекстуальному переводу.

Контекстуальный и выборочный перевод

Говоря о приемах перевода ФЕ и выборе между ними, остается оговорить еще два понятия: контекстуальный перевод и выборочный перевод.

В применении контекстуального перевода к фразеологии А.В. Кунин [4, 252] пользуется термином «обертональный перевод», а Я.И. Рецкер [1, 147] – «контекстуальная замена».

Чаще всего о контекстуальном переводе мы вспоминаем, конечно, при отсутствии эквивалентов и аналогов – когда фразеологизм приходится передавать нефразеологическими средствами.

Выборочный перевод у А.В. Кунина противопоставлен моно эквивалентному переводу и свободному переводу; в этой плоскости он имеет свое оправдание. Мы же предпочитаем рассматривать его в несколько ином плане: не как перевод «устойчивого сочетания слов посредством одного из возможных фразеологических синонимов», а несколько шире – как неизбежный начальный этап любого перевода устойчивого сочетания, да и перевода вообще. Выбирают, опираясь обычно на словарные (известные, общепринятые – за ними не обязательно обращаться к словарю) соответствия, в первую очередь варианты, т. е. синонимы или близкие значения многозначных ФЕ. Например, рукой подать переводится на большинство языков только в пространственном значении – близко, но, как и само наречие «близко», эта ФЕ может иметь и временное значение: «до начала спартакиады рукой подать» (как и сейчас же, которое обычно – наречие времени, а употребляется и в значении места: сейчас же за околицей начинаются луга). Может случиться, что контекст «не принимает» наличные соответствия, в том числе и фразеологические эквиваленты, и в таком случае приходится искать иные, нефразеологические средства. При выборе учитываются все показатели исходной ФЕ и, не в последнюю очередь, ее стиль и колорит; иногда именно стилистическое несоответствие или наличие колорита не допускает в перевод казалось бы самую подходящую единицу [4].

Литература

1. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] / Я.И. Рецкер. – М. : Международные отношения, 1974. – 167 с.
2. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии [Текст] / В.В. Виноградов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1946. – 405 с.
3. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы [Текст] / Б.А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.
4. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков [Текст] / А.В. Кунин ; 3-е изд. – Дубна : Феникс+, 1996. – 488 с.
5. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Изд-во ЛКИ, 1985. – 272 с.
6. Алёхина, А. И. Фразеологическая единица и слово [Текст] / А.И. Алёхина. – Минск, 1979. – 217 с.
7. Longman Modern English Dictionary/ editor Owen Watson. London, 1976. – 1698 p.

АЛГОРИТМ ПЕРЕВОДА МАТЕРИАЛОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается особенность методики перевода материалов общественно-политического характера с английского языка на русский. Исследуются и классифицируются уровни переводческой деятельности.

Abstract. This article deals with the main methods of news issues and political reports translation from English into Russian, the specific steps the translator is to follow to achieve the professional skills in translating.

Ключевые слова: перевод, переводческая деятельность, общественно-политические тексты, уровни переводческой деятельности.

Key words: translation, translation activity, news issues and political reports, translation activity main steps.

Мастерство перевода общественно-политических текстов с английского языка на русский заключается, прежде всего, в знании структуры переводческой деятельности в целом, что подразумевает понимание влияния жанровых особенностей текста на перевод. Особенность перевода текстов общественно-политической тематики заключается в четком разграничении понятий «творческая» или «авторская» интерпретация и «критическое понимание» переводимого текста. Интуитивное понимание перевода текстов названной тематики является мало эффективным, а иногда даже и недопустимым, если речь идет о переводе терминологии.

Перевод как профессиональная деятельность – это целый ряд уровней и операций. Уровни и подуровни переводческой деятельности могут быть классифицированы следующим образом.

Уровень первый подразумевает опознание слов и общей структуры текста.

Уровень второй предполагает достижения углубленного понимания текста, а именно:

- понимание слов, словосочетаний или групп слов, связанных по смыслу;
- понимание предложения как единицы текста;

- понимание сверхфразовых единств;
- понимание текста в целом.

Уровень третий заключается в эквивалентной передаче воспринятой смысловой и стилистической информации оригинала с помощью средств языка перевода.

Уровень четвертый необходим для проведения обобщающей оценки выполненного перевода в рамках более широкого контекста.

Рассмотрим более детально деятельность начинающего переводчика согласно каждому из вышеуказанных уровней.

1. Уровень первый: опознание слов и общей структуры текста.

Узнавание слов играет важную роль в восприятии иноязычного текста. В данном случае должны быть задействованы три основных механизма, а именно: узнавание, первичное осмысление и долговременная память. На фоне функционирования данных механизмов осуществляется процесс постижения смысла текста, который, в свою очередь, зависит от ряда факторов: от уровня владения иностранным языком, от знания жанровых особенностей переводимого материала, от насыщенности текста терминологией, реалиями или образными единицами. Известно, что чем менее стандартен исходный текст в языково-композиционном плане, тем труднее его понять и перевести на другой язык.

2. Уровень второй: углубленное понимание текста.

Переводчику, особенно начинающему, недостаточно понять текст «в целом».

Понимание должно быть более ясным, более конкретным, более исчерпывающим, поскольку оно ориентировано на решение особых, переводческо-коммуникативных задач. Любое первичное прочтение оригинала, будь это газетная или журнальная статья, не может дать исчерпывающего понимания. В связи с этим выделяется два уровня понимания у начинающего переводчика: уровень общего понимания и уровень углубленного или критического понимания. К уровню общего понимания иноязычного сообщения, например, политического текста, можно отнести ту степень понимания текста, которая вполне достаточна для целей чтения, т. е. для ознакомления с содержанием текста, но недостаточна для целей собственно переводческого акта. Понимание же углубленное, критическое, ориентированное на перевод, достигается не сразу. Прийти к такому пониманию можно только через осмысление материала, т. е. через анализ текста. В результате анализа устанавливаются соответствующие смысловые связи и взаимоотношения не только между единицами оригинала, но и между единицами текста перевода, а также выявляется подтекст. Осмыслению подвергаются содержание

текста, функционально-стилистические элементы как на иностранном, так и на родном языках. Анализируя текст, переводчик сопоставляет его отдельные моменты с более широким кругом явлений, что в свою очередь позволяет ему глубже постигнуть суть взаимоотношений между отдельными элементами текста и тем самым углубить свое понимание, увидеть смысл событий на более широком фоне. Проникновение переводчика в содержание текста происходит до тех пор, пока переводчик не почувствует, что им найдена окончательная форма для передачи заданного в тексте содержания.

3. Уровень третий: эквивалентная передача воспринятой смысловой и стилистической информации оригинала с помощью средств языка перевода.

Данный уровень предполагает некие действия и операции, направленные на эквивалентное воссоздание понятого. Обучая будущих переводчиков, следует помнить, о важности определения некоего круга научно-методических и практических задач, решение которых позволит студентам получить исчерпывающие знания предмета. К таким задачам следует отнести следующие:

- 1) предоставить студентам-переводчикам полную информацию о том, что подразумевается под эквивалентной передачей содержания текста;
- 2) объяснить студентам, что такое функционально-стилистические особенности текста;
- 3) студентам нужно четко понимать, почему не всякая передача содержания иностранного текста на другом языке является эквивалентной, какие факторы способствуют развитию переводческого мастерства;
- 4) определить, что ведет к ошибкам в переводе, в чем состоит роль функциональных особенностей текста.

Лишь строго научное, исчерпывающее раскрытие на занятиях по переводу понятия «эквивалентного воссоздания информации» подводит переводчика к постижению основ переводческого творчества и мастерства. Естественно, что решение задач эквивалентного воссоздания информации невозможно без знания в совершенстве на двух языках соответствующих лексико-грамматических средств, которые используются в оригинале.

Действия переводчика в области поиска эквивалентных средств предполагают не только исследовательско-поисковую деятельность, но и реализацию уже известных в практике приемов перевода, а также нахождение или создание самим переводчиком такого построения на языке перевода, которое как в смысловом, так и в функционально-стилистическом плане было бы равноценно оригиналу.

Нередко объем значений одной единицы в английском языке соответствует значениям ряда единиц русского языка. Например, слово **review** имеет не только основное значение *обзор, обозрение*, но и ряд других: *просмотр, проверка; рецензия; периодическое издание; обозрение, ревью; парад, смотр; пересмотр* (дела в суде). На основе контекста студент-переводчик подбирает нужную ему единицу на русском языке. Еще более трудными являются те случаи, когда отдельные слова английского оригинала могут функционировать в тексте таким образом, что используется как бы вся гамма значений слова, и переводчику бывает даже трудно определить, какое значение в данном контексте превалирует. Так, например, при переводе предложения ***Human interest stories are not always newsworthy but they are certainly popular*** весьма трудно передать сочетание **human interest stories**. В газетной публицистике оно обозначает и *рассказы, представляющие общий интерес* («рассказы для всех»), и *очерки на «животрепещущую» тему и статьи о герое-современнике* («портрет современника»). Словосочетание **human interest story** может быть в некоторых случаях переведено *зарисовка, интервью, сатирическая заметка* и т. д. Исходя из данного примера важно помнить, что в такого рода сочетаниях в современной публицистике может вкладываться самое различное содержание в зависимости от типа публикации, круга читателей и рода информации.

Однако подбор эквивалентной лексики – это ещё не весь спектр задач, которые должен решить начинающий переводчик. Преодоление грамматических трудностей перевода также очень важно на этом уровне. В тех случаях, когда структура английского предложения близка к структуре русского предложения, могут использоваться параллельные построения. Если же таких возможностей нет, переводчик прибегает к синтаксическим трансформациям. Но и на этом процесс перевода не заканчивается. Дело в том, что переводчик может столкнуться со сложными текстами, при переводе которых возникают проблемы, решить которые в рамках только лингвистического контекста бывает крайне сложно, а иногда даже и невозможно. В этом случае необходимо обращение к внеконтекстуальной информации, к справочникам, словарям, энциклопедиям. Такая дополнительная информация позволяет переводчику уточнить его решения.

4. Уровень четвертый: обобщающая оценка выполненного перевода да в рамках более широкого контекста.

Данный уровень ещё называют завершающе-оценочным. На этом уровне происходит завершающее осмысление и оценка перевода в рамках более широкого контекста, с учетом замысла автора, цели сообщения всего абзаца (раздела, книги), с учетом прагматических задач перевода и других

факторов переводческой деятельности. Четвертый уровень действий переводчика — это его высшее, управляющее звено. Творческое владение этим уровнем действий позволяет переводчику скорректировать те отдельные неточности, которые могли иметь место в процессе перевода на предыдущих уровнях. Этот уровень показывает, насколько хорошо сформированы переводческие навыки и умения, насколько точно переводчик может критически оценивать переводимый материал.

Достижение переводчиком критического понимания общественно-политического текста в ходе его переводческо-аналитической деятельности, деление текста на определенные смысловые отрезки, вычленение и «взвешивание» единиц перевода — все это позволяет ему добиваться точности и выразительности в переводе. Для перевода общественно-политических текстов это положение особенно важно. Разумеется, точность понимания и большая определенность, возникающие по мере углубления понимания, имеют место отнюдь не всегда, а будут в значительной мере зависеть от аналитических способностей и умений самого переводчика.

Так что же надо понимать под переводческим навыком и умением?

Под навыком в деятельности переводчика текстов следует иметь в виду автоматизированное выполнение отдельных переводческих действий и операций, входящих в более широкий комплекс структуры переводческой деятельности.

Под умением в письменном переводе мы понимаем осуществление совокупности переводческих действий и операций (при работе над отрезками текста разной длины), выполняемых наиболее эффективным образом.

По мере тренировки в переводческой деятельности навыки и умения в переводе все более совершенствуются. Наиболее эффективным средством для такого совершенствования на наш взгляд может являться система упражнений, построенная по принципу нарастания трудностей.

Таким образом, подлинно переводческая деятельность осуществляется в рамках реализации соответствующих условий, предъявляемых к ней. Л. С. Бархударов в связи с этим тонко подметил: «Процесс перевода или межъязыковая трансформация осуществляется не произвольно, а по каким-то определенным правилам, в каких-то строго определенных рамках, при выходе за которые мы уже лишаемся права говорить о переводе».

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М. 1975.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. – М.: ЭТС. 1999. – 192 с.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Ответственный редактор М.Я. Блох. — М.: Готика, 1999. –176 с.

Писарихина А.С.

Старший преподаватель
Московский государственный областной
гуманитарный институт

РЕАЛИЯ И ТЕРМИН В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Аннотация. Безэквивалентная лексика является самым ярким примером национального лексического многообразия языка. Слова-реалии, как составная часть БЭЛ, в наибольшей степени отражают повседневную жизнь, быт, национальное своеобразие отдельного народа.

Abstract. Words with no direct equivalents in other languages are the brightest example of national lexical diversity variety. Being the part of none equivalent vocabulary, the reality-words reflect most of the daily life, mode of life, national identity of the definite nation.

Ключевые слова: реалия, термин, безэквивалентная лексика, эквивалент

Keywords: reality, term, words with no direct equivalents in other languages, equivalent.

Знание реалий, т.е. конкретных условий жизни и быта страны, с языка которой делается перевод, приобретает переводчиком в процессе учебно-познавательной и профессиональной деятельности. Следует стремиться повышать, обогащать свой культурологический уровень, изучать национально-специфические особенности быта и жизни населения страны изучаемого языка (ПЯ), государственное устройство, историю и культуру; целенаправленно читать оригинальную и переведенную художественную литературу, публицистику и прессу, пользоваться Интернетом и информативными сведениями СМИ [6, 81].

Перевод слов-реалий – часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины [3, 17].

Реалии – слова или выражения, обозначающие предметы, понятия,

ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке [7, 178].

Принимая во внимание данное определение, можно заметить некоторое сходство реалии с термином. Основное отличие термина от другой лексики заключается в специфичности его употребления [5, 26]. Термины обозначают точно определенные понятия, предметы, явления; как идеал – это однозначные, лишённые синонимов слова, часто иноязычного происхождения. Все это можно отнести и к реалии. Более того, имеется ряд единиц, которые трудно отнести к реалиям или к терминам, а некоторые из них «на законном основании» можно считать и терминами, и реалиями [3, 19].

Однако есть реалии, и их немало, которые, не будучи терминами, имеют международное распространение и употребляются практически также широко, как и термины.

Не менее значительны и расхождения между словами-реалиями и терминами. Реалии без колебания можно отнести к БЭЛ, в то время как термины – лексические единицы, имеющие эквиваленты почти в любом языке.

От реалии термины отличаются и по происхождению. Многие термины создаются искусственно для наименования предметов (в качестве основы часто используются средства латинского и греческого языка) или путем сознательного переосмысления уже существующих слов, в то время как реалии возникают всегда путем естественного словотворчества [3, 20].

С.В. Гринев-Гриневиц поясняет, что отнесенность термина к специальной области употребления обусловлена тем, что он используется для называния понятий. Это свойство термина, по его мнению, является наиболее важным, так как оно обуславливает не только принадлежность термина к специальной области знаний, но и все остальные его свойства. Другим важным свойством термина С.В. Гринев-Гриневиц считает содержательную точность, под которой обычно понимается четкость, ограниченность значения терминов [5, 27].

Таким образом, разница между словом-реалией и термином объективно обусловлена тем, что они отражают явления разных уровней мыслительной деятельности [5, 28].

Термин обычно распространяется с распространением предмета, наименованием которого является. Он занимает определенное место в языке каждого народа, который тем или иным путем знакомится с его референтом. Термин – достояние всего человечества, которое использует его. Реалия же принадлежит народу, в языке которого она родилась. Реалия проникает в другой язык независимо от знакомства соответствующего народа с обозначаемым ею объектом, чаще из литературы и/или по каналам средств

массовой информации. Ее принимают на некоторое время, часто реалья останаея в языке и обогащает или же засоряет его [3, 19].

Рассмотрим как переводчики смогли передать термины и слова-реалии из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на немецкий язык.

В тексте оригинала читаем:

Хмель, глушивший внизу кусты *бузины*, *рябины* и *лесного орешника* и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал наконец вверх и обвивал до половины сломленную *березу* [4, 122].

Переводчики переводят данные термины следующим образом. В переводе Фл. Лебенштейна читаем:

Hopfen, der sich von unten an *Fliedergebüschchen*, *Eschen* und *Nussbäumen* aufschwang... die abgebrochene *Birke* [12, 158].

Перевод Ф. Оттова:

Wilder *Hopfen*, der sich um *Holunder*, *Ebereschen* und *Nußsträucher* gerankt hatte... am Stamm der halbgeborstenen *Birke* emporgeklettert [13, 141].

Перевод этого же предложения, выполненный В. Казаком:

Wilder *Hopfen*, der unter sich *Holunder*, *Ebereschen* und *Haselnussbüsche* erstickte... die abgebrochene *Birke* bis zur Hälfte umschlugen [11, 151].

В. Бишицки переводит это предложение таким образом:

Hopfen, der von unten *Holunderbüsche*, *Ebereschen* und *Haselnusssträucher* überwuchert hatte... umschlang bis zur Hälfte den zersplitterten *Birkenstamm* [10, 140].

Проведенный анализ показал, что перевод терминов не вызывает у переводчиков затруднений: они используют одинаковые эквиваленты терминов в ПЯ. Рассмотрим значения предложенных эквивалентов.

Hopfen der хмель [1, 897].

Fliedergebüschchen das = schwarzer Holunder бузина черная [1, 617].

Holunder der 1. бузина 2. ягода бузины, бузинная ягода [1, 895].

Eberesche die рябина [1, 467].

Фл. Лебенштейн в отличие от остальных переводчиков переводит слово «*рябина*» как die Esche ясень [1, 565], что нельзя считать эквивалентным оригиналу. В. Бишицки, О. Бук, В. Казак и Ф. Оттов дают эквивалентный перевод.

Термины „*der Haselbusch*“, „*der Haselnussbusch*“, „*der Haselnussstrauch*“, „*der Nussbaum*“, „*der Nußstrauch*“ являются синонимичными и имеют одно значение: лещинный куст орешника [1, 795; 2, 205]. Таким образом, все рассмотренные переводы термина «*орешник*» эквивалентны оригиналу.

При переводе существительного «*береза*», переводчики единогласно выбирают немецкий эквивалент die Birke береза [1, 319].

Однако бóльшую сложность для переводчика представляет передача слов-реалий на иностранный язык. Так, к примеру, у Н.В. Гоголя читаем:

С лица весь красный: *пеннику*, чай, насмерть придерживается [4, 132].

В современном русском языке использованное автором слово «пенник» встречается редко, и значение этого слова малоизвестно даже носителям языка. Рассмотрим значение данного существительного по Толковому словарю Д.Н. Ушакова:

Пенник, пенника, м. (обл. и устар.). Крепкое хлебное вино (неочищенная водка). Хватить пеннику [9, 135].

Далее проанализируем, как переводчики смогли справиться с переводом данного слова-реалии. В переводе Фл. Лебенштейна читаем:

Sein Gesicht ist immer roth, und er riecht stark nach *Branntwein* [12, 172].

В первую очередь следует обратить внимание на манеру перевода, точнее говоря, на манеру пересказа. Переводчик меняет смысл предложения по своему усмотрению, говоря: «от него сильно пахнет водкой». Фл. Лебенштейн явно искажает смысл, вложенный автором в высказывание. Для передачи слова-реалии «пенник» переводчик использует немецкий эквивалент:

Branntwein der водка [1, 338].

Перевод слова-реалии «пенник» можно считать эквивалентным, в то время как перевод всего предложения не эквивалентен оригиналу.

У Ф. Оттова читаем:

Er hat ein feuerrotes Gesicht und wird sich sicher *zu Tode saufen* [13, 153].

Для перевода слова-реалии «пенник» переводчик использует описательный перевод:

saufen v. пить; хлестать (алкоголь); напиваться [2, 409];

zu Tode до смерти [2, 705].

Таким образом, Ф. Оттов пишет, что «он, вероятно, допьется до смерти». Данный перевод, по нашему мнению, является эквивалентным, поскольку смысл предложения передается в полной мере.

Рассмотрим перевод В. Казака:

Er hat ein ganz rotes Gesicht: hat *den Fusel* wohl für sein Leben gern [11, 164].

Fusel der сивуха, неочищенная водка [1, 655].

С учетом дефиниции слова можно заключить, что В. Казак дает эквивалентный перевод слову-реалии «пенник». При этом переводчик использует разговорную лексическую единицу „*der Fusel*“, сохраняя стилистический выбор автора.

Перевод В. Бишицки:

Ganz rot im Gesicht ist der: er scheint wohl *zu tief ins Glas zu schauen* [10, 151].

В. Бишицки использует описательный способ перевода, употребляя немецкий идиоматический оборот „*zu tief ins Glas schauen*“ – хватить (выпить) лишнего [1, 722]. Данный перевод также эквивалентен оригиналу.

Как видно из приведенных примеров, перевод терминов не вызывает у переводчиков затруднений. Во всех рассмотренных примерах дается эквивалентный перевод терминам, за исключением термина «*рябина*» в переводе Фл. Лебенштейна. Данное несоответствие можно объяснить графической схожестью немецких терминов (*die Esche* – *die Eberesche*). Однако заметные трудности возникли и при переводе слова-реалии «*пенник*» – это подтверждает, что слова-реалии используются в рамках одного языка, в то время как термины присутствуют и имеют эквивалентный перевод во всех языках.

По результатам проведенного анализа можно сказать, что наличие в тексте безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано на ИЯ. Их перевод возможен, но, как правило, с меньшей точностью.

Конечно, уже существует определенный алгоритм для передачи национальноокрашенных слов-реалий на ИЯ ввиду большого опыта переводчиков в этом вопросе. Тем не менее готовый переводческий эквивалент есть лишь в ряде случаев. Однако есть понятия, которые не могут быть идеально переданы с одного ИЯ на другой.

Литература

1. Большой немецко-русский словарь = Langenscheids Großwörterbuch Deutsch-Russisch. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2002. – Т. 1. А – К. – 1120 с.
2. Большой немецко-русский словарь = Langenscheids Großwörterbuch Deutsch-Russisch. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2002. – Т. 2. L – Z. – 1216 с.
3. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – М.: Р. Валент, 2009. – 360 с.
4. Гоголь Н.В. Мертвые души. – М.: Фонд «Народная книга», 2007. – 412 с.
5. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
6. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. – М.: Изд-во Флинта: Наука, 2009. – 216 с.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Изд-во Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – изд. 4-е доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.

9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakova-slovar.ru/>
10. Gogol N. Die toten Seelen. Aus dem Russischen von V. Bischof. – Düsseldorf, 2009. – S. 515.
11. Gogol N. Die toten Seelen. Aus dem Russischen von W. Kasack. – Stuttgart, 2009. – S. 595.
12. Gogol N. Die toten Seelen. Aus dem Russischen von Ph. Löbenstein. – Zürich, 1977. – S. 367.
13. Gogol N. Die toten Seelen. Aus dem Russischen von F. Ottow. – München, 2005. – S. 523.

Улиткин И.А.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
университет

ПЕРЕВОДЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: КАК СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ РАБОТУ ПЕРЕВОДЧИКА

Аннотация. Показаны этапы развития ремесла переводчика с древних времен до настоящего времени. Рассматриваются современные технологии в работе переводчика. Перечислены и описаны инструменты современного переводчика.

Abstract. The stages of development of the translator's craft from ancient times to the present are shown. Modern technologies in the work of a translator are considered. The tools of a modern translator are listed and described.

Ключевые слова: компьютер, Интернет, электронные словари, CAT-средства, машинный перевод, поисковые системы, Интернет ресурсы.

Key words: computer, Internet, electronic dictionaries, CAT-tools, machine translation, search engines, online resources.

Ремесло (или искусство) переводчика, безусловно, является очень древним занятием. Первый переводчик появился тогда, когда возникла необходимость общения между людьми, не знающими языка друг друга. Письменный перевод появился практически одновременно с изобретением письменности. Первые серьезные работы переводчиков были связаны с религиозными текстами. По этой причине в числе первых переводчиков чаще всего называют Святого Иеронима, известного тем, что он выполнил перевод Библии с греческого языка и иврита на латынь. Святой Иероним родился в 347 году на территории современной Боснии и Герцеговины.

Его перевод Библии также называют Вульгатой, поскольку при ее написании использовалась не классическая, а так называемая вульгарная латынь. Вульгата до сих пор является официальным текстом Библии в Римско-католической церкви. Святой Иероним начал свою работу в 382 году с правки существовавшего на тот момент латинского перевода Нового Завета. В 390 году он добрался до Старого Завета, написанного на иврите. Работа Святого Иеронима была полностью завершена в 405 году, т.е. заняла 23 года. В последующие 15 лет своей жизни Святой Иероним занимался тем, что комментировал полученную рукопись, нередко объясняя принятые им переводческие решения [1].

В память о Святом Иерониме празднуется Международный день переводчика 30 сентября. Следует отметить, что даже такой классический перевод, как работа Святого Иеронима, до сих пор подвергается постоянной критике, что еще раз говорит о субъективном характере любого перевода.

В течение многих лет орудием переводчика были чернила, перья и бумага. С их помощью Святой Иероним переводил Библию. Важной составляющей навыков переводчика было владение каллиграфией. В результате за день работы можно было получить одну или две страницы перевода.

Хотя изобретение шариковой ручки в XIX веке несколько упростило работу переводчика, первая революция все-таки связывается с изобретением печатной машинки. Человек, владеющий навыками набора текста, печатает намного быстрее, чем пишет от руки. Стало возможным набирать текст со скоростью 250–300 символов в минуту. Для справки, официальный рекорд слепой печати при русской раскладке клавиатуры принадлежит Михаилу Шестову и составляет 720 символов напечатанных без ошибок в минуту. Самым значительным результатом (занесенным даже в книгу рекордов Гиннеса) стала скорость печати, равная 750 знакам в минуту. Этот рекорд был поставлен в 2005 году американской пожилой секретаршей Барбарой Блэкберн [2]. Несмотря на все преимущества, печатные машинки не получили быстрого распространение среди переводчиков. Противники идеи использования печатных машинок переводчиками утверждали, что повышение скорости печати противоречит самой сути перевода, который является искусством и измерять который знаками в минуту нельзя. С тем же успехом можно использовать механизмы для создания картин или музыкальных произведений.

Настоящей революцией же в переводческом деле стало изобретение персональных компьютеров и Интернета. И если первоначально компьютер использовался в качестве печатной машинки, а Интернет – для получения и отправки переводов по электронной почте, то сегодня работа

переводчика немыслима без этих крайне важных инструментов. Именно современные цифровые технологии позволяют упростить и ускорить работу переводчика.

Вне всякого сомнения, основа основ успешного перевода, как устного, так и письменного, является знание иностранного языка. Однако даже профессионал, знающий язык в совершенстве, нередко сталкивается с необходимостью заглянуть в словарь или грамматический справочник. Каждый переводчик работает со словарем. Прежде всего, это двуязычные универсальные и специализированные электронные словари (Lingvo [3], StarDict [4], Multitran [5] и т.д.). Электронные словари значительно облегчают работу современного переводчика, поскольку позволяют более быстро находить требуемую информацию, несколько дешевле бумажных словарей и, конечно же, занимают много меньше места на полках.

Программы перевода с помощью компьютера или САТ-программы (английская аббревиатура – computer-assisted translation) – категория программного обеспечения, позволяющая облегчить труд переводчика за счет использования накопителей переводов или ТМ (от английского translation memory). В накопителях перевода сохраняются переводческие решения, принятые ранее. Следует сразу оговориться, что перевод с помощью компьютера и машинный перевод не одно и то же и, соответственно, получаемое в результате качество совершенно разное. При использовании САТ-программ исходный документ делится на сегменты, разделенные знаками препинания. Каждый исходный сегмент при переводе соотносится с сегментами перевода. Если при этом в накопителе перевода уже содержится такой же или похожий фрагмент исходника, то программа предлагает переводчику сравнить его с оригиналом. После завершения перевода фрагмента в накопитель перевода заносится пара оригинал – перевод. При переходе к переводу следующего сегмента программа снова сканирует накопитель переводов в поисках совпадений.

Системы автоматизации перевода, такие как SDL Trados [6], Déjà vu [7], MemoQ [8] и другие, стали неотъемлемой частью современного процесса профессионального перевода.

Данные системы представляют собой целый комплекс технологий и инструментов для перевода документации, локализации программного обеспечения, ведения терминологических глоссариев, проверки качества перевода, создания и распределения переводческих проектов, встраивания в разнообразие системы документооборота. С их помощью решаются задачи по созданию качественного перевода в рамках кратчайшего производственного цикла [9, 28].

Не стоит забывать и о машинном переводе. Конечно, машинный перевод чаще разочаровывает и требует основательного редактирования. Однако, если перевод несложный и большой по объему (несколько десятков страниц), то отредактировать перевод будет быстрее, чем полностью набирать самому.

Для профессионального переводчика Интернет открывает чрезвычайно разнообразные возможности. Для переводчика Сеть – это хранилище электронных словарей, энциклопедий, глоссариев и разнообразных справочных материалов; корпус текстов, из которого можно черпать необходимую лингвистическую информацию; источник фоновых сведений по предметной области переводимого текста; вместилище специализированных переводческих и лингвистических ресурсов [10].

С появлением поисковых систем Google и Yandex Интернет стал бесценной энциклопедией и лучшим другом переводчика. Эти системы действительно открывают перед переводчиком очень широкие возможности. За несколько секунд можно проверить, в каком контексте встречается то или иное сочетание, вызывающее затруднения при переводе. Многоязычные инструменты (в первую очередь Wikipedia) позволяют переключаться между статьями, написанными на одну тему, но на разных языках. В результате переводчик получает возможность сравнить терминологию языков оригинала и перевода в той или иной узкой предметной области. Например, если для переводчика английский язык не является родным и он не уверен, какую формулировку лучше использовать (например, «heavy gain» или «strong gain»), то задав оба варианта в строке поиска Google, можно сравнить частотность каждого из них по количеству найденных страниц (37500000 для «heavy gain» и 184000 для «strong gain»). Чтобы Google искал именно словосочетание, а не отдельные слова, их нужно взять в кавычки. Разумеется, использовать Интернет как основной источник информации для принятия решения нужно очень осторожно. Сам факт, что в сети нашлось больше сорока тысяч сайтов, содержащих неидиоматическое в английском языке выражение “strong rain” говорит о надежности этого источника. К счастью грамотных авторов сайтов все-таки больше, чем неграмотных, и указанный выше метод с успехом несколько лет применяется автором этой статьи в его переводческой деятельности.

С распространением сети Интернет появляется все больше ресурсов, доступ к которым можно получить через сеть. Доступны онлайн версии многих электронных словарей, в том числе с возможностью пополнения пользователями (например, www.multitran.ru). Интернет соединил переводчиков, живущих в разных странах мира. С каждым днем появляется все

больше форумов, блогов и ресурсов для переводчиков [11], где последние могут обмениваться опытом и помогать друг другу. Наиболее известный среди таких сайтов в России Город переводчиков [12], а западных – Proz.com, KudoZ, Translators' Café и Translators' Base. Некоторое время назад среди переводчиков также были популярны списки рассылки (например, Lantra-L и Trad-Prt).

Используя программы коммуникации (ICQ, Skype и другие), переводческие компании могут привлекать к работе переводчиков-носителей языка из разных стран. Благодаря сети Интернет, рынок переводов становится действительно единым и глобальным. Появляются международные ассоциации переводчиков (например, Американская ассоциация переводчиков или сокращенно АТА [13]), основанная в 1959 году. Роль АТА заключается в том, что эта организация проводит сертификацию переводчиков.

Появление компьютерной техники, накопителей переводов, электронных словарей, программа распознавания речи и текста позволило ускорить и облегчить работу переводчиков. В результате существенно вырос оборот переводческой отрасли.

Тем не менее, следует отметить, что применение электронных технологий само по себе не является панацеей от всех бед и проблем в переводе. При всей своей эффективности и перспективности технические приспособления и новейшие электронные средства не способны полностью заменить переводчика и сами по себе не гарантируют качественного перевода. Они предназначены лишь для того, чтобы ускорить и облегчить процесс перевода, помочь в разрешении многочисленных сомнений, возникающих во время работы, и минимизировать усилия и время, затрачиваемые на перевод [14, 127].

Качественный перевод возможен лишь при разумном сочетании электронных технологий с наработанными переводческими приемами и навыками, хорошим знанием иностранного языка и теории перевода, поскольку программы не смогут заменить человека даже в долгосрочной перспективе – по крайней мере, до тех пор, пока не будет создан полноценный искусственный интеллект. Поэтому многое в переводе зависит от личности переводчика, его профессионального опыта. А электронные системы – лишь полезное и нужное, а иногда и необходимое дополнение.

Литература

1. <http://en.wikipedia.org/wiki/Jerome>
2. <http://www.shkola-pechati.ru/statji/mirovoj-rekord-skorosti-pechati-750-znakov/>
3. www.lingvo.ru/

4. www.stardict.org/
5. www.multitran.ru/
6. www.trados.com/
7. <http://www.atril.com/>
8. <http://kilgray.com/products/memoq>
9. Виноградова Т. Современные системы автоматизации перевода. – В сб. статей: “Перевод: Информационные технологии”/ Федеральное агентство на науке и инновациям; Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации. – М.: ВЦП, 2009.
10. Ulitkin I. “Computer-assisted Translation Tools: A Brief Review.” *Translation Journal*, Vol. 15, No. 1, January 2011 (<http://translationjournal.net/journal/55computers.htm>).
11. <http://forum.alba-translating.ru/>
12. <http://www.trworkshop.net/>
13. <http://www.atanet.org/>
14. Шевчук В.Н. Электронные ресурсы переводчика. – М.: Либрайт, 2010.

Филиппова И.Н.

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
университет

ОТ ТРАНСФОРМАЦИОНИЗМА И ИНТЕРПРЕТАЦИОНИЗМА К СИНЕРГЕТИКЕ И ХОЛИЗМУ

Аннотация. Статья представляет новый холистический подход к переводу, объединяющий достижения предшествующих переводческих парадигм, трансформационной и интерпретативной, в их комлементарной взаимосвязи. Материалом анализа служат языковые факты избыточности и недостаточности в немецком и русском языке. Показано когерентное сопряжение избыточности и недостаточности, выявлены микростратегии их перевода для оптимизации двуязычной коммуникации.

Abstract. The article presents a new holistic approach to translation, which integrates achievements of previous translation paradigms, the transformation’s one and the interpretation’s one, in their complementary correlation. The analysis is based on linguistic facts of redundancy and shortage in German and Russian. There are also pointed out the coherence of verbal redundancy and shortage, as well as microstrategys of their translation, to optimize bilingual communication.

Ключевые слова: Избыточность, интерпретативизм, недостаточность, перевод, синергетика трансформационизм, холизм.

Key words: Holistic, interpretative, redundancy, shortage, synergetic, transformations, translation.

В настоящее время в различных разделах лингвистики наблюдается одновременное разнонаправленное эволюционирующее движение: с одной стороны, спецификация отдельных теорий, категорий, концептов и, с другой стороны, унификация полученных когнитивно-прагматических выводов. Состояние, близкое к кризисному, предвещающему появление новой парадигмы, отмечается и в области переводоведения. Объединить достижения предшествующих парадигм теории перевода, не отрицая при этом их недостатков и уязвимых сторон, предложить диверсификационные пути для оптимизации исследовательской деятельности позволяет новый синергетический подход. В области переводоведения синергетизм является закономерным следствием развития трансформационизма и интерпретационизма, нивелируя недостатки двух основных переводоведческих парадигм и экстрагируя их преимущества. О достоинствах и проблемных точках трансформационного и интерпретативного подходов сказано достаточно, однако представляется необходимым отметить эволюционирующее представление об их взаимосвязи в области теории и практики перевода

В переводоведении принято конфронтировать интерпретативный и трансформационный подходы. Трансформационный перевод понимается как преобразование материальной стороны ИТ (объектов и структур всех языковых уровней) в объекты и структуры ПЯ. Интерпретационизм рассматривает смысл (концепт, информацию) как главный предмет коммуникации, опосредованной переводом. Однако при внимательном анализе обнаруживается не столь существенное противоречие между названными подходами. Думается, что в практике перевода отказ от жесткой дихотомии трансформационного и интерпретативного подходов позволяет достичь более адекватной коммуникации, а в теории перевода – выявить их комплементарную взаимосвязь. Работы, посвященные непосредственному сближению интерпретационизма и трансформационизма, приобретают все большую популярность в отечественной и зарубежной переводоведческой литературе в свете распространяющейся методологии синергетики.

Синергетизм как одно из лидирующих научных направлений в приложении к языку вообще и переводоведению в частности [1; 2; 3; 5; 6; 10; 17] обладает значительным потенциалом в разрешении крупных проблем и в решении частных задач. Именно решению частной задачи – оптимизации межъязыкового и межкультурного общения, опосредованного переводом, и

поиску адекватной передачи и гармонизации избыточности и недостаточности – посвящена настоящая статья.

Думается, в синергетическом понимании рассмотрение трансформации как технологии перевода, а интерпретации – как идейной, абстрактно-теоретической базы перевода может служить комплексным динамическим подходом, оптимизирующим процесс перевода и аппроксимирующим его результат. На этой основе вырабатывается холистический переводческий подход [14; 15], обладающий значительной теоретической валидностью и перспективой практического использования.

Холистический подход позволяет кумулировать преимущества интерпретационизма с достижениями трансформационной теории, обнаруживая комплементарный характер соотношения двух значимых онтологических систем перевода. С этой точки зрения оказывается возможным вычленить их корреляцию с проблемой дифференциации эквивалентности и адекватности: понятие эквивалентности сопряжено с достижениями трансформационной теории, а адекватности – с течениями в русле интерпретативного перевода. Не буквальная сумма, а диалектико-динамическая целостная система учета внешних и внутренних факторов перевода составляет суть предлагаемого автором холистического перевода.

Понимание комплементарности интерпретативного и трансформационного подходов позволяет обратиться к вопросу адекватного перевода с интегративных позиций. Тогда приоритетным следует считать функционально-прагматическое содержание ИТ, контент, информацию, смысл, «мир содержания», имеющий то или иное вербальное выражение в тексте. Следовательно, перевод понимается как передача смысла, наполнения, содержания ИТ при полной утрате автономии ИТ и вербализации смысла средствами, формами, лингвокультурологическими и лингвокогнитивными стереотипами ПЯ.

В русле холистического подхода оказывается возможным максимально оптимизировать передачу избыточности и недостаточности в двуязычии. Имея давнюю и в спорадических аспектах успешную историю исследования, избыточность и недостаточность остаются проблемами в двуязычной коммуникации. Нерешенными остаются вопросы их статуса, их детерминант, их адекватной передачи, их внутренней взаимосвязи, их аппроксимации в практике перевода. В авторском исследовании этих феноменов, базирующемся на аутентичных материалах немецкого и русского языков и их переводных текстах, полученных в лингводидактической практике перевода, предлагается холистический подход, основанный на принципах синергетизма. В качестве частной методологии и эмпирической базы ис-

пользованы имплицитная идея о трансцендентальном характере перевода [7–13; 22], о микростратегиях перевода [16; 18; 19; 23; 24], о принципиальной переводимости [11; 13].

Внутренняя взаимосвязь избыточности и недостаточности ранее не была предметом специального лингвистического анализа, однако представляет несомненный интерес. Бифуркационная организация высказывания с одновременно сопряженными и независимыми чертами избыточности и недостаточности презентует смысл в соответствии с интенцией автора, национально маркированными когнитивными стереотипами и общей пропозицией. Когерентное сопряжение избыточности и недостаточности обуславливает в переводе комплементарный характер использования интерпретационизма и трансформационизма и применение специальных микростратегий (нормализация, симплификация, эксплицитация). *Das Denkmal vor dem Hauptgebäude der Berliner Universität zeigt ihn lässig und selbstbewusst. Wilhelm von Humboldt sitzt auf seinem steinernen Sessel und blickt stolz auf die Studenten herunter. So, als wollte der preußische Bildungsreformer und Gründer der Universität noch heute für sein Lebenswerk Respekt einfordern* [18]. – ‘Памятник Вильгельму фон Гумбольдту перед главным зданием Берлинского университета: прусский реформатор системы образования восседает в каменном кресле и гордо смотрит на студентов с постаментом, словно внушая уважение к главному делу своей жизни, основанию университета’. В рамках холистического подхода при передаче этого фрагмента осуществлены изъятие 5 сегментов нерелевантной информации (выделенных курсивом), компенсация 2 фрагментов недостаточности (выделенных подчеркиванием), лексические трансформации, синтаксические трансформации (преобразование 3 простых предложений в 1 сложный синтаксический комплекс) и конверсия.

Der Fall der Berliner Mauer war ein Ereignis, das am 9. November 1989 die Welt veränderte. Ein Jahr später wurden Ost- und Westdeutschland nach 41 Jahren der Teilung wiedervereinigt. Mit dem Verschwinden der zweiten Diktatur auf deutschem Boden, mit dem Ende der DDR, war der Ost-West-Konflikt beendet [21]. – ‘Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года изменило мир. Через год Германия воссоединилась: крах диктатуры ГДР исчерпал конфликт между Восточной и Западной Германией’. Изъятие 2 сегментов нерелевантной информации (выделенных курсивом), компенсация 2 фрагментов недостаточности (выделенных одинарным подчеркиванием), лексические трансформации, синтаксические трансформации (преобразование сложного предложения в простое, устранение приложения) представляют собой радикальное перефразирование, позволяющее полно раскрыть смысл ИТ

при сохранении пропозиции и учете когнитивного уровня адресата. Эти трансформации осуществляются в русле нормализации (приведении ПТ к нормам ПЯ), определяющей симплификацию отмеченных фактов избыточности ИТ и 2 сегментов недостаточности (выделенных двойным подчеркиванием). Такой ПТ соответствует нормам литературного ПЯ, полностью выполняет коммуникативную задачу и утрачивает «маркеры неаутентичности» [4], что свидетельствует о высоком качестве перевода.

Приведенные примеры наглядно иллюстрируют особый статус трансформаций лингвистической и экстралингвистической избыточности и недостаточности и выявляют механизм их когерентной сочлененности в текстовом пространстве. Таким образом, анализ фактического материала свидетельствует о преимуществах холистического подхода к переводу (комплементарности интерпретаций и трансформаций, синкретичности микростратегий) и перспективах его использования в рамках синергетических тенденций современного знания.

Литература

1. Алексеева Л.М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып.1(7). – С. 45–51.
2. Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы? – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. – 252 с.
3. Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2009. – 24 с.
4. Кошкин Р.К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе: дис... канд. филол. наук. – М., 2006. – 233 с.
5. Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика – теория самоорганизации: идеи, методы, перспективы. – М.: Знание, 1983. – 64 с.
6. Кушнина Л.В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). – С. 81–86.
7. Львовская З.Д. Теоретические проблемы перевода. – М.: Наука, 1985. – 214 с.
8. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
9. Мирам Г.Э. Профессия: переводчик. – Киев: Ни-ка-Центр, 1999. – 156 с.
10. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
11. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект). – М.: Флинта: Наука, 2009. – 216 с.
12. Нелюбин Л.Л. Перевод и прикладная лингвистика. – М.: Выс. школа, 1983. – 207 с.

13. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
14. Филиппова И.Н. Холистический перевод избыточности и недостаточности // *Общественные науки. Актуальные проблемы и современное состояние общественных наук в условиях глобализации*. 29 июня 2012. Сборник статей по материалам конференции. – М.: МИИ Наука. – С. 79–82.
15. Филиппова И.Н. В поисках новой парадигмы перевода // II Международная научно-практическая конференция «Язык и культура», Новосибирск, 29–30 сентября 2012. (в печати)
16. Хайрутдинов З.Р. Сравнительный анализ лексико-грамматических особенностей оригинальных и переводных текстов английского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 19 с.
17. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. – М.: Ин-т компьютерных исслед., 2002. – 272 с.
18. 200 Jahre Humboldt-Universität. – URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,6080416,00.html> (последнее обращение – 23.08.2012)
19. Baker M. *Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead*. – Amsterdam, 1996. – 183 p.
20. Bloch I. Sentence splitting as an expression of translationese. Seminar Paper. Bar Ilan, 2005. – URL: <http://www.biu.ac.il/hu/stud-pub/tr/tr-pub/bloch-split.htm> (последнее обращение – 15.09.2012).
21. Der Schicksalstag der Deutschen. – URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,6220421,00.html> (последнее обращение – 10.06.2012)
22. Gutt E.-A. *Translation and Relevance. Cognition and Context*. – London: Blackwell, 1991. – 222 p.
23. Shlesinger M. Shifts in Cohesion in Simultaneous Interpretation // *The Translator*. 1(2). – Manchester, 1995. – pp. 193–214.
24. Toury G. *Introducing Translation Theory: Selected Articles*. – Tel Aviv, 1991. – 116 p.

Осипова А.А.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский городской
педагогический университет

Хухуни Г.Т.

Доктор филологических наук, профессор
Московский государственный
областной университет

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕКСТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с восприятием переводов сакральных текстов. Отмечается, что оно часто определяется сложившейся традицией их репрезентации на языке перевода, отступление от которой может быть воспринято крайне негативно и вызвать у значительной части реципиентов резкое неприятие.

Abstract. The present paper deals with some aspects of the perception of translated sacred texts. It is mentioned, that it is often defined by the existing tradition of their representation in target language. The deviation from it may not be accepted by the large part of the recipients and can provoke quite a negative reaction.

Ключевые слова: религиозный, текст, восприятие, традиция, перевод.

Key words: religious, text, perception, tradition, translation.

В романе финского писателя Мартти Ларни, сатирически описывающего американские реалии конца сороковых – начала пятидесятих годов прошлого столетия, представлен эпизод, когда возмущённые жители провинциального городка Новый Париж, где «где богобоязненность была написана на бородах мужчин и на подолах женщин, которые не смели быть выше колен», торжественно сжигают на площади новый (по тем временам) перевод Библии, мотивируя свои действия следующим: «Издатель искаженной библии в своем предисловии коварно заявляет, что цель его – дать народу Америки библию, которая по языку была бы современной... Это уже не язык Священного писания, а современный американский язык, который даже не является никаким языком. Нам не нужен в этой стране какой-то новый язык. Поэтому я и говорю, дорогие сограждане, что лучше бы он сгорел, этот современный язык! Пастор нашего прихода убежден, что новый перевод библии ведет человечество прямо в ад... А если я скажу

еще, что, говоря о пресвятой деве, там используют слово “женщина”, то, я полагаю, этого достаточно, чтобы засвидетельствовать, что искажение совершено» [7].

При всей гротескности приведённой сцены, можно отметить, что она не столь уж фантастична, как может показаться на первый взгляд. Большинство новых переводов Священного Писания (до тех пор, пока они воспринимались как «новые») действительно вызывало у значительного числа тех, кто привык к существующей версии, весьма неоднозначную реакцию – будь то Вульгата Иеронима (впоследствии объявленная «богодухновенной» и равной оригиналу), созданный более тысячелетия спустя латинский перевод Нового Завета Эразма Роттердамского (подвергавшийся нападкам уже потому, что расходился с текстом Иеронима) или многие другие. Можно вспомнить концепцию «динамической эквивалентности» Ю. Найды, которую также далеко не все приняли с восторгом. Хотя она и получила в своё время весьма большое распространение, и, как отмечалось в специальной литературе, «эта модель была выбрана в качестве основной и для перевода на многие младописьменные языки Африки, Азии, Латинской Америки и Океании» [3], применение её к англоязычным версиям Священного Писания (а позже и переводам на другие европейские языки) натолкнулось на довольно резкую критику. Как писал в этой связи один из её противников: «От сторонников «динамической эквивалентности» часто можно услышать, что подобный метод репрезентации библейского текста является наиболее подходящим, поскольку Новый Завет был написан на обычном языке обычных людей того времени. Поэтому верность тексту заключается в том, чтобы представить его соответствующим разговорным стилем. Некоторые же доходят до того, что называют язык Нового Завета “языком улицы” ... Но Новый Завет, очевидно, не был написан на разговорном языке языческого рынка... его язык, стиль и предмет отнюдь не были предназначены для подобной аудитории... возвышенные темы излагаются приподнятым (formal) ... языком. Это не просто обычный язык своего времени, и он отнюдь не представляет собой низшую и простейшую форму греческого койне ... Короче говоря, это “библейский” греческий. И если мы попытаемся найти эквивалентный стиль английского языка, то его надо искать не на улице, а в религиозных сочинениях, подобных собранию проповедей, авторы которых находились под воздействием языка традиционных английских Библий...» [13].

Естественно, что споры о том, каким должен быть язык переводов Священного Писания, характерны и для других религиозно-культурных традиций, в том числе и для русской. Причём, необходимо учитывать, что здесь,

во-первых, был актуален вопрос о том, является ли «библейским» языком русский или церковнославянский, и уже во-вторых – какой именно русский.

Поскольку история создания «русской Библии» достаточно хорошо известна (см., в частности [10], [12] и ряд других работ), отметим только, что Русская Православная Церковь при решении первого вопроса пошла, если можно так выразиться, по компромиссному пути: русский перевод как таковой получил официальную санкцию и был в семидесятые годы позапрошлого столетия издан «по благословлению Святейшего Правительствующего Синода», но языком богослужения – несмотря на все попытки «православных модернистов» изменить ситуацию – доныне остаётся церковнославянский.

Что касается второго вопроса, то, если в конце XIX – начале XX столетия он весьма оживлённо, причём зачастую с прямо противоположных позиций (ср. хотя бы токи зрения И.Е. Евсеева [4] и К.П. Победоносцева [9]), то в наступившие потом десятилетия «официального атеизма» указанная проблема, в лучшем случае, рассматривалась в достаточно узком внутрицерковном кругу. И хотя теория «динамической эквивалентности» была уже в 70-х годах прошлого столетия представлена и в советской специальной литературе (см., например [1] и предисловие к этому сборнику В.Н. Комиссарова), но то обстоятельство, что она является именно теорией библейского перевода, по понятным причинам, особенно не афишировалось.

Положение, естественно, изменилось к концу прошлого столетия, когда, после происшедших в стране изменений, началась работа по созданию современного перевода Библии на русский язык, осуществляемая Российским Библейским Обществом. Методологической основой её стала именно концепция Ю. Найды, однако методика ее применения при передаче Ветхого и Нового Завета («Радостной вести», как она озаглавлена в переводе В.Н. Кузнецовой) оказалась принципиально различной, что отразилось и на восприятии вновь созданных переводов читательской аудиторией. «Если пробные публикации книг Ветхого Завета не встретили сколь-нибудь серьезной критики (да и вообще были приняты достаточно спокойно, хоть и нельзя сказать, что незаметно), то РВ с самого начала вызвала много отзывов, от восторженных до резко негативных» [2]. Само объединение их в одном издании вызвало принципиальное несогласие со стороны руководившего переводом Ветхого Завета М.Г. Селезнёва. Правда, один из ведущих современных российских библеистов А.С. Десницкий, сравнивая оба перевода, заметил: «Ничего совершенно несовместимого в

этих двух текстах нет. Но нельзя не заметить, что переводчики очень по-разному подходят к решению своих задач...» [2].

Подробное описание данного вопроса и той полемики, которая развернулась вокруг новозаветной версии В.Н. Кузнецовой (см., в частности [5] и [8]), естественно, не является целью настоящей статьи. Прочитав только слова самого М.Г. Селезнёва о ветхозаветной части «Современного перевода»: «В отличие от Синодального перевода, переводчики нового Ветхого завета не стремились искусственно сблизить свой язык со славянским; в отличие от Валентины Кузнецовой – не стремились к шокирующему разрыву с традицией. Скорее, если говорить о стиле, задачей было воспроизвести “рельеф” оригинала, его жанровое и языковое многообразие. При передаче простого и безыскусного древнееврейского повествования – наш перевод часто подразумевал определенное “снижение” лексики по сравнению с синодальным. Там, где в оригинале язык и лексика “высокого штиля”, мы стремились передавать это и по-русски...» [11]. И, напоминая, что переводу В.Н. Кузнецовой особенно часто предьявляются упреки в «грубости» и «вульгарности» – ср. приведённое выше полемическое замечание американского библеиста о том, что сторонники «динамической эквивалентности» передают Священное Писание «языком улицы» (“street language”) – автор заключает: «Конечно, дело не в грубых и просторечных выражениях как таковых. Если таков оригинал, переводчик обязан перевести его грубо и просторечно, нельзя же переводить Аристофана языком Евангелия от Иоанна. Но и наоборот тоже нельзя. Синодальный перевод во многих случаях завышает лексику и образность оригинала. Валентина Кузнецова явно перегибает палку в другую сторону» [11].

Если с последним замечанием спорить не приходится (хотя текст «Радостной Вести» и подвергся весьма серьёзной редакторской правке), то относительно Синодального перевода, думается, дело обстоит несколько сложнее. «Искусственная сближенность со славянским» (выражение И.Е. Евсеева) уже достаточно давно квалифицировалась как едва ли не самый серьёзный его недостаток. Отрицать таковую, разумеется, не приходится: стремление «по возможности сохранить близость к славянской библии» [10, 210] действительно было одной из задач его создателей. Однако, не говоря уже о том, что в целом эта «сближенность» носила достаточно умеренный характер, особенно с позиций XIX столетия (что видно при сравнении Синодального перевода с версией К.П. Победоносцева), она была достаточно оправданной именно с точки зрения читательского восприятия. В период, когда сама возможность появления священного текста на русском языке многим представлялась едва ли не кощунствен-

ной, такой путь давал возможность, если можно так выразиться, «смягчить лингвокультурный разрыв», демонстрируя, что при создании нового перевода учтена сложившаяся традиция. Добавим к сказанному, что уже в 50-е годы XX века один из видных специалистов по церковной истории, профессор Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) Духовной академии А.И. Иванов утверждал, что «одно из требований к русскому языку Священного писания должна быть близость к славянским оборотам. Замены узнал вместо уразумел, увидишь вместо узришь не улучшают речь, а только “вульгаризуют”» (цит. по: [10, 338]).

Кстати, в этой связи представляется целесообразным несколько уточнить приведённую выше формулировку М.Г. Селезнёва: решая вопрос о «грубых и просторечных (с точки зрения современного читателя – А.О., Г.Х.) выражениях» в сакральном тексте, вероятно, всё-таки приходится учитывать не только сам факт их наличия в последнем, но и то, как они будут в подобном контексте восприняты той аудиторией, для которой данный текст предназначен.

Так или иначе, но даже наиболее ревностные защитники подхода, представленного в «Радостной Вести», настаивающие на том, что «новый перевод не просто нужен, он насущно необходим», как правило, считают справедливым отдать должное его предшественнику: «Многим его ровный, архаизированный язык и загадочная непонятность некоторых мест представляются единственно возможными для священного текста. За более чем столетие, прошедшее с момента появления синодального перевода (отдельные части публиковались с 1861 г., первое издание увидело свет в 1876 г.), он сросся с самим текстом и в значительной мере вытеснил из культуры свой церковно-славянский прототип, оставшийся, главным образом, в литургическом употреблении. Отдельные выражения из синодального перевода пополнили фразеологический фонд русского языка» [8]. Поэтому думается, что при его характеристике вполне уместно выглядит замечание одного из виднейших представителей нашей науки Э. Кари о деятельности переводчиков эпохи Возрождения: «Разумеется, никто не станет требовать, чтобы в наше время переводили так... но в XVI в. именно в этом заключалась наибольшая, во всяком случае, наиболее реалистическая верность... Другая верность, та, которую мы одобряем для нашего времени, тогда была бы равносильна стремлению к формальной виртуозности» [6, 455]. Впрочем, как свидетельствует приведённое выше признание, даже в глазах «православных модернистов» историческим аспектом значение Синодального перевода отнюдь не исчерпывается...

Литература

1. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / ред. В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1978. – 232 с.
2. Десницкий А.С. Новая русская Библия: сравнение двух заветов. – URL // <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=2322>. Дата обращения – 29.09.2012.
3. Десницкий А.С. Ю. Найда: рождение теории библейского перевода. – URL // <http://www.bogoslov.ru/text/1541684.html>. 28.09.2012.
4. Евсеев И.Е. Собор и Библия. URL // <http://www.sfi.ru/statja/sobor-i-biblija/>. Дата обращения – 28.09.2012.
5. Иеромонах Иларион (Алфеев). Язык Учителя и жаргон кабака. Перевод Евангелия должен быть точным и благоговейным. – URL // <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?7&start=0>. Дата обращения – 28.09.2012.
6. Кари Э. О переводе и переводчиках во Франции // Мастерство перевода 1964: Сборник. – М.: Советский писатель, 1965. – С. 429–463.
7. Ларни М. Четвёртый позвонок, или мошенник поневоле. – URL // http://bookz.ru/authors/larni-marti/4etverti_559/page-17-4etverti_559.html. Дата обращения – 29.09.2012.
8. Левинская И. Размышляя над рецензией иеромонаха Илариона Алфеева на Письма Апостола Павла/Пер. и прим. В.Н. Кузнецовой. – URL // <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?7&start=0>. Дата обращения – 28.09.2012.
9. Победоносцев К.П. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К.П. Победоносцева. – URL // <http://www.sbible.ru/robed.htm>. Дата обращения – 28.09.2012.
10. Рижский М.И. Русская Библия: история переводов Библии в России. – СПб: Аквалон, Азбука-классика, 2007. – 256 с.
11. Селезнёв М.Г. Новое издание Библии не удовлетворило переводчиков Ветхого Завета. – URL // <http://www.kommersant.ru/doc/1673373>. Дата обращения – 28.09.2012.
12. Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык, СПб, 1899. – URL: <http://www.greeklatin.narod.ru/chist/chist.htm>. Дата обращения – 29.09.2012.
13. Marlowe M. Was the Bible Written in ‘Street Language’? – URL <http://www.biblere searcher.com/language-koine.html/>. Дата обращения – 28.09.2012.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ПЕЛЕВИНА)

Аннотация. В статье затрагивается одна из актуальных проблем современной лингвистики – проблема функционирования иноязычных слов (англицизмов) в пространстве художественного текста. В центре внимания автора статьи находятся вопросы, связанные с определением коммуникативно-функционального и структурного статуса англицизмов в текстах В. Пелевина.

Abstract. This article deals with one of the urgent problems in modern linguistics, i.e. the functioning of foreign words in the space of a literary text. Attention is focused on the issues associated with defining communicative-and-functional and structural status of foreign inclusions in the works of V. Pelevin.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, англицизм, полные вкрапления, частичные вкрапления, коммуникативная выразительность, контактированные вкрапления.

Key words: foreign inclusions, anglicism, full inclusions, partial inclusions, communicative expression, contaminated inclusions.

Последние 20–30 лет англицизмы проникают в русский язык настолько стремительно и в таких больших количествах, что языковеды заговорили о таком явлении, как англо-русский билингвизм. Это вызвано, во-первых, открытостью современного общества для международных контактов, во-вторых, международным статусом английского языка, что обусловило массовое вхождение в русский язык заимствований (преимущественно из американского варианта английского языка). Язык, как известно, “живет и меняется вместе с обществом, которому служит, подчиняясь ему и воздействуя на него”.

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона приводится следующее определение англицизма «это особенность английского языка, перенесенная в другой язык» [2, с. 45]. Д. Н. Ушаков описывает англицизм как «вид варваризма, а именно как оборот речи, выражение в каком-н. языке, составленное по образцу английского языка» [5].

В научной литературе «англицизм» понимается двояко (в широком и узком значениях). В широком значении, как считает В.М. Аристова, «“ан-

глицизм” – понятие лингвистическое, поэтому исходным считается язык, а не национальные, этнические особенности того или иного языкового ареала. На этом основании в группу англицизмов включены слова из американского, австралийского, индийского и других вариантов английского языка» [1, с. 13].

В узком понимании термин «англицизм» – это «только слова исконной английской лексики» [3, с. 96].

В современном художественном тексте можно обнаружить иноязычные вкрапления разных типов преимущественно англо-американского происхождения, что является результатом действия определённых экстралингвистических и интралингвистических факторов. Особого внимания при этом заслуживают участники общения, их коммуникативная компетенция, которая, как известно, складывается из знания мира, норм поведения, языка, соблюдения правил общения.

Определение коммуникативно-функционального и структурного статуса иноязычных вкраплений в современном художественном тексте является одной из актуальных проблем современной лингвистики.

Рассмотрим примеры вхождения англицизмов в русский язык на материале творчества В. Пелевина.

В. Пелевин – одно из самых неоднозначных и неизученных явлений современной русской литературы. Этот писатель входит в десятку самых популярных среди молодежи, наиболее читаемых отечественных авторов. Многие исследователи видят в Пелевине наиболее яркую, знаковую фигуру отечественного постмодернизма, мэтра российской прозы. Его творчество весьма многогранно и, как отмечают критики, не укладывается в строгие рамки какого-либо одного литературного направления. На наш взгляд, творчество В. Пелевина, чей философско-мировоззренческий полицентризм находит адекватное выражение в полицентризме языковом, дает богатейший материал для изучения потенциальных свойств языка, проявляемых в речевом функционировании.

Довольно часто в пространстве художественного текста В. Пелевина встречаются полные вкрапления (отрезки текста на английском языке, включённые без изменений в русский художественный текст), что может быть следствием ориентации автора на западноевропейские литературные образцы. При этом, как правило, автор дает сноски с русским переводом.

Например: Ч. 1. DAMSEL IN DISTRESS [Дева в печали (англ.)] [4, 8.]; Сперва прокрутилась заставка с нашим девизом: «... the CINEWS ofthyheart» [«нервы сердца твоего» (пер. К. Д. Бальмонта) (англ.)] [4, с. 123.].

Иноязычные вкрапления данного вида могут находиться в препозиции или в постпозиции к русскому тексту, например:

«Thou shalt keep thy newsreel wholesome», сказал Маниту. [Твои новости да будут чисты (англ.)] [4, 24]; Такие жилетки с надписью «Two cultures – one world» делали в Желтой Зоне, и стоила она не меньше ста маниту. [Две культуры – один мир (англ.)] [4, 30].

Чрезвычайно употребительны в художественных текстах В. Пелевина частичные вкрапления (слова, словосочетания, предложения и более крупные отрезки иностранного текста, в той или другой мере ассимилированные фонетически или морфологически или включённые в синтаксические отношения в составе русского предложения).

Среди частичных вкраплений различают простые и фонетические. Простые частичные вкрапления могут представлять собой слово или словосочетание, включённые в синтаксические отношения в составе русской конструкции. Например: Если вы не в курсе, «пупарас» – это бывший оскорбительный термин для глумипипл, образованный от древнелатинского «рира» – «кукла» [«кукла» (лат.)][4, 51]; Я так уверенно определяю цифру, поскольку у орков это consentage, и будь кто-то из них младше, вряд ли они решились бы показаться вместе [«возраст согласия» (англ.)] [4, 27].

В указанных примерах обороты «образованный от древнелатинского», «поскольку это», находящиеся в препозиции к простым частичным вкраплениям, подготавливают пространство художественного текста для ввода иноязычных вкраплений, настраивают читателя на восприятие иностранных слов, обладают ярко выраженным дистанцирующим эффектом.

Частичные вкрапления в канве художественного текста нередко употребляются с разъяснительным комментированием, которое включает русский перевод. При этом иноязычные вкрапления находятся в препозиции к русскому переводу.

Например: Итак, все началось с того, что нам с Бернаром-Анри дали поручение заснять для новостных роликов формальный видеоповод для войны номер 221 – так называемый «casusbelly» (экранные словари уверяют, что это церковноанглийское выражение происходит от древней идиомы «надорвать [врагу] животик») [«надорвать [врагу] животик» (англ.)] [4, 12].

В пространстве современного текста фонетические частичные вкрапления нередко служат реализации авторских интенций, составляющих иронию, сарказм, юмор. Так, коммуникативная стратегия может проявляться в форме вставной конструкции, реализующей составляющую иронию, как

правило, такая конструкция помещается в постпозицию к фонетическому частичному вкраплению. При этом иноязычный элемент мобилизует внимание читателя, «запускает» процессы воображения.

Например: Особенно в самом начале войны, когда уже прошла первая волна заголовков («мир предупредил орков»), а нормального фидбэка еще нет [от англ. feedback «обратная связь»] [4, 20]; Там висела визитная карточка двоюродного дедушки Морда – покойного родственника матери, ухитрившегося стать в Биг Бизе настоящим лоером и работать оттуда на богатых вертухаев [от англ. lawyer «адвокат, юрист»] [4, 67].

Особой выразительностью отличаются контаминированные иноязычные вкрапления (явления ломаной русской речи иностранца, представляющие собой русские слова, словосочетания, предложения или более крупные отрезки русского текста, употреблённые по законам другого языка или с нарушением законов русского языка). В современном художественном тексте вкрапления данного типа обладают высокой частотностью.

Например: Но это не такой уж и долгий процесс – если у вас, конечно, остался бэкап последнего конфига. [от англ. configuration «форма, конфигурация»] [4, 95]; Аутентичненько. [от англ. authentically «равнозначно, подлинно»] [4, 99];

Коммуникативная выразительность подобных употреблений связана с мерой субъективной выразительности смысла. Неточное выражение смысла в тексте является, на наш взгляд, намеренным - оно реализует установку автора перевести общение на уровень намёков. Появление иноязычных элементов в канве текста усиливает, на наш взгляд, выразительность коммуникативных намерений участников общения. Маниту, маниту и маниту – одно слово обозначает некое высшее божество, деньги и компьютеры.

Например: Такие жилетки с надписью «Twocultures – oneworld» делали в Желтой Зоне, и стоила она не меньше ста маниту. [от англ. money «деньги»] [4, 30]; – Каждый человек рождается свободным, таким его замыслил Маниту! [от англ. manitou «в мифологии индейцев Северной Америки (у алгонкинов) сверхъестественные силы или существа, выполняющие роль личного духа покровителя»] («S.N.U.F.F.», с. 42); Когда я вернулся, она глядела в контрольный маниту. [от англ. monitor «монитор, дисплей»] [4, 64]. Собственно, этот нехитрый лингвистический ход - уже насмешка. Так, по Пелевину, ведет себя среднестатистический представитель общества потребления: смотрит в маниту, чтобы узнать, сколько у него на счету маниту, и затем благодарит (если показатели хорошие) за это Маниту.

Таким образом, в современном художественном тексте можно обнаружить иноязычные вкрапления разных типов преимущественно англо-американского происхождения, что является результатом действия определённых экстралингвистических и интралингвистических факторов.

Обилие иноязычных элементов на страницах современных изданий уже не является модной тенденцией. Зачастую современные писатели и журналисты уже не могут обойтись без того, чтобы в их текстах не присутствовали такие единицы. А значит, можно говорить о том, что частое употребление иноязычных слов – это не просто дань моде, а закономерный этап в становлении современного языка, который будет впоследствии детально освещен специалистами в области истории развития лингвистики.

Литература

1. Аристова В.М. К истории англо-русских литературных связей и заимствований // Семантические единицы в категории русского языка в диахронии. – Калининград, 1997. – С. 12–19.
2. Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Эксмо, 2006. – 986 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994.
4. Пелевин В.О. “S.N.U.F.F.” – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL.

«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

THEORETICAL QUESTIONS OF LINGUISTICS

Воскобойник Г.Д.

Доктор филологических наук, профессор

Вебер Е.А.

Кандидат филологических наук, доцент

Иркутский государственный
лингвистический университет

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБАХ СНИЖЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА

Аннотация. Понятие «когнитивный диссонанс», предложенное Л. Фестингером, предлагается рассматривать как одну из ведущих двигателей коммуникации. В статье рассматриваются некоторые лингвистические способы снижения когнитивного диссонанса говорящего, названные стратегиями снижения когнитивного диссонанса.

Abstract. The notion of cognitive dissonance, introduced by L. Festinger is viewed as one of leading forces of communication. The article lists some of linguistic means of cognitive dissonance reduction which are named strategies.

Ключевые слова: когнитивный диссонанс, стратегия.

Key words: cognitive dissonance, strategy.

В области социальной и когнитивной психологии когнитивному диссонансу (далее КД) присваивается статус мотивации, именно поэтому его следует считать одним из двигателей коммуникации.

Поскольку КД как интеллектуальный конфликт сопровождается ощущением психологического дискомфорта или состоянием «негативного драйва» [1], он порождает у индивида стремление к действиям (в том числе и речевым), конечная цель которых – уменьшение степени несогласованности и поддержание психологического равновесия в процессе

дальнейших контактов [5]. Способность к регулированию собственного психологического состояния, сохранению стабильности и порядка в своём представлении о мире и о себе посредством так называемых «адаптивных стратегий» [4] суть проявление интерактивной компетенции говорящего. В исследованиях по социальной психологии она получила название «внутренний локус контроля» [3, 83].

Согласно теории КД, существует несколько способов его снижения, определяющих ту или иную адаптивную стратегию, среди них: отказ от цели, изменение направления действия (модификация цели), замена средств в достижении цели, насильственное устранение препятствий и т.д. Л. Фестингер утверждает, что если КД возникает между элементом, представляющим собой знание относительно того или иного факта или события реального мира, и поведенческим элементом, то он может быть, в частности, устранен посредством изменения поведенческого элемента. Устранить или ослабить КД можно за счёт радикального или частичного изменения существующих знаний или социальных установок. Например, индивид может изменить собственную оценку объекта действительности, найдя определённое количество людей, поддерживающих и разделяющих новое знание (оценку) об этом объекте. Л. Фестингер рассматривает и такой вариант разрешения КД, когда индивид не только изменяет свое знание об объекте действительности, но и привносит новое. Так, КД, возникший в связи с невозможностью объяснить некоторые природные явления, в системе верований ифалуков, одного из первобытных племён, уменьшался благодаря введению новых когнитивных элементов, а именно, некоторые природные явления объяснялись вмешательством злых духов или духов природы.

С позиции лингвистического исследования, интерес представляет вербальное проявление данной способности индивида в коммуникации как проявление его речевой компетенции. Речевая практика индивида настолько богата и разнообразна, что в конечном итоге наделяет говорящего возможностью выбора речевых средств, регуляции взаимодействия с окружающим миром посредством выбора оптимального пути для решения поставленных в ситуации общения задач [2]. В дальнейшем исследование может быть направлено по пути анализа того, какие способы снижения КД, стратегии более свойственны индивидам определенной группы (в рамках теории когнитивных стилей, либо классического подхода к типологизации личности).

Избранный индивидом способ разрешения КД зависит в первую очередь от вида КД, который определяется сферой отношений. Средства раз-

решения диссонанса определяются также характеристиками дискурса. Таким образом, если мы допускаем, что в конкретном дискурсе КД возникает по ряду специфических причин, определяемых характеристиками дискурса, то и репертуар средств снижения КД в данном дискурсе также будет специфичен.

В нашем исследовании мы исходим из положения о том, что акт речи является субъективным актом и определяется намерениями говорящего, поэтому в качестве лингвистических средств разрешения КД следует рассматривать совокупность речевых (вербальных) действий, приёмов, используемых говорящим для снижения КД, которые предлагается назвать способами, или стратегиями снижения КД.

Приступая к рассмотрению стратегий снижения КД, следует отметить, что весь их репертуар можно условно разделить на несколько групп. Прежде всего, исходя из характера средств, выделяются лингвистические (речевые, вербальные) средства разрешения КД и нелингвистические (невербальные) средства.

К невербальным средствам снижения КД, в частности, можно отнести язык жестов (*body language*), невербальные действия, например, отказ от продолжения коммуникации, посредством которых может осуществляться снижение КД в конфликтной или потенциально конфликтной ситуации.

При помощи невербальных средств может осуществляется некоторый обмен информацией, поскольку данные средства являются знаками и, следовательно, подлежат интерпретации. Информация, передаваемая таким знаком в процессе коммуникации, в большинстве случаев неоднозначна, в чём состоит эффективность данных знаков в ряде профессиональных сфер. Так, одним из невербальных знаков, используемых для урегулирования дипломатического общения в условиях конфликта интересов сторон, является так называемая «дипломатическая простуда» (*diplomatic cold, diplomatic illness*) [6]. Отсутствие бизнесмена на переговорах по болезни может интерпретироваться адресатом (коллективным адресатом) либо как факт болезни и считаться уважительной причиной его отсутствия, либо как нежелание продолжать переговоры, попытку приостановить их под благовидным предлогом в ситуации осознания бизнесменом невыгодности дальнейшего участия в переговорном процессе с точки зрения интересов его бизнеса, корпорации и т.д.

По характеру универсальности средства снижения КД также следует подразделять на средства, общие для ряда культур (к ним относятся, в частности, такие как плюрализация, замена третьего лица единственного числа вторым лицом единственного числа, предпочтительное использова-

ние пассивных форм, использование косвенных речевых актов и т. д.), и средства, варьирующиеся в зависимости от конкретного языка и культуры и, следовательно, требующие отдельного изучения и описания. Например, в английском языке к этой группе следует отнести средства политической корректности.

Литература

1. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблемы // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 111–126.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / ОГУ. – Омск, 1999. – 385 с.
3. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер, 2002. – 752 с.
4. Налчаджян А.А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. – 236 с.
5. Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. – М.: Издательство МГУ, 1984. – С. 97–110.
6. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 470 p.

Лызлов А.И.

Кандидат филологических наук, доцент
Смоленский государственный университет

ОБ ЭЛАТИВНОЙ СЕМАТИКЕ ПАРЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются паремические единицы английского языка, выражающие оценку, которые построены на основе элативных моделей. Элативные паремии раскрывают релевантные признаки картины мира английского языка.

Abstract. This article deals with the units constructed on the basis of elative models to describe some relevant features of the English language.

Ключевые слова: пейоративная оценка, мелиоративная оценка, паремия, элатив, признак, сравнение.

Key words: estimation, elative model, feature, comparison

Сравнивая категории семантики, грамматики и логики, многие авторы отмечают близость категорий оценки и сравнения, так как в обыденном сознании одно может толковаться через другое [8, 5; 3, 133; 4, 137; 5, 351].

Е.М. Вольф отмечает возможность сосуществования категорий сравнения и оценки, механизмом «наслаивания» различного рода оттенков субъективной модальности на объективное содержание языковых единиц [2, 29].

Способность сравнивать органически входит в процесс человеческого познания и находит свое отражение в языке. Феномен сравнения является универсальным для человека, как в психологическом восприятии, так и в ассоциативном мышлении и предметной деятельности [7, 19]. Сравнение фигурирует и как познавательная категория, как интегральная единица сознания человека, позволяющая преодолевать грань между миром языка и сознания отдельного человека [9, 8]. Степени сравнения как категориальная единица основываются на понятии признака. Градация явлений и предметов, исходя из степени выраженности того или иного признака, происходит, как известно, путем отнесения того или иного значения формам сравнительной или превосходной степени [6, 27].

Наивысшую степень реализации признака способна отражать не только превосходная степень, но и так называемый элатив. Этот частный случай проявления превосходной степени описывает признаки вне сравнения с другими объектами. Например «ультрасовременный», «нет гор красивее этих» [1, 108]. Данный способ выражения компаративной семантики в сочетании с категорией отрицания представлен в паремических высказываниях как наличием, так и отсутствием образного компонента.

Характерной синтаксической чертой подобного рода высказываний является сочетание компаративной семантики и семантики отрицания. Компаративная семантика выражена либо придаточным предложением сравнения в ряде высказываний – придаточным определительным, либо простейшей сравнительной конструкцией, включающей элементы *as* или *like*. Отрицание в описываемых паремических единицах выражается различного рода отрицательными квантификаторами *no*, *none*, *nothing*. Данные местоименные элементы в ряде паремических высказываний встречаются в начальной позиции, усиливая оценочно-эмоциональное воздействие на говорящего. Форма *no* может выступать и как имя прилагательное. Отрицательные элементы в ряде паремических текстов сочетаются с конструкцией формального подлежащего *there is / there are*.

Комбинация синтаксических моделей компаративности и отрицания в рассматриваемых паремиях объективирует различные оценочные признаки в рамках разнообразных ситуаций.

Время является наивысшей ценностью. Традиционно наивная картина мира разбивает временной поток на три части. Настоящее – вот истинная ценность, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать. Об этом пове-

ствуется паремия, в семантике которой присутствует элатив: *there is no time like the present* (EPSRE) (ср., русск.: «не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня»). Описание непрерывности, необратимости времени приводится в паремической единице: *there is nothing permanent except change* (EPSRE) (русск.: «нет ничего более постоянного, чем временное»). Анти-теза понятий «переменное» и «постоянное», приводимых в паремии только усиливает ее экспрессивный эффект данной элативной конструкции. Темпоральная семантика элативных конструкций в английской паремиологии представлена также паремическим высказыванием: *nothing is so good as it seems beforehand* (EPSRE) (русск.: «ничто не бывает так хорошо, как видится заранее») (ср., русск.: «издали – и так и сяк, а вблизи – ни то, ни се»). Она описывает особенность психологии человека, для которого его представления о мире превосходят реальную действительность. Данная единица перекликается с афоризмом: «ожидание праздника лучше самого праздника». Человек всегда относился к неожиданным явлениям негативно. Неожиданные события разрушают привычные представления человека о мире, провоцируют его неподготовленные, подчас необдуманные действия. Одна сентенция гласит, что с человеком всегда происходит то, чего он не ожидает. Данную мысль выражает и паремическая единица: *nothing is so certain as the unexpected* (EPSRE) (русск.: «ничто не бывает настолько вероятным, как неожиданное») (ср., русск.: «что не чаешь, то и получаешь»).

Особое место в оценочной семантике пространственных реалий занимает понятие родного дома. Любовь к дому описывает паремическая единица с элативной семантикой: *there is no place like home* (EPSRE) (русск.: «нет лучшего места, чем родной дом») (ср., русск.: «в гостях хорошо, а дома лучше»).

Тематика любви получает оценку в паремии: *there is no love sincerer than the love of food* (EPSRE) (ср., русск.: «нет более искренней любви, чем любовь к еде»). В ней сопоставляются два чувственных отношения человека: любовь к еде и любовь к другому человеку относительно понятия искренности. Данная единица имплицитно выражает негативную оценку неверности.

Для картины мира англичан огромную роль играет благосостояние и успех. Об этом повествует паремия: *nothing succeeds like success* (EPSRE) (русск.: «ничто не способствует успеху, как успех»). Данная единица выражает мысль о том, что достижения не возникают на пустом месте, а являются следствием предыдущих достижений.

Идею о том, предмет может иметь различные свойства, которые могут получать как положительную, так и отрицательную оценку, выражает па-

128

ремия: *nothing more smooth than glass, yet nothing more brittle, nothing more fine than wit, nothing more fickle* (WDP) (русск.: «нет ничего более гладкого, но и хрупкого, чем стекло; нет ничего более острого, но и ненадежного, чем человеческий разум»). В данной единице разум человека, который может достигать высот познания, но и подвести человека в ответственный момент, сопоставляется с хрупким, но вместе с тем идеально гладким стеклом.

В английской паремиологии образ глупца имеет негативную оценку. Он реализуется и при помощи семантики элатива. В паремии: *there is no fool like an old fool* (EPSRE) (русск.: «нет худшего дурака, чем старый дурак») (ср. русск.: «до седых волос дожил, а ума не нажил») образ глупца конкретизируется. Элативная оценочная семантика объективирована в образе старого дурака. Традиционно образу старца присущи противоположные значения: мудрость и терпимость. Тем более негативно воспринимается глупый пожилой человек.

Нежелание помочь получает негативную оценку в английских элативных паремиях, задействующих тематику ощущений: *none is so deaf as those that won't hear* (EPRD) (ср., русск.: «не тот глухой, кто глух, а тот, кто не желает слышать»); *none is so blind as those that won't see* (EPRD) (ср., русск.: «не тот глухой, кто глух, а тот, кто не желает слышать»). В паремии: *nothing is given so freely as advice* (EPSRE) (русск.: «ничто не дают так охотно, как совет»), реализующей элативную семантику, выражается не прямое порицание тех людей, кто, не желая помочь делом, ограничиваются полезным советом.

Самым действенным средством борьбы с обманом, как известно, является истина. Сила правды получает эмоционально-оценочное описание в паремии с эквативной семантикой: *nothing hurts like truth* (EPSRE) (русск.: «ничто так не ранит, как правда»). Данная паремия имеет вариант: *nothing stings like truth* (EPSRE) (русск.: «ничто так не жалит, как правда»). В ней заменен глагольный элемент, метафоризирован глагол «жалить». Сходную семантику содержит элативное высказывание: *no raillery is worse than that which is true* (WDP) (русск.: «нет худшей насмешки, чем та, что содержит истину»). Многогранность и субъективность оценок описывает паремическое высказывание: *there is nothing like leather* (EPSRE) (русск.: «нет ничего лучше кожи») (ср., русск.: «всяк кулик свое болото хвалит»). В ней оценочная семантика теряет свою мотивацию.

Паремическая картина мира порицает неразборчивость в средствах. Известная английская паремическая единица: *the way to hell is paved with good intentions* (EPSRE: Т 290: 300) (русск.: «дорога в ад вымощена до-

брыми намерениями») переключается с единицей эквативного плана содержания: *no people do so much harm as those who go about doing good* (EPSRE) (русск.: «никто не приносит большего вреда, чем те, кто пытается сделать добро»). Данные единицы показывают неоднозначность человеческой жизни, когда добрые помыслы оборачиваются дурными последствиями.

Негативная оценка неблагодарности описывается паремической единица: *nothing is more easily blotted out than a good turn* (WDP) (русск.: «ничто не уничтожается так легко, как дружеская услуга»). Паремия: *nothing is so bad as to be good for something* (EPSRE) (русск.: «ничто не бывает настолько плохим, чтобы для чего-либо не сгодиться») (ср., русск.: «худа без добра не бывает») имеет аксиоматический характер. В данном высказывании постулируется многомерность, многогранность человеческого бытия. Мир не состоит из явлений, воспринимаемых абсолютно положительно или абсолютно отрицательно. В этом и проявляется один из релевантных признаков оценки. В различных ситуациях один и тот же предмет может нести либо положительную, либо отрицательную семантику.

Подводя итоги хотелось бы отметить, что предлагаемой статье описываются паремические единицы английского языка, оценочная семантика которых реализуется на основе элативных конструкций. Структура элатива подразумевает соединение отрицательных и компаративных моделей. Элативные паремии раскрывают релевантные признаки картины мира, как мелиоративные, так и пейоративные. Элативные паремические высказывания английского языка объективируют такие мелиоративные признаки как ценность времени, любовь к родному дому, стремление к успеху, сила правды. Пейоративные признаки английских элативных паремий включают такие элементы как: неприятие неожиданных, негативных событий, разочарование от несбывшихся надежд, порицание неверности, глупости, нежелания помочь делом, неразборчивость в средствах, неблагодарность.

Литература

1. Берков, В.П. Семантика сравнения и типы ее выражения // Т.Ф.Г. Качество. Количественность. – СПб.: РАН Ин-т лингвистических исследований, 1996. – 264 с. С. 107–113.
2. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки; изд. 2-е, доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2002 – 280 с.
3. Вежбицкая, А. Сравнение – градация – метафора // Теория Метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – 425 с. С. 133–148.
4. Князев, В.П. Степени сравнения как морфологическая категория // Теоретические проблемы функциональной грамматики, Матер. Всероссий-

ской научной конференции. Под. Ред. А.В. Бондарко – СПб.: 2001. – 287 с. С. 137–145.

5. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учебн. по лексикол. и теор. грамм. – СПб.: Изд-во научного центра проблем диалога, 1997. – 760 с.
6. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 510 с.
7. Серебренников, Б.А. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира (сб. ст.). – М.: Наука, 1988. – 216 с. С. 2–19.
8. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Священное значение слова в языке; отв. ред. А. В. Уфимцева. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
9. Quine W. O. Word and object. – Cambridge Mass, The M.I.T. Press, 1967, XV, 294 p.

Список лексикографических источников:

1. EPRD: Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.
2. EPSRE: Модестов, В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2003. – 467 с.
3. WDP: The Wordsworth dictionary of proverbs / G.L. Apperson [et al.], Wordsworth editions Ltd. – Hertford-London, 2006. – 656 p.

Леонтьева А.В.

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

АКТИВАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЁМКСТИ И АССОЦИАТИВНОЙ БАЗЫ СЛОВА

Аннотация. В статье рассматривается удивительная возможность слова актуализировать определенные нюансы смысла, характеристики, признаки, рождают объемные образы. Примеры реализации слов-активаторов демонстрируются в ходе анализа вариантов метафоры.

Abstract. The article touches upon a unique potential of the word to activate particular meanings, characteristics, features and create complex representation. The idea is proved with the help of the analysis of metaphor variation.

Ключевые слова: активатор, метафора, образный комплекс, семантическая ёмкость слова, ассоциативная память народа.

Key words: activator, metaphor, imagery, semantic capacity of the word, context-addressed memory of the nation.

Слово обладает удивительной возможностью активировать целый ряд смыслов, вызывать к жизни объемные образы, ситуации, а также нюансировать определенные признаки. В данной статье мы связываем понятие активатора со словом, обладающим ярко выраженным метафоричным значением, актуализированным в определённой ситуации повседневного устного общения, и способным к порождению сложного комплекса образов, ассоциаций будь-то ввиду общности ассоциативной базы, памяти народа или благодаря яркому, меткому варианту индивидуального речетворчества. При этом возможность фигурирования подобных активаторов в письменном творчестве отнюдь не исключается. Подобные слова-активаторы и их функции в речемыслительной деятельности тесно связаны с понятием метафоры, образности. К примеру, сравнение города с машиной. *The average New Yorker is caught in a machine. He whirls along, he is dizzy, he is helpless. If he resists, the machine will crush him to pieces.* В данном примере метафоричный вариант – машина вскрывает подразумеваемый смысл – нечто неживое и мощное (мегаполис), что способно уничтожить в случае неправильного функционирования или неподчинения (*if he resists*), и вызывает ассоциативные характеристики: бездушный, жестокий, огромный, поражающий своей мощью, подавляющий, угрожающий, опасный, пугающий, губящий, манипулирующий, работающий в заданном рутинном русле (*a machine*). Интересно отметить, что в анализируемом примере для достижения наибольшей экспрессивности действенным оказывается яркий контраст в сравнении Нью-Йорка (*machine*) с присваиваемыми характеристиками мощности и превосходства со среднестатистическим жителем города (*the average New Yorker*) в его беспомощности и незащитности (*is caught in a machine*).

Понятие образного комплекса как модели описания ассоциативного функционирования лексики представляется интересным в данном случае с точки зрения языкового конструирования действительности не в ограниченной своей специфичностью области – поэтике, а в своем повседневном функционировании на уровне слова. В сущность понятия «образный комплекс» вкладываются три аспекта: образ реалии во всей её совокупности, представленный различными вариантами, ряд типовых смыслов, составляющих семантическую структуру образа и его ассоциативный потенциал. Несомненно, творческое самовыражение и потребность в художественной выразительности не ограничиваются только лишь процессом художественного творчества, а напрямую связаны и процессом живой спонтанной речи [2, 90]. В ходе представления образа в разнообразной словесной форме наблюдаем нюансирование определенных смыслов, реализуемых автором

по собственному выбору в индивидуально-творческом исполнении. На примере метафоричного выражения понятия «пожилой человек» в аудитории двух типов (студенческой и преподавательской) встречаем следующее: ворчун, платочек, сплетник, дачница, старый пень, бабушка, дедушка, динозавр, божий одуванчик. Все представленные варианты отображают определённые характеристики пожилых людей, не только лишь непосредственно наблюдаемые опрошенной аудиторией, но и закрепившиеся в ассоциативной базе человека. Чем индивидуальнее выражение понятия, чем в меньшей степени оно распространённое, тем ярственнее проступает творческое самовыражение автора и эмпирическая окраска варианта. Например, одним из представителей студенческой аудитории был назван вариант «колючка», в качестве толкования названной единицы было получено следующее: «тот, кто цепляется к словам, поведению молодёжи». Очевидно, что здесь наблюдается отображение полученного личного опыта. Что касается такого варианта, как «сплетник/сплетница», получившего широкую распространённость среди участников опроса, можно заметить, что предлагаемая единица, несущая ярко выраженную отнюдь неположительную характеристику исходного объекта, отражает не столько индивидуальный опыт автора, сколько утвердившийся обобщённый ассоциативный образ. Закономерно предположить, что выбор участников опроса из студенческо-преподавательской аудитории определил стилистическую направленность употреблённых вариантов с неизбежным исключением единиц со сниженной стилистикой.

После предложенной участникам опроса формы репрезентации на английском языке получаем менее обширный список: *old stump, old trout, greu*. Был назван вариант: *granny*, но почти сразу же отвергнут самим участником, поскольку в отличие от русского варианта, не предполагающего в данном случае названную степень родства, схожий вариант на английском языке чрезмерно указывает на оную.

При этом следует отметить, что в ходе проведения опроса нами была обозначена допустимость и даже, в какой-то степени, преимущество метафоричности и высокой образности представления данного понятия.

Другим коррелирующим явлением в свете затронутой проблемы является вопрос ассоциативной ёмкости слова. Семантическая ёмкость слова подразумевает его внутренний потенциал, обнаруживающий этимологическую природу, и приращение смысла, обусловленное индивидуальным выбором автора в рамках определённой коммуникативной ситуации в ходе реализации ряда сопутствующих критериев (жанр, личный опыт, прагматическая установка, гендерная принадлежность). Кроме того, особенности

языковых тенденций также могут оказывать влияние на характер реализации данного явления.

В ходе функционирования слов-активаторов одним из ведущих факторов является ассоциативная память народа. К примеру, около века назад привычным обращением людей друг к другу было «государь мой», «сударь», «сударыня». «Государь – тот, кто глаголит единение словом благодаря мужественному дару восходить» [1, 30]. В сказках проявляется идея заложенности в слове глубокой символичности, подчас утратившей свою этимологическую осознанность с течением времени. Ряд работ, проводящих исследование данной проблемы в ходе анализа сказочных произведений, вскрывает глубокие корни слов, их истинную семантическую наполненность. Авторы подобных исследований повествуют о, так называемой, сакральной лингвистике, исследующей не только глубинную сущность слова, но и историю создания каждой буквы. Таким образом, слова-активаторы, обладая способностью вызывать к жизни целый ряд ярких образов, ситуаций, а также актуализировать отдельные признаки в зависимости от ситуации общения и прагматической установки автора, представляют собой поистине уникальный инструментарий, демонстрируя богатую и мощную потенцию слова в широком смысле.

Литература

1. Безлюдова М.М. Земные программы русских сказок – М.: Гармония, 2005. – 232 с.
2. Гальперин И.Р. Избранные труды. – М.: Высшая школа, 2005. – 255 с.
3. Илюхина Н.А. Образный комплекс как модель описания ассоциативного функционирования слова. // Языкознание № 1, 1996. - <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum/1996web1/yaz/199611202.html>
4. Черных Надежда Всеволодовна. Семантическая емкость слова в рамках теории семантического поля (На материале поэзии М. И. Цветаевой) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 : Ростов н/Д, 2003. - 293 с.
5. Lipka L. Naming Units (NUs), Observational Linguistics and reference as a speech act or What's in a name. - Institut für englische Philologie – P. 1 - 39.

К ПРОБЛЕМЕ АППОЗИТИВНОЙ СВЯЗИ В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения аппозитивной связи в структуре простого предложения в современном английском языке. Данная проблема, хотя и привлекла внимание отечественных англистов, не была глубоко исследована.

Abstract. The article deals with the problem of apposition in the structure of a simple sentence in Modern English. This phenomenon is not investigated though it attracted attention of some Russian linguists.

Ключевые слова: аппозитивная связь, подчинительная связь, атрибутивная связь, предикативная связь, сочинительная связь, ядро.

Key words: apposition, subordination, predication, coordination, kernel.

Одним из недостаточно изученных явлений в структуре простого предложения современного английского языка являются так называемые уточняющие члены предложения, которые мы в дальнейшем изложении будем называть аппозитивами. Не вполне ясен их синтаксический статус, а также способ связи, с помощью которого они включаются в предложение. Данная проблема, хотя и привлекла внимание отечественных англистов, не была глубоко исследована.

Не очень удачным считается термин «приложение», используемый некоторыми авторами для обозначения уточняющего определения, выраженного существительным. [1, 359–360; 3, 231] Термин «аппозитив» более приемлем, так как охватывает все случаи уточнения различных членов предложения независимо от их морфологического выражения.

С точки зрения семантики аппозитивы могут содержать указания на профессию, возраст, родственные отношения, принадлежность к социальному слою общества, внешнюю, психологическую или эмоциональную характеристику лица, а также уточнять обстоятельства протекания действия. Место аппозитива почти всегда фиксировано – постпозиция по отношению к уточняющему члену включающего предложения (ядру аппозитива, по нашей терминологии). По объёму аппозитивы бывают однокомпонентными и многокомпонентными.

Примеры:

My friend, the Norwegian, made some joke and waved his cap... (A. Christie). Roger, son of the fifth Forsythe, had a Quilpish look on his fleshy face... (J. Galsworthy). Thomas Jones, a man of extremely nervous temperament, was a fusser (A. Christie). Outside, in the garden, it was playtime. (Huxley). Then, after six o'clock, post has come. (A. Christie).

Наиболее дискутируемым вопросом при трактовке грамматического статуса аппозитива является вопрос о типе синтаксической связи, с помощью которой аппозитив вводится в структуру предложения. Высказываются разные точки зрения.

О.С. Ахманова рассматривает уточняемое и уточняющее как один комплексный член, «соположение двух грамматически эквивалентных именных слов для выражения особого рода атрибутивной связи». По её мнению, обособленное приложение находится в атрибутивно-предикативном отношении к определяемому существительному и по смыслу уподобляется вторичному сказуемому. [1, 359–360] Таким образом, данная связь, с одной стороны, трактуется как разновидность подчинения (атрибутивная связь), а с другой стороны, как более свободная, приближающаяся к предикативной. Подобной точки зрения придерживается А.И. Смирницкий, считая эту связь более свободной, чем тесная атрибутивная. «Она выражает какое-то ответвление мысли и представляет собой как бы неразвёрнутое придаточное предложение». [6, 245]

Л.С. Бархударов относит сочетание аппозитива с ядром (уточняемым) к одной из разновидностей сочинительных сочетаний. Аргументом в пользу наличия сочинения автор считает возможность подстановки любой из двух составляющих (ядра или аппозитива) вместо всего сочетания в целом, поскольку обе составляющие имеют один и тот же референт [2, 123–127].

С нашей точки зрения, аппозитив являет собой смысловое развитие ядра, которое по объёму понятия шире. В аппозитиве происходит сужение понятия в целях более конкретной, более точной характеристики соответствующего предмета, признака или обстоятельства. Ядро и аппозитив различаются по степени конкретности обозначения. Они не являются однородными членами предложения, что характерно для сочинительной связи, ибо здесь отсутствует взаимная синтаксическая автономность, когда каждый из членов по отдельности связан с доминирующим словом (общим членом включающего предложения). На отсутствие сочинительной связи между ядром и аппозитивом указывают два дополнительных фактора: невозможность вставки между ними союза «and» (что допустимо при сочи-

нении), а также невозможность их перестановки, что нарушает смысловые и синтаксические отношения в словосочетании.

А.Г. Пospelова определяет связь аппозитива с ядром как соотносительную [4,14]. Понятие соотносительной связи было введено в лингвистику А.Г. Рудневым для обозначения способа включения в структуру предложения так называемых вводных членов предложения (parentheses). Вводный член, согласно А.Г. Рудневу, создаёт сопутствующий план повествования, не нарушая при этом уже существующие синтаксические связи в предложении (предикативную, подчинительную, сочинительную). Средством выражения соотносительной связи является сам факт включения parenthetical в состав предложения [5]. Однако, если parenthesis, как правило, соотносится семантически со всем включающим предложением и не имеет в нём закреплённой позиции, то аппозитив связан с конкретным членом, своим ядром, и примыкает к нему. Ядро, в свою очередь, связано подчинительной связью с одним из членов включающего предложения, а аппозитив связан с этим членом через ядро.

Таким образом, помимо традиционных членов в простом предложении современного английского языка, можно выделить ещё один второстепенный член – аппозитив. С семантической точки зрения аппозитив представляет собой уточнение, дальнейшее развитие содержания одного из членов предложения (своего ядра), с которым он связан позиционно. В реляционную структуру предложения аппозитив включается через этот член посредством аппозитивной связи. Последняя носит факультативный характер, не нарушая синтаксические связи слов, уже существующих в предложении.

Изучение особенностей аппозитивной связи даёт возможность более глубоко описать синтаксическую структуру простого предложения, взаимодействие разных типов связи, выявить новые члены предложения наряду с традиционными.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
2. Бархударов Л.С. Структура простого предложения современного английского языка. – М., 1966.
3. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. – Л., 1971.
4. Пospelова А.Г. Сочинение разнооформленных синтаксических единиц в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. – Л., 1972.
5. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. – М., 1968.
6. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957.

ОБРАЗОВАНИЕ ПОСЛЕЛОГОВ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. Данная статья посвящена образованию послелогов в среднеанглийский период. Как известно, английский язык на протяжении своего развития претерпел существенные изменения, которые коснулись значительный образом грамматического строя языка. Представленный материал служит кратким обзором взглядов и теорий известных отечественных и зарубежных лингвистов, объясняющих, какие процессы способствовали формированию данного языкового явления в исследуемый исторический период.

Abstract. The given article is devoted to the problem of appearing postpositions in the Middle English language. As it is known the English language during its historical development has been subjected to a number of substantive changes that affected the grammatical structure of the English Language. In the following survey some concepts and theories of prominent Russian and English linguists are studied, which explain what linguistic processes gave an impact on appearing postpositions in the Middle English Language.

Ключевые слова: префиксация, аналитический строй, послелого, предельные значения, пространственные значения, скандинавское влияние.

Key words: prefixation, analytic structure of the language, postpositions, terminative meanings, spatial relations, the Dutch influence.

По свидетельству многих индоевропейцев префиксация как система слово- и формообразования развилась в каждой из ветвей индоевропейских языков отдельно, в общиндоевропейский период ее еще не было. На это указывают А. Мейе, Штрайтберг [15, 40; 8, 30]. Префикс является позднее обособившейся частью слова по сравнению с корнем и суффиксом, которые ясно осознавались в структуре слова уже в очень древнюю эпоху. В силу этого приставки больше других морфем сохранили свое лексическое значение, следы своего происхождения из самостоятельных слов. Многочисленные работы, посвященные анализу семантики приставочных глаголов в ряде славянских, германских, романских и других индоевропейских языков, доказывают, что во всех этих языках префиксация используется для модификации значения исходного простого глагола путем внесения в него предельного значения. Одной из основных функций приставок в ин-

доевропейских языках является внесение в семантику глагола значения предела действия.

Как же выражаются соответствующие предельные значения глагола в аналитическом строе современного английского языка?

Как отмечает А.И. Смирницкий, «приставочные глаголы в более поздний период как бы “заменяются” сочетаниями глаголов с предложными наречиями и, что сочетание глаголов с предложными наречиями, якобы, служит для выражения видовых различий в современном языке путем противопоставления глагола с наречием глаголу без наречия (аналогично более раннему противопоставлению глагола с приставкой глаголу без приставки)» [10, 307].

Прежде всего, необходимо выяснить, что понимается под термином «послелог» и какими были предпосылки формирования данного элемента?

В строе английского языка на протяжении его развития произошли большие изменения: из синтетического в своей основе языка он превратился в язык в основном аналитический. Это развитие затронуло всю грамматическую систему английского языка, проявилось как в системе именных, так и глагольных форм. Данное развитие затронуло также и систему внутриглагольного формо- и словообразования и привело к существенным изменениям самой структуры английского глагола как части речи.

Изменение это свелось в основном к почти полному разрушению системы префиксации английского глагола и к замене ее в функциональном плане системой аналитических форм. Именно в среднеанглийский период, в результате скандинавского влияния, грамматический строй английского языка претерпевает значительные изменения. Смешение со скандинавскими диалектами способствовало упрощению грамматических категорий: начались процессы ослабления безударных гласных и распада системы склонения и спряжения. Происходит распространение в английском языке сочетаний глаголов с наречиями, так как в скандинавских языках в отличие от древнеанглийского, очень слабо развита глагольная префиксация, и широкое распространение имеют глаголы с наречиями в постпозиции.

Данный глагольный компонент не получил четкого терминологического обозначения и разные авторы называют его по-разному: *наречие, наречная частица, постпозитивная приставка, второй компонент глагольной формы, послелог, приглагольная определительная частица* и др.

Большинство ученых считают постпозитивный к глаголу элемент наречием. Такого взгляда придерживаются: Г. Поутсма, Э. Крейзинга, И.Е. Ершова, С.Б. Берлизон, С.Е. Гурский, И.В. Арнольд, Р.С. Гинзбург, С.С. Хидекель, Г.И. Князева, А.А. Санкин и др. Некоторые англисты полагают не-

обходимым модифицировать первую точку зрения, называя второй компонент послелогом (Б.А. Ильиш, Т.Д. Шиманская, В.Н. Жигadlo, И.П. Иванова, Л.Д. Иофик, Н.Ф. Иргеньева), предложными наречиями (Г. Керм, Г. Пальмер, А. Кеннеди, В.Н. Макеенко, А.И. Смирницкий), частицами и наречиями (В.И. Перебейнос, В.Б. Сосновская).

Еще А. Мейе в своей книге «Общеславянский язык» высказал мысль о том, что общеславянский унаследовал от праиндоевропейского систему особых структурных единиц, названную им адвербиалиями, в семантике которых лежала идея передачи пространственной характеристики бытия. В дальнейшем, в ходе их исторической эволюции адвербиалии оказались неминуемо подвергнуты распадению на относительно самостоятельные группы, образовав приставки, наречия, предлоги и так называемые послелогии [8, 50].

Данную точку зрения доказывает проф. А.И. Аничков в своей диссертации «Адвербиальные послелогии в современном английском языке». Именно он, еще в 1947 году определил второй элемент таких сочетаний как «английские адвербиальные послелогии». Данный термин был им предложен для обозначения лексических единиц наречного характера (up, out, down и т. д.), используемых за исключением случаев стилистической инверсии в предложении после определяемой ими единицы, чаще всего в сочетании с глаголом [1, 60]. При этом он также выделяет тот факт, что «послелогии не особая часть речи и не словообразовательные элементы, а особый разряд наречий. Это не служебные, а, как и другие наречия, знаменательные слова [2, 389].

А.И. Аничков выделяет, что «на всем протяжении периода новоанглийского языка продолжалось и продолжается вытеснение глаголов германского происхождения с префиксами сочетаниями из тех же глаголов с послелогии вместо префиксов» [1, 140]. Это было характерно не только для глаголов германского происхождения, но и распространялось на латинские и французские заимствования. Префиксы сначала стали употребляться как в положении перед глаголами, так и после них, а затем превратились в послелогии. Это привело к преобразованию приставок в безударные неотделяемые приставки со смешанной видовой перфективной или усилительной функцией. Тогда как большая часть приглагольных пространственных элементов, сохранив свою ударность, стала источником отделяемых приставок или послелогов. Причем именно в английском языке проявилась тенденция к послеглагольному использованию приглагольных пространственных элементов, что в сочетании с отсутствием отделяемых приставок, составляет «важнейшую отличительную особенность современного английского

языка» [2, 390]. О схожем явлении говорит и В.А. Богородицкий, отмечая факт «перехода от первоначального подвижного ударения к постоянному корневому на начальном слоге корневых слов, а затем и к ударению на начальном слоге слов, сложенных с предлогом» [3, 165].

Аналогичную закономерность, постпозитивного употребления вторых элементов сочетаний исследуемого типа, обусловленную действием общегерманского закона ударения, отмечает и Ю.А. Жлуктенко. Причину угасания пространственной префиксации в английском языке следует искать в ударности префиксов, которые употреблялись в пространственном значении. В германских языках конкретное, пространственное значение префикса неизбежно связано с его ударностью, потеря ударности у префикса влечет за собой немедленную потерю пространственных значений. Происходит, так называемое, противостояние между ударностью пространственного префикса и ударностью первого слога корня. В результате корень глагола подчинил себе ударение префикса, который благодаря этому потерял свои пространственные значения и стал только переносным. Замена ему нашлась в послелогох, которые благодаря своей ударности не смогли превратиться в префиксы, а стали отдельными морфемами [4, 7].

М.П. Ивашкин отмечает что, содержащееся в аффиксе пространственно-моторное значение постепенно менялось, ослаблялось и даже утрачивалось. Такое положение вступало в противоречие с (находящейся в полном соответствии с материалистической концепцией о неразрывном единстве движения, пространства и времени) тенденцией к преобладающей обязательной адвербиальной детерминации глагола. Необходимость и обязательность адвербиальной детерминации проявляется в том, что префиксальные глаголы начинают вступать в сочетание с наречными лексемами изучаемого типа. Действие тенденции, в соответствии с которой «в глагольных образованиях во всех германских языках, кроме готского, главное ударение падает на глагол, а префикс стоит в проклитике», вызвало постепенную их редукцию. А это, в свою очередь, способствовало еще большему ослаблению пространственно-моторного значения. И в древнеанглийском языке начинается медленное, но неуклонное сокращение корпуса префиксальных глаголов [3, 25].

А. Мейе в своей книге «Основные особенности германской группы языков» делает вывод, о том, что грамматическое развитие германского языка определяется следующим фактором: «начальное ударение придает корневому элементу новую значимость. Происходит распад конечных гласных, и это вызывает тенденцию разрушения флексии. На глагольную приставку никогда не падает ударение, а первый слог глагола является кор-

невым как в основных, так и в производных глаголах. Ударный слог всегда сохраняет полную четкость, тогда как приставка стирается и, в конце концов, даже исчезает» [9, 77].

Как показали исследования И.Е. Аничкова, в XI–XII веках употребление послелогов падает, а затем в XIII и, особенно, в XIV веке оно сильно возрастает. При этом послелогом конкурируют с префиксами и к XIV веку уходят победителями из этой борьбы [6, 252].

Употребление послелогов в современном английском языке приобретает все более широкий характер.

Литература

1. Аничков И.Е. Английские адвербиальные послелогов : дисс.....докт. филол. наук. – М., 1947. – 540 с.
2. Аничков И.Е. Труды по языкознанию. – СПб.: Наука, 1997. – 509 с.
3. Богородицкий В.А. Введение в изучение современных романских и германских языков. – М.: Лит-ра ин. яз., 1953. – 184 с.
4. Жлуктенко Ю.А. Постпозитивные глагольные приставки в современном английском языке, автореферат канд. дисс. – М., 1954.- С. 7–10.
5. Ивашкин М. П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке. – М.: Прометей, 1988. – С. 25–35.
6. Ильиш Б.А. Современный английский язык. Теоретический курс. – М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1948. – 347 с.
7. Керлин А.А., Кузнец М.Д. Составные глаголы в современном английском языке. – М., 1959. – С. 59.
8. Мейе А. Общеславянский язык. – М.: Прогресс, 2000. – 492 с.
9. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. – М.: Прогресс, 2003. – С. 45–50.
10. Смирницкий А. И., Морфология английского языка. – М.: ИЛ, 1959. – 205 с.
11. Curme George O. English Grammar. – N. York. 1966.– P. 66.
12. Kennedy A.G. The Modern English Verb-Adverb Combination. University Series: Language and Literature. – Stanford Univ. Publ., 1926. – P. 105.
13. Kruisinga E. An English Grammar. – Noordhoot. 1955. – P. 98.
14. Robertson, S. and Cassidy, F.G. The Development of Modern English. – N. Y.: Prentice-Hall, 1954. – P. 89.
15. Streitberg W. Perfective und Imperfective Aktionsart im Germanischen. P.B.V. XV–B., 1889. – P. 40.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ И НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ, ОТРАЖАЮЩИХ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. В статье освещаются проблемы разграничения слов французского происхождения в русском языке XVIII–XIX в.в. Рассматривается вопрос об их отражении в различных письменных источниках.

Abstract. The article points out the issues of delimitation of words of French origin in Russian language of the XVIII–XIX centuries. It examines the question of how they are reproduced in different written sources.

Ключевые слова: заимствование, экзотизм, галлицизм.

Key words: loanword, exoticism, gallicism.

В процессе исследования иноязычной лексики в плане синхронии чрезвычайно важным этапом является ее классификация по степени принадлежности заимствованных слов к лексической системе языка-рецептора. Именно такой подход, охватывающий всю иноязычную лексику и дифференцирующий ее в зависимости от статуса по отношению к воспринимающей языковой системе, дает полное представление о масштабе иноязычности в речевом обиходе изучаемого периода, а также позволяет разграничить слова заимствованные и слова, употребляющиеся нерегулярно или окказионально, не принимаемые до определенного времени заимствующим языком.

Далеко не все иноязычные слова из речевой практики XVIII–XIX в.в. стали достоянием русского языка. Многие из них были лишь кратковременной данью моде. Однако уже сама фиксация подобного материала в письменных памятниках дает основание для его учета при изучении степени иноязычного вторжения в конкретный исторический период.

Выделение французских экзотизмов из общего пласта галлицизмов, функционировавших в русском языке XVIII–XIX в.в., является задачей достаточно затруднительной, тем более по отношению к языку столь отдаленной эпохи и при отсутствии возможности судить объективно о степени экзотичности тех или иных реалий и их обозначений. Суждения об объекте исследования выносятся на основании письменных памятников, зависят от степени и формы отражения этого объекта в исследуемых источ-

никах, а также почти лишены внимания лексикографов. Исследователю, находящемуся за пределами изучаемой речевой среды, трудно утверждать, насколько та или иная реалья и ее обозначение были новы, необычны, экзотичны для носителей русского языка того периода. К тому же специфика данной исторической эпохи такова, что иноязычные реалии и понятия активно вживались в русскую действительность и образ жизни, а значит сама реалья и ее вербальное обозначение могли становиться привычными и, в силу этого, частично утрачивать свою экзотичность. Кроме того, границы между заимствованиями и экзотизмами исторически изменчивы. Экзотизмы, закрепившись в системе русского языка, могли переходить в иной разряд лексики, в разряд заимствований. Поэтому попытки выделения экзотической лексики, как уже отмечалось выше, представляют известную трудность и неизбежно сопровождаются определенной долей условности. Задача осложняется также тем, что в современной лингвистике разработка принципов классификации иноязычной лексики далека от завершенности.

Рамки понятия экзотическая лексика по отношению к языку XVIII–XIX в.в., безусловно, должны быть несколько расширены. Основным принципом при выделении экзотизмов следует считать постоянную соотношенность той или иной лексемы с социально-историческими условиями изучаемого периода. В качестве исходного может быть принят следующий подход: любое обозначение новой инокультурной реалии в течение какого-то времени является экзотизмом, а затем либо переходит в разряд заимствованных слов, либо выходит из употребления или же, сохраняя налет иноязычности, продолжает восприниматься как экзотическое. Таким образом, экзотическая лексика, оставаясь особой группой слов, не противопоставляется, а пересекается как с заимствованиями, так и с вкраплениями.

Необходимо учитывать и логико-понятийный подход, принятый за основу в современной науке: «...экзотизмы являются обозначением реалий, которые в глазах народа, использующего данные обозначения в своем языке, специфичны для современной жизни и истории других народов» [2, 165].

Кроме специфичности, необходимо учитывать и социальную значимость предметов и понятий, обозначаемых предполагаемым экзотизмом. Названия некоторых блюд (фрукассе, бланманже), танцев (алемонд, перигорден), предметов косметики и парфюмерии (о де люс, о де лаванд), видов одежды (батавия, круазе, робронд) и т. д. сохраняли статус экзотической лексики до конца XVIII века. Экзотичны были и сами вещи, не представлявшие, к сожалению, особой важности в общественно-значимых масштабах. Вещи выходили из моды и устаревали, а вместе с ними ста-

новились архаизмами или вовсе исчезали и их названия. В то же время лексем, обозначавших предметы, необходимые в повседневном обиходе, актуальные для отдельных социальных групп, получали широкое распространение, продолжали активно употребляться, частично или полностью утрачивая свою экзотичность: канапе, экипаж, бокал, лакей.

Важным является и учет степени новизны на данном временном отрезке, что непосредственно связано с хронологией вхождения и первой фиксации французской лексемы в русском языке. Однако решающим этот фактор не может быть признан, так как первая фиксация еще не означает, что слово вошло в языковую систему и употребляется в речевой практике, а также является достаточно известным среди носителей воспринимающего языка.

Для перехода экотизмов в разряд заимствований необходимыми условиями являются длительность, регулярность употребления и семантическая самостоятельность (отсутствие в русском языке соответствующих слов), а в формальном отношении – отсутствие вариантности. Но для языковой ситуации XVIII–XIX в.в. критерий семантической самостоятельности отходит на второй план в силу господствовавшей в обществе того периода тенденции употреблять необычные, новые слова параллельно с известными русскими.

Отражение же такой лексики в лексикографических источниках XVIII века следует расценивать неоднозначно. С большей степенью вероятности к экзотизмам следует отнести лексем, не отраженные в лексикографической практике того времени. Даже «Словарь русского языка XVIII века», ставящий своей задачей как можно более полное описание лексического состава языка данного периода, не включает экзотизмы, которые в текстах используются с пояснениями. Слова же, зарегистрированные лексикографами, например, автором «Нового словотолкователя» Н.М. Яновским, интерпретируются с разной степенью полноты: развернутые толкования некоторых лексических единиц, свидетельствуют о том, что данная лексема и реалья, стоящая за ней, не вжились в русскую действительность, не стали привычными и понятными всем носителям языка, несмотря на то, что их первая фиксация по материалам «Словаря XVIII века» относится к первой половине века. Длительное время они воспринимались как чужеродные. Их вхождение в повседневной речевой обиход оказалось затянувшимся еще и потому, что, как правило, они обозначали предметы и вещи, выходящие за рамки ежедневных потребностей.

В XVIII веке заимствование лексем французского происхождения довольно часто осуществлялось через переводы, поэтому переводная лите-

ратура позволяет проследить процессы вхождения, освоения, изменения, варьирования и стабилизации французских слов в тесной связи с общими историческими процессами в лексическом составе русского языка. «Для каждой эпохи, по-видимому, должны быть определены свои памятники, лучше других отражающие языковые процессы определенного периода», отмечала Е.М. Иссерлин [4, 6]. Для периода XVIII–XIX в.в. при изучении экзотизмов (и галлицизмов в целом) таким материалом могут быть переводы, предлагающие данные, которые не могут быть предоставлены исследователю другими источниками.

Переводы позволяют также установить, осознается ли данная единица как заимствованная, чужеродная, либо в сознании носителя языка она причисляется к средствам русского литературного языка XVIII в. [Об осознании иноязычности слова как психолингвистической категории см. 5, 53–59], а в некоторых случаях установить период адаптации лексической единицы. Переводы, выполненные в различное время, помогают изучить основные особенности функционирования экзотизмов, изменения их качественного состава, степень адаптации в разновременных текстах, а также позволяют проследить за формированием облика экзотизма.

Для изучения роли французских экзотизмов в русской лексической системе особый интерес представляет обращение к произведениям «низкого» стиля – комедиям, а также к источникам внелитературным – эпистолярному жанру. Язык комедий и писем наиболее близок к разговорному языку того времени как одному из главных источников формирования литературного языка, отражает его особенности и происходящие в нем явления, в том числе и приток французских заимствований.

П.Н. Берков, исследовавший русскую комедию XVIII в., считал, что «...русский язык второй половины XVIII в., язык живой и актуальный, бытовой язык и язык образованного дворянства и демократической интеллигенции тех лет, можно хорошо изучить именно по массовой комедии, и это является одной из существенных заслуг русской комедии XVIII в.» [1, 274]. В письмах же представлен живой разговорный язык образованной части русского общества. Это язык образованных кругов, билингвов, являющихся носителями собственно литературного языка. Роль же двуязычных лиц, по мнению исследователей, заключается в том, «...что их собственное особое речевое поведение...является при определенных условиях образцом подражания и распространения в среде одноязычных... Эта речевая практика по тем или иным причинам влиятельна... .Окказиональное, возможное первоначально в двуязычной среде, постепенно становится узусом широких слоев одноязычного общества, чертой национального языка» [2, 7].

Литература

1. Берков П.Н. История русской комедии XVIII века. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. – 374 с.
2. Биржакова Э.Г., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века (Языковые контакты и заимствования). – Л.: Наука, 1972. – 431 с.
3. Ефремов Л.П. Экзотизмы // Вопросы общего и русского языкознания. –Алма-Ата, 1973. – С. 165–171.
4. Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века. Материалы к курсу «История русского литературного языка». – М., 1961. – С.6
5. Шахрай О.Б. К проблеме классификации заимствованной лексики // Вопросы языкознания, 1961. – № 2. – С. 53–59.
6. Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1984–1989. Вып. 1–6.
7. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1803–1806, ч. 1–3.

Хроменков П.Н.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
университет

КОНФЛИКТОГЕНЕЗ В ДИСКУРСЕ ИДЕОЛОГИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Рассматривая проблему генезиса конфликта в ее широком философском осмыслении, мы объективно выходим на вопрос о природе человека. Сфера лингвистики – одно из направлений поиска соответствующего инструментария разрешения конфликта. Язык есть функция семиотического пространства. Семiosфера – и результат, и условие развития языка и культуры.

Abstract. Considering the problem of the genesis of the conflict in its broad philosophical interpretation, we objectively touch the problem of the nature of a human being. The sphere of linguistics is one of the trends in the search for an appropriate instrument of conflict resolution. Language is a function of the semiotic space. Semiosphere is both the result, and the condition of the development of the language and culture.

Ключевые слова: секулярная модель общества, семiosфера, генезис конфликта, дарвинизм, «конфронтационная парадигма», язык, конфликтологический словарь, лингвистический анализ.

Key words: secular model of society, semiosphere, the genesis of the

conflict, Darwinism, “confrontational paradigm”, language, conflictological dictionary, linguistic analysis.

Секулярная модель общества актуализировала иные аспекты конфликта. Тема религиозных войн не исчезает целиком, но оттесняется на периферию новой мировой системы. Мотивация широких социальных конфликтов определяется теперь идеологией. За идеологическими маркерами могли скрываться классовые, национальные, экономические и иные противоречия [18; 14; 13; 19; 27].

В дискурсивном плане сталкивались, как и в дискурсе традиционного общества, два подхода. Первый подход утверждал перманентность конфликта. Конфликтные противоречия рассматривались в прогрессистской модели в качестве движущего фактора прогресса. Объяснительные вариации состояли в идентификации субъектов конфликта. Второй подход был сформулирован в виду кризиса первой объяснительной модели. Этот кризис проявился, в частности, в двух мировых войнах, череде революционных потрясений. Количество жертв в войнах и революциях возрастало в геометрической прогрессии. Перед человечеством с изобретением ядерного оружия возникла реальная угроза самоистребления. Альтернативный подход утверждал принципиальную возможность разрешения конфликтных ситуаций, минимизацию противоречий посредством нахождения баланса интересов. Далее возникал естественно вопрос о практической инструментари профилактики конфликтов. Одно из намеченных направлений поиска соответствующего инструментария явилась сфера лингвистики.

Проблема генезиса конфликта в ее широком философском осмыслении выводила объективно на вопрос о природе человека. Конфликтологические объяснительные проекции определялись в конечном итоге принятыми за основу антропологическими моделями. Сталкивались взгляды об имманентном добре и имманентном зле человека. Если антропология определяется идущей от создателя установкой добра, то, следовательно, конфликты противоречат по своей сути природе человека. Соответственно, конфликты не только могут, но и должны быть разрешимы. Установление мира без конфликтов становится в этой интерпретации одним из направлений возвращения человека к своему сущностному предназначению, преодолением отчуждения.

Но если человек по природе своей зол и в нем определяющим является звериное начало, то конфликт естественен и имманентен человеческому существованию. Тогда речь может идти только о регулировании конфликтных ситуаций, но не о принудительном искоренении самих оснований конфликтов.

За основу новой модели миростроительства взят был именно тип природно злого человека. Социальная проекция принятия данной антропологической модели классическим образом была представлена Т. Гоббсом.

«Естественным» состоянием, согласно Т. Гоббсу, являлась «война всех против всех». Но принятие в чистом виде такой модели означало бы самоистребление человечества. Поэтому, исходя из разумно-эгоистического соображения о самосохранении, люди идут на консенсус. Заключается «общественный договор». Главным результатом заключения этого договора является учреждение института государства. Но государство лишь устанавливает цивилизованные ограничители конфликта. Существование человека, несмотря на все социальные ограничители, все равно определяется «конфронтационной парадигмой». «Гоббсовский мир» есть поле борьбы, как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Международные отношения определяются естественным образом борьбой народов, наций, государств. По мнению многих мыслителей, именно гоббсовская модель была воспринята в Новое время Западной цивилизацией и взята за основу нового миростроительства [3].

В XIX веке гоббсовская модель была модернизирована в рамках дарвинизма. Основу модернизации составляла апелляция к данным естественных наук. Основная идея Ч. Дарвина, привнесенная им в развитие конфликтологического дискурса, состояла в рассмотрении «борьбы за существование» и осуществляемого на ее основе естественного отбора в качестве движущих факторов эволюции. Модель понималась как универсальная для живой природы и экстраполировалась на социальную сферу. Возникло направление социал-дарвинизма [2; 11; 30; 28]. Сам Ч. Дарвин через призму борьбы за существование и естественного отбора обосновывал доминанцию европейских народов в мире. Многие положения его трудов имели определенно расистское звучание. Отставание «цветных регионов» и колониализм объяснялись создателем теории эволюции следствием превосходства белой расы [6; 5; 7; 4].

Теория Ч. Дарвина воспринималась фактически как синоним эволюционной теории. Между тем, существовал и альтернативный в проблематике конфликта взгляд на движущие силы эволюции. В России этот альтернативный подход был представлен, в частности, именами П. Кропоткина и Н.В. Лосского. Движущей силой эволюции в нем определялась не борьба видов за существование, а, напротив, наличие солидаризационных качеств. Человек стал «венцом эволюции» не потому, что был более других видов приспособлен к борьбе, а за счет своих способностей к солидаризации. Соответственно, и дальнейшее развитие человечества виделось, не в конфликте, а в раскрытии начал любви, альтруизма, братства [12; 20].

Однако идеологически востребованной оказалась именно дарвиновская версия эволюции. К теории Ч. Дарвина апеллировали идеологи, представлявшие весь идеологический спектр эпохи модерна. В рамках либеральной теории дарвиновская универсальность борьбы использовалась как обоснование естественности капиталистической конкуренции. Видная фигура в истории либерализма Г. Спенсер являлся, как известно, одним из главных теоретиков социал-дарвинизма [24; 1; 11; 29; 28].

В марксизме дарвиновское понимание универсальности борьбы перекликалось с гегелевским законом «единства и борьбы противоположностей». Применительно к социальной сфере акцент делался на конфликте классовых интересов. Борьба классов определялась К. Марксом, как известно, в качестве «локомотива истории». Не случайно первый том «Капитала» был издан с посвящением именно Ч. Дарвину [8].

К дарвиновской теории апеллировали и идеологии фашизма. Борьба за существование в человеческом измерении представляла в фашистской версии борьбой народов и рас. Победы и поражения в этих конфликтах объяснялись расовыми качествами. Лучшие расы, в фашистском прочтении дарвинизма, побеждают и господствуют, худшие (неполноценные) проигрывают и оказываются рабами [22].

Каждая из идеологий выработала исторически собственный конфликтологический словарь. Он состоял из двух обязательных компонентов. Первый представлял слова, выражавшие деятельный императив борьбы. Второй – указывал непосредственно на противника, идентифицировал противоположную сторону конфликта. При этом противник наделялся, как правило, inferнальными и гротескными чертами. Лингвистический аппарат активно использовался при формировании особых идеологических семиосфер.

Мотивированной на перманентный конфликт являлась лексика, представлявшая идеологию Третьего Рейха. Последовательность во взаимосвязи терминологии и реального конфликта в данном случае особо показательна. Вначале вырабатывается конфликтосодержащий словарь, и только затем продуцируется сам конфликт. Лексика оказывается мотиватором агрессии [25, 23, 21, 9].

Конфликтосодержащие понятия в словаре Третьего Рейха:

«Бифштексы» (лица, вступившие в нацистскую партию из соображений выгоды)

«Блицкриг» («Молниеносная война»)

«Блуторден» («Орден крови»)

Валькирии

Вервольф

«Версальский диктат»
«Волчье логово»
«Волчье ущелье»
«Германия, Германия превыше всего...»
Гляйхшалтунг
«Да здравствует победа!»
«Дегенеративное искусство»
«Доски позора»
«Железный кулак»
«Жизненное пространство»
«Законы гетто»
«Замки смерти»
«Зигфрида линия»
«Клуб господ»
«Книги смерти»
«Корпус вождя»
«Кровь и почва»
«Лагеря смерти»
«Майн кампф» («Моя борьба»)
Махтерграйфунг («Захват власти»)
«Мертвая голова»
Мишлинге («смешанные», «нечистокровные»)
«Мировое господство или крах»
«Натиск на Восток»
«Национальный редут»
«Ночь длинных ножей»
«Окончательное решение еврейского вопроса»
«Оружие возмездия»
Пангерманизм
«Подпольный фронт»
«Расовое превосходство»
«Союз борьбы за немецкую культуру»
«Стальной шлем»
«Триумф воли»
«Удар в спину»
Унтерменшен («недочеловеки»)
Фюрер
«Черный корпус»
«Чрезвычайная акция по умиротворению»

«Штюрмер» (Штурмовик))

«Юдас – юде» (игра слов «Иуда-предатель» – «еврей»)

Лотмановский концепт «семиосферы» получил в последнее время широкое развитие в рамках различных гуманитарных дисциплин [16; 17; 15; 26]. Ряд работ был посвящен, в частности, исследованию феномена семиосферы «подполья» в различных его историко-страновых проявлениях. Во всех революциях и элитаристских инверсиях фиксируется не только конфликт стран, но и конфликт семиосфер – «официальной» и «подпольной». Реконструируются не только противостояния социальных сил, но и противостояние двух семантически нагруженных словарей [10]. Данное направление исследований объективно актуализировало задачу соответствующего лингвистического анализа.

Литература

1. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. – М., 1998. – С. 32–33.
2. Бюхнер Л., Дарвинизм и социализм или борьба за существование и современное общество. – СПб, 1907.
3. Гоббс Т. Избр. произв. – М., 1964. – Т. 1–2.
4. Дарвин Ч. Действие перекрестного опыления и самоопыления в растительном мире. – М.-Л., 1939.
5. Дарвин Ч. Изменение домашних животных и культурных растений // Дарвин Ч. Сочинения. – М.-Л., 1951. – Т. 4.
6. Дарвин Ч. Происхождение видов // Дарвин Ч. Сочинения. – М.-Л., 1939. – Т. 3.
7. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. // Дарвин Ч. Сочинения. – М.-Л., 1953. – Т. 5.
8. Дарвинизм и марксизм. – Харьков, 1923.
9. Деларю Ж. История гестапо. – Смоленск: Русич, 1993.
10. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. – СПб., 2001.
11. Кон И. С. Позитивизм в социологии. – Л., 1964.
12. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. – М., 2007.
13. Кузнецов В.Н. Идеология: Социологический аспект. Учебник. – М.: Книга и бизнес, 2005.
14. Логинов А.В. Идеология как проблема социальной онтологии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Екатеринбург, 2004.
15. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. – СПб. 1994.
16. Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы. – М., 1974.
17. Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. – Таллинн, 1992–1993.
18. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. – Ростов н/Д.: Феникс. 2000.

19. Манхейм К. Идеология и утопия. – М.: 1996.
20. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. – М., 1990. – С. 389–390.
21. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. – Смоленск: Русич, 1995.
22. Пленков О. Третий Рейх. Нацистское государство. – СПб., 2004. – С. 95–105.
23. Пруссаков В. Оккультный мессия и его рейх. – Нью-Йорк-М., 1991.
24. Спенсер Г. Социология как предмет изучения. – СПб., 1897;
25. Энциклопедия Третьего Рейха. – М.: Локид-Миф, 1996.
26. Ю.М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
27. Язык и идеология: Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка / Под ред. Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа Изд-во при Киев. ун-те 1981.
28. Hofstadter R. Social darwinism in american thought. – N.Y., 1959.
29. McCloskey R. G. American conservatism in the age of enterprise, 1865–1910. A study of W. G. Sumner. – N.Y., 1964.
30. Timasheff N. S., Sociological theory: its nature and growth. – N.Y., 1955.

Чурюканова Е.О.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ СОКРАЩЁННЫХ РАЗГОВОРНЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена вопросу определения языкового и социального статуса сокращённых разговорных форм в английском языке. Рассматриваются особенности употребления и функции редуцированных форм.

Abstract. The article is devoted to the definition of the linguistic and social status of the reduced spoken forms in English. It analyzes the peculiarities of their application and basic functions in the language.

Ключевые слова: сокращённые разговорные формы, нормы произношения, стиль речи, социальный маркер, языковая эволюция, экономия речевых средств.

Key words: reduced spoken forms, pronunciation norms, the style of speech, social marker, the evolution of the language, the economy of spoken means.

Сокращённые разговорные формы (reduced spoken forms, demotic forms) представляют собой особый интерес для социолингвистических исследо-

ваний, поскольку в них явно отражается связь между нормами произношения и социальным кодом. Задачей данной статьи является трактовка языкового и социального статуса довольно обширной группы сокращённых произносительных форм, их функций в языке и как социального маркера. Сокращённые произносительные формы являются результатом языковых изменений в устной речи носителей языка. Языковые изменения в конечном счете представляют собой процесс непрерывного совершенствования языка как средства общения и познания. Прогресс языка обусловлен поступательным движением общества, развитием его материальной и духовной культуры. Иными словами, эволюционные процессы в языке представляют собой «самонастройку» языка в ответ на изменения во внешнем мире, т. е. форму связи языка и внеязыковой реальности. Совершенствование сложодинамических систем, к которым относится язык, заключается в углублении адаптации системы к среде, что достигается усложнением ее строения (структуры). Усложнение структуры выражается в увеличении числа элементов, в количественном росте и специализации функций элементов, в формировании новых уровней и подсистем. При этом адаптации подвергаются в первую очередь более высокие («внешние», «поверхностные») уровни организации системы, что обеспечивает устойчивость внутренних уровней и определенную независимость системы от колебаний внешней среды. В языке возникает и углубляется функциональная (стилистическая) дифференциация языковых средств и складываются функциональные варианты речи.

История взаимоотношений языка и общества характеризуется возрастанием роли языка в жизни общества. Это обусловлено некоторыми общими тенденциями развития человеческого общества, такими, как интеллектуализация производства, усложнение социальной организации общества, удлинение сроков обучения, развитие каналов коммуникации, углубление личностного своеобразия каждого человека. В результате расширяются сферы использования и объем функций языка. Удлиняется «языковое существование» каждого человека: растут те ежедневные часы, в которые человек говорит, слушает, читает, пишет, размышляет. По мере возрастания роли языка в жизни людей расширяются возможности социума регулировать языковые аспекты коммуникации [3].

Сокращённые разговорные формы являются социальным маркером, они характерны для повседневной разговорной речи, являясь средством языковой экономии. Ошибочной является точка зрения, согласно которой эта группа слов свойственна речи необразованных людей. Существует мне-

ние, что редуцированные формы являются просторечными, вульгарными по своему характеру. Однако современные социолингвистические исследования подтверждают их повсеместное использование носителями языка, начиная от обиходного общения и заканчивая дебатами в Конгрессе. Таким образом, сокращённые разговорные формы являются принадлежностью устной разговорной речи в её противопоставлении письменной, книжной речи.

Разговорная речь – особая функциональная разновидность литературного языка. Если язык художественной литературы и функциональные стили имеют единую кодифицированную основу, то разговорная речь противопоставляется им как некодифицированная сфера общения. Кодификация – это фиксация в разного рода словарях и грамматике тех норм и правил, которые должны соблюдаться при создании текстов кодифицированных функциональных разновидностей. Нормы и правила разговорного общения не фиксируются. Разговорная речь как особая функциональная разновидность языка, а соответственно и как особый объект лингвистического исследования характеризуется тремя экстралингвистическими, внешними по отношению к языку, признаками. Важнейшим признаком разговорной речи является ее спонтанность, неподготовленность. Вторым отличительным признаком разговорной речи состоит в том, что разговорное общение возможно только при неофициальных отношениях между говорящими. Третьим признаком разговорной речи является то, что она может реализоваться только при непосредственном участии говорящих. Разговорная речь — это спонтанная литературная речь, реализуемая в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения [2].

Объектом лингвистики, исследующей литературную разговорную английскую речь, является реальная, спонтанная, непринужденная, несколько сниженная речь образованных кругов современного английского литературного языка в основных сферах общения. Таким образом, использование сокращённых разговорных форм зависит не от уровня образования, а от темпа речи: чем быстрее, говорят собеседники, тем более «редуцированное» становится их произношение. Полный стиль произношения, характерный для делового, официального общения, характеризующийся умеренным темпом речи, использованием полных произносительных форм, заменяется на разговорный, отличающийся спонтанностью речи, эмоциональностью высказываний, широким использованием сокращённых форм.

Приведём примеры редуцированных разговорных форм в английском языке.

cantcha = can'tcha [ˈkxnCq] = can't you	
Christ, <u>cantcha</u> read between the lines?	<i>Господи, <u>неужели ты не можешь читать между строк?</u></i>
'cause [ˈkOz] = because – <i>потому что, так как</i>	
“Why else do you like me?” - “‘Cause you haven't given up.”	<i>Почему еще ты любишь меня? - <u>Потому что ты не сдаешься.</u></i>
c'mon [kqm'On] = come on – 1) давай!, живее!, пошли!; 2) брось!, перестань!, кончай	
C'mon Johnny, we'll be late for Biology.	<i><u>Живее/Давай, Джонни, мы опоздаем на биологию.</u></i>
coulda [ˈkudq] = could have – здесь could в сочетании с формой Perfect переводится как <i>мог бы, могли бы</i> и т.п.	
<i>There's at least two other guys in the country <u>coulda</u> done it.</i>	<i>Есть по крайней мере два других/еще парня в стране, (которые) <u>могли бы</u> сделать это.</i>
<i>didja</i> [ˈdIdjq] = did you	
“ <u>Didja</u> have your lunch?” I asked her.	<i>- <u>Ты уже позавтракала?</u> – я спросил её.</i>
<i>dontcha</i> = don'tcha [ˈdounCq] = don't you	
“Like it, <u>dontcha</u> ?” The Kid panted.	<i>- <u>Нравится это, не так ли?</u> – Мальши выдохнул.</i>
dunno [ˈdAnou] = don't know – <i>не знаю, не известно, не понятно</i> ; в подавляющем большинстве случаев как I dunno. = I don't know. <i>Я не знаю.</i>	
“They're going to hunt you tomorrow.” - “But why?” - “I <u>dunno</u> . And Ralph, Jack, the chief, says it'll be dangerous—”	<i>- Они собираются охотиться на тебя завтра. – Но почему? - Я <u>не знаю</u>. И (послушай) Ральф, Джек, главный/вождь, говорит, (что) это будет опасно...</i>
<i>d'ya</i> [dja] = do you	
Well what d'ya know?	<i>Ладно, что тебе известно/ты знаешь?</i>
'em [em] = them – <i>их, им;</i>	
“All right, men, let's get ' <u>em</u> !”	<i>Хорошо/Ладно, парни, давайте возьмем/схватим <u>их!</u></i>

“I won’t give you eggs or anything. Do you like Cheerios?” – “Love ‘em.” – “All right.”	– Я не буду подавать вам яичницу или что-нибудь такое. Вы любите пшеничные хлопья? - (я) Люблю/ Обожаю <u>их</u>. – Ладно/Прекрасно.
<i>gerraway</i> [‘gerq’weI] = get away – ускользнуть; уходить, уезжать; прочь! и др. <i>gerrin</i> [‘ger’in] = get in - <i>входить; садиться в транспорт</i> и др. <i>gerrit</i> [‘ger’It] = get it – <i>понимать; разузнать; победить; иметь</i> и др. <i>gerron</i> [‘ger’On] = get on - <i>садиться на/в; приступать к /продолжать дело</i> и др. <i>gerrup</i> [‘ger’Ap] = get up - <i>подниматься; вставать (просыпаться); усиливаться; дорожать</i> и др. <i>gimme</i> [‘gImq] = give me - <i>дай(те)/передай(те)/отдай(те)</i> и т. п. <i>мне</i>	
<u>Gimme</u> your hand and I’ll pull you up outta there!	<u>Дай мне</u> твою руку и я вытащу тебя оттуда!
Johnny: What’s going on, Diz? - Dizzy: I got power! <u>Gimme</u> a minute! - Johnny: We don’t have a minute!	Джонни: Что происходит, Диз? - Диззи: Я получила/(у меня есть) энергию! <u>Дай мне минутку!</u> - Джонни: У нас нет/ (мы не имеем) минутки!
<i>g’night</i> = good night - <i>спокойной ночи</i> ; gonna [‘gOnq] 375 = going to. Употр. в обороте to be going to: (am/is/are + going + инфинитив с to) <i>собираться, намереваться сделать что-либо</i>; 1) Употребляется для выражения намерения совершить действие в будущем; 2) Для выражения большой вероятности или неизбежности совершения действий в будущем (прогнозируемое будущее). Чаше отдельно <u>не переводится</u>, а действие, выраженное последующим инфинитивом, просто переводится будущим временем.	
“I ain’t <u>gonna</u> hold you,” Baker said.	Я не <u>собираюсь</u> задерживать тебя, - Бейкер сказал.
I’m <u>gonna</u> ride into Braintree with that guy.	Я поеду (<u>собираюсь поехать</u>) в Брейнтри с этим парнем.
<i>gotcha</i> [бр. ‘gOCq, ам. ‘gACq] = got you. В зависимости от контекста: Я понял (тебя), уловил твою мысль);	

Seth: When I count three, shoot out the bottles behind him! - Richard: Gotcha!	Сет: Когда я досчитаю до трех, расстреляй бутылки позади него! - Ричард: <u>Понял!</u>
gotta [бр. 'gOtq, ам. 'gAtq] = (have) got to - должен, должна (...ны), нужно и т.п. (выражает долженствование, have часто совсем выпадает без потери смысла)	
Come on, we <u>gotta</u> deal this stuff, man. We <u>gotta</u> deal this stuff or we're gonna get caught and wind up in somebody's trunk.	Давай/Шевелись, нам <u>нужно</u> сбывать эту штуку, парень. Мы <u>должны</u> избавиться от этого барахла или мы будем пойманы и окажемся в чьем-нибудь багажнике.
hadda ['hadq] = had to – выражает долженствование относительно прошлого	
We <u>hadda</u> forget the whole thing.	Мы <u>должны были</u> забыть все/все это.
hafta ['havtq] = have to – выражает долженствование относительно настоящего и будущего	
Well take heart, 'cause you're never gonna <u>hafta</u> hear it again.	Ладно, имей сердце/будь великодушна, потому что тебе никогда не <u>придется</u> услышать это снова.
Lemme ['lemq] = let me <i>позволь(те) мне, разреши(те) мне</i> и т.п.	
<u>Lemme</u> tell you what they look like.	<u>Позвольте мне</u> рассказать/описать вам, как они выглядят.
“Lemme go,” she cried out.	« <u>Отпусти меня/Дай мне уйти,</u> » — вскрикнула она.
Let's = let us . Сочетание сокр. Глагольной конструкции let's в значении « <i>давайте</i> » с инфинитивом имеет оттенок приглашения или совета.	
<u>Let's</u> get down to business.	<u>Давайте</u> приступим к делу.
“ <u>Let's</u> get the hell out of here,” said Random.	« <u>Давайте</u> убираться к черту отсюда.» – сказал Рэндом.
Wanna [бр. 'wOnq, ам. 'wAnq] = want to – <i>хотеть, желать</i> что-либо сделать (want + инфинитив глагола); (это пример абсолютно логичного разговорного сокращения).	
I <u>wanna</u> do that myself.	Я <u>хочу</u> сделать это сам.

If you <u>wanna</u> be my lover.	<i>Если ты <u>хочешь</u> быть моим возлюбленным. (Из песни «Wannabe» Spice Girls)</i>
whaddaya [бр. 'wOtdjɔ, ам. 'wAtdjɔ]	= what do you ... – что ты/вы ...?
Gorilla: Hey, <u>whaddaya</u> think you're doin', chump? - Valiant: Who're you callin' chump, chimp?	Горилла: Эй, чем, по-твоему, ты занимаешься, (что ты думаешь, ты делаешь) болван? - Валиант: Кого ты называешь болваном, шимпанзе?
Whatcha [бр. 'wOCɔ, ам. 'wACɔ] = what do / did / are you - что ты...?; В вопросах типа <u>What do you</u> want? <i>Что ты хочешь?</i> , <u>What are you</u> doing? <i>Что ты делаешь?</i> Вспомогательный глагол are вообще редуцируется в подавляющем числе случаев в разговорной речи. Он не выбрасывается совсем, но на слух его почти не уловить.	
<i>Whatcha want?</i>	<i>Чего тебе надо?</i> [1]

Изначально являясь принадлежностью просторечного разговорного стиля в американском английском, постепенно редуцированные разговорные формы проникают в британский английский. Лишившись функции социального маркера, они в настоящее время реализуют стратегию языковой экономии. Недопустимые в письменной речи, редуцированные формы изобилуют в устной разговорной речи носителей языка, принадлежащих к разным социальным пластам. Что касается изучающих английский язык, в их речи сокращённые разговорные формы могут звучать искусственно. Однако по мере вливания в естественную (английскую) языковую среду, использование этих форм становится необходимым для достижения успешной языковой ассимиляции с носителями языка.

Языковой статус редуцированных разговорных форм является спорным. Обладая универсальностью употребления, они, тем не менее, характеризуются сниженной маркированностью, поскольку повышенный темп речи и, как следствие этого, редукция в большей степени свойственны просторечному (сниженному разговорному) произношению.

Литература

1. Васильев А. Английский: правила произношения и чтения, грамматика, разговорный язык. – СПб: Аспект, 2007. – 260 с.
2. Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 560 с.
3. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЕЛОВ В СЕМАНТИКЕ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается концептуализация пространственных пределов как семантическая основа формирования категории переходности у глаголов движения. Определение границ тесно связано с одной из важнейших онтологических метафор – метафорой вместилища, а также с фигурой наблюдателя, способного давать количественную оценку пространству, охваченному движением.

Abstract. The article deals with the spatial boundaries conceptualization as the semantic basis for verb transitivity formation within the group of verbs of movement. Defining the boundaries is closely connected with one of the most important ontological metaphors – the metaphor of the container, and it is also connected with the observer’s ability to give quantitative evaluation of that part of space which is covered in the process of movement.

Ключевые слова: глагольная переходность, пространственные пределы, вместилище, глаголы движения, наблюдатель.

Key words: verb transitivity, spatial boundaries, the container, verbs of movement, the observer.

Восприятие человеком пространства и объектов в пространстве связано с такими понятиями, как *пространственные пределы, границы*. При этом восприятие их как имеющих некоторые границы необязательно основывается на наличии реальных естественных границ, так как человек способен налагать границы, как если бы они действительно существовали. Так, известные когнитологи Дж. Лакофф и М. Джонсон, описывая метафору вместилища как главную онтологическую метафору, отмечают, что она основывается на отграниченности и отделенности человека телесной оболочкой от других объектов. Данный факт предопределяет перенесение данной метафоры и на остальные объекты в пространстве и, как пишут авторы, «даже в тех случаях, когда нет естественной физической границы, которую можно было бы рассматривать как границу вместилища, мы налагаем границы – как если бы внутреннее пространство или ограничительная поверхность реально существовали – будь то стена, забор, воображаемая линия или плоскость» [3, 55]. При этом «отграничение некоторой терри-

тории, и проведение границ вокруг нее – это акт количественной оценки» [3, 55].

Движение, перемещение субъекта в пространстве предполагает некоторую векторность, так как имеет определенные границы – начало и конец движения. Однако языковая концептуализация движения может основываться как на количественной оценке пройденного пространства, то есть определением его границ, так и на его качественной характеристике (например, описывая способ передвижения). Неслучайно этот факт находит отражение в характеристике глаголов движения по признаку переходности/непереходности.

В основе глагольной категории переходности в качестве одной из существенных характеристик выделяют понятие предельности действия. Ограничение объема действия, количественная оценка действия лежит в основе образования переходных глаголов. Так, в русском языке многие бесприставочные глаголы, описывающие способ перемещения в пространстве, являются непереходными. Это такие глаголы, как *идти*, *ехать*, *бежать*, *ползти*, *плыть* и другие. Образованные же при помощи приставок *про-*, *пере-*, *из-/ис-* производные глаголы движения являются переходными, так как охваченное движением пространство получает количественную оценку, ср.:

перейти дорогу, *пробежать стометровку*, *исходить весь город*.

В английском языке для обозначения пространственных пределов движения употребляются переходные глаголы (беспредложные глаголы):

to run a mile “пробежать милю”, *to cover some distance* “пройти некоторое расстояние”, *to pass the house* “пройти мимо дома”, *to roam the town* “скитаться по городу/исходить весь город” и другие.

В кабардино-черкесском языке количественная оценка пройденного расстояния тоже лежит в основе формирования переходности глаголов движения:

кЛуэн (неперех.) “идти” – *кЛун (перех.)* “пройти”, *кЛухьын (перех.)* “исходить”, *кьызэхэКлухьын (перех.)* “исходить”.

Глаголы, обозначающие движение по кругу, также часто бывают переходными, так как круговое движение, в котором совпадают начальная и конечная точки, замыкает пространство, оставляя объект, вокруг которого происходит движение, внутри *контейнера*. Сравните:

англ. яз. – *to round* “обходить, огибать”;

кааб.-черк. яз. – *кьэкКлухьын (перех.)* “обходить кого-что-л”.

В русском языке от непереходных глаголов движения при помощи приставки *о-* образуются переходные глаголы со значением «движение вокруг»:

рус. яз – *обойти дом, объехать владения* и др. Анализируя значение приставки *о-* в русском языке, Н.П. Некрасов писал, что с помощью данной приставки действие представляется обнимающим предмет со всех сторон и может быть названо действием-средою [1, 523].

Такая количественная оценка пространства, освоенного субъектом перемещения, предполагает существование наблюдателя, который может как совпадать, так и не совпадать с субъектом перемещения. Определение пространственных пределов связано с фигурой наблюдателя, налагающего границы на определенный отрезок пространства. Неслучайно, в русском языке в группе глаголов движения несовершенного вида выделяются два типа – глаголы однонаправленного и неоднаправленного движения: *бежать-бегать, брести-бродить, везти-возить, вести-водить, гнать-гонять, ехать-ездить, идти-ходить, лететь-летать, плыть-плавать и т.д.* Глаголы однонаправленного движения способны фиксировать взгляд наблюдателя и описывать ситуацию как разворачивающуюся перед наблюдателем, что связано с «маломасштабностью» пространства, описываемого данными глаголами [2; 4]. Ср.: *Мальчик ходит в школу/Мальчик идет в школу.*

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учебное пособие для вузов/ Отв.ред. Г.А.Золотова. –3-е изд., испр. –М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. (2-е исправл. изд) – Иркутск: Изд. Иркутск. гос. ун-та, 2004 – 206 с.
3. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
4. Шокуева М.К. Вербализация пространства и времени с позиции наблюдателя. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук.– Нальчик, 2006. – 179 с.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с современными процессами в области ударения в русском языке.

Abstract. The article deals with the problems of contemporary processes in the phonological system, i.e. stress in Russian words.

Ключевые слова: ударение, смещение ударения, тенденция, ритм, основа слова.

Key words: stress, shifting, tendency, rhythm, word stem.

Русский язык – один из богатейших в мире. Обслуживая общество в качестве средства общения, наш язык постоянно претерпевает изменения, все более и более накапливая свои ресурсы для адекватного выражения смысла происходящих в обществе перемен. Для живого языка этот процесс естествен и закономерен. Однако степень интенсивности этого процесса может быть различной. И тому есть объективная причина: само общество – носитель и творец языка – по-разному переживает разные периоды своего существования. В периоды резкой ломки устоявшихся стереотипов усиливаются и процессы языковых преобразований. Так было в начале XX в., когда резко изменилась экономическая, политическая и социальная структура российского общества. Под воздействием этих перемен стал меняться, правда, более медленно, и психологический тип представителя нового общества, что также приобретает характер объективного фактора, влияющего на процессы в языке.

Современная эпоха актуализировала многие процессы в языке. Под воздействием внешнего социального фактора пришли в движение внутренние ресурсы языка, наработанные внутрисистемными отношениями, которые прежде не были востребованы по разным причинам, в том числе и по социально-политическим. Поэтому сейчас и обнаружилось орфоэпические, семантические и семантико-стилистические преобразования во многих лексических пластах русского языка, в грамматических формах, в синтаксических конструкциях и т.п.

Еще в 90-е годы XX в. в связи с возрастающей ролью публичной речи значительно обостряется проблема русского ударения и его кодификации.

Речь парламентская, речь, звучащая с экранов телевизоров, по радио, становится активным стимулом для подражания. Она у всех на слуху и невольно оказывает воздействие на речевую практику населения. То, что средства массовой информации в настоящее время, в отличие от прошлых лет, настроены на живое, непринужденное общение, а также значительное расширение круга лиц, допущенных к эфиру, серьезно расшатало акцентные нормы русского языка. Вкусовые установки, недостаточное владение нормами языка породили массу ошибочных ударений, постоянно умножающихся.

Однако дело не только в небрежности и недостаточной грамотности. Сложившаяся общественная обстановка в «перестроечное» для страны время значительно повысила «нормальные» темпы языковой динамики. В частности, активизировалось закономерное противоречие между узусом и возможностями языка. Причем узус стал часто утрачивать свою силу и ослаблять границы своего действия. Речь профессиональная, деловая, разговорная все более влияет на речь публичную, официальную. В этой связи процессы, подготовленные самой системой языка, ускоряются и бывшие строгие литературные нормы оказываются поколебленными.

В области ударения это особенно заметно, поскольку в язык хлынул поток новых слов, еще недостаточно освоенных, понятых, часто только услышанных. Если говорить именно об ударении, то в такой ситуации полагаться можно только на звучащую речь (а она далеко не всегда правильная!), так как многое из того, что уже живет в языке, не отражено в словарях и потому не имеет нормативных оценок.

Современные процессы в области русского ударения обусловлены столкновением действия законов аналогии и традиции, а также закона антиномий, в частности, антиномии узуса и возможностей языка. Например, по аналогии с формами глаголов *вИться*, *носИться*, *кружИться* возникает разговорная форма *вихрИться* (при литературной – *вИхриться* от *вихрь*). Или по аналогии с формами *прОдано*, *прОдан*, *прОданы* в результате унификации возникает разговорная форма *прОдана* (при литературной – *проданА*).

Среди причин внешнего характера можно назвать влияние некоторых говоров, а также влияние источников заимствования – для заимствованной лексики. Например, южнодиалектное *бОндарь* (при варианте *бондАрь*) поддерживается аналогией *лЕкарь*, *пЕкарь*, *тОкарь*. В вариантной паре *пЕтля* и *петЛЯ* второй вариант, также из южных говоров, поддержан системной аналогией: *лыжнЯ*, *мазнЯ*, *роднЯ*, *резнЯ*, *квашнЯ*.

Среди заимствованных слов можно также наблюдать колебания при

двойном заимствовании (*индУстрия* и *индУстриИя* - из лат. и греч. яз.); при воздействии языка-посредника (литер. *докумЕнт* и простор. *докуМент* - из польск. яз.); при сочетании форм языка-источника и форм русифицированных (*Шекспир*, *Флорида* – англ. и *ШекспИр*, *ФлорИда* – обрусевшие варианты).

Столкновение разных тенденций можно обнаружить при образовании прилагательных от заимствованных слов. Вариантность в таком случае имеет разные источники и отчасти прослеживается семантически, хотя и не всегда. Например, ударение на суффиксе появляется у русских прилагательных, образованных от заимствованных существительных, по аналогии с парами исконными (*грУшевый* – *грушОвый*, *слИвовый* – *сливОвый*, *вишневый* – *вишнёвый*): *перл* (фр.) – *пЕрловый* и *перлОвый* (БАС дает обе формы); *пЕрловая белизна* (как у перла) и *перлОвая крупа*; *кедр* (греч.) – *кЕдровый* и *кедрОвый* (*кЕдровый* дано как устар.); в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) дается только *кедрОвый* (*кедрОвая сосна*, *кедрОвые орехи*, *кедрОвое масло*), *лавр* (лат.) – *лАвровый* (ботанич. термин) и *лаврОвый* (лист), *лАврОвый венок*; *лозунг* (нем.) – *лОзунговый* и *лозунгОвый* (двойное ударение демонстрирует процесс приспособления чуждого слова к русскому языку: *лозунгОвый стиль*); *митинг* (англ.) – *мИтинговый* и *митингОвый*; спец. *киль* (голл. *kiel*, англ. *keel*) минует форму *кИлевый* и по свидетельству Словаря С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (1998) образует прилагательное *килевОй* с флективным ударением.

Таким образом, тенденция к замене корневого ударения суффиксальным очевидна, но в разных словах процесс идет разными темпами: формы с корневым ударением либо устаревают, либо исчезают вовсе.

Ударение – факт звучащей речи, и варьирование здесь имеет очень широкий диапазон, а потому установление норм оказывается затруднительным. Кроме того, трудности усвоения русского ударения объясняются его природой – оно подвижно и относительно свободно. Объяснить подвижность русского ударения только фонетическими факторами оказалось невозможным, поскольку акцентологическая подвижность прежде всего связана с морфологической принадлежностью слова, то есть русское ударение – морфологически подвижное ударение.

В современных исследованиях ударения используется именно грамматический принцип описания – дается система акцентных единиц в словоизменении и словообразовании грамматических разрядов слов. Поэтому и тенденции в изменении ударения нагляднее прослеживаются в рамках частей речи (глагольное или именное ударение), тем более что именно по частям речи фиксируется либо тенденция к сокращению доли подвижного

ударения (например, в глаголе), либо тенденция к росту дифференцирующей функции ударения в отдельных формах слова (как в именах существительных).

Проявляются тенденции и общего плана, которые затрагивают акцентные системы разных классов слов. Такой общей тенденцией в ударении, по признанию многих лингвистов, считается тенденция к ритмическому равновесию, которая заключается в смещении ударения к центру слова. О тяготении русского ударения к центру со смещением во вторую половину слова пишет К.С. Горбачевич. Эта тенденция проявилась у пяти-, шестисложных глаголов на *-ировать* (*аккомпаниИровать* из *аккомпанировАть*, *абонИровать* из *абонировАть*, *бальзамИровать* из *бальзамировАть*). Четырехсложные глаголы либо имеют варианты формы (*нормИровать* и *нормировАть*), либо избирают одну, новую форму (*вальсИровать* из *вальсировАть*), либо сохраняют окончательное ударение (*премировАть* – простор. *премИровать*); *маскировАть* – простор. *маскИровать*).

Перемещение ударения к середине слова также отмечено у прилагательных *прадЕдовский* (из *праАдедовский*), *таИнственный* (из *таАинственный*), *счастлИвый* (из *счаСтливый*; ср. у А.С.Пушкина – «имел он счаСтливый талант»), *общЕственный* (из *Общественный*). Здесь действует ритмический принцип в размещении ударения.

Тенденция к ритмическому равновесию особенно наглядно прослеживается в сложных словах: *зубчАтый* – *мелкозУбчатый*, *развитОй* – *малорАзвитый*, *возрастнОй* – *великовОзрастный*, *характЕрный* – *разнохарАктерный*, *договОр* – *хоздОговор*.

Процесс смещения ударения в многосложных словах к центру слова можно оценить как процесс прагматически оправданный, целесообразный, так как в таком случае соблюдается более равномерная смена ударных и неударных слогов, что более удобно для произнесения (ср.: *Августовское море* – *августОвское море*; *МАльчиковый размер* – *мальчикОвый размер*). Однако вряд ли уместной является смена ударений в таких высоких, подержанных культурной традицией словах, как *знАмение* или *пОслушничество*; хотя в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой формы *послУшник*, *послУшница*, *послУшнический* даются уже на первом месте в равноправных парах с *пОслушник*, *пОслушница*, *пОслушнический*, которые стоят на втором месте.

Вариантность ударения в современном русском языке может исчезать, если один из вариантов устаревает, освобождая место более сильному, так случилось, например, с парой *щЕпоть* и *щепОть*, в которой первая позиция (*щЕпоть*) была утрачена языком.

Противоречивые указания дают словари относительно вариантов *договор* – *дОговор* (соответственно – *договОры* и *договорА*). Долгое время литературной признавалась только форма *договор* (мн.ч. *договОры*). Д.Н. Ушаков в своем словаре формы *дОговор* и *договорА* помечал как просторечные, а БАС – как неправильные. И только к концу XX в. эти бывшие просторечные формы оказались узаконенными: словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой дает обе формы (*договор* и *договор*), правда, вторую помечает как разговорную (но не просторечную!).

Противоречивость в оценке акцентных вариантных форм объясняется двумя причинами: 1) объективно процесс становления нормы (фонетической, стилистической) еще не завершился; 2) не исключается и доля субъективности в оценке форм, разного отношения к узусу и использованию возможностей языка.

Чтобы выявить активно действующие акцентные тенденции, видимо, необходимо проследить, сопоставить употребление вариантных форм в разных языковых сферах – в кодифицированном литературном языке, в профессиональной речи, в речи разговорной. Процентное соотношение употребления акцентных вариантов в разных сферах языка может помочь более объективно оценить путь следования форм к литературной норме.

Колебания в ударении заимствованных слов объясняются степенью освоенности их русским языком. Чем больше чужое слово живет в русском языке, тем более подчиняется оно заимствующей системе, находя в ней аналогии, образцы для подражания. Современные заимствования (конец XX в.) пока еще не «обжились» в русском языке, и потому в большинстве случаев ударение в них соответствует языку-источнику. Сегодня это в основном английские слова, а сфера распространения их – профессиональные языки специалистов (компьютерная техника, финансовая и коммерческая деятельность, спорт, отчасти политика, музыка и др.). В массы новое слово попадает через периодическую печать, радио, телевидение. Основной акцентный принцип заимствования сегодня – следование ударению языка-источника. Так, сохраняют ударение на первом слоге слова на *-er* и *-or* (*бАртер*, *брОкер*, *дИлер*, *мЕнеджер*) и слова на *-инг* (*брИфинг*, *лИзинг*, *рЕйтинг*, *хОлдинг*). Ударение в слове *мАркетинг* уже заметно стало перемещаться в сторону более естественного для русского языка варианта – *маркЕтинг*.

Односложные слова типа *файл*, *грант* имеют неподвижное ударение при склонении на русский лад (*фАйла*, *грАнта*). Перенос ударения на окончание в подобных словах встречается крайне редко (например, *хит* – *хитЫ*, *хитОм*, а также в речи молодежи – *битлЫ*, *джинсЫ*).

Усиление международных контактов влияет на нормализаторскую деятельность, и в настоящее время обнаруживается стремление к восстановлению произношения языка-источника. Так сталкиваются две тенденции, дающие два разных варианта – русифицированный и иноязычный. В большинстве случаев новые заимствования звучат «по-иностранному», но одновременно появляются и некоторые отклонения от этой общей тенденции, например, *маркетинг* все чаще уступает место *маркетингу*, что ближе русскому типу ударения (к тому же действует аналогия с двусложными словами на *-инг*: *холдинг*, *рейтинг*, *лизинг*), а слово *менеджмент* на русской почве тяготеет к лексической группе давно освоенных русским языком слов с ударным *-мент* (*эксперимент*, *документ*, *ангажемент*, *пигмент*, *фрагмент*, *комплимент* и др.), хотя при этом представлены и другие акцентные формы (*фундамент*, *регламент*, *орнамент*, *департамент*). Отдельные слова имеют стилистическую вариантность: *апартамент* (*устар.*) – *апартамент*.

Состояние современного русского языка в акцентном отношении с очевидностью свидетельствует о живых динамических процессах, приводящих в движение всю акцентную систему. В разных классах слов намечаются тенденции к смене традиционных ударений.

Литература

1. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. – Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1979. – 238 с.
2. Горбачевич К.С. Словарь трудностей современного русского языка. – СПб.: Норинт, 2003. – 512 с.
3. Горбачевич К.С. Современный орфоэпический словарь русского языка. – М.: АСТ, 2009. – 476 с.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ВЕТХОЗАВЕТНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается ряд библейских ветхозаветных имён собственных, как топонимов, так и антропонимов, ставших интернациональными символами. Основное внимание автор уделяет вопросу трансформации значений этих онимов во французском языке. Некоторые из них перешли в разряд имён нарицательных и активно функционируют в современном французском языке, во много утратив связь с первоисточником.

Abstract. In the article several biblical Old Testament proper names are considered both toponym and antroponym which become international symbols. Much attention author devotes to transformation of these proper names meanings in French. Some of them moved into the category of proper names and they are used in modern French language very active, which have largely lost touch with the original.

Ключевые слова: библейские онимы, имена-символы, трансформация значения, отономастическая библейская лексика.

Key words: biblical onyms, name-symbols, transformation of meaning, biblical proper words.

Большинство ветхозаветных онимов не характерно для антропонимической и топонимической систем французского языка, но во многом за счёт значительности своего источника сохраняются в качестве «живых архаизмов». Они относятся к той группе имён-фактов, которые четко привязаны к конкретной, в данном случае мифологической личности и не теряют эту связь, даже находясь в составе фразеологизмов [3, 138]. Даже в составе фразеологизмов они сохраняют назывную, индивидуализирующую функцию имени собственного: фр. *vieux comme Mathusalem* – букв. «стар как библейский патриарх, проживший 969 лет, о котором упоминается в книге Бытия 5, 21–27» – то есть «очень старый» [3, 168].

В современных языках имена собственные не имеют значения, хотя в принципе и могут развивать определённые коннотации в связи с изменением их общественной значимости. Так, имена Ветхого Завета, в основном

древнееврейского происхождения, имели определенный денотат, который нередко был созвучен содержанию библейского мифа. Классическим примером тому может служить имя первого человека: *ādām* в переводе с древнееврейского значит в единственном числе «человек», во множественном числе – «род людской» [3, 21].

Интересным, на наш взгляд, является наблюдение французских исследователей, что во второй главе Бытия текста оригинала слово *ādām* ещё не является именем собственным, а становится им лишь в четвёртой главе, когда для обозначения мужчины вводится слово *ish* и производная от него *ishshah* – «женщина». Во французском языке, также как и в русском, имя Адам выступает символом общих корней рода людского: фр. *Nous sommes tous enfants d'Adam* – букв. «все мы – адамовы дети» [3, 21].

Заметим, что во французском языке более четко выражены ассоциации имени с первобытным «невинным» состоянием человека. Свидетельством тому целый ряд устойчивых выражений: *période adamique* – «доисторический период», *race adamique* – «первобытная раса» [4, I, 108]. Во французском литературном контексте об употреблении библейского имени в метафорическом значении, как правило, свидетельствует присутствие неопределённого или определённого артикля перед антропонимом. Заметим, что у французского варианта библейского имени *Adam* активно функционируют в языке лексические дериваты. Так, прилагательное *adamique*, неполным соответствием которому будет русское краткое прилагательное *адамов*, употребляется ещё и в значении «примитивный», «доисторический», а прилагательного, подобного французскому *adamite* в значении «нетронутый», «заповедный», вообще нет в русском корпусе библеизмов. Исключения составляют совпадающие термины *adamites* (п.т.) и *адамиты* (зд. название религиозной секты, проповедовавших возвращение к состоянию невинности, в котором пребывал Адам) [3, 21].

Рассматриваемые нами ветхозаветные антропонимы перешли в разряд французских имён нарицательных в составе художественной терминологии: например, *un adam et une ève du XVI siècle* – букв. «изображение Адама и Евы, датированное XVI веком» [4, I, 108].

В целом символика библейских имён интернациональна, хотя в некоторых случаях возможны некоторые конфессиональные несоответствия. Возьмём для примера имя собственное Ева – одно из самых значимых имён. Не случайно даётся его изначальное значение во всех текстах переводов Ветхого Завета: др.евр. *Hawwâh* букв. «жизнь, живая». Христианская символика столь противоречивого образа первой земной женщины складывалась во многом под влиянием греческого перевода Библии – Септуа-

гинты и латинского текста Вульгаты. С одной стороны Ева – наша мать по плоти, поддавшаяся искушению, с другой стороны, она является прообразом нашей «духовной матери» Девы Марии. Но в системе конкретного национального языка, на уровне «обыденного», в данном случае не религиозного в чистом виде сознания, за именами-символами закрепляются, как правило, обобщённо единичные представления. Имя собственное Ева, например, выступает символом любопытства и греховности женской натуры. Так, во французском языке есть оборот, сохраняющий именно эти нюансы значения, которые иногда сглаживаются долей иронии или шутки: фр. *fille d'Ève* – русск. Евина дочка (внучка) – «о женщине» [3, 109; 2, 279]. Французский фразеологизм в определённом контексте может выступать и в качестве резко отрицательной характеристики: *fille d'Ève* – «вероломное создание, готовое поддаться любому искушению» [3, 109].

Трансформировав значение, в активный словарный запас французского языка вошли и другие ветхозаветные антропонимы. Так, имя собственное младшего из двенадцати сыновей патриарха Иакова *Вениамина* (франц. *Benjamin*), перейдя в состав имён нарицательных, стало одним из наиболее употребительных слов современного французского языка. В русском же с аналогичным значением это имя функционировало скорее на уровне библейских аллюзий: так словарь М.И. Михельсона даёт краткую справку об этом персонаже Ветхого Завета [2, 98]. Прежде всего, знаменателен сам факт именованного героя, описанный в Книге Бытия [Бт., 43–45]. Рождение Вениамина стало роковым для его матери Рахили, умирая она дала ему имя *Ben-Oni* – букв. «сын моего несчастья». Отец переименовал своего любимого сына в *Вениамина* – букв. «сын правой руки», т.е. иносказательно «сын любимой жены». Во французском языке переход этого имени в разряд имен нарицательных датируется уже XVIII веком. Примечательно, что аппеллятив имеет как форму женского, так и мужского рода. В процессе семантической эволюции слово стало многозначным: *benjamin* (n.m.), *benjamine* (n.f.) – «любимчик или любимица родителей»; «самый младший ребёнок в семье или в любой группе детей»; «самый младший человек в любой группе людей»; «возрастная категория юных спортсменов 10–11 лет» [4, I, 935].

Вне всяких сомнений, что французское слово *balthazar* (n.m.) появилось в результате процесса семантической отфразеологической деривации. Во французском языке есть фразеологизм *festin de Balthazar* – «*валмасаров пир*», из которого имя собственное выделилось и перешло в разряд аппеллятивов. Определённым образом, аккумулировав в себе всю семантику библейского выражения, слово гораздо активнее функционирует в современ-

ном языке. Заметим, что на основе ветхозаветного текста книги Пророка Даниила за именем этого последнего вавилонского царя из халдейской династии закрепляются исключительно отрицательные коннотации, связанные, прежде всего со святотатством на нечестивом пиршестве, устроенном во время осады города персами. Отразилось это и в значении фразеологизмов, которые служат далеко не лестной характеристикой застолья. Однако же в значении самого слова *balthazar* негативных нюансов оценки практически нет: в современном французском языке так нередко называют «шумный и весёлый праздник с обильным угощением», «банкет», «дружескую пирушку» [3,114].

В лексике современного французского языка функционирует слово, имеющее ветхозаветные библейские корни, но реально утратившее связь со своим источником: *jé roboam*, (п.м.) в значении «большая бутылка шампанского, содержащая 3,2 литра напитка» или «трёхлитровая бутылка бордо»[4,5,804]. Восходит оно к имени собственному ветхозаветного царя *Иероваама* – франц. вар. *Jé roboam*, о царствовании которого рассказывается в III Книге Царств [Катол. Библия: I Roi 11, 26–14, 20]. После смерти царя Соломона, он получил власть над десятью коленами израильскими, но не сумел достойно воспользоваться ею. Вводя в грех свой народ, «царь лично священнодействовал при совершении идолопоклоннических обрядов». По мнению французского лингвиста Ж-К. Болоня, закрепление наименования *jé roboam* за бутылкой столь впечатляющих размеров не лишено логики: «зелёный змей», под власть которого попадает человек, выпив много вина, подобен демону-искусителю, из-за которого Иероваам отверг истинную веру [3, 142]. Во французском языке слово является заимствованием из английского, датируемым началом XX века. Однако данное заимствование было столь удачным, что легло в основу традиции французских производителей шампанских вин давать имена ветхозаветных персонажей бутылкам, содержимое которых превышает 0,75 литра – зд. «стандартная бутылка вина» [3, 142]. Так, в языке появилась целая серия наименований: *le jé roboam* – «бутылка, вмещающая четыре обычных»; *le roboam* (от имени сына царя Соломона Роваама, III Цар.) – «шесть обычных бутылок»; *le mathusalem* (зд. имя библейского патриарха Мафусаила, Бт.5, 21–27) – «восемь бутылок»; *le salmanzar* (Салманассар – царь Ассирийский, IV Цар.17, 3–5; 18, 9) – «двенадцать»; и, наконец, *le balthazar* (Валтасар – царь Вавилонский, Дан.5) – «шестнадцать обычных бутылок».

В разряд имен нарицательных современного французского языка, трансформировав значение, перешли и некоторые ветхозаветные топонимы. Рассмотрим в деталях вовлечение в процесс апеллативации топоними-

ческой ветхозаветной основы *Eden*. *Сад в Эдене* – др.евр. «*gan bēcādān*» упомянут во второй главе книги Бытия. Расположение *Эдена* – в русск. традиции – *Эдема* – букв. «блаженной страны», где «насадил Господь Бог рай...»; и поместил там человека, которого создал» [Бт. 2, 9] до сих пор остаётся одной из полемических тем теологии. Являясь синонимом слова *paradis* (п.м.) – «рай», французское слово *éden* (п.м.) аналогичным образом развило и параллельное метафорическое значение: так говорят «о блаженном крае, где можно прибывать в невинности на лоне природы». Такое состояние души при этом можно характеризовать таким эпитетом, как *édénisme* (п.м.); . «о месте приятном во все отношениях» [3,190]. Заметим, что французское *éden* не является устаревшим подобно русскому *Эдем*, для которого характерным будет употребление, например, скорее на уровне литературных аллюзий в качестве символа «*потерянного земного рая*».

Библейское предание о причинах людского многоязычия способствовало формированию символического значения топонима *Вавилон* – от греч. *Babylōn*. В результате народной этимологии у этого имени собственного даже появился «новый» денотат – «смешение», полностью согласующийся с буквальным восприятием отрывка книги Бытия [Бт.11, 9]. Настоящий денотат аккадского топонима *Bab-ilu* – «ворота Бога» [3,241]. Именно с этим «ложным» денотатом слово *babel*, от имени *Babel* – Вавилон в др.евр. традиции, закрепилось в нарицательной лексике французского языка. Так, В.Г. Гак считает, что слово *babel* появилось в результате процесса отфразеологической семантической деривации, «когда отделившийся от фразеологической единицы элемент приобретает в языке новое значение [1,63]. Базой для этого процесса, по мнению исследователя, послужил библейский оборот *la tour de Babel* – букв. «башня Вавилона» в значении «место, где все говорят одновременно, так, что невозможно услышать друг друга». Во французском именно *Babel* (п.ф.) оказалось ведущим компонентом оборота, а слово *tour* может нередко и опускаться. *Une babel* – «шумное собрание», «языковое непонимание», «путаница без участия шума», «заросли»; – «большой город, где говорят на разных языках» [3,41].

Таким образом, все перечисленные в этой статье примеры являются ярким подтверждением тому факту, что между именами собственными и именами нарицательными в языке происходит постоянный обмен и постоянное взаимодействие. Непременным условием апеллирования онимов является общеизвестность денотата имени. Другими словами любое широко известное имя может стать базой для появления в языке активно используемого имени нарицательного. Как правило, это имя собственное с определённой семантической репутацией, основанной на экстралингвистических предпо-

сылках. Достаточное число библейских имён собственных обладают подобными свойствами, но лишь единицы из них перешли в разряд имён нарицательных, в определённой мере потеряв тесную связь со своим источником.

Литература

1. Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. М. 1997. - № 5. – С. 63.
2. Михельсон М.И. Русская речь и мысль. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. Т.1. – М: ТЕРРА, 1994. - С. 98, 279.
3. Мокиенко В.М. О собственном имени в составе фразеологии. // Перспективы развития славянской ономастики. – М., 1980. – С. 57–67.
3. Bologne J.-Cl., Les allusions bibliques. // Dictionnaire commenté des expressions d'origine biblique. – 1«Larousse», 1991. – P. 21, 41, 109, 114, 142, 168, 190, 241.
4. Le Grand Robert de la langue française. // Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. II-ème édition. – P., 1984. - Vol. I. – p. 108, 935.

«ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И
ЛИНГВОСТИЛИСТИКА»

CULTURAL AND STYLISTIC ASPECTS OF
LINGUISTICS

Ахренов А.В.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
университет

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО)

Аннотация. Языковая картина мира (ЯКМ) – одно из ключевых понятий современной лингвистики. Каждый язык членит реальность по-своему и таким образом устанавливает элементы реальности, свойственные только данному языку. Однако происходит это не только при сопоставлении разных языков, но и разных национальных вариантов одного полинационального языка. В данной статье рассматриваются основные направления в изучении ЯКМ на материале испанского языка, вводятся понятия ЯКМ полинационального языка, а также ЯКМ национального варианта полинационального языка.

Abstract. *Language-specific view of the world* is one of the key concepts of modern linguistics. Every language segments the reality in its own way, and thus establishes the elements of the reality that are typical of only this particular language. But it happens not only when comparing different languages, but also different national variants of a multinational language. This article examines the main trends in the study of the *language-specific view* of a multinational language, and introduces the terms *Language-specific view of a multinational language* and *Language-specific view of a national variant of a multinational language*.

Ключевые слова: испанский язык, национальный вариант, языковая картина мира полинационального языка, языковая картина мира национального варианта полинационального языка.

Key words: the Spanish language, national variant, *language-specific view of a multinational language*, *language-specific view of a national variant of a multinational language*.

Проблема языковой картины мира (ЯКМ) в современной лингвистике является одной из самых актуальных. Актуальность её, прежде всего, определяется тем, что у каждого народа существует своё субъективное отражение существующего мира, что непременно отражается и в языке, на котором они говорят. Соответственно, языковое членение мира имеет свою специфику у каждого из народов.

По В. Фон Гумбольду, «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека, <...> нет ничего внутри человека настолько глубокого, настолько тонкого и всеобъемлющего, что не переходило бы в язык и не было бы через его посредство познаваемым» [3, 304].

Согласно энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, изданному в России в начале восьмидесятых годов XIX столетия, но до сих пор не утратившему своей справочно-научной ценности, «язык – это один из наиболее существенных признаков, характеризующих народность в смысле культурного облика того или другого племени. Как всякий другой элемент культуры, принадлежащий более или менее обширному племени, язык разнообразится в зависимости от различных общественных, географических, и прежде всего исторических условий. Эти разнообразные оттенки языка, состоящие в различном произношении звуков, в замене одних звуков другими, в изменении грамматических форм и синтаксических оборотов, называются наречиями, поднаречиями, говорами. <...> Строго говоря, каждая мелкая общественная группа имеет свой язык» [2, 410], а «понять природу языка можно лишь исходя из человека и его мира в целом» [7, 48]. Общеизвестно, что любой язык выполняет целый ряд основных функций: коммуникативную (т.е. функцию общения), информативную (т.е. функцию сообщения), эмотивную (т.е. функцию воздействия), а также «функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире» [4, 4].

Именно таким образом язык участвует в процессах, связанных с формированием картины мира: с одной стороны, внутри него создаются языковые картины мира, с другой – он сам формирует и отображает другие

картины мира человека (например, частнонаучные), посредством специальной лексики, придавая языку специфические черты нации и её культуры. В.И. Постовалова, например, характеризует картину мира в качестве глобального образа мира, лежащего в основе мировоззрения человека, выражающего существенные свойства мира в понимании человека в результате его духовной и познавательной деятельности [6].

У большинства исследователей под картиной мира принято понимать целостный образ мира, являющийся результатом активной деятельности человека, которая возникает у него в процессе осуществления контактов и взаимодействий с внешним миром, в ходе которых человек вырабатывает собственный образ мира. В связи с тем, что в формировании картин мира принимают участие все стороны психической деятельности конкретного человека: ощущения, восприятия, мышление и т.д., то, образно говоря, сколько людей взаимодействует с внешним миром, столько и картин мира мы получаем. Так, О.А. Корнилов говорит о существовании индивидуальной национальной языковой картины мира, являющейся результатом отражения объективного мира языковым сознанием отдельного человека – носителя того или иного национального языка [4]. «Отпечатки» картины мира можно обнаружить в языке, в жестах, в изобразительном искусстве, музыке, ритуалах, этикете, вещах, мимике, в поведении людей. Картина мира формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизни [1, 45].

О.А. Корнилов предлагает разграничивать языковую и научную картину мира. Под научной картиной мира (НКМ) он понимает «всю совокупность научных знаний о мире, выработанных всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [4, 9]. НКМ универсальна и объективна, поскольку не имеет отношения к какому-либо конкретному языку. ЯКМ, по словам автора, наоборот, всегда субъективна, и «фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, т.е. на этапе первичного, наивного, донаучного познания мира» [4, 15].

Вслед за О.А. Корниловым мы также считаем, что выражение «картина мира» без соответствующего уточнения не может употребляться в научных работах в силу своей размытости и неопределенности. Таким образом, необходимо каждый раз использовать точный термин во избежание неадекватного его истолкования. В связи с проводимым нами исследованием лексико-фразеологической системы национальных вариантов испанского языка представляется необходимым введение таких понятий,

как «языковая картина мира полинационального языка» и «языковая картина мира национального варианта полинационального языка». Несмотря на то, что в российской испанистике положено начало исследованию ЯKM отдельных латиноамериканских наций [9; 10], а О.А. Корнилов проводит разграничение между ЯKM (языковой картиной мира), НЯKM (национальной языковой картиной мира) и ИНЯKM (индивидуальной национальной языковой картиной мира), мы полагаем, что терминология для описания языковой ситуации в полинациональных языках (в нашем случае испанском) нуждается в уточнении, поскольку данный вопрос до сих пор не получил чёткого освещения и определения в лингвистической литературе.

Постараемся перевести понятия «ЯKM полинационального языка» и «ЯKM национального варианта полинационального языка» в категорию научных терминов. При этом мы опираемся на предложенные О.А. Корниловым дефиниции ЯKM и НЯKM.

По нашему мнению, ЯKM полинационального языка представляет собой совокупность общих элементов ЯKM данного языка как целого (т.е. всё то, что является общим для всех национальных вариантов полинационального языка как целого, что позволяет говорить о том, что все носители этого языка действительно говорят на одном структурно едином, но вариативном языке). Поскольку возникновение полинациональных языков исторически связано, как правило, с колонизацией, то ЯKM полинационального языка – это результат отражения объективного мира коллективным языковым сознанием языкового сообщества, навязавшего этот язык путём колонизации другим этническим группам, говорящим на нём в настоящее время.

Так, в Испании день недели «вторник» (**martes**) был назван в честь Марса, римского бога войны. В связи с этим в испанской культуре вторник считается неудачным днём, а у испанцев есть целый ряд поговорок о вторнике, например:

- “**En martes, ni te cases ni te embarques**” («Во вторник не женись и не отправляйся в путешествие»);
- “**El martes, ni hijo cases, ni cochino mates**” («Во вторник не жени сына и не убивай свинью»);
- “**El martes ni tela urdas, ni hija cases, ni las lleves a confesar porque no dirán la verdad**” («Во вторник не ткай, не выдавай замуж дочь, не води их на исповедь, так как они не скажут правду»);
- “**El martes, ni tu casa mudes, ni tu hija cases, ni tu ropa tejas**” («Во вторник не переезжай, не выдавай дочь замуж и не вяжи одежду»).

Кроме того, в испаноязычном мире 13-е число месяца неудачно, если оно выпадает на вторник, а не на пятницу.

Все эти поверья были навязаны испанцами современным латиноамериканским нациям, где так же, как и в Испании, бытуют подобные суеверия и поговорки. Так, во время нашего пребывания в Мексике информанты ответили нам, что не знают никого, кто женился бы во вторник, кроме того, им известны вышеупомянутые поговорки. Подтверждение тому находим и в мексиканских, перуанских, боливийских и других латиноамериканских газетах [11; 13; 14].

В качестве другого примера «навязывания» можно привести коллокации в современном испанском языке. Так, если с точки зрения русского менталитета в больнице «лежат», в тюрьме и в интернете «сидят», муха «садится» на стену или на чей-либо нос, птица тоже «садится» на дерево, книга «лежит» на столе, то для испаноговорящих наций глаголы, соответствующие этим русским глаголам, не подходят для описания вышеназванных ситуаций. В больнице и в тюрьме можно “estar” (т.е. «находиться»), в интернете можно “navegar” (т.е. «плавать»). Муха и птица “se paran” или “se posan” (т.е. «стоят» или «располагаются»), книга “está / se encuentra” (т.е. «находится») на столе. По-русски зубы «чищают», а по-испански “lavan” (т.е. «моют»), по-русски дождь и снег «идут», а по-испански “caen” (т.е. «падают»). В русском языке в машину и автобус «салятся» или «входят», а из машины и автобуса «выходят», в то время как по-испански в них “suben” (т.е. «поднимаются»), а из них “bajan” (т.е. «спускаются»).

Такие коллокации хотя и в меньшей степени, чем другие фразеологические единицы (ФЕ), но отражают образный строй и своеобразие полинационального языка как системы, которые разделяют все его носители в независимости от территории их проживания. Т.е. ЯКМ испанского (полинационального) языка как целого обуславливает разную сочетаемость слов, по сравнению с другими языками, и наличие своих коллокаций.

Таким образом, в нашем понимании **ЯКМ полинационального языка** – это набор инвариантных конститутивных признаков (элементов), присущих данному полинациональному языку на любой территории его распространения, а **ЯКМ национального варианта полинационального языка** определяется нами как национальная форма отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием носителей одного (конкретного) национального варианта полинационального языка.

Элементы реальности, фиксированные в одной испаноговорящей стране, могут не повторяться в той же самой форме в другой. Страна – феномен

географически-культурный. Это территория, выделяемая по географическому положению, природным условиям, общекультурным, историческим и другим объединяющим территорию цивилизационным факторам, имеющая определенные границы и, как правило, обладающая государственным суверенитетом. Как отмечал Д.С. Лихачёв, страна есть единство народа, природы и культуры [5].

Так, например, природно-климатические условия испаноговорящих стран различны и оказывают прямое и опосредованное влияние на жителей и их жизнедеятельность, обуславливают возникновение национально-специфических элементов, характерных только для одного национального варианта языка и выделяющих его среди других национальных вариантов. Приведём примеры.

Так, общеиспанский фразеологизм **dar gato por liebre** (букв: дать коша за зайца – эквивалент в русском языке: давать коша в мешке) имеет в Панаме синоним **tomar (meter, dar) borriguero por iguana**, в состав которой входят индихенизмы **iguana** (*игуана*) и **borriguero** (*разновидность ящерицы длиной до 15 см (не считая хвоста), обитающей на территории Панамы, главным образом в зонах, в которых проживает человек*).

Так, на информационном сайте “Las noticias de Panamá” находим сообщение с заголовком “**Panameño: No te dejes meter borriguero por iguana**” [12].

Словом **borriguero** называют и человека, выполняющего работу, которую другие считают ниже своего достоинства.

Вокабула **ñame** (*ямс – разновидность сладкого картофеля*) метафорически означает «несерьёзного человека», а также используется в значении «ножища, лапа», человека с огромными ступнями называют **pata de ñame**, поскольку клубни ямса крупные и твёрдые и по форме чем-то напоминают огромную ступню.

Под влиянием природно-климатических условий меняется и семантика исконно испанских слов, завезённых колонизаторами на новые земли. Так, в Панаме слова **abrigo** и **suéter**, означающие в испаноговорящих странах с более холодным климатом *пальто* и *свитер*, соответственно, используются для обозначения более лёгкой одежды: **abrigo** – лёгкая ветровка (поскольку именно ветровка является самой тёплой одеждой, которой пользуются панамцы), **suéter** – футболка с коротким или длинным рукавом (опять-таки, в связи с жарким тропическим климатом слово обозначает более лёгкую одежду).

В каждой испаноговорящей стране можно встретить культурные коннотации тех или иных лексических единиц, являющихся языковыми

реалиями. Так, яркие примеры культурных коннотаций образуют варианты венесуэльских ФЕ, в состав которых входит культурно-значимая лексика.

Например, слово **arepa**, обозначающее *кукурузную лепёшку, заменяющую венесуэльцам хлеб*, а также слово **caraotas**, которым называют *фасоль* только в Венесуэле, входят в состав нескольких ФЕ:

- **bregar la arepa (buscar la arepa, ganarse la arepa)/ ganarse las caraotas** – зарабатывать хлеб, зарабатывать на жизнь. (Эквивалент в общеиспанском фонде **ganarse la vida**).
- **tener la arepa segura** – иметь обеспеченными все основные (базовые) потребности, иметь покрытыми все основные расходы.
- **estar/ponerse la arepa cuadrada** – удаваться с трудом (*о чём-либо*), особенно заработать на жизнь.

Таким образом, национальные варианты полинационального языка являются результатом наложения вербализированных стереотипов национально-специфического компонента сознания колонизирующей нации на национально-специфический компонент сознания других этносов, проживавших на территории, захваченной колонизаторами. Переход на чужой язык определённо вносит коррективы в национальный менталитет коренных наций, однако модели чужого языкового сознания не могут коренным образом изменить ни характер, ни ментальность, ни темперамент этносов, вынужденно поменявших свой национальный язык.

В ЯКМ национального варианта полинационального языка находят отражение все слои, уровни, компоненты языка, а лексика, в том числе национально-специфическая, – это лишь один из многих его компонентов. «Поскольку лексика и фразеология больше, чем какая-либо другая область языка, связаны с внеязыковой реальностью, а на формирование национальных признаков может непосредственно влиять своеобразный способ восприятия и моделирования «картины мира» носителями разных языков или разных национальных вариантов одного и того же языка, то становится ясно, что именно лексические и ФЕ ярче и чаще других лингвистических единиц передают эти признаки» [8, 24–25].

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Эксмо, 2007. – 704 с.: ил.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
5. Лихачёв Д. С. Заметки о русском // Новый мир. – 1980. – № 3.
6. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропоцентрической парадигмы / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 23–25.
7. Рузин И.Г. Философские аспекты лингвистического исследования // ВМУ. Сер. 7. – Философия. – 1993. – № 3. – С. 46–55.
8. Фирсова Н.М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. М.: РУДН, 2000. – 128 с.
9. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира. – М.: Издательство РУДН, 2006. – 238 с.: ил.
10. Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка. – М.: РУДН, 2011. – 118 с.
11. ¿Por qué le tememos al martes 13? (México): http://www.eldigital.com.mx/html/53144_0_1_0_M.html
12. Panameño: No te dejes meter borriguero por iguana (Panamá): http://www.thepanamanews.com/pn/v_15/issue_19/opiniones_10.html
13. Sepa por qué el martes 13 es conocido como día de mala suerte (Perú): http://www.rpp.com.pe/2012-11-13-sepa-por-que-el-martes-13-es-conocido-como-dia-de-mala-suerte-noticia_539802.html
14. Supersticiones sobre el martes 13 (Bolivia): http://www.laprensa.com.bo/diario/entretendencias/escena/20110913/supersticiones-sobre-el-martes-13_6250_10742.html

Ахренова Н.А.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
социально-гуманитарный институт

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления терминологии нового направления в современной прикладной лингвистике – интернет-лингвистике. Автор дает определение данного направления и выделяет предмет и объект исследования. Также кратко описываются источники пополнения терминосистемы.

Abstract. The article is devoted to the problem of building up the terminology of a new branch of contemporary linguistics – Internet linguistics. The author of the article gives the definition of the Internet linguistics, describes its object and subject, and outlines the sources and areas from which the terms come.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, язык интернета, интернетология, коммуникативная среда.

Key words: Internet linguistics, language of the Internet, internetology.

Сегодня ни для кого не секрет, что основная часть коммуникаций в современном обществе происходит в интернете. На данный момент мы можем смело говорить об уже сложившихся понятиях – язык интернета, функционально-стилистический статус языка интернета, интернет-дискурс, виртуальная языковая личность и т.д. Язык интернета – это весь корпус текстов всех жанров, производимых и распространяемых в Глобальной Сети; это устойчивая внутриязыковая система, характеризующаяся определённым набором лингвостилистических свойств и признаков; и, наконец, в третьих, – это особая знаковая система смешенного типа с определённым соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, специфическим для каждого из жанров интернет-дискурса [Ахренова 2011 (б)].

Огромное значение с точки зрения методологии описания языка Интернета имеет тот факт, что данные подходы к определению языка Интернета почти полностью соответствуют трём базовым определениям самого понятия «язык» – универсальному (глобальному), системному и конкретному. Данный подход был отражен, в частности, в книге Гудкова Д.Б. «Межкультурная коммуникация: проблемы обучения», изданной в Москве в 2000 году.

Несмотря на то, что интернет-пространство не имеет границ, тем не менее, достаточно остро чувствуется необходимость в структуризации и систематизации, концептуализации, более детальном изучении проблем языкового поведения виртуальной языковой личности в ходе интернет коммуникации, созданию и описанию смежных сфер – системно-языковой, узуально-речевой, функционально-стилистической, дискурсивной, т.е. психолингвистической, когнитивной, прагматической, лингвокультурологической и т.д. Заниматься изучением вышеперечисленных лингвистических проблем удобнее, на наш взгляд, в рамках одного направления, будучи объединёнными одной школой, общей терминологией, следуя определённым принципам и методам. Именно это, по нашему мнению, и служит основной причиной выделения нового направления в прикладной лингвистике – интернет-лингвистике. Общеизвестно, что лингвистика 21 века призвана обслуживать другие, часто совершенно не языковые направления в науке и сферы жизнедеятельности человека и общества: нанотехнологии, машиностроение, космонавтику, программирование, интернет-технологии и т.д. Поэтому развитие лингвистики должно проходить одновременно с

той отраслью науки, которую она призвана обслуживать. Это теперь уже трудно сделать в рамках одного, единого, универсального направления как это было раньше. Мы опираемся на суждение В.А. Звегинцева о появлении разнообразных новых «лингвистик», которое автор объясняет следующим образом: облачение в новые термины старых проблем, единственным отличием которых часто является лишь использование новых методов, часто заимствованных у других наук; возникновением совершенно новых областей исследования.

Таким образом, основной причиной возникновения интернет-лингвистики стало возникновение новой информационной и коммуникативной среды – интернет-реальности, хоть и виртуально, до недавнего времени не существующей. А также мы считаем необходимым объединить исследования, рассредоточенные по другим лингвистическим направлениям, посвященным интернет коммуникации, в рамках одного интегративного направления, одной школы. Данное направление будет заниматься рассмотрением феномена интернет коммуникации в различных парадигмах лингвистического знания, так как только таким образом можно будет получить данные, дополняющие друг друга и формирующие концепции интернет-лингвистики.

Мы предлагаем следующее определение интернет-лингвистики как направления прикладной лингвистики. Мультипарадигмальное интегративное направление в прикладной лингвистике, занимающееся изучением особенностей функционирования и развития естественного языка в глобальном интернет-пространстве, изучением лингвистического поведения виртуальной языковой личности, типологических особенностей всех уровней интернет-коммуникации.

Мы можем выделить **объект** исследования изучаемой области знаний – лингвистические особенности коммуникации на различных языковых уровнях: структурном, функционально-семантическом, жанрово-стилистическом, текстовом (на уровне текста или совокупности текстов), коммуникативном (уровне коммуникативной стратегии), семиотическом, дискурсивном уровне и т.д. [Ахренова 2011 (а)]

Также уже совершенно четко обозначился **предмет** исследования интернет-лингвистики – электронная коммуникация, под которой понимается коммуникативное взаимодействие в глобальной компьютерной сети интернет пользователей с различным культурным уровнем и уровнем образованности, то есть функционирование языка в интернет-пространстве и лингвистическая составляющая интернет-общения [Ахренова 2011 (а)].

С точки зрения методологии наиболее последовательно различаются

работы, выполненные в рамках когнитивного (дискурс-анализ, конверсационный анализ, эмпирико-описательные и компаративные методы, когнитивно-прагматический анализ текста) и традиционного (этимологический и словообразовательный анализ лексики, используется методика компонентного анализа, а также методики, принятые в социолингвистике) методов. Соответственно, в первом случае коммуникация в интернете анализируется как ментальный, а во втором – как языковой феномен. Мы же в рамках нашего подхода, не боясь обвинений в эклектике, попытаемся совместить эти методы. Так как нам такой подход представляется наиболее органичным, естественным, а также, дающим исследователям реальную возможность представить истинную ситуацию, сложившуюся сегодня в интернет-лингвистике.

Что же касается собственно терминологии интернет-лингвистики, то лексемы языка интернета в большинстве случаев принадлежат общеупотребительной лексике, которые часто подвергаются словообразовательным трансформациям. Также в языке интернета используются слова из специальных профессиональных подсистем, как например, медицинской науки (*virus, hygiene, clone, cure*), армия и вооружение (*password, (letter) bomb, explode*) и т.д.

Интернет-лингвистика, с одной стороны, формирует особую языковую подсистему, а с другой стороны, развивается по общепринятым законам. Как показывает анализ языковых процессов в интернет-лингвистике, возможно выделить четыре источника пополнения терминологического аппарата данного научного направления: 1. Принятые технические термины, названия программ, команд, устройств, языков программирования и т.д., которые регистрируются в соответствующей технической документации и словарях: *NetBIOS* – стандарт программ, созданный компанией IBM, *DOS (disc operating system)*, *PHP* – скрипт-язык Пи-эйч-пи. Термины могут представлять собой как отдельные слова, так и словосочетания, например: *cable, optical cable, wireless connection, WiFi*.

В настоящее время большое количество новых слов, появляющихся в современных языках, составляет именно специальная лексика – совокупность лексических единиц специальных областей знания, «особый пласт лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению, в котором наиболее наглядно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа» [4, 8]. Это связано, в первую очередь, с тем, что именно технологические и научные изобретения и открытия являются наиболее стремительно развивающейся областью знаний. В свою очередь, являясь неотъемлемой частью

нашей жизни, термины из вышеупомянутых отраслей активно переходят в разряд общеупотребительных. Именно поэтому терминология является столь популярной областью для изучения лингвистик вот уже несколько десятков лет.

Профессор Е.А. Никулина отмечает, что термины функционируют не изолированно, а обнаруживают различные структурно-семантические связи со специально-семантическими словами и словосочетаниями, которые необходимы для передачи информации, но не являются терминами, а также с определенной группой слов общелитературного языка, не связанных с узкой тематической направленностью текста, но необходимых для организации «словесной ткани текста». Лексика научных текстов представляет собой систему, «распадающуюся на три подсистемы: 1) общеупотребительную (общенародную) лексику; 2) общенаучную лексику и 3) специальную терминологическую лексику. Данное разделение на подсистемы – достаточно условно, так как лексические единицы всех трех слоев постоянно находятся в теснейшей связи. Терминологическая система не изолирована от общего языка, она подвержена тем же изменениям, что и любые другие языковые единицы. В силу того, что термины широко используются в коммуникативных процессах, они находятся в непосредственной связи с единицами общелитературного языка [8, 28].

Как отмечает М.В. Марчук, в подавляющем большинстве случаев новые слова, возникающие в том или ином естественном языке, – это термины, являющиеся непосредственным средством выражения LSP и отражающие новые понятия науки, техники, политики, экономики, сферы делового общения. Современная языковая ситуация, характеризующаяся информатизацией общества и так называемым «информационным взрывом», заставляет обращать особое внимание на рост и расширение лексических значений и на роль терминов и терминологии [7, 8].

Терминосистема интернет-лингвистики содержит так называемые авторские термины, т.е. термины, созданные определенными учеными и прочно ассоциируемые с их именами, так мы можем привести широко известный пример *лингвистический дизайн веб-страницы*, прочно вошедший в интернет-лингвистику благодаря диссертационному исследованию профессора А.А. Атабековой.

Исследователь из Горно-Алтайского государственного университета А.А. Шмаков предлагает называть направление в интернет-лингвистике, которое будет призвано вырабатывать единую методологию и терминосистему данного направления, *интернетологией*.

Таким образом, мы видим, что интернет-лингвистика ориентирована не только на изучение языка профессиональных программистов, а в основном, языка обывателей, следовательно, термины не должны затруднять понимания сути пользователем и участникам общения. При столкновении нашего языка с интернетом происходит взаимодействие. С одной стороны, трансформируется стандартный язык внутри интернета. Как показал анализ, язык Интернета формируется на основе тенденций, характерных для формирования неформальной лексики, выделенных профессором Л.М. Борисовой [3, 9]. Обыденные слова, знаки, символы используются в новом смысле. С другой стороны, попадая в мир бытового языка, этот профессиональный язык находит в нем своё место, быстро распространяется, становится общим для всех членов социума. Постепенно специальные термины становятся понятными и входят в язык повседневного общения. Можно согласиться со специалистами, которые отмечают, что в настоящее время можно наблюдать активную «интернетизацию» языка, традиционно связываемую с технической экспансией интернета.

Литература

1. (а) Akhrenova N. Интернет-лингвистика – новое направление в современной науке о языке. LATEUM 2011: Лингвистика и преподавание английского языка сегодня: традиции и инновации: Материалы X международной конференции Лингвистической ассоциации преподавателей английского языка МГУ имени М.В. Ломоносова / Гл. ред.: Александрова О.В. Ред.: Фомина И.Н., Мухортов Д.С. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 24–29 ISBN 978-5-317-03848-9
2. (б) Ахренова Н.А. Язык Интернета: становление и содержание понятия. Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I [Текст] : Сборник научных статей / Сост. : В.Н. Денисенко, О.И. Валентинова, Е.А. Красина, М.Л. Новикова, Н.В. Перфильева, С.Ю. Преображенский. – М. : РУДН, 2011. – С. 347-352 ISBN 978-5-209-04216-7
3. Борисова, Л.М. Неформальная лексика в неформальном дискурсе [Текст]/Л.М. Борисова// Язык: категории, функции, речевое действие. Материалы международной научной конференции молодых учёных. – М., 2005. – С. 15–20.
4. Гринев, С.В. Введение в терминоведение [Текст]/С.В. Гринев. - М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
5. *Компанцева Л.Ф. От классического языкознания – к интернет-лингвистике. Studia Linguistica. Выпуск 4. Киев, 2010*
6. *Лейчик, В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века [Текст]/В.М. Лейчик// Вопросы филологии. – М.: 2000. - №2. - С. 20–30.*
7. Марчук, М.В. Динамика лексических значений многозначных слов [Текст]/М.В. Марчук. - М., 1996. – С. 8.

8. Никулина, Е.А. Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка [Текст]/Е.А. Никулина. – М.: 2004. – 202 с.
9. Обухова, О.В. Социокультурные факторы формирования лексики Интернета (на материале английского языка) [Текст]/О.В. Обухова: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 2007. – 234 с.

Букина В.А.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения новозеландского варианта английского языка. Автор также рассматривает влияние языка маори на английский язык.

Abstract. The article covers the problem of New Zealand variant of the English language. The author also considers the influence of the maori language on the English.

Ключевые слова: национальный вариант языка, новозеландский английский, язык маори, коренное население, пакеха, ареал, языковые особенности.

Key words: national variant of language, New Zealand English, maori language, aboriginal population, pakeha, area, linguistic peculiarities.

Современный английский язык Новой Зеландии, генетически восходящий к национальному языку Великобритании и развивающийся около двухсот лет в условиях относительной изоляции, утвердился как национальный вариант подобно британскому, американскому, австралийскому и другим разновидностям английского языка. И в социально-культурном плане, и в функциональном аспекте NZE (новозеландский английский) обеспечивает весь диапазон современных лингво-коммуникативных потребностей новозеландской нации как внутри страны, так и за ее пределами.

Несмотря на интенсивное повышение интереса лингвистики и смежных дисциплин к проблемам «национально-негомогенных» языков, в том числе и английского языка, к сожалению, приходится констатировать, что степень и масштабы изученности NZE значительно уступают объему знаний о родственных вариантах. Причины этого явления отчасти уходят

корнями в колониальное прошлое, когда проблемы языковой ситуации за пределами метрополии обычно не входили в круг научных интересов представителей западной лингвистики; также сказывалось влияние укоренившегося стереотипа представлений о «колониальном английском» как о языке деградированном, грубом, коннизированном. Не могло не сказаться и территориальное удаление Новой Зеландии от сложившихся ареалов сосредоточения лингвистической науки и позднее становления собственных исследовательских центров при университетах, в частности при Оклендском университете [2]

Понятие «современный английский язык» в Новой Зеландии охватывает несколько десятилетий, практически со времен второй мировой войны по настоящее время. Политико-экономические и социокультурные условия существования NZE этого периода отмечены заметным укреплением народнохозяйственного потенциала страны и усилением ее роли в международных делах, росту национального самосознания благоприятствовали консолидации «национального элемента» разговорного узуса английского языка Новой Зеландии наряду с формированием собственной книжно-письменной нормы, отличающейся от норм британского и других вариантов, хотя и базирующейся на общеанглийской основе [3]

Язык коренного населения Новой Зеландии – маори, самый южный из всех полинезийских языков. По числу говорящих и по степени изученности маорийский язык – первый из всех полинезийских языков – входит в восточную группу полинезийской ветви австронезийской языковой семьи. Маорийский язык имеет наиболее дифференцированную фонологическую систему из всех восточнополинезийских языков (десять согласных и пять гласных фонем). Литературной нормы в маорийском языке фактически не существует. Различия между диалектами сравнительно незначительны и отдельные говоры взаимопонимаемы благодаря тесным связям между общинами. До появления европейцев в Новой Зеландии маори не имели письменности. Маорийские племена переселились в Новую Зеландию из легендарной страны Гавайки (Hawaiki) примерно в XIV веке. История Новой Зеландии во многом сходна с историей развития других доминионов Британской империи. Так же как Австралия и Канада, Новая Зеландия возникла как переселенческая колония.

Британцы обосновались в Аотеоре в XIX веке, точнее, сразу же после подписания Договора 1840 года между маорийскими вождями и Британской Коронаой. С этого момента английский язык становится основным языком населения Новой Зеландии, большинство которого британского происхождения. Хотя язык маори получил статус официального языка и

была признана юридическая защищенность маорийской культуры, тем не менее, английский язык значительно преобладает во всех сферах – в средствах массовой информации, в образовании, в правительственной и юридической системах и т.д. Доминирующее положение английского языка по сравнению с маорийским обуславливалось также его социально-коммуникативной ролью. В то время как маорийский язык использовался главным образом в маорийской общине в сфере внутригруппового общения, английский язык выступал как основное средство межэтнической, межгрупповой коммуникации. [11]

Коренные жители Новой Зеландии составляют только 13% населения этой страны. Социальное положение маори было значительно ниже положения пакехи (людей европейского происхождения). Начиная с 1980 года происходит прорыв в отношении к маорийской культуре и традициям, что повлекло за собой ряд социальных изменений в жизни коренного населения страны. В первую очередь это повлияло на языковую политику государства, так как к этому времени только 8% маори говорили на родном языке. Хотя язык маори и является языком коренного населения, но даже после получения официального признания и статуса государственного языка его можно отнести к языку меньшинств по количеству говорящих на нем [8]

Под давлением маорийцев правительству Новой Зеландии пришлось пересмотреть свои позиции. Министерство образования приняло закон, согласно которому язык маори снова был введен в качестве учебного предмета во многих школах; внедряется программа раннего языкового погружения для детей дошкольного возраста – «kohanga geo» (языковые гнезда), создаются курсы интенсивного обучения маорийского языка при ряде университетов – все это, несомненно, делает язык маори важным звеном в развитии бикультурного подхода в образовательной системе Новой Зеландии [7]

На изменение отношения к языку маори указывает и тот факт, что наряду со словами, обозначающими реалии маорийской культуры и быта, появляются лексические единицы маорийского происхождения, имеющие аналоги в новозеландском английском. Например, rangatiratanga - sovereignty; tikanga – custom; Maoritanga – Maoriness [10]

На протяжении всей истории языковых контактов новозеландский английский и маори влияли друг на друга. Влияние языка маори на новозеландский вариант английского языка происходило в основном на лексическом уровне, с заимствованием большого количества слов флоры и фауны, культурных явлений и предметов. В некоторых регионах, где существовал более длительный и интенсивный контакт между двумя языковыми общ-

ностями, не только лексика, но и фонология новозеландского английского могла подвергаться влиянию маорийского языка [12].

Следует отметить, что влияние новозеландского английского на маорийский изучено в меньшей степени. Большинство исследований по языку маори сводилось к изучению литературной нормы. В менее официальной речи влияние английского языка чувствуется намного больше, что проявляется в синтаксических и грамматических конструкциях, а также в использовании неассимилированных английских заимствований маорийскими детьми, для которых английский язык является вторым языком.

Некоторые лингвисты выдвинули предположение о существовании отличительного маорийского этнического диалекта или варианта английского языка. Считалось, что маори и английский состоят из набора поддиалектов, происходящих из английского языка, на котором говорили первые поколения носителей языка маори и включающего в себя лексические и грамматические особенности «переноса» из маорийского языка.

Так, Джек Ричардз пришел к выводу, что существуют четыре диалекта NZE: пакеха английский 1 – самый престижный вариант (наиболее близкий к RP); пакеха английский 2, отличающийся главным образом произношением от маори английского 1, отмеченного «чистотой гласных»; и маори английский 2, отличающийся от трех других вариантов по своим грамматическим, лексическим и фонологическим особенностям. Дж. Ричардз отмечал, что большинство школьных учителей осуждают использование маори английский 2 и стараются, чтобы их ученики употребляли или маори английский 1 или один из диалектов пакеха [9]. Комментируя лингвистические аспекты обучения маори, Байрон Бендер предположил, что существуют три основных варианта NZE-Standard, Colloquial и Maorified Colloquial. По его мнению, многие новозеландцы овладели всеми тремя вариантами, но те, кто владеют только двумя вариантами, могут оказаться в невыгодном положении в социальном плане, в частности, если это касается детей в классе, где учитель считает, что Maorified Colloquial – это тот вариант, который должен быть искоренен [4].

Многие лингвисты отмечали превосходство маорийского английского над другими диалектами, несмотря на неправильность его речевого употребления. По мнению Г. Джорджа этот вариант был «излишне принижен», так как, с одной стороны, он являлся основным средством общения между маори и новозеландцами европейского происхождения, а с другой – служил важным инструментом социальной солидарности между двумя народами. Однако власти не разделяли эту точку зрения. Согласно предписанию Департамента по образованию 1971 года учителям следовало иметь в виду,

что «маорийский английский, на котором говорят во многих маорийских семьях и который является основным языком большинства маорийских детей, есть не что иное как запрещенный диалект английского языка» [5].

На данный момент пока не существует какого-либо системного социолингвистического описания новозеландского варианта английского языка. В основном это связано с большой зависимостью от Великобритании, что и характеризует язык Новой Зеландии. Поэтому долгое время считалось, что NZE ничем не отличался от британского варианта английского языка, а в связи с этим и интерес к его изучению был незначительным. Но, несмотря на тесные лингвистические связи с Великобританией, Новая Зеландия развила свой национальный вариант английского языка, который имеет свои специфические черты. Под национальным языком принято считать язык народа, «который сам уже стал самостоятельной нацией и достиг известного единства не только в экономическом и политическом, но и культурном отношениях. [1]

Литература

1. Нелюбин Л.Л. Очерки по введению в языкознание. – М., 2001.
2. Орлов Г.А. Современный английский язык в Новой Зеландии. – М. Высшая школа, 1999, с.146.
3. Bell A. This isn't the BBC: colonialism in New Zealand English. – Wellington, New Zealand University Press, 1998, p.157.
4. Bender B.W. Maori, English, and Maori English. – Melbourne, Cross Cultural Encounters: Communications and Mis-Communications, 1998, p. 216.
5. Benton R.A. Changes in language use in a rural Maori community – Journal of the Polynesian society, 1997, №89, p. 455–478.
7. Hall M. An acoustic analysis of New Zealand vowels – Auckland, University of Auckland, 1999, p.265.
8. Simon J.A. Maori English.– Auckland, University of Auckland, 1998, p.254.
9. Mitchel T. Don't damage in my native language: the use of “resistance vernaculars” in hip-hop in France, Italy, and Aotorea /New Zealand/, Popular music and Society.– New York, Fall, 2000, p. 123.
10. Richards J.C. The language factor in Maori schooling. – Wellington, New Zealand, University Press, 1999, p.152.
11. Wall A. New Zealand English. – London, Whitecomb and tombs, 2000, p.149.
12. Williams H.W. Maori language. – Wellington, New Zealand University Press, 2000, p. 124.

АВСТРАЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассмотрен один из вариантов английского языка, австралийский. Статья дает возможность познакомиться с историей возникновения языка, со случаями употребления в жизни и любопытными примерами из языка аборигенов. Прочитав статью, вы узнаете много интересного и незнакомого для вас об австралийском варианте английского языка.

Abstract. This article tells about one of the famous versions of the English language, Australian English. The article gives the opportunity to learn the history of the language, the possibility of using in everyday life and interesting examples of aboriginal language. While reading you have a chance to learn a lot of interesting and unknown things about Australian English.

Ключевые слова: Австралия, Великобритания, британский английский язык, австралийский английский язык, язык аборигенов, пиджин.

Key words: Australia, Great Britain, British English, Australian English, Aboriginal language, pidgin.

Одна из особенностей английского языка – это его использование в качестве национального, государственного и официального литературного языка не одной, а многими нациями.

Естественно, что английский язык по-разному используется на Британских островах и в Австралии, в США и в Новой Зеландии, в Канаде и в Индии. Английский язык также имеет некоторые особенности в Уэльсе, Шотландии, в других частях Британских островов и Америки. Различные особенности английского языка мы сейчас и рассмотрим.

Стандартный английский язык – официальный язык Великобритании преподаваемый в школах и университетах, используется в прессе, на радио и телевидении, и признается везде, где говорят на английском языке. Его словарный состав противопоставляется словарным составам диалектов. Местные диалекты – варианты английского языка, специфичные для некоторых районов и приводящих к норме нелитературные формы языка. Региональные варианты, обладающие литературной формой, называют языковыми вариантами. Только на территории Великобритании существуют два варианта, шотландский английский и ирландский английский язык, и пять главных групп диалектов: Северный, Внутриобластной, Восточный,

Западный и Южный. Каждая группа в свою очередь содержит до десяти диалектов.

Различия между английским языком в Великобритании, США, Австралии и Канаде особенно заметны с точки зрения фонетики. Однако эти различия ограничены артикуляционно-акустическими характеристиками одних фонем, некоторыми различиями в использовании других и различиями в ритме и интонации речи.

Своеобразием социально-лингвистической ситуации, в условиях которой развивался австралийский вариант английского языка, было то, что первыми белыми поселенцами Австралии являлись ссыльные каторжники, привозимые в Австралию из Великобритании начиная с 1788 года [1,15]. Это были представители социальных низов, носители городского просторечия и жаргонов, значительную часть (около 30%) составляли ирландцы, которые выслались в Австралию в конце XVIII века в связи с волнениями и беспорядками в Великобритании. До середины XIX века пополнение белого населения Австралии шло в основном за счет новых партий заключенных, речь которых отражала городское просторечие, диалекты и жаргоны Великобритании XIX века.

Таким образом, австралийский вариант ведет свое происхождение от английского языка низших слоев общества XVIII века, а также специфических особенностей языка моряков и солдат, и ближе всего к юго-западному диалекту британского варианта английского языка с большой примесью ирландского. Некоторое воздействие оказали языки австралийских аборигенов, сказавшиеся преимущественно в области наименований животных и растений, а так же в географических названиях. Все это привело к тому, что английский язык современной Австралии отличается от английского языка Великобритании.

Основные замечания, касающиеся происхождения австралийского произношения, были сделаны австралийскими лингвистами Митчеллом и Делбриджем [3; 34], которые провели значительные исследования в области австралийского произношения. Они постулируют следующее:

- 1) австралийский вариант английского языка по своему происхождению является так называемым «городским» языком, поскольку первые переселенцы-носители языка были в основном из городов;
- 2) это, прежде всего, язык рабочего класса, язык в большинстве своем необразованных и бедных людей;
- 3) австралийский вариант английского языка включает в себя особенности языка многих частей Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии.

Авторы делают вывод, что все эти формы языка были привезены в Австралию, и австралийский вариант это ни что иное, как обобщение и нивелирование всех языковых особенностей привезенных диалектов.

Согласно данным исследований в области произношения, австралийский вариант английского языка отличается сравнительной однородностью. Многие исследователи полагают, что в Австралии нет местных диалектов. В своей работе Тернер пишет: «Примечательна однородность австралийского английского языка. Практически невозможно найти географический регион, где языковые различия были бы столь малы» [4; 121]. Различия в произношении скорее зависят от пола, возраста и социального статуса носителей языка, чем от географического региона Австралии.

Сопоставление обоих вариантов английского языка на уровне лексико-семантических явлений показывает, что большая часть австралийского словарного состава совпадает со словарным составом британского варианта [2, 4].

Большой интерес представляют случаи, когда слова, известные в обоих вариантах английского языка, имеют в каждом из них различную частотность. Предпочтительное употребление того, а не другого слова или выражения является в этих случаях своеобразной лексической характеристикой каждого варианта. Так, например, и в британском, и в австралийском варианте английского языка существуют слова *paraffin* и *kerosene*, но первое употребляется почти исключительно в Англии, а второе – в Австралии. В обоих вариантах известны слова *cinema* и *pictures*, но «пойти в кино» англичанин передаст как *to go to the cinema*, а австралиец – как *to go to the pictures*.

Существенную роль в формировании австралийского варианта английского языка сыграли языки коренного населения Австралии, местных аборигенов.

Термин «Абориген» возник с появлением первых переселенцев из Британии, численность которых составляла около 300 000 человек. В то время на территории Австралии было примерно 600 племен со средним количеством 500 человек в каждом племени. Привычка белых людей «накапливать» новые слова в одном районе и продолжать употреблять их в другом при переезде туда представляет сложность в понимании места появления этих слов. Трудно порой определить, из какого языка произошло заимствование [4; 169].

В некоторых случаях очень трудно быть уверенным, является ли вообще слово заимствованием из аборигенного языка или нет. «*Moroke*» и «*jumbuck*» воспринимаются как слова из языка какого-нибудь местного

племени. Однако, слово «тороке» было выдуманно первыми поселенцами при имитации крика птиц, а слово «jumbuck» может быть аналогом английской фразы «jump up».

Всего белые переселенцы позаимствовали свыше 200 слов из местной культуры. Они включены в следующие группы: фауна, флора, местная культура, разговорные слова. Примеры:

Фауна: kangaroo, kookaburra, taipan, «wallaby», «wombat», «koala».

Флора: kurrajong, mulga, jarrah.

Местная культура: boomerang, coolamon, boomerang», «corroboree», «woomera».

Разговорные слова: yabber, yakka.

Слова, обозначающие объекты фауны и флоры, стали заимствовать с тех пор, как экспедиция капитана Кука позаимствовала слово «kangaroo» из языка аборигенов, живших на реке Ендевур. Произошло это в 1770 году, за восемнадцать лет до появления первого поселения.

Справедливо будет заметить, что словарь языка коренных жителей также начал пополняться после соприкосновения с культурами переселенцев. Необходимо было отразить в языке новые реалии. Так в языках аборигенов появились такие слова как «bullock», «policeman» и позднее «aeroplane». Иначе говоря, процесс заимствования носил двухсторонний характер. Английский язык пополнялся словами, заимствованными из языка аборигенов, а в язык аборигенов попали слова из английского.

Однако часто реальные житейские обстоятельства складывались так, что англоговорящие переселенцы вынуждены были общаться с коренным населением не на английском языке, и не на языке аборигенов, а на смеси разных языков, которую принято называть пиджин. Пиджин - особого рода язык, развившийся для удовлетворения потребности в межэтническом общении, не являющийся родным для людей, его использующих; обычно, если в контакте находятся два языка, пиджин использует лексику одного языка и грамматику другого.

Некоторые слова, образующие австралийский пиджин, были названиями животных или растений, но многие были из разряда слов повседневной лексики, такие как «baal» (no, not), «murry» (very) and pyalla (to speak).

Внесли свою лепту в создание австралийского пиджина и переселенцы из других европейских стран. Так слово «piccaninny», означающее «местный ребенок», португальского происхождения.

Некоторые из слов коренных жителей Австралии, активно использовавшиеся в языке пиджин в XIX веке, остались в обиходе и по сей день. Например, «coo-ee» (call) «wongi» (talk), «yarraman» (horse).

Хотя необходимо отметить, что пиджин в настоящее время не так часто используется, как это было в предыдущие столетия [4;170].

О более поздних заимствованиях часто трудно сказать то, что слово было заимствовано из одной определенной области поселения, так как многие слова распространены во многих различных языках местных жителей.

Много любопытных примеров можно найти среди случаев употребления аборигенных слов в качестве имен собственных в английском языке. Очень часто первоначальное значение этих слов терялось. В результате получались лингвистические курьезы. Так жители города Куннамула, к югу от западного Квинсленда, не были бы рады услышать, что название их города означает «bad faces».

Однако, несомненно, самый неудачный выбор имени собственного от ежегодного фестиваля города «Moomba». Название, как предполагается, означает, «Давайте собиремся и весело проведем время». На самом деле «moom» означает «ягодицы» на различных Викторианских языках.

Следующий список слов был заимствован только из языков коренных жителей в английский язык. Он также содержит многие другие слова, которые могут быть найдены в популярных произведениях [4;171].

balanda : белый человек, европеец. Слово голландского происхождения.

bangalow : пальмовое дерево. Австралийское слово.

barramundi : (сокращенная аббревиатура - barra). Обычно используется при названии некоторых рыб.

boomerang : изогнутое оружие для кидания при нападении.

brumby: дикая лошадь.

budgeriee, boojery : хороший. Слово кажется бы уже устарело, но его все же можно встретить в разговорной речи.

bung : используется при обозначении слова- банкрот или сломанный в словосочетании to go bung.

dingo : местная собака ; также используется как термин презрения. Слово позаимствовано из порта Джексон.

euro : вид крупного кенгуру. Слово из северной части Южной Австралии.

galah : серый розовогрудый какаду, слово используется при отрицательном отношении к человеку как fool.

gibber : камень, скала.

gin : женщина .

gundy, goondie : Барак коренных жителей.

humpy : жилье местных жителей ; используется для ужасных лачуг и хибар. Слово заимствовано из юга- запада Квинсленда.

jarrah : восточное австралийское дерево. Это слово жителей Ньюнгры из юго-востока Восточной Австралии.

karri : восточное австралийское дерево. Это слово из юго-востока Восточной Австралии.

koala : сумчатое животное, живущее на деревьях.

kookaburra : крупные виды птицы Зимородка известной за ее смешной крик.

koogee, koogi : коренной житель. Слово и сейчас используется на западе Австралии.

koradji : доктор у коренных жителей.

kweeai : молодая девушка. Слово заимствовано из района Аранды.

kylie : бумеранг. Слово Восточной Австралии.

magi : восточное австралийское дерево.

pitchi : деревянная посуда. Слово центральной Австралии.

rualla : разговаривать. Слово из порта Джексон.

taipan : змея. Слово позаимствовано из языка Вик- Мункан района Кейп-Йорк.

Tuan: вид летающих белок. Слово из восточного района Виктории.

wallaroo : горное кенгуру. Слово из порта Джексон.

weeai : мальчик или молодой мужчина.

wilga (1) : дерево. Слово жителей Вираджури.

wilga (2) : красная охра. Слово из юго- востока Восточной Австралии.

willy willy : вихрь, ураган. Слово из северо - востока Восточной Австралии.

yabber : разговаривать. Слово позаимствовано из языка Пиджин и все еще используется в разговорной речи в Австралии.

yarrah : обычная красная камедь. Известны следующие формы слова yara, yarra and yarrah.

Многие из этих слов относятся к так называемой безэквивалентной лексике – для данных явлений нет других названий-эквивалентов в других языках, их австралийские обозначения стали интернациональными названиями данных явлений. Однако если в других языках эти слова употребляются как своего рода термины (или в художественных произведениях для создания местного колорита), и являются однозначными, то в Австралии они имеют гораздо более сложную и богатую семантическую структуру.

Литература

1. Аполлонова Л.И. Особенности лексико-семантической системы австралийского варианта английского языка. – СПб: 1992. – С. 15.

2. Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 4.
3. Avis W. S. The English language in Canada // Current trends in linguistics / Ed. by Th. A. Serbek. – The Hague; Paris: 1973. – С. 34
4. Hiroyuki Tokose. Aboriginal words in Australian English. – Sydney: 2001. – С. 121 – 171.

Женевская Е.В.

Аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Дальневосточный федеральный
университет

ИКОНИЗАЦИЯ ФЛОРИСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «SILVER FERN» В НОВОЗЕЛАНДСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. На материале лексикографических источников, фольклорного и масс-медийного дискурсов новозеландского варианта английского языка рассмотрен новозеландский иконический концепт «*Silver Fern*», воплощающий национальные ценности и формирующий национальную картину мира новозеландцев.

Abstract. New Zealand iconic concept «Silver Fern» is studied in the texts of lexicographical recourses of folk and mass-media discourse of New Zealand English which comprises national values and form national world view of New Zealanders.

Ключевые слова: символ, иконический концепт, национальная картина мира, лингвокультура.

Key words: symbol, iconic concept, national world view, linguaculture.

Объектом данного исследования является иконический концепт «*Silver Fern*», воплощающий национальные ценности и формирующий национальную картину новозеландцев. В качестве *предмета* исследования рассматриваются концептуальные признаки иконического концепта «*Silver Fern*» в обыденном сознании, формирующие новозеландскую картину мира.

К исследованию концепта «*Silver Fern*» привлечены данные новозеландских энциклопедических, лингвострановедческих и толковых словарей: Англо-русский лингвострановедческий словарь: Австралия и Новая Зеландия, New Zealand Oxford Dictionary (NZOD), New Zealand Slang

Dictionary (NZSD) и Māori Dictionary (MD). Использован материал массмедийного дискурса новозеландской периодики («New Zealand Herald», «New Zealand Listener»).

В процессе исследования применялся метод концептуального анализа, метод анализа словарных дефиниций для выделения ядерных концептуальных признаков, метод контекстуального анализа.

Выполненное нами исследование показало, что многие новозеландские национальные символы фактически являются иконами (по Ч.С. Пирсу), поэтому для них наименование иконические концепты будет более точным. Иконический концепт – это содержательная сторона знака – символа национальной культуры [1, 93; 2, 152]. На наш взгляд, именно содержательная сторона знака является предметом лингвокогнитивного и лингвокультурного анализа, в результате которого выявляются национальные ценности и идеи. Изучение лексического пространства имени, анализируемого концепта, дает основания полагать, что данное сочетание обладает очень богатой лексической структурой.

Анализ словарных статей сочетания «*Silver Fern*» в лексикографических источниках (NZOD) показал, что оно обладает следующим значением: «*stylized silver-fern leaf as a national emblem of New Zealand, as on an All Black jerseys, etc*» [4, 1051] – стилизованный лист серебристого папоротника как национальная эмблема Новой Зеландии и эмблема на футболках команды *All Black*.

Данное определение восходит к общеизвестному факту, когда в 1888 году спортивная команда регбистов принимала участие в соревнованиях в Лондоне в футболках с логотипом серебристого папоротника. Именно поэтому за рубежом новозеландцы стали ассоциироваться с серебряным папоротником. С этих пор эмблему серебристого папоротника на своих формах носит множество новозеландских спортивных команд: *Silver Ferns* (нетбол), *All Whites* (футбол), *Tall Blacks* (баскетбол), *White Ferns* (женская команда по крикету), *Black Caps* (мужская команда по крикету) *Black Ferns* (женская команда по регби), *Black Sox* (софтбол). Данный факт говорит о том, что иконический концепт используется для выражения патриотического духа национальных спортивных команд и является средством реализации концептосферы «*Sport*».

Рассматривая концепт «*Silver Fern*» важно отметить, что он обладает определенными концептуальными признаками. В ходе словарного и контекстуального анализов удалось установить, что данный концепт обладает признаком «*Sport & sport player*» (спорт, спортсмен). Этот факт подтверждают следующий пример, также свидетельствующий о значимости символа:

*But the **Silver Fern** did her job, shutting down Natalie von Bertouch and her extra height also disrupted the clean ball into Carla Borrego and Erin Bell [5].*

В вышеприведенном предложении иконизированный концепт «*Silver Fern*» символизирует игрока женской команды нэтбола, которая прекрасно справилась с поставленной задачей и одержала верх над соперницей.

Концептуальный признак «*Jersey*» (футболка) восходит к определению, данному в словарной статье лексикографического источника (NZOD). Анализируя данный признак, мы установили, что в нем сформировалось пересечение области источника (эмблема серебристого папоротника) и области-цели (футболка), т.е. возник новый образ, который подвергся иконизации в новозеландской картине мира. Следует отметить, что сложившиеся концепты-символы подвергаются широкой метафоризации и метонимизации. В данном случае концепт «*Silver Fern*» служит источником метонимии. Ниже приведенный пример подтверждает идею метонимического переноса.

As a cricket-mad young man, Mike Hesson differed from his peers in one way - while many of them were aspiring to wear the silver fern, Hesson was dreaming of being their coach [5].

Из примера мы видим, что выражение «*silver fern*» в сочетании с глаголом «*to wear*» употребляется как синоним слову «футболка». Следует отметить, что это слово имеет особую коннотацию, и означает не любую футболку, а именно ту, которую носит спортсмен новозеландской национальной сборной по регби, крикету и т.д. Таким образом, мы не сможем говорить о спортивной одежде американского игрока, употребляя сочетание «*silver fern*». В таком случае оно полностью потеряет свое значение. В данном примере, концептуальный признак «*Jersey*» находит свое полное подтверждение. Что еще раз подтверждает национальную специфичность изучаемого концепта и его символичность для новозеландской лингвокультуры.

В следующем примере говорится о том, что не обязательно быть рожденным новозеландцем для того, чтобы победить – важно носить футболку «*Silver Fern*», символизирующую абсолютную победу.

The Kiwi, who has lived in Texas for the past 20 years, reached the upper echelon of marathon running when she wore the silver fern at the Athens and Beijing Olympics [5].

В вышеприведенном примере образ футболки выражает патриотический дух национальной спортивной команды.

Начиная с 1990 года, серебристый папоротник используется в качестве торговой марки экспортирующей мясомолочные продукты, входит в состав

названия гостиниц, ресторанов, торговых центров и других коммерческих структур. На основании этого факта, выделен концептуальный признак «*Trade Mark*» (торговая марка). Это подтверждает следующий пример:

Sourcing from meat companies like Silver Fern Farms and Alliance, K9 Natural now sells both freeze dried and frozen meat in New Zealand and to 18 markets overseas [5].

В этом примере говорится о компании с названием *Silver Fern Farm*, которая производит и продает свою продукцию, как на территории Новой Зеландии, так и за рубежом. Как мы видим, название компании включает в себя лексему *Silver Fern*, что, несомненно, говорит о том, что продукция данной компании завезена из Новой Зеландии.

Не менее важный концептуальный признак «*National Symbol*» (национальный символ) находит свое отражение в контекстах совместно с такими обобщающими выражениями, как *nation's emblem, icon, New Zealand's emblem*.

The All Black brand has played a significant role in representing New Zealand – from the haka to the colour black and establishing the nation's emblem of the Silver Fern on the global stage [5].

В вышеприведенном примере мы наблюдаем, что концепт *Silver Fern* способен передавать гражданскую позицию и национальные идеи. Хочется также отметить, что в предложении представлена лексема *haka*, которая восходит к языку маори. Изначальное значение этого слова было - *a Māori war chant accompanied by gestures* (военные напевы маори, сопровождающиеся телодвижениями). Данная лексема интегрировала в новозеландский вариант английского языка с новым значением *a similar performance by a rugby team* (синхронные или похожие движения команды регбистов). Таким образом, мы видим, что данный пример демонстрирует современное содержание концепта и представляет собой результат взаимодействия картин мира маори¹ и пакеха², объединенные общенациональной ценностью национальная эмблема.

Важно отметить, что с 1963 года серебристый папоротник входит в состав герба Новой Зеландии. Уже долгое время продолжается дискуссия вокруг флага в Новой Зеландии. Главные претензии к нему заключаются в том, что он похож на государственный флаг Австралии и, являясь наследием Британской империи, не отражает новозеландской самобытности. Премьер-министр Новой Зеландии Джон Кей (*John Key*) высказался относительно идеи об изменении государственного флага страны. По его мнению, лучшим символом на флаге мог бы стать лист папоротника, однако правительство пока не собирается менять существующую сим-

волику. Еще один аргумент за смену государственной символики состоит в том, что нынешняя символика не способствует созданию более яркого международного имиджа страны. По словам Джона Кея, простота символа будет положительно работать на образ Новой Зеландии. В качестве примеров подобной запоминающейся государственной символики он привел канадский кленовый лист и восходящее солнце на флаге Японии. Сейчас, как мы убедились ранее, лист папоротника в качестве символа используют только новозеландские спортсмены. Все сказанное подтверждает нижеследующий пример:

And did this World Cup prove to us once and for all that the real flag in the hearts of New Zealanders is black with a silver fern on it? I've no doubt that this is now in our minds the legitimate flag. It's perfect. It's simple. It's as distinctively New Zealand as the red maple leaf is of Canada. It's a no-brainer. Bugger the Union Jack. Over it. Leave it to Mike Tindall and his band of failed marauders and late night maulers [5].

Таким образом, подтверждается консолидирующая функция общенационального символа *Silver Fern*, а также функция выражения гражданственности.

Маорийское название серебристого папоротника – *ponga*. Нераспустившийся лист папоротника на языке Маори имеет название *Koru*. В переводе это слово означает «изогнутая фигура» (*a stylized curved pattern used esp in carving*). Эта фигура символизирует новую жизнь, рост, движение и продается как украшение в сувенирных лавках. В данном случае мы наблюдаем переплетение культур маори и пакеха, взаимодействие этносов в которых веточка папоротника имеет несомненную ценность и символичность.

Some are «patronizing» in their use of cultural or natural symbols – such as silver fern patterns in paving and embryonic ponga frond designs [5].

Анализируя вышеприведенный пример, необходимо отметить, что данный концепт несет в себе аксиологический заряд и служит для выражения такой национальной ценности как «исконность».

Следует подчеркнуть, что иконический концепт «*Silver Fern*» используется в одном ряду с именами других символов Новой Зеландии. Данное явление можно проследить в следующем примере:

That's right: the iridescent deep blue birds with bright red beaks who, along with the silver fern, kiwi and pohutukawa, have joined our pantheon of iconic symbols [5].

В данном предложении *kiwi* (птица) и *pohutukawa* (вид исконного новозеландского дерева) представлены как эталоны символов в один ряд, с которыми стоит исследуемый *silver fern* (серебристый папоротник).

Подводя итог, хочется отметить, что иконический концепт «*Silver Fern*» представляет собой символизацию образа, образовавшегося под влиянием экстралингвистических факторов (экономических, лингвокультурологических, социальных и других). Кроме того, исследуемый концепт обладает концептуальными признаками, воплощающими национальные ценности, такие как, патриотизм, гражданственность, спортивный дух, исконность, национальный символ. Изучаемый иконический концепт обладает насыщенной идеологией и является выразителем национальных идей.

Литература

1. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). – Минск: Прополис, 2002. – 176 с.
2. Николаева О.В. Новозеландская картина мира сквозь призму национальной символики: аксиологический потенциал иконических концептов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 1 (13). – С. 152–159.
3. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. – 448с.
4. New Zealand Oxford Dictionary / T. Deverson, G. Cennedy. Melbourne: Oxford University Press, 2005. – 1355 p.
5. New Zealand Herald (The): New Zealand Daily Newspaper [электронный ресурс]. URL: <http://www.nzherald.co.nz/> Jun 11, 2011; Nov 29, 2011; Jan 11, 2012; Jul 20, 2012; NZ Herald, Feb. 18, 2012.
6. Te Aka Maori-English: English-Maori Dictionary and Index. Logman/Pearson Education New Zealand. [электронный ресурс]. URL: <http://maoridictionary.co.nz/>
7. Te Tonunga. The Ancient Legends and Traditions of the Maoris / Orally collected and pictured / W.Dittmer. London: E. P. Dutton & CO, 1907. - 119 p.

Коротких Т.А.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ В КОНТЕКСТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. В статье проводится контрастивный анализ немецкой и русской лексики из сферы науки и высшего образования в плане переводимости научных терминов с немецкого языка на русский. Делается вывод

об асимметричности систем высшего образования в Германии и России и об их постепенном сближении в контексте Болонского процесса.

Abstract. The article contains the analysis of Russian and German lexical system in the field of science and high education. The attention is focused on the problems of the translation of terms.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация в сфере высшего образования и науки, проблема перевода и переводимости научной терминологии.

Key words: intercultural communication, science, high education, translation, terms.

Болонский процесс – это процесс добровольного сотрудничества целого ряда европейских стран в области высшего образования и науки, направленный на создание единого общеевропейского образовательного пространства. В вузах стран-участниц вводятся близкие по типу учебные программы и дипломы, призванные повысить академическую мобильность, обеспечить взаимное признание дипломов и конкурентоспособность европейских вузов. Болонский процесс предусматривает двухуровневую систему обучения: **бакалавр** (BA – Bachelor) и **магистр** (MA – Master). Кроме этого, некоторые страны уже признали **аспирантуру** (Promotion) в качестве третьего уровня. Оценка академической успеваемости в рамках Болонского процесса происходит по Европейской системе зачета знаний (*ECTS -European Credit Transfer System*) [1].

Германия относится к числу первых европейских государств, подписавших в 1999 году Болонскую декларацию. В 2003 году этот документ подписала также Россия. В настоящее время 47 европейских стран присоединились к реализации Болонского процесса. Между тем, по оценке западноевропейских экспертов, Болонские реформы носят комплексный, системный и противоречивый характер и весьма неравномерно проводятся не только в масштабах Европы, но даже в пределах одной и той же страны [1]. В этой связи интересно обратиться к опыту Германии, которая в качестве одной из своих задач называет *интернационализацию* немецкой системы высшего образования [6; 8].

Германия известна своими давними университетскими традициями.

Первые немецкие университеты были основаны ещё в средние века. Современная Германия обладает мощным научно-исследовательским потенциалом. Высшее образование в этой стране является довольно привлекательным для иностранных студентов, в том числе российских [7,78–79].

ФРГ – важнейший экономический партнёр России, и обладатели немецкого диплома или сертификата имеют хорошие шансы найти свое место на рынке труда. Между тем, как показывает контрастивный анализ немецкой и русской лексики из сферы науки и высшего образования, между системами образования Германии и России до сих пор существует асимметричность. Очевидно, это объясняется культурно-историческими причинами, так как российская высшая школа существовала в XX столетии весьма изолированно от западноевропейской традиции, что нашло свое выражение в научной терминологии.

Проблема перевода и переводимости терминов из сферы науки и высшей школы входит в общую проблематику межкультурной коммуникации и является поэтому весьма актуальной, особенно в контексте Болонского процесса. Переводчик должен обладать не только языковой, но и межкультурной компетенцией. При переводе терминов с немецкого языка на русский и поиске эквивалентов нужно исходить из того тезиса, что речь идет об асимметричных системах понятий, которые, однако, в ходе реализации Болонского процесса могут постепенно сближаться друг с другом.

В настоящее время в немецких вузах сосуществуют параллельно **две структуры обучения**: новая двухуровневая система бакалавр – магистр, а также традиционные учебные программы с получением диплома (специалиста) или магистра (*Magister Artium*). Бакалавр (**Bachelor**) – первый диплом, дающий право на профессиональную деятельность. Для допуска необходим аттестат о законченном среднем образовании (**Abitur**).

Продолжительность обучения составляет 3–4 года. Для получения степени бакалавра необходимо набрать от 180 до 240 кредитных единиц.

Магистр (**Master**) – второй диплом после 1–2 лет обучения (60–120 кредитных единиц). В магистратуре делается акцент на более глубокую специализацию и на научную работу. Диплом (**Diplom**) – это традиционная форма обучения, которая завершается дипломной работой, а также письменными и устными экзаменами. **Magister Artium** – так называется свидетельство об успешно законченном курсе по гуманитарным и социальным наукам. Государственный экзамен (**Staatsexamen**) – это форма обучения по медицине, праву, фармацевтике, а также форма подготовки учителей средней школы [7; 9].

Учебные программы бакалавриата и магистратуры делятся на модули.

Модуль (**Modul**) состоит из тематически связанных учебных занятий – лекций, семинаров, практических занятий – и предполагает академическую нагрузку от 6 до 10 часов в неделю. За каждый модуль начисляются кредитные пункты ECTS.

Традиционные учебные программы делятся на два цикла обучения: **Grundstudium** – начальный курс обучения, рассчитанный на четыре семестра, и **Hauptstudium** – основной курс обучения, рассчитанный на пять семестров. Начальный курс завершается промежуточным экзаменом (**Zwischenprüfung**) или преддипломным экзаменом (**Diplom-Vorprüfung, Vordiplom**). Основной курс обучения завершается выпускными экзаменами и получением диплома (**Diplom**).

Аспирантура (**Promotion**) рассматривается в Германии как третья ступень Болонского процесса. Подготовка диссертации (**Dissertation**) возможна только в университетах и продолжается в течение 2–4 лет. Степень кандидата наук (**Doktor**) присваивается после написания диссертации и успешной сдачи устного экзамена (**Rigorosum**) либо после защиты диссертации. Ср., например: *seinen Doktor machen; zum Doktor promovieren*. Словом **Doktor** называют также носителя этой ученой степени; например: *er ist Doktor der Philosophie*. Немецкая ученая степень «доктора» соответствует ученой степени «кандидата наук», присуждаемой в России. **Doktorarbeit** можно перевести как «кандидатская диссертация», **Doktordiplom** – «диплом кандидата наук», **Rigorosum** – «кандидатский минимум», **Doktorand**– «аспирант», **Doktorvater/Doktormutter** – «научный руководитель». В некоторых университетах существуют специальные курсы для поддержки молодых научных кадров – «колледж для аспирантов» (**Graduiertenkolleg**).

Немецкие университеты имеют право присуждать звание «доцента» (**Dozent**) и звание «профессора» (**Professor**) – это право называется по-немецки **Habilitationsrecht**. В университете можно также получить образование, дающее право преподавать в вузе. **Habilitation** – это научно-исследовательская работа, необходимая для получения профессорского звания и должности. Она примерно соответствует российской ученой степени «доктора наук». Непременным условием для получения ученой степени **Habilitation** является защита диссертации на степень «доктора». Ученый, который уже удостоен этой степени, но еще не получил место профессора, называется **Privatdozent**. Заметим попутно, что в российских вузах звание «приват-доцент» существовало лишь до революции 1917 года и имело значение: нештатный преподаватель, равный по званию доценту [2,520]. Благодаря новому рамочному Закону о высшей школе (**Hochschulrahmengesetz**) в немецких университетах появилась возможность получить международно признанные степени «бакалавра» и «мастера» (**Bachelor/Master**).

Основными видами вузов в Германии являются университеты (**Universität**) и высшие школы (**Hochschule**), что соответствует скорее русскому понятию «институт». Немецкое слово **Institut** обозначает чаще всего лишь

структурное подразделение университета; ср., например: *das Institut für Deutsche Philologie der Universität München* [5]. В последнее время весьма популярными стали так называемые «высшие специальные школы» (**Fachhochschule**). Этот тип высшей школы отсутствует в России, и его название довольно трудно адекватно перевести на русский язык. Обучение в этой высшей школе приближено к практике и не является таким длительным, как в университете. Условно её можно назвать «университетом прикладных наук» [3, 100].

Основными подразделениями немецкого университета являются факультеты (**Fakultät**) или отделения (**Fachbereich**), в рамках которых объединяются отдельные учебные дисциплины. Они имеют право регламентировать учебный процесс и проведение экзаменов. Для каждой специальности и учебной программы (**Studiengang**) существует официальное Положение об обучении и экзаменационных требованиях (**Studien-und Prüfungsordnung**), точное следование которому обеспечит получение желаемой степени. Для каждого учебного предмета существуют свои кафедра (**Lehrstuhl**), институт (**Institut**) или семинар (**Seminar**). Русское слово «семинар» соответствует немецкому *Seminar* только в одном значении: учебное занятие, проводимое доцентом или профессором [2, 633]. Но данным термином в немецком университете называют также помещения на каком-либо факультете, в которых располагаются библиотека и кабинеты преподавателей, где они готовятся к работе и ведут прием студентов [4, 2378–2379]. Руководит университетом ректор (**Rektor**) или президент (**Präsident**). Ученый совет (**Senat**) отвечает за общие вопросы в области науки, преподавания и учебы. Студенты факультета или отделения тоже выбирают органы самоуправления – «студенческий совет» (**Fachschaft**). Практически в каждом немецком вузе существует Международный отдел (**Akademisches Auslandsamt**).

Русской традиции чужды такие понятия, как **Kanzler** (должность руководящего чиновника в управлении немецкой высшей школой), или **Magnifizenz** (титул ректора). В российской системе образования отсутствуют, например, такие должности, как **Studienassessor**, **Studienprofessor**, **Studienrat**, **Studienreferendar** [4, том 6]. Такие термины можно перевести на русский язык только путем транслитерации: *штудиенассессор*, *штудиенпрофессор*, *штудиенрат*, *штудиенреферендар*. В подобных случаях необходим культурно-исторический комментарий. Ещё один пример: **Tutorium** – «туторий» (от англ. *tutor*) – это учебное занятие, сопровождающее лекцию или семинар, на котором куратор, или тьютор, (как правило, старшекурсник) углубляет содержание лекции или семинара, что помогает студентам подготовиться к контрольной работе [3, 102].

Асимметрию между системами высшего образования Германии и России можно продемонстрировать наглядно, в виде таблицы.

Таблица 1. Соответствие понятий науки и высшей школы в немецком и русском языках

Немецкий термин	Понятийное соответствие в русском языке	Перевод на русский язык
Kanzler	---	канцлер
Privatdozent	---	приват-доцент
Referendar	---	референдар
Referendariat	---	референдарият
Extraordinarius	имеется	внештатный профессор
Emeritus	имеется	профессор-консультант
Studienrat	---	штудиенрат
Tutor	имеется	куратор
Tutorium	---	туториум
Senat	имеется	ученый совет
Rigorousum	имеется	устный экзамен на степень кандидата наук
Graduiertenkolleg	---	колледж для аспирантов
Schein	---	«справка-зачёт»
Zulassungsbescheid	---	Извещение о допуске к учебе в вузе
Studienberatung	---	консультационный отдел по вопросам обучения

Особенно большая асимметрия была связана с условиями приема абитуриентов в высшее учебное заведение. В отличие от российской системы высшего образования, где отбор будущих студентов в течение многих лет происходил путем вступительных экзаменов, зачисление в немецкие вузы (Immatrikulation) осуществляется на совершенно иной юридической основе и связано с успешной сдачей выпускных экзаменов в конце гимназического курса (Abitur). Эти экзамены и дают право учиться в немецком вузе – Hochschulzugangsberechtigung. И хотя российские вузы с 2009 года также перешли к иной форме приёма абитуриентов – путем отбора на конкурсной основе по результатам Единого Государственного Экзамена (ЕГЭ), многие термины, связанные с этим вопросом, не имеют соответствий в русском языке: Hochschulreife; Zulassung zum Hochschulstudium; Zulassungsvoraussetzungen; Zulassungsbeschränkungen; Zulassungsbescheid и др.

Основными формами организации учебного процесса в немецких и российских университетах являются: лекция (Vorlesung), семинар (Seminar) и практические занятия (Übungen, Tutorien, Repetitorien), коллоквиум (Kolloquium) и практика (Praktikum). Однако в Германии существуют различные виды

семинарских занятий: Einführungsseminar, Proseminar, Hauptseminar, Oberseminar, – и определенные условия допуска к ним (ср. Hauptseminaraufnahmeprüfung), что при переводе на русский язык также нуждается в разъяснениях. Более того, в немецких университетах студенты имеют право выбора того или иного семинара (в рамках своей специальности) и должны, подав заявку (Anmeldung), записаться на него (sich einschreiben). Активное участие студента в определенном количестве семинаров должно быть подтверждено документально – справкой (Schein) с подписью профессора, и это объясняет большую распространенность словосочетания Seminarscheinesammeln.

Итак, при переводе немецких терминов из сферы науки и высшей школы на русский язык необходимо учитывать факт асимметричности систем высшего образования в Германии и России. Важным условием адекватного перевода является не только языковая компетентность, но и хорошее знание культурно-исторических реалий того мира, в котором живут партнёры по межкультурной коммуникации. При этом также нужно иметь в виду, что в ходе реализации идей Болонского процесса эта асимметричность постепенно уменьшается, российская система высшего образования приближается к западноевропейской модели, что позволит России войти в общеевропейское образовательное пространство.

Литература

1. Болонский процесс в России. – Интернет-ресурсы: <http://www.bologna.ntf.ru/p44aa1.html>
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 13-е. – М.: Русский язык, 1981. – 816 с.
3. Учёба в Германии. Информация для иностранцев об учёбе в немецком университете. UNI.– Бонн: Германская служба академических обменов (DAAD) при посольстве ФРГ в Москве, 2001. – 102 с.
4. DUDEN. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden/ Hrsg. von G.Drosdowski. Bibliographisches Institut Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1981.–2992 S.
5. LMU auf einen Blick. 8.Auflage. – München: Ludwig-Maximilians-Universität (LMU), Wintersemester 2012/2013. – 79 S.
6. Münchner UNI. Magazin. Zeitschrift der Ludwig-Maximilians-Universität München. № 4 - 2012. – 40 S.
7. Studieren in Deutschland. Praktischer Leitfaden für internationale Studierende. 4.Auflage. – Bonn: DAAD, 2011. – 90 S.
8. Wissenschaft weltweit 2012. Daten und Fakten zur Internationalität von Studium und Forschung in Deutschland. – Bielefeld: DAAD und HIS-HF, 2012. – 100 S.
9. Ziel Deutschland. Wegweiser für internationale Studierende. 5.Auflage. –Bonn: DAAD, 2010. – 180 S.

ЧЕРНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ИЛИ ЭБОНИКС

Аннотация. В англоязычной среде афроамериканский английский (эбоникс), значительно отличаясь от стандартного американского английского, претендует на получение лингвистического статуса. Он обладает своей собственной словарной системой, грамматической структурой и морфологией, а также включает в себя местные наречия, социальные диалекты и жаргоны. Однако вопрос о его статусе остается дискуссионным.

Abstract. African American Vernacular English is considered to be a completely different language from Standard American English. Ebonics is spoken largely by African North Americans. Like all languages of the world, Ebonics has a variety of slang words, general phrases and grammatical markers. However it is often misunderstood to be broken or uneducated Standard English. So Ebonics is a subject that will continue to be judged and talked about.

Ключевые слова: Афро-американцы, эбоникс, стандартизирующие правила, отрицательные значения, социальный диалект.

Key words: African Americans, Ebonics, standard rules, negative connotations, social dialect.

XXI век характеризуется процессом активного проникновения сленговой лексики в разговорный английский. Устные переводчики английского языка, впервые попавшие в среду общения на афроамериканском английском, неизбежно сталкиваются с трудностями понимания речи его носителей. В чем же особенности этой разновидности американского английского и почему он претендует на получение лингвистического статуса? В американских университетах, а тем более в российских вузах афроамериканский английский не преподается. Однако, несмотря на то, что негритянский диалект представляет собой весьма сложную тему для изучения, исследованием его происхождения, специфики и лингвистических особенностей активно занялись лингвисты, так как вполне вероятно, что в скором времени документы на афроамериканском английском языке потребуют своих квалифицированных переводчиков, а в соответствующих службах откроются специальные вакансии для сотрудников-афроамериканцев, знающих диалект эбоникс, словарный запас которого и в настоящее время весьма активно пополняется новыми, ранее неизвестными словами. Став частью

американской культуры, языком негритянского населения страны, эбоникс незаметно перетекает в речь белых людей в виде речевой нормы. Молодежь активно использует сленг. Он стал частью хип-хоп культуры, которая является невероятно популярной в наши дни. А эталоном рэп-музыки является так называемый «олдскульный» рэп, основоположниками которого были именно носители этого диалекта.

Афроамериканский английский (в англоязычной среде известен под следующими наименованиями: Afroamerican English, Black English, AAVE – African American Vernacular English) – особая разновидность английского языка, объединяющая признаки диалекта и социолекта [3]. В социолингвистике наравне с этим термином употребляются термины «негритянский разговорный английский» (Black English Vernacular или Vernacular Black English). Эти термины считаются научными, а появившееся в семидесятых годах прошлого столетия и широко распространившееся (в основном в США) слово «эбоникс» (Ebonics) является их эквивалентом (англ. ebonu и англ. phonics). «Словарь иностранных слов» дает следующее толкование «эбоникса» – ebonics < ebonu – черное дерево; сленг негр – разновидность американской разговорной речи, объединяющая в себе структурные элементы территориального и социального диалекта [2].

В 1973 году профессор Вашингтонского университета в городе Сент-Луис (Миссури) Р.Л. Уильямс определил языковую форму афроамериканцев как «эбоникс», тем самым обозначив язык, на котором разговаривало негритянское население Соединенных Штатов Америки. В 1997 году он выступил на слушаниях в Сенате и потребовал для эбоникса лингвистического статуса.

Интересно, что само слово «ebony» происходит от латинского ebenicus и греческого ebenos, что означает древесину темно-зеленого и черного цвета некоторых видов тропических деревьев семейства эбеновых. Древесина хорошо обрабатывается и применяется для изготовления мелких поделок, деталей музыкальных инструментов, например, черных клавиш пианино [1].

Слово «эбоникс» распространилось и стало известным, прежде всего американскому сообществу 18 декабря 1996 года, когда школьный совет города Окленда, Калифорния, издал документ, известный под названием «Резолюция о статусе эбоникс» (the Oakland Ebonics resolution). Резолюция вызвала много споров и обсуждений, т.к. была воспринята почти всеми как предложение обучать школьников негритянскому диалекту, тогда как она была предложением использовать негритянский диалект в качестве своеобразного «трамплина» для обучения афро-американских школьников

общепринятому английскому языку [4]. («the Board of Education officially recognizes the existence, and the cultural and historical bases of West and Niger-Congo African Language Systems, and each language as the primary language of African-American students.») [5]. Негритянским детям было трудно учиться на общепринятом американском английском, ведь с детства они слышали совсем другую речь. За время противостояния белого и негритянского населения США в английском языке черных гетто больших городов (так называемые inner cities) накопилось много отличий от общепринятого.

Афроамериканский диалект является систематичным вариантом языка, с собственным набором правил, который отличается от других диалектов фонетикой, лексикой и грамматикой, обладая рядом специфических черт на каждом уровне. Проиллюстрируем сказанное. В отличие от стандартного английского грамматика афроамериканского варианта английского языка очень проста. Эбоникс называют «произволом» в грамматике. Все, что можно сократить и упростить – сжимается и упрощается [6]. Вместо использования двенадцати времен почти всегда используется форма настоящего времени, да и то не стандартная: вроде I have live here twelve years. (lived) (Я жил здесь 12 лет). Глаголы не спрягаются, практически всегда ставится форма be или она и вовсе опускается: He be always fooling around (он всегда валял дурака (дурачился) и He a friend (он – друг). Двойное отрицание здесь такая же норма, как и в русском: «If the cat ain't happy — ain't nobody happy — В доме, где кот несчастлив, никто не счастлив» [7]. Несоблюдение правила третьего лица единственного числа (у глагола to have просто нет формы has), вывернутое использование модальных глаголов, необычное использование обычных слов (I wanna be a police), слияние слов в правописании (liketo, wouldna, halfa, hadda, useta, gonna и т.д.) [6]. Cause I'll be done put-stuck so many holes in him he'll wish he wouldna said it. I done about forgot mosta those things. My father liketo kill me. I was liketo have got stot. He better hadda moved out [8].

Многие отличия эбоникса от стандартного английского лежат в области фонетики. Например, диграф “th” записывается на письме и произносится как “d”: these = dese, with = wid и. т.д. [9]. На первый взгляд эбоникс напоминает жаргон. Примером может стать употребление общеизвестных английских слов с противоположным смыслом, что нередко вызывает в лучшем случае непонимание, в худшем – конфликты на уровне культуры (известный случай с ведущим сатирической программы на британском телевидении Ричардом Блэквудом). Так, например, слово «bad» (плохой) используется в смысле «гордый, непокорный». Неполиткорректное «fat», жирный, имеет значение «крутой, классный» и так далее [7]. Словарь аф-

роамериканского английского сложился из многих источников. Основной – это фольклор, а также пословицы, поговорки, стили музыки. Пополнение осуществляется также за счет спорта, в первую очередь баскетбола и его подвида стритбола (особенно уличного). Национальная Баскетбольная Ассоциация (NBA) в огромных количествах производит специфический жаргон, который с восторгом подхватывает молодое поколение уличных баскетболистов.

Итак, эбоникс – это живой язык одной из этнических групп, множество которых проживает в США. Ярким примером такой этнической группы служат афроамериканцы, объединенные общими традициями, культурными ценностями и собственным языком, который называется Black English (Черный английский) или Ebonics (Эбоникс).

Литература

1. Гордиенко И. Ebonics – американский «черный» английский // Компьютерра. 1997. № 32
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006 – 672 с.
3. <http://ru.wikipedia.org/>
4. <http://otherreferats.allbest.ru/>
5. <http://www.dandrake.com/ebonics.html>.
6. <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-33851/>
7. <http://audio-class.ru/>
8. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-149995.html>
9. <http://www.flarus.ru/?smid=244>

Лесниковская И.В.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

АВСТРАЛИЙСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию австралийского варианта английского языка. Описываются основные отличия австралийского английского от стандартного английского с точки зрения орфографии, лексики, фонетики и грамматики. Приводятся примеры современных сленговых выражений австралийского английского языка.

Abstract. The article is devoted to the investigation of Australian English in comparison with Modern English. The main differential features are described

from the point of view of phonetics, grammar, lexis & spelling. The examples of slang expressions are given.

Ключевые слова: австралийский вариант английского языка, основные отличия, фонетика, лексика, орфография, грамматика, современный сленг.

Key words: Australian English, differential features, phonetics, grammar, lexis & spelling, slang expressions.

26 января – национальный праздник жителей Австралии (Australian day), так как в конце 18 века (1788 год) первые поселенцы высадились у берегов этого континента, и позже на месте их высадки был основан город под названием Сидней. Первыми жителями Австралии являлись ссыльные из Англии, Ирландии и других частей Великобритании (Уэльс и Шотландия). Большая часть первого населения Австралии говорило на довольноно «плохом» английском. Итак, Австралия первоначально являлась британской колонией, следовательно, её жители говорят на английском языке, который считается австралийским вариантом английского языка.

Попытаемся коротко описать основные отличия австралийского английского от стандартного английского с точки зрения орфографии, фонетики, лексики и грамматики. Для анализа **орфографического состояния** языка воспользуемся национальным толковым словарем Маккуорри (Macquarie Dictionary). По данным этого словаря написание слов в австралийском английском почти полностью совпадает с британским английским. Например, *centre, harbour, recognize/recognize, travelling*. Однако имеется целый ряд слов, которые используют американский вариант написания: *program* вместо *programme*. **С фонетической точки зрения** интересно деление на 3 четко разграниченных диалекта, которые австралийцы употребляют в своей речи, а именно Broad Australian (наиболее употребительный), General Australian, (стандартный) и Cultivated Australian (изящный). По подсчетам специалистов на первом говорит примерно 1/3 населения страны, на втором почти половина населения, а на третьем приблизительно 1/10 её часть. Существует также и собственный диалект английского языка, который носит название «страйн» (от английского “strine”- английское произношение слова ‘australian’). Считается, что этим диалектом владеют люди малообразованные. Однако в Словаре австралийского сленга под названием “Down Under”, изданным в Австралии в 2011 году в предисловии находим следующее объяснение «исключительно австралийскому акценту, называемому “strine” – австралийский английский – язык, который представляет значительные трудности для англоязычного населения, особенно для иностран-

цев. Из-за огромного количества мух, обитающих повсюду на континенте, жители Австралии разработали довольно эффективный метод ведения беседы с едва открытым ртом, результатом которого является австралийский акцент “strine”». Это, конечно, всего лишь шутка, но основные особенности диалекта или акцента как его называют сами австралийцы свидетельствуют о том, что звук [a:] стремится к долгому звуку [i:], [ei] и переходит в [ai]. Поэтому, путешествуя по Австралии довольно странно бывает слышать вместо глагола «*pay*» «*платить*» существительное «*pie*» «*пирог*». Говоря о **грамматических особенностях**, начнем с категории числа имен существительных латинского происхождения. В современном английском языке имена существительные латинского происхождения имеют как единственное, так и множественное число: *datum* – *data*, в австралийском же английском данное слово употребляется только во множественном числе «*data*», при этом согласуется с существительным в единственном числе: *The data is informative & interesting*. Еще одним отличием является употребление глаголов *shall*- *will*, *should* – *would*. Глагол *shall* в австралийском варианте употребляется как правило в побудительных и вопросительных предложениях. *Shall we go to Australian Travel club? You shall visit the Great Barrier Reef*. Вместо глагола «*should*» чаще всего употребляется глагол «*would*» Например, *I wouldn't be so sure of that that your tour includes entry into the 3 main attractions: Birdworld, the Australian butterfly Sanctuary & Kuranda Koala Gardens*. Формы *whilst* – *amongst* вышедшие из употребления в современном английском до сих пор широко используются в Австралии.

Анализ **лексики** австралийского английского невозможен без изучения сленга, ведь для того, чтобы лучше понять душу местного жителя, оценить удивительное чувство юмора австралийцев нужно постараться понять их не совсем обычную для европейского жителя манеру употреблять коллоквиализмы и использовать такой стилистический прием как «игра слов». Интересен тот факт, что многие коллоквиализмы стали лексической нормой для австралийского варианта, хотя первоначально они произошли от ненормативной лексики многочисленных национальностей, сформировавших австралийское общество. Внимание исследователей привлекают собственно австралийские идиомы: термином *Down Under* называют Австралию и Новую Зеландию, что означает «внизу, под экватором». Сами австралийцы зовут себя «оззи» (английское *aussie*), результат сокращения слова «австралийцы» (*Australians*). Жители Австралии очень бережно хранят языковые традиции выходцев из разных стран и регионов Великобритании, такие слова принято называть регионализмами: *to fossick* – рыться, копать, искать что-либо (Корнуолл), *laggikin* – хулиган (Йоркшир), *billy* –

ведро из-под молока (Шотландия). Некоторые слова вошли из языка аборигенов: kangaroo (an animal which jumps along on its large back legs & which carries its young in a special pocket of flesh), billabong (a waterhole), jumbuc (a sheep), corroboree (an assembly), boomerang (a curved throwing stick). Однако количество таких слов в австралийском варианте английского языка не слишком велико (примерно 400 слов). Заимствования из языка аборигенов в основном относятся к названиям растений и животных. Изучение лексики (и главным образом сленга) австралийского английского варианта свидетельствует о том, что почти каждый термин имеет значительное количество вариантов и может сочетаться с целым рядом других терминов и их вариантов, что дает возможность австралийскому варианту английского языка постоянно развиваться и совершенствоваться. Приведем наиболее яркие и выразительные сленговые выражения, наиболее часто употребляемые в современном языке австралийцев:

- Akubra – Australian hat worn by bushmen, farmers;
- Aussie salute – brushing away flies with the hand;
- Ay –don't you agree?
- Bad news – a troublesome person (This guy is bad news);
- Bananas – going crazy;
- Bizzo – business
- Bloody – great Australian adjective “Bloody this, bloody that...”
- Boiler – an old woman;
- Brass – money;
- Bread basket – stomach;
- Bush – rural Australia;
- China – old friend;
- Crook – not good;
- Cuppa – a cup of tea or coffee
- Curly – nickname for a bald person
- Dipstick – a loser, idiot;
- Exy – expensive;
- Fly the coop –leave home
- Idiot box – television;
- Kanga – kangaroo;
- Kiwi – a New Zealander;
- pommy – an Englishman;
- sanga –sandwich;
- servo – service station
- shit for brains – a stupid person;

tickets on oneself- having a high opinion of oneself;
true blue – proud Australian, genuine, loyal.

Рассмотрев некоторые особенности австралийского варианта английского языка, можем сделать вывод о том, исследуемый в данной статье вариант весьма многообразен и несет в себе черты как современного английского языка, так и собственно австралийского, который выражается в различиях в выражении тех сфер жизни австралийцев, которые представляют для них наибольшую значимость.

Литература

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр.яз. — 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 295 с., ил. – На англ. яз.
2. Бабич Г.Н. Лексикология английского языка. – Екатеринбург-Москва: Уральское издательство Большая медведица. 2006. С. 168–171.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. 1996. С. 291–325.
4. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. – 336 с.
5. Australian Slang Dictionary Down Under. Dynamo House, Melbourne, 2011.

Интернет сайты

1. Австралийский национальный он-лайн словарь. Macquarie dictionary.au
2. Словарь австралийского сленга. Australia/page/aussie_slang/b.html
3. Сайт австралийского инновационного университета ling.mq.edu.au/speech/phonetics/phonetics/ausenglish/impressionistic

Меренкова Д.Е.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СКАЗОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО ВИДЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. С. ЛЕСКОВА)

Аннотация. В данной статье выделены признаки и приметы определения сказового повествования на примере произведений Н.С. Лескова. Кроме того, рассмотрены такие понятия как: «литературный сказ», «усеченный сказ», «условный сказ» и «сказовое повествование».

Abstract. This article deals with the signs and indications of the tale narration on the basis of Leskov's works. Besides are shown such notions as: "literary tale", "truncated tale", "conditional tale" and "tale narration".

Ключевые слова: сказочное повествование, опеределение, литературный сказ, критерий, повествователь.

Key words: tale narration, determination, literary tale, criterion, narrator.

Сказовое произведение может быть охарактеризовано с помощью ряда признаков и примет. Отношения, которые складываются в художественном произведении между субъектами повествовательной речи, являются важными жанрообразующими факторами. По мнению Е.В. Клюева, данные отношения «выступают постоянным признаком каждого сказа или группы сказов, что и позволяет принять эти соотношения в качестве классификационного критерия произведений данного жанра». [4, 169].

Е.Г. Мущенко считает, что «релевантным признаком соответствующего вида в пределах эпического рода является отчуждение, т. к. книжный повествователь стремится идентифицироваться с автором, а рассказчик, напротив, проявляет самостоятельность по отношению к автору» [8, 36]. Степень отчуждения рассказчика от автора является важным критерием в определении сказового произведения. Е.В. Клюев полагает, что в сказе «существует доминанта – основная речевая партия, которая и позволяет считать литературное произведение сказом: это может быть речевая партия рассказчика» [4, 43].

Среди повествовательных форм, приближающихся к сказу, но не являющихся собственно сказовыми, можно выделить такую, которая организуется чужой точкой зрения, «не авторской», и передается через чужую речь. Такое повествование называется несобственно авторским, или усеченным сказом [8, 36]. Усеченный сказ представляет собой сказовое повествование, не имеющее конструктивной самостоятельности и в силу этого неспособное определять жанровое своеобразие произведения. Основное отличие данного повествования от собственно сказа – это отсутствие рассказчика. Несобственно-авторское повествование воспроизводит ситуацию, оно связано со словоупотреблением и оценками персонажа. Точка зрения персонажа передана в повествовании и описании в формах словоупотребления персонажа, не связанных с ситуацией речи (через несобственно прямую речь). Характерная для сказа ситуация речи исчезает, персонаж не рассказчик. [5, 103].

Поэтому, принятие за доминанту «основной речевой партии», которая может принадлежать и автору и рассказчику не является надежным критерием для определения сказа как такового. Из-за специфики сказового произведения, которое включает в себя как речевой тип и форму повествования сказ, его стилевой доминантой является речевая партия, при-

надлежащая рассказчику, несмотря на то, в каком соотношении с образом автора он находится. Если сказ является основой сказового произведения, значит и речевая партия, представленная сказом, является доминирующей.

Отсутствием рассказчика характеризуется такая форма повествования, как сказовое повествование, стилевой доминантой которого является авторская речь. [5, 109]. Мы не можем считать такое повествование сказом, т. к. в нем отсутствует рассказчик, особый субъект повествовательной речи. Крупное произведение со сказом в структуре, которое будто бы разложено на голоса, структурные элементы и речевые приемы которого выполняют стилеобразующую функцию только в пределах каждого из фрагментов текста, называется условный сказ. [8, 207]. В данном случае сказ не является стилистической доминантой, не меняет жанровой специфики всего произведения, а используется как отдельный прием.

И.А. Смирин считает: «Литературный сказ закрепляет и развивает фольклорную традицию сказывания, поэтому «установка на устную речь», хотя и не исчерпывает всех признаков этого жанра, является, тем не менее, непременным условием. Там, где нет ситуации речи, беседы, разговора, рассказывания, а дается авторское описание, пусть даже стилизованное, сказа нет» [10, 67]. Таким образом, можно выделить еще один критерий сказа – «установка на устную речь». И.А. Смирин под устной речью подразумевает «беседу, разговор, рассказывание».

В.В. Виноградов писал: «...Всякая «внелитературная», диалектическая сказовая форма в художественных произведениях имеет, как второй языковой план, подоснову «общего» языка, на восприятие с его точки зрения рассчитана» [2, 75]. Но также он утверждал, что «разговорно-речевая стихия способна быть элементом письменных форм речи, которые, тем не менее, не превращаются в сказ и, наоборот, произведение, заявленное как сказ, может не содержать в себе форм устной речи» [2, 76]. Таким образом, в понимании «устности» можно выделить два аспекта – представление о произносимой речи (через «сигналы» говорения, рассказывания) и представление о внелитературных разговорных речевых формах.

В монографии «Поэтика сказа» говорится: «Именно характерологичность сказовых элементов, основная на резком отделении носителей устной речи от авторского – «нормального» – повествования, способствует расподоблению субъектов речи» [8, 47]. Таким образом, можно выделить еще один принцип – «отчуждение» рассказчика от автора. Но этот принцип действует в том случае, если нужно отделить носителя устной речи

от носителя письменной речи, когда сказ «... не мотивирован композиционно, вводом рассказчика, и когда речевые факты оказываются важными как сигналы, свидетельствующие о наличии здесь «говорения» [6, 38–39].

В.Д. Левин считает, что сказ «способен целиком состоять из литературных, нормированных языковых элементов, создаваться на основе образованной, «интеллигентской» разговорной речи, но в таком сказе должна сохраняться «двухголосость», предполагаться «рассказчик – не автор», как впрочем, и в сказе с композиционно не обусловленным рассказчиком. Сам факт рассказывания сигнализирует о замене автора» [6, 39]. «Сигнализирование о замене автора» – это своеобразный синоним «отчуждения». Если характерологические элементы речи – средство расподобления автора и рассказчика, то «факт рассказывания» является аналогичным средством в другом виде сказа – с нормированной, литературной речью.

Определяя понятие «литературный сказ» и учитывая наличие разнообразных промежуточных повествовательных форм, которые имеют определенные признаки сказовости, но сказовыми в собственном смысле слова не являются («усеченный сказ», «условный сказ», «сказовое повествование»), целесообразно использовать весь комплекс сказовых признаков.

Е.В. Клюев [4, 6] включает в определение сказового произведения следующие сказообразующие факторы:

- 1) имитация процесса устного монологического говорения;
- 2) отчуждение рассказчика от автора;
- 3) оформленность целого текста в соответствии с приемами сказового речеведения.

Г.В. Сепик [9, 49] выделяет следующие сказовые критерии:

- 1) существование в пределах малой (или средней) эпической формы;
- 2) стилистическое доминирование речевой партии рассказчика-повествователя;
- 3) нетождественность рассказчика автору;
- 4) имитация устной монологической речи рассказчика.

Под литературно-сказовым произведением Г. В. Сепик понимает «малую (или среднюю) эпико-повествовательную форму с нетождественными друг другу субъектами повествовательной речи, строящуюся как имитация устного повествовательного монолога в доминирующей речевой партии рассказчика» [9, 49–50].

Используя выделенные критерии сказовости, попытаемся на конкретных примерах определить сказовые произведения в творчестве Н.С. Лескова. Его любимыми эпическими жанрами являются: новелла, рассказ,

житие, повесть, очерк, хроника и др. Именно в этих эпических жанрах возможно использование сказового стиля.

Все события в новелле «Запечатленный ангел» излагаются двумя субъектами повествовательной речи. Всезнающий автор описывает беседующих и обстановку. Далее в повествовании участвует рассказчик – раскольник Марк. Он ведет повествование до конца, замыкая собой сюжетно-композиционную линию всего произведения. Автор не вмешивается в заключительные диалоги рассказчика (Марка) со слушателями. Партия рассказчика является доминирующей в новелле, ей подчинено все повествование. Субъекты повествования (автор и рассказчик) не тождественны, они действуют параллельно. Речь рассказчика носит книжно-архаический характер, напоминает проповедь и манеры изложения библейских сказаний.

В данной новелле рассказчик принадлежит к таким субъектам повествовательной речи, которые, по мнению В.В. Виноградова «комбинируют новые системы сказа из книжных, архаических элементов» [1, 53]. Таким образом, данную новеллу можно считать сказовой.

В произведении «Однодум» повествование ведет автор-повествователь, хотя и анонимно. Повествователь напоминает рассказчика, он субъективен и многие события передает приблизительно. («Не могу с точностью вспомнить и не знаю ...»). Но субъект повествования не отделен от автора, так как он является единственным субъектом повествовательной речи. Произведение выстроено так, что оно воспринимается как «написанное», а не как «рассказанное». Речь повествователя охватывает произведение целиком. Целью писателя является нерасподобление автора и рассказчика, таким образом, в произведении один повествователь и оно не сказовое.

В «Пигмее» мы встречаем полноценного рассказчика, который обособлен от автора. Нужно заметить, что в этом произведении два рассказчика, но сюжетная линия новеллы подчинена только одному из них. Автор-повествователь передает изложение первому рассказчику, «своему земляку», который ссылается на рассказ знакомого чиновника «С». Повествование же ведется от лица последнего и представляет собой доминанту, противопоставляясь речи автора на композиционном уровне. Значит «Пигмей» можно считать сказовой новеллой.

Многие произведения Н.С. Лескова могут быть охарактеризованы тем, что в них повествователь близок по своей функции к рассказчику, но его речевая партия строится по законам письменной речи, так как воспоминания о событиях передаются в виде записок. В «Кадетском монастыре» в роли рассказчика выступает сам автор. («Я хочу рассказать нечто весьма простое, но не лишнее занимательности...»), «Я прошу верить, а лично

слышащих меня – засвидетельствовать, что моя память совершенно свежа и ум не находится в расстройстве ...»). Но нужно отметить, что здесь скорей всего нужно говорить об авторе-повествователе, а не о рассказчике. В данном произведении отсутствует имитация устного говорения, а значит «Кадетский монастырь» можно отнести к условному сказу.

В «Шерамуре» субъектом речи является автор-повествователь, а не рассказчик («Герой мой – личность узкая и однообразная, а эпопея его – бедная и утомительная, но, тем не менее, я рискую ее рассказывать», «Итак Шерамур ...»). Значит, данное произведение не может считаться сказом.

Одним из определяющих критериев сказа является обстановка разговора, наличие слушателей, сочувствующих рассказчику. Так рассказчик в повести «На краю света» говорит как по написанному. Его речь – это речь человека хорошо владеющего публичной формой высказывания: «... Щунял я их, щунял келейно и, наконец, с амвона на них громыхнул словом царя Ивана к преподобному Гурию...». Кроме этого рассказчик часто использует пространные описания, ораторские монологи: «Это уже было темно; над нами опять разостлалось черное небо и по нем, как искры по смоле, засверкали безлучные звезды», «Что за загадочное странствие совершает этот чистый, высокий дух в этом неуклюжем теле и в этой ужасной пустыне? Зачем он воплощен здесь, а не в странах, благословенных природою?...».

Сюда по своим особенностям можно отнести и другие произведения Лескова: «Белый орел», «Бесстыдник», «Интересные мужчины», «Штопальщик», «Жемчужное ожерелье», «Отборное зерно» и т. д.

В «Тупейном художнике» история рассказывается сначала автором. После этого сказ ведется уже от лица рассказчицы (Любови Онисимовны). Но иногда сказ прерывается авторскими комментариями: «Пестрядинная старуха, у которой опозналась Любовь Онисимовна, была очень добрая, а звали ее Дросида.

– Она, как убралася перед вечером, – продолжала няня: – сама мне постельку из свежей овсяной соломки сделала».

К концу произведения слова автора встречаются чаще: «Любовь Онисимовна письмо сейчас же сожгла на загнетке и никому про него не сказала...». Автор и рассказчик сближаются, но это не мешает повествованию. Значит, мы можем сказать, что перед нами сказовое произведение.

Таким образом, нами были рассмотрены не все произведения Николая Семеновича Лескова, но и на этих примерах мы можем видеть многообразие повествовательных форм, которые образуют промежуточный слой между сказом и персонифицированным повествованием. Только при нали-

чий всех критериев и стилистических приемов мы можем утверждать, что перед нами «литературный сказ», а не «усеченный сказ», «условный сказ», «сказовое повествование» и т. д. Используя сказ в качестве отдельного приема, можно придать «сказовую окраску» всему произведению в целом.

Литература

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 238 с.
2. Виноградов В.В. Проблема сказа в стилистике// О языке художественной прозы: Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
3. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
4. Клюев Е.В. Литературный сказ как объект комплексного филологического исследования// Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Межвуз. темат. сб. Калинин. гос. ун-т./ Отв ред. Д.С. Лихачев. – Калинин: КГУ, 1981.
5. Кожевникова Н.А. О типах повествования в советской прозе// Вопросы языка современной русской литературы/ Под ред. В. Д. Левина. – М.: Наука, 1971. – С. 97–163.
6. Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование// Вопросы языка современной русской литературы. – М.: Наука, 1971. – С. 20–41.
7. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 5 т. [сост. и общ. ред. В.Ю. Троицкий]. – М.: Правда, 1981.
8. Мущенко Е.Г., Скобелева В.П., Кройчик Л. Е. Поэтика сказа. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 287 с.
9. Сепик Г.В. Особенности сказового построения художественного текста: (на мат. новелл и повестей Н.С. Лескова). – Дис... канд. филол. наук. – М., 1990. - 158 с.
10. Смирин И.А. К проблеме сказа и его типологии в русской советской прозе// Проблемы типологии литературного процесса. – Пермь, 1978. – С. 66–78.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН ЭПИТЕТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Попадая в текст любого стиля или жанра, стилистический прием реализует все или только часть потенциальных функций. В представленной статье рассматривается функциональный диапазон эпитета в англоязычном публицистическом тексте.

Abstract. The article is devoted to the stylistic device of an epithet and its functional peculiarities in the publicist text. The aim of the article is to define what particular functions of an epithet which constitute its potential are realized within a publicist text and what influences their actualization in the text.

Ключевые слова: эпитет, функциональный потенциал, функциональный диапазон, публицистический текст.

Key words: epithet, functional potential, functional diapason, publicist text.

Проблема эпитета, как средства выражения личного, оценочного момента в высказывании, является одной из ведущих проблем стилистики. Эпитет относится к древнейшим риторическим фигурам, но, несмотря на этот факт, единства в определении эпитета нет.

По мнению И.Р. Гальперина, эпитет – это выразительное средство, основанное на выделении качества, признака описываемого явления, которое оформляется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующее данное явление с точки зрения *индивидуального восприятия этого явления* (выделено нами – М.Н.). Он считает, что эпитет всегда субъективен и всегда выражает эмоциональное значение или эмоциональную окраску [2, 157].

По отношению к стилистическим приемам возможно применение двух понятий – функциональный потенциал и функциональный диапазон. Функциональный потенциал – это конкретный набор функций, который могут выполнять образные стилистические приемы (СП) и, который предопределяется онтологическими свойствами этих СП.

Функциональный диапазон СП – это лишь часть этого потенциала, которая реализуется в определенном функциональном стиле в соответствии с потребностями этого стиля. В качестве стилеобразующего признака конкретного функционального стиля следует признать и функциональный

диапазон и то, какая из входящих в него функций является доминирующей [1, 16].

Известно, что функциональными особенностями публицистического стиля являются его предельная краткость; легкость восприятия смысла при быстром, однократном прочтении; эффективное воздействие на читателя, экономия языковых средств и др., которые непосредственным образом обуславливают выбор той или иной языковой единицы, экспрессивного средства или стилистического приема, в нашем случае, эпитета.

Гипотетически потенциальные функции эпитета в публицистическом тексте (ПТ) в зависимости от их характера можно объединить в три группы: стилистические, прагматические и текстообразующие.

К потенциальным стилистическим функциям эпитета относятся информационная и воздействующая, характеризующая, организующая, экспрессивная, оценочная, представленная в двух разновидностях индивидуальной и коллективной оценки; функция создания образности; экспрессивно-эмоциональная; экспрессивно-усилительная; функция эмоциональной оценки и функция интеллектуальной оценки.

В числе потенциальных прагматических функций эпитета в ПТ можно назвать оценочную, рекламную (аттрактивную), разъяснительную и функцию компрессии информации.

К потенциальным текстообразующим функциям эпитета в ПТ можно отнести когезивную, ретроспективную, интегрирующую, лимитирующую.

Цель нашего исследования заключалась в установлении функционального диапазона эпитета в ПТ.

Для определения функционального диапазона эпитета в ПТ был проанализирован ряд статей из английских журналов экономической и политической направленности. Их анализ выявил, что оценочной функцией в той или иной степени обладают практически всех эпитеты. Помимо оценочной функции эпитет выполняет еще ряд других функций, некоторые из которых мы проиллюстрируем примерами, представляющими собой лишь малую часть случаев употребления эпитета в ПТ от всего массива примеров, обнаруженных в журнальных статьях.

В статье *More Than Just Another Bubble* из журнала *Newsweek* (06.06/13.06.2005) в высказывании (1): “The place teemed with businessmen who wouldn’t put down their mobile phones, even in the restrooms. ... Finance ministers and oligarchs in the past would use such forums to hard-sell their country’s economic prospects to investors, but this time round they wore the “too much money, too little time” look” фразовый эпитет выполняет функцию компрессии информации, так как содержит в себе расшифровку

смысла всего высказывания в целом. Словосочетанию “*too much money*” соответствуют понятия “*finance ministers*“, “*oligarchs*“ и “*businessmen*“, а фраза “*too little time*” соотносится с высказыванием “*who wouldn't put down their mobile phones, even in the restrooms*”. Анализируемый фразовый эпитет, безусловно, обладает некой эмоциональной окраской, создаваемой за счет тщательного отбора слов, а именно, использование модального глагола “*would*” (здесь: рус. «иметь обыкновение, обычно») и глагола “*to wear*” вместо “*to have*”, который подчеркивает «вынужденность, обусловленность обстоятельствами» наличия подобного взгляда у представителей большого бизнеса. В анализируемом примере фразовый эпитет выражает в некоторой степени ироничное отношение к предпринимателям и государственным деятелям с помощью усилительной частицы ‘*too*’ в составе эпитета. Ироничное отношение к присутствующим персонам в этом фрагменте усиливается через употребление экспрессивного глагола с отрицательной коннотацией ‘*teem*’ в значении «кишеть, изобиловать». Следовательно, в данном случае эпитет выполняет функцию компрессии информации и функцию эмоциональной оценки.

В авторской статье *Déjà Vu All Over Again* из журнала *Newsweek* (06.06/13.06.2005) рассмотрим пример (2): “A trade war was averted only at the last minute with a fig-leaf compromise”. Здесь мы наблюдаем очень интересный случай, когда для понимания значения и смысла эпитета необходим расширенный контекст. Статья рассказывает о попытках США приостановить бурное развитие экономики Китая, чьё главное желание не зависеть более от Америки. Автор проводит параллель между настоящими попытками и теми, что США предпринимали в отношении Японии в период с 1985 по 1995 гг., которая своими экономическими успехами вызывала бурю негативных эмоций у американцев (в указанный период времени Япония наращивала прибыль, а Америка терпела убытки).

Чтобы понять смысл атрибутивного словосочетания ‘a fig-leaf compromise’, которое к тому же является аллюзией на библейский сюжет, проанализируем абзац, в конце которого употребляется эпитет: “Washington and many of America’s leading companies, such as Motorola and Intel, put many demands on Japan: spend more, save less, strengthen your currency and intellectual-property protections, lower your trade barriers. The Japanese were told to deregulate their economy in general and to take very specific measures in the construction, telecommunications, retail and automobile sectors. The pressure peaked in the summer of 1995 when Washington came close to imposing \$5 billion in trade sanctions on Japanese cars. A trade war was averted only at the last minute with a fig-leaf compromise”. Данный фрагмент очень динамичен

с точки зрения описываемых событий. Журналист подчеркивает ту настойчивость и бесцеремонность, с которой США влияли на экономику Японии. Это видно из выбора лексики (использование слов и словосочетаний “*to put many demands on*”, “*to be told to do smth.*”, “*to take measures*”, “*pressure*”, “*to impose*”, “*sanctions*”; употребление глаголов в повелительном наклонении: “...*spend more, save less, strengthen your currency and intellectual-property protections, lower your trade barriers*”). Столь эмоциональный отрывок служит для увеличения воздействующей силы эпитета в заключительном высказывании. Автор противопоставляет все меры мощного давления на Японию со стороны США, которое завершилось унижительным для Японии компромиссом.

В последующем высказывании (3) “The shame was that so little was accomplished” журналист употребляет слово “*shame*” в функции подсказки-ключа с целью создать аллюзию на библейское значение словосочетания “*fig-leaf*”, что призвано помочь понять значение используемого эпитета; а также увеличить его воздействующую «силу».

В последующем контексте статьи журналист объясняет, что позволило ему описывать компромисс как унижительный (4): “True, a few American companies, especially in the semiconductor industry, made inroads into the Japanese market. Eventually Japan started to open up, but that was due more to a 10-year recession than to anything Washington did”.

Как можно заключить, в данной статье эпитет выполняет функцию компрессии информации и разъяснительную функцию (эпитет позволяет наглядно представить всю ситуацию через конкретный образ). Являясь в данном контексте эмоционально окрашенным, эпитет участвует в осуществлении функции эмоциональной оценки. Более того, он также реализует функцию интеллектуальной оценки, так как существующие объективные факты (и автор их приводит) позволяют судить о тщетности и бесполезности усилий, предпринимаемых десятилетиями Америкой на подчинение экономики Японии.

В статье *Worry While You Spend* из журнала *Newsweek* (21.11.2005) в последнем абзаце статьи наше внимание привлекает следующий эпитет (5): “We have a real economy and a rhetorical economy: what’s actually happening and what we say is happening”. В данном высказывании мы видим противопоставление между словосочетаниями “*a real economy*” и “*a rhetorical economy*”. Позднее автор дает своего рода расшифровку обоих понятий. Однако, несмотря на уточнение значения эпитета “*a rhetorical economy*” – “*what we say is happening*”, все же полного понимания смысла этого высказывания не наблюдается. Полное осознание значения эпитета ‘*rhetorical*

применительно к *есопоту* происходит только после прочтения целого текста статьи.

В статье описывается парадоксальная ситуация в экономике США. Несмотря на рост показателей покупательской способности американцев (продажа домов в 2005г. достигла рекордных 7,1 млн.; с середины 2003 г. число высокооплачиваемых рабочих мест увеличилось на 4,2 млн.; уровень безработицы – 5%, что является, в среднем, очень низким уровнем), опрос общественного мнения обнаружил снижение показателя уверенности американцев в завтрашнем дне с 96,5% в июле до 74,2% в октябре. Статистические данные, цитируемые в анализируемой статье, являются сигналом экономического спада.

Далее журналист пытается объяснить несоответствие между поведением и настроением американцев. Высказывание (6): “One puzzle these days is why Americans are so confident at the shopping mall and so glum in the opinion polls” содержит в себе вопрос, как и следующий фрагмент, который вынесен за пределы статьи и является маркированным: “What explains the gap between Americans’ glum mood and their free-spending ways? How about a hangover from the 1990s boom?” Этот фрагмент, безусловно, служит для привлечения внимания, поэтому он более эмоционально насыщен по сравнению с похожим высказыванием, но уже в самом тексте статьи (7): “But until then, I have another theory to explain what’s been the persisting disconnect between our mood and our behavior: the hangover from the 1990s boom”. Становится ясным, что и последнее высказывание содержит вопрос, но уже косвенный.

В раскрытии значения эпитета участвуют и следующие высказывания: (8) “There are obvious grounds for anxiety.”; (9) “Alfred E. Neuman had become our chief economic guru: what we worry for? The central fantasy was that we could dispense with uncertainty and anxiety.”; (10) “We fret about China, a housing bubble...” (11) “The return of worry partly accounts for the weakness...” (12) “People are less confident about the future. But what then explains the strength of actual consumer spending?” Всем примерам, уточняющим значение анализируемого эпитета, характерны три общих момента: во-первых, практически во всех высказываниях имеются слова, выражающие беспокойство, тревогу, в частности: “*anxiety*”, “*uncertainty*”, “*to worry*”, “*some worry*”, “*to fret*”, “*to be less confident*”, во-вторых, многие высказывания содержат существительные со значением «несоответствие», «расхождение», например: “*a puzzle*”, “*a gap*”, “*the persisting disconnect*”, и, в-третьих, практически во всех высказываниях содержится или прямой или косвенный вопрос.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что эпитет в составе словосочетания “*a rhetorical economy*” имеет значение

«нелогичная, парадоксальная экономика», а также «экономика, в которой не все ясно; в которой существует много вопросов». А так как незнание ответов на возникающие вопросы и несоответствие между поведением и настроением американцев наводит на беспокойство, то еще одним контекстуальным значением данного эпитета может быть «экономика, вызывающая тревогу».

Таким образом, функциональный диапазон анализируемого эпитета представлен когезивной, разъяснительной и лимитирующей функциями. Также данный эпитет, безусловно, обладает и оценочной функцией, в частности функцией индивидуальной, интеллектуальной и эмоциональной оценки.

Основываясь на анализе изученного массива публицистических текстов, мы установили следующий функциональный диапазон эпитета:

– среди прагматических функций эпитета наиболее ярко выражена оценочная функция (45,5% в проблемной статье, 58% в авторской статье), среди оценочных функций доминирует функция эмоциональной оценки – 25,3% в проблемной статье, 30% в авторской статье; функция интеллектуальной оценки – \approx 16% в проблемной статье, 17,8% в авторской статье. Среди экспрессивных функций ярче выражена экспрессивно-усилительная функция – 12% в проблемной статье, 14% в авторской статье;

– текстообразующие функции эпитета слабо выражены – 19,1% в проблемной статье, \approx 15,5% в авторской статье. Это объясняется тем, что подобными функциями обладают в первую очередь образные СП и их комбинации, состоящие из двух и более семантически связанных компонентов и функционирующие в единицах больших, чем предложение. А цепочки эпитетов значительно усложняют декодирование информации при однократном прочтении.

В целом, полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в качестве доминирующей функции эпитета в публицистическом тексте выступает оценочно-прагматическая функция, которая согласуется с ведущей стилеобразующей функцией публицистического текста – функцией эффективного воздействия.

Литература

1. Ваняшкин С.Г. Речевая образность в английском газетном тексте: (структурно-семантическая и функциональная характеристика): автореф. дис. . . канд. филол. наук. – М., 1985. – 23 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка: Учебник (на английском языке). – Изд. 4-е – М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2012. – 336 с.

ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

Аннотация. Статья раскрывает особенности современного разговорного английского языка. Внимание уделяется различиям между стандартным английским языком и разговорным языком при обучении студентов английскому языку как иностранному.

Abstract. The article offers the peculiarities of Modern Colloquial English. The attention should be paid to the difference between Standard English and Colloquial one while teaching students English as a foreign language.

Ключевые слова: фонетические особенности, разговорный английский, грамматическая структура, идиомы.

Key words: phonetic peculiarities, colloquial English, grammatical structure, idioms.

Разговорная речь все больше привлекает к себе внимание лингвистов. Без понимания её норм и отличий от письменной формы литературного языка невозможна работа по повышению культуры устной речи.

До недавнего времени английский язык изучали только в литературно-письменных проявлениях, или в диалектных разновидностях.

В процессе обучения студентов устной речи было замечено, что студенты пользуются «искусственным» языком, т.е. грамматически верным, но все же достаточно педантичным для англо-говорящих людей. Это можно объяснить тем, что в процессе обучения уделяется большое внимание официальному стилю, грамматическим конструкциям и другим элементам языка, не характерным для «живого» разговорного общения.

Следовательно, существует необходимость более внимательного изучения лексических и фонологических особенностей разговорного английского языка.

В данной работе сделана попытка рассмотреть лексические и фонетические особенности разговорной английской речи и предположить некоторые рекомендации для использования в процессе обучения студентов практике устной и письменной речи.

Особенности фонетики разговорной речи

Фонетическая система разговорной речи не отличается от общеанглий-

ской ни набором фонем, ни основными принципами организации самой системы.

Своеобразие разговорной речи состоит в большей вариативности произношения, чем это допускается в официальной (кодифицированной) устной речи. Вариативность произношения разговорной речи связана с разной степенью редукиции (разговорный стиль произношения) и с сохранением некоторых территориальных вариантов произношения в речи отдельных лиц и в речи большинства населения некоторых местностей.

Принято различать три стиля произношения: высокий, нейтральный и разговорный, которые характеризуются качественными отличиями произносительных форм. По четкости произношения выделяют также полный и неполный стили. Однако разговорный стиль фактически обязательно является неполным.

Разговорный стиль произношения – фонетический уровень разговорного функционального стиля, и следовательно, он типичен, но не обязателен для разговорной речи. Разговорная речь может осуществляться и в нейтральном стиле произношения, но, как правило, в его неполном варианте. Разговорный стиль произношения, в отличие от дикторского, сценического и даже просто официального, характеризуется прежде всего меньшей напряженностью органов речи говорящего, что приводит к большей количественной редукиции и даже выпадению звуков, т.е. меньшей акустической четкости, меньшей различительной силе для слушающего. Поскольку разговорный стиль может быть очень многообразным, дать его фонетическую характеристику нелегко. Все же можно сказать, что разговорному стилю свойственна очень ненапряженная артикуляция. Поэтому звуки в разговорном стиле могут подвергаться значительным изменениям. Безударные гласные могут выпадать, например в слове *emphasis*. В разговорном стиле отмечается характерная для нее редукиция безударных гласных до нуля, компенсация этой редукиции развитием слоговости сонорного и даже иногда смычного, редукиция согласных в середине и конце слова и т. д. При этом подчеркнута характерность особых, разговорных произносительных норм прежде всего для частотных слов, факультативность вариантов и тот факт, что всегда сохраняется соотношение разговорного стиля с нейтральным.

Способы выражения эмоционального ударения

В обычной спонтанной речи участники коммуникативного акта не только обмениваются и задают информацию, но и посредством языковых средств заставляют слушателя реагировать на высказываемое опре-

деленным образом» передавая ему свое отношение, чувства и эмоции. Усиление отдельных элементов речи является одним из характерных и постоянных особенностей разговорной речи. Существует много способов выражения эмоционального ударения, падающего как на целое предложение, так и на какую-то одну его часть. Сюда относят: ударение, различные виды усилителей, восклицание, настойчивый глагол “do” в повествовательных и побудительных предложениях, удвоение, усилительные синтаксические конструкции, междометия, звательный падеж, вставные слова и другие.

Ударение, падающее на вспомогательные и полувспомогательные глаголы

Если ударение падает на вспомогательный или полувспомогательный глагол в предложении, то все предложение произносится под одним общим ударением:

e.g. That ‘will be nice!

We ‘have enjoyed ourselves!

Если в состав предложения не входят ни вспомогательный, ни полувспомогательный глаголы усиление значения можно добиться посредством «настойчивого» глагола “do”:

e.g. Mary: I ‘do feel out of sorts this morning. (E.O’Neill)

Madge: I ‘do love him! I do!

Flo: Hush, girl. Hush! The neighbors are on the porch, watching. (W.Inge)

Если необходимо добиться еще большего усиления значения можно добавить в состав предложения такие лексические усилители, как «*really*», «*certainly*», «*sure(ly)*», стоящие перед вспомогательным глаголом:

e.g. It *really does* taste nice.

“You *sure do* make it sound like something mighty urgent,” he said presently... (E.Caldwell)

В разговоре женщин эмоциональное ударение достигается при помощи выделения местоимения “such” и наречия “so” в повествовательных, просительных и побудительных предложениях.

e.g. I’m ‘so pleased to see you. Don’t upset yourself ‘so! He’s ‘*such* a nice man! “I’m ‘so glad you liked it,” breathed Mrs. Lyon-West. (M.Arlen)

Lord Windermere: Margaret, you couldn’t do ‘*such* a thing. (O.Wilde),

В неофициальном стиле довольно часто какой-либо элемент в предложении становится перед словом, на которое падает основное ударение, и таким образом приобретает особое усиление.

e.g. *Joe* his name is.

Relaxation you call it.

“Jolly room this is,” said Roy.

Особенности лексики разговорного английского языка

Лексические особенности разговорной английской речи были замечены лингвистами задолго до начала планомерного изучения разговорной речи. В словарях используется специальная помета **разг.** для вычленения разговорных элементов из общего словарного состава языка. Тем не менее сведения о лексических особенностях разговорной речи в учебной и научной литературе несколько противоречивы. Справедливо утверждается: «Устноразговорная лексика включает в себя главным образом слова общеупотребительные, обозначающие явления жизни, природы, общества, жизни людей, выражающие мир эмоций и ощущений человека. Эта лексика ограничивается рамками той сферы, в области которой ведется разговор. Основным лексическим её пластом является так называемая общеупотребительная лексика. Однако тут же указывается, что в устноразговорную речь нередко включают просторечную лексику, не являющуюся категорией литературного языка, и даже вульгарные слова, недопустимые в литературном языке. Это элементы разговорно-устной речи.

Употребление слов-усилителей

Для разговорной английской свойственно использование таких слов, как «actually», “really”, indeed”, “certainly “sure(ly)”, “perhaps”, “maybe” и т.д.

Они нужны, чтобы акцентировать внимание слушателя на необходимом элементе предложения. Такие усилители могут стоять в любом месте в предложении, что доказывает их способность выражать отношение говорящего к мысли, изложенной в предложении.

e.g. **I really** want to talk to you.

Possibly you have already heard of the tragic end of his wife? - **Of course.**

Thank you very much **indeed.**

Употребление усилителей в предложении во многом зависит от вида самого предложения. В основном они встречаются в повествовательных предложениях. Среди них такие слова, как: **surely, certainly, naturally, really, indeed, possibly.**

e.g. Isn't it true, **indeed?** Do they **really** want him to be an artist?

“You **do really** love me?” “I’m afraid, I do, Gerry.”

(D. Robins)

e.g. Don't **actually** hate him for it. **Definitely** buy one now. Make an effort this time. But **really** make an effort.

Усилители, придающие эмоциональную окраску определенной части предложения

Такие усилители значения представляют собой большую группу слов, включающую в себя различные части речи, но, в основном, наречия и частицы. Они служат для усиления значения одного слова или целой фразы. e.g. They **utterly** (violently) detested him. He didn't ignore my advice completely. I **totally** told me this...it has upset me terribly! (E.O'Neill) "I like her enormously!" (M.Arlen)

Также в разговорном английском языке есть такие словосочетания-усилители, как: **entirely** agree... I **badly** need/want... I **completely** forget... They **greatly** admire/enjoy...

"My dear man, if you **want** them **badly**, you can certainly have them for five dollars." (C.Hart) "You're pretty **badly hurt**, aren't you?" "Yes..." (J.Collier)

Есть группа наречий-усилителей и идиоматических выражений, которые обозначают неполноту действия, выраженного глаголом. Среди них: **almost**, **nearly**, **about**, **practically** (infol mal), **virtually**, **as good as**, **all but**, **rather**, **quite**, и т.д.

e.g. I **almost** forgot it.

They **practically** forced him to resign.

В разговорной английской речи часто такие выражения, как: **kind of**, **sort of** употребляются в значении неполноты действия.

e.g. I **kind of** like him.

As he walked along, he **sort of** stopped and fell flat on his face, (informal, especially American English)

"I saw it in a movie once. Inside, I mean.

Разговорной речи свойственно употребление таких слов, как **hardly**, **barely**, **scarcely**, **little**, **a wink**, **a thing**, **at all**

e.g. I **scarcely** slept a wink.

They **hardly/scarcely/barely** need it **at all/a thing**.

e.g. She **scarcely** seems to care for anybody, **does she?**

e.g. **Scarcely** did he sleep a wink.

Усилитель "never" может повторяться для еще более сильного усиления значения.

e.g. I'll **never, never** go there again.

I've **never in all my life** seen such a crowd.

Суммируя вышеизложенное, отметим, что разговорная английская речь есть одна из реализаций литературного языка, и прежде всего его разговорного стиля, в условиях непосредственного общения. Непосредственность общения приводит к максимальной спонтанности речи, что также отличает

разговорную речь от писем. Непосредственность общения, предполагающая и персональность, является настолько существенным параметром, что он оказывается достаточным для появления большинства характерных черт разговорной речи даже при отсутствии неофициальности, т.е. при реализации не разговорного, а нейтрального стиля. Как указано выше, для английской разговорной речи характерны: а) неполнота и нечёткость произношения, б) возможность использования любого слова английского языка, в) широкое использование незначительной лексики, г) разнотипность интонационных схем.

Литература

1. Akhmanova O. Linguostylistics and Method. MGU., M., 1972.
2. Chapman, R. Linguistics and literature. Edinburgh, 1973.
3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: 1973.
4. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания, 1956, №6.
5. Кунин А.В. Английская фразеология. – М.: 1972.

Седова М.И.

Аспирант кафедры английского языка
Московский государственный областной
гуманитарный институт

РЕКЛАМНЫЙ ВИДЕОРОЛИК – РАЗНОВИДНОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Современные исследователи проявляют значительный интерес к визуальной коммуникации и феномену креолизованного текста. В данной статье говорится о функционировании элементов и средств креолизации рекламного видеоролика. Рекламный видеоролик рассматривается как креолизованный текст, т.е. сложное текстовое образование с вербальными и невербальными элементами, составляющими единое целое в структурном, семантическом и функциональном плане, нацеленное на комплексное влияние на адресата.

Abstract. Modern researchers have expressed the interest in visual communication and a phenomenon of creolized text. The given paper tells about the functioning of the elements and means of creolizing in a commercial. A commercial is interpreted as a creolized text, i.e. a complex textual formation with verbal and non-verbal elements in a single whole structurally, semantically and functionally aimed at a complex influence on addressee.

Ключевые слова: креолизованный текст, коммуникация, визуализация, вербальные и невербальные составляющие, знак, изображение, декодирование, рекламирование, рекламный ролик.

Key words: creolized text, communication, visualization, verbal and non-verbal elements, icon, image, decoding, advertising, commercial.

В последние годы круг явлений, в той или иной степени связанных с передачей и восприятием информации, значительно расширился. Это способствовало постановке новых вопросов, появлению новых объектов изучения, а также подходов к их научному рассмотрению. Увеличение объема визуальной информации в рамках коммуникации в современном мире провоцирует интерес ученых-лингвистов к невербальным составляющим текста, паралингвистическим элементам устной и письменной коммуникации. Все больше исследований проводятся в рамках лингвистики семиотически осложненного, составного, видеовербального, поликодового, а также креолизованного текста [Анисимова Е.Е., Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А., Зенкова А.Ю., Кулагина И.В., Ворошилова М.Б. и др.].

Требования коммуникации вызывают интенсивный рост интереса к вопросу визуализации в виду того, что современный мир максимально ориентирован на визуальный способ предоставления и передачи информации. «Иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [2, 29].

Традиционно текстом принято считать осмысленную последовательность вербальных знаков с формальной связностью и содержательным единством (Блох М.Я., Гальперин И.Р., Топоров В.Н. и др.). Однако такое определение лишает текст семиотической многоплановости, не принимая во внимание семиотически вариантные тексты, которые не имеют линейной вербальной структуры.

Этимологическое значение понятия «текст» (ткань, сплетение, сочетание) отсылает к его широкому пониманию: текст – определенным образом устроенная совокупность любых знаков, обладающая формальной связностью и содержательной целостностью. Таким образом, с семиотической точки зрения, текстом является любая знаковая структура, передающая определенное целостное значение. По мнению Елиной Е.А., текстом можно считать «совокупность имеющих знаковую природу социальных феноменов, составляющих культуру, т.е. любые созданные человеком семиотические системы» [5, 1]. Как отмечает Г.И. Богин: «Самая широкая

трактовка понятия “текст” заключается в том, что текст выступает как общее название для продукта человеческой целенаправленной деятельности, т.е. как материальный предмет, в генезисе которого принимала участие человеческая субъективность» [3, 20].

Как видно, не одна лишь вербальная информация, а также и разного рода культурные и лингвокультурные артефакты, такие как фотография, музыка, кино, архитектура и пр., могут считаться текстами, подчиняясь соответствующим семиотическим системам и изучаясь как семиотические системы.

Как уже было отмечено, в настоящее время внимание исследователей все больше и больше привлекает взаимодействие визуально-графического и визуально-иллюстративного способов передачи информации, сходства и различия влияния вербальной и невербальной информации, а также коммуникативные, лингвокультурные и прагматические особенности семиотически осложненных текстов. Современный рекламный текст и дискурс рассматриваются как синтез видео- и аудиовербальных средств воздействия, в лингвистических исследованиях определяемый как креолизованный текст.

Данный термин был введен в лингвистический обиход Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым и используется для обозначения текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [6, 181]. Креолизованный текст предстает перед реципиентом сложным текстовым образованием, вербальные и невербальные элементы которого составляют одно целое, визуальное, структурное, смысловое и функциональное, комплексно воздействующее на него.

Именно рекламный текст представляет собой инвариант креолизованного текста, будучи составленным из знаков разных семиотических систем. Анисимова Е.Е. утверждает, что креолизованный текст принципиально не отличается от гомогенного вербального текста, ему присущи те же текстовые категории целостности, связности, модальности, темпоральности, локативности [1, 17]. Между компонентами креолизованного текста образуются четко заданные семантико-композиционные отношения: изображение может соотноситься со словом, предложением или абзацем. Размещение иконических средств (изображений), их частота и плотность определяют ритм графической организации текста. Категории темпоральности и локативности реализуются с помощью вербальных и иконических средств.

Восприятие такого текста осуществляется целиком, то есть адресат не отделяет мысленно вербальное от невербального, формируя единый кон-

цепт того и другого, а также свои знания и представления, составляющие индивидуальное когнитивное пространство. Соответственно все визуальные элементы креолизованного текста в равной степени значимы, функциональную нагрузку несет и цветное, и шрифтовое, и звуковое оформление.

Е.Е. Анисимовой был выделен перечень функций креолизованного рекламного текста: аттрактивная, информативная, экспрессивная, эстетическая, а также частные функции, к которым относятся: символическая (выражения абстрактных понятий и идей), иллюстративная (воспроизведение вербальной информации в виде наглядных, чувственно воспринимаемых образов), аргументирующая (наглядное подтверждение вербальной информации). Перечисленные функции демонстрируют возможность разнообразных корреляций между вербальной и изобразительной частями в рекламе. Вербальная часть может квалифицировать невербальную, изображение может стать ведущим, вспомогательным либо равным компонентом в отношении вербального текста.

На современном этапе исследователей интересует такое соотношение вербальной и невербальной знаковых систем, которое предполагает преобладание вербальной основы и подчиненное ей положение невербальной составляющей: «невербальные, графические средства, сопровождающие письменную речь» [4, 182]

Тем не менее, опираясь на те же самые законы и условия, объект нашего исследования – рекламный видеоролик, рассматривается нами как обратный креолизованный текст с визуальным и аудиальным субстратом и вторичной вербальной знаковой системой.

Визуальный субстрат рекламного видеоролика представляет собой, в первую очередь, изображение. Однако это изображение не является статичным, оно имеет мало общего с иконическим знаком, представленном в идеограмме, рекламном плакате и т.д. По мнению Р. Барта в текстах рекламы различают три вида сообщений: лингвистическое, визуальное кодированное (символическое), визуальное некодированное (буквальное) [7, 56]. Следовательно, при просмотре видеоролика адресат получает три сообщения, два из которых являются невербальными, одно – вербальным.

Рассмотрим в качестве примера рекламный ролик женской парфюмированной воды DKNY Be Delicious. Первые секунды просмотра реципиент (зритель) получает кодированное визуальное сообщение, из которого он не извлекает прямой информации о рекламируемом продукте. Молодая девушка прогуливается по улице Нью-Йорка (что следует из надписи *Some-where in New York City ...* (вербального сообщения), а также демонстрируемого на заднем плане Небоскреба Вулворта) вдоль витрины с зелеными

яблоками, берет одно яблоко, роняет еще несколько на тротуар, начинается дождь, появляется молодой человек, помогает собрать яблоки, укрывает девушку своим пальто. На двадцать пятой секунде кодированное визуальное сообщение завершается. В оставшиеся шесть секунд реципиент получает буквальное, то есть визуальное некодированное сообщение, так как в кадре появляется сам рекламируемый продукт: бутылочка с парфюмированной водой вышеуказанной марки. Вербальное (лингвистическое) сообщение обнаруживает себя в последние несколько секунд, когда женский голос озвучивает название продукта, являющееся рекламным слоганом данного ролика: *Be delicious ... New fragrance for women by DKNY*. Как можно видеть, в данном ролике используется лишь два вербальных элемента, которые подчинены визуальным сообщениям, кодированному (скрытому) и некодированному (очевидному). На первый взгляд может показаться, что приведенный в качестве примера рекламный ролик содержит в себе абсолютный минимум языковых сообщений, однако звучащая за кадром музыка является песней, передающей общее романтическое настроение персонажей, а также комментирует их действия:

So strange the way the weather changes when you come around

How strange to find you, all around is rain falling down

Does it rain where you are

Does it rain where you are...

Таким образом, мы видим, что рекламный образ создан при помощи многих компонентов креолизации: сценарий видео, цвет (яркая желто-зеленая гамма), дополнительные декорирующие элементы (зеленое яблоко, по форме напоминающее сосуд, в форме которого выпускается рекламируемый продукт), музыка (звучит энергичная романтическая песня).

В момент восприятия адресатом креолизованного текста происходит двойное декодирование, заложенной в него авторами информации. Адресат извлекает концепт изображения, а затем накладывает его на концепт вербального текста. Создание единого общего смысла (концепта) креолизованного текста реализуется за счет взаимодействия этих двух концептов.

Итак, изображение и слово в семиотически осложненном тексте рекламного ролика не могут рассматриваться как сумма неких знаков, принадлежащих разным семиотическим системам. Напротив, их значения интегрируются, образуя одно сложно построенное значение. Изображение и текст, взаимодействуя друг с другом, создают один многослойный знак. Другими словами, очевидно, что дискурсы разных текстов смешиваются в рекламном видеоролике, адресат воспринимает очевидную прямо выра-

женную суть дискурса и смысл скрытого завуалированного невербальными средствами дискурса.

Соотнесенность всех компонентов креолизованного рекламного текста-видеоролика с предметом рекламы, целями и задачами, характером аудитории является отличительной особенностью качественной профессиональной рекламы.

Креолизованный рекламный текст-видеоролик предстает перед нами сложнейшим текстовым образованием, где вербальные, визуальные и аудиальные элементы создают одно структурное, смысловое и функциональное целое, комплексно воздействующее на адресата.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. – 128 с
2. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. - М., 2003. – С.162
3. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. – Калинин, 1982. С. 20.
4. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 180–189
5. Елина Е.А. Креолизация текста в сфере искусства // Известия Саратовского университета. – Сер. Филология. Журналистика, Вып. 2, 2009. – С. 18–23
6. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. – С.180–181.
7. Barthes R. Rhetoric des Bildes // Alternative. 1964. № 54.

Остапенко О.Г.

Старший преподаватель
Московский государственный областной
гуманитарный институт

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАННИХ АНГЛО-РУССКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация. Статья посвящена вопросу появления в русском языке ранних английских заимствований. В качестве источника были взяты дипломатические документы XVI–XVII вв., отражающие взаимоотношения Англии и России того времени.

Abstract. The article deals with the early English borrowings on the basis of

the analysis of diplomatic documents of the XV-XVII centuries to describe state relations between Russia and England.

Ключевые слова: заимствования, дипломатические документы, государственные взаимоотношения.

Key words: borrowings, diplomatic documents, state relations.

Первые дипломатические переговоры между Русским государством и Англией произошли в то время, когда на английском престоле находилась Мария Тюдор. С 1553 года завязались постоянные сношения между этими двумя государствами.

С учреждением Посольского приказа, называемого в то время Четью, в Москве постоянно находятся английские послы, а в Лондоне — русские. Например, в переписке с английским двором уже в 1560 году упоминается о специальной посольской миссии англичанина Т. Рандольфа в Москве. К королеве Елизавете Тюдор также в период с 1569 по 1600 годы были отправлены такие русские послы как А. Савин, Ф. Писемский, Г. Микулин и другие. (Памятники ..., 1883, т.1)

Значение документов, собранных в посольском приказе XVI–XVII веков велико для исследователей первых языковых контактов России и Англии. Русские послы, находившиеся в Лондоне, оставили после себя интереснейшие (как в историческом, этнографическом, так и в лингвистическом отношении) «статейные списки», своего рода отчеты о своем пребывании в должности послов в Англии. Эти отчеты — замечательные памятники англо-русских языковых отношений, особенно, если учесть, что документы, входящие в них, описывают разные стороны жизни английского государства и содержат лексику различного плана, как, например, «Список посольства Ф. Писемского и подъячего Неудачи Ховролева о том, как у них в Англии делалось государево дело; торговые дела между Россией и Англией» или «Список тайного посольства Ф. Писемского о сватовстве царя Ивана Васильевича к княжне Марии Гастингс» (Памятники ..., 1883, т.2).

Статейные списки русских послов с течением времени перестают быть только дипломатическими документами, отражающими события исторической важности, они начинают выступать в качестве литературных памятников данного времени. Их исследуют с языковой точки зрения, чтобы определить начальные моменты в истории английских слов на русской почве. В ранних статейных списках встречается много слов английского происхождения, для которых не было, вероятно, близких по значению русских слов, и которые записывались в английской огласовке. В работах, по-

священных изучению англицизмов в русском языке, мы можем найти некоторые заимствования периода XVI–XVII веков, например, у В.М. Аристовой, однако их исследованность недостаточна. Автор сосредотачивает свое внимание на словах, пришедших в русский язык в более позднее время [2, 100–120].

В статейных списках Ф.А. Писемского можно встретить многочисленные упоминания титулов, названий должностных лиц, взятых из английской действительности. Часть этих слов прижилась в русском языке, изменив лишь графическую форму, другая часть превратилась в историзмы и выпала из языка. Например, слово *sir* в статейном списке Ф. Писемского можно встретить в форме *сар*, обозначающее титул. Упомянутое здесь же английское слово *prince* – «принц, государь» – на русский язык переводится как князь.

«И шли до судов; князь *сар* Гари Невель шел и Томас Рандолф у Федора и у Неудачи с левой стороны» [3, 113].

Слово *местер*, обозначающее в то время должностное лицо в управлении, также часто встречается при описании приемов послов.

«И какъ Федоръ и Неудача подь Скарбамъ изъ судовъ вышли, и тутъ встретилъ ихъ того городка урядникъ *местерь* Пекоть да с нимъ посадчике лутчие люди» [3, 104].

В современном русском языке сохранилась форма *мистер*, как обращение к мужчине.

Английское слово *alderman* – алдерман (алдраман, олдерман) в русском языке звучало как старейшина, член городского управления.

«И Федор и Неудача к королеве поехали: а с ними поехали пристав *алдраман* Барн и иные *алдерманы*.»

«*Олдермэн* Джон Гарт занимал должность правителя «Московской кампании» [3, 395].

Данное слово не закрепилось в русском языке и перешло в разряд историзмов.

Еще одним словом, вышедшим из употребления, но встречающемся в статейном списке Писемского, является существительное *парсун* или *парсон*, употреблявшегося в значении портрет [4, 310]. Английское слово *person* более многозначно: внешность, человек, личность.

«Королева да прислала тебе *парсун* княжны хунтинского, а своей племяннице и велела тебе отвести к ее брату, а к своему государю». «Смотрел племянницу твою, а *парсоны* ее мне в те поры не показали, и мне пося места парсоны ее не давали.» [3, 154, 155].

В своих наблюдениях за английским укладом жизни русские послы XVI–XVII веков старались как можно точнее передать все особенности. С этой точки зрения представляет интерес слово *кочь* или *коча*, обозначавшее большую карету. Это слово венгерского происхождения (*kocsi*), но вошло оно в русский язык через английский и позднее через немецкий [5, 51–52]. Впервые это слово появляется в статейных списках Г. Микулина (1600 г.) и Г. Дохтурова (1645–1646 гг.)

«...Елисавет-королевна, жалую вас, прислала под Вас *кочи* свои, в чем вам ехать... А в другой *коче* сидели подъячик Ивашко, да переводчик Андрей Грот» (Путешествия ..., 2008:161). «А извошки из них держат *кочи*, а *кочи* рублей по 70 и по 100, внутри у них стены обиты...» [6, 132].

Рассматривая вопросы англо-русских языковых контактов на раннем этапе, следует подчеркнуть важность дипломатических документов XVI–XVII веков (основу которых составляют статейные списки русских послов и посольские приказы). Академик М.П. Алексеев отмечал, что некоторые письменные источники (статьейные списки) отличаются краткостью и сухой деловитостью, однако не потому, что русским была не известна и нова английская действительность, а потому, что такого протокольного стиля требовал характер составленного документа. В XVI–XVII веках взаимоотношения англичан и русских были не только очень разнообразны, но и особенно прочны. М.П. Алексеев, в частности, пишет: «История усвоения иностранных языков может быть немаловажным показателем состояния общей, (а не только языковой) культуры данного народа и в такой же степени служить доказательством его действительного знакомства с народами, бытовым укладом, социальным устройством, ... тех стран и государств, с которыми его связывают те или иные интересы» [7, 77].

В заключении нужно отметить, что дипломатические документы, в том числе и статейные списки стали одним из главных путей закрепления заимствованных слов в русском языке, и необходим тщательный анализ этих слов, чтобы определить их первое появление в языке, проследить историю заимствований, и понять все изменения, которые произошли со словом к настоящему времени.

Литература

1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. т. 2, 4. – СПб., 1883.
2. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты. (Англицизмы в русском языке). – Ленинград, 1978.
3. Путешествия русских послов XVI–XVII вв. – М., 2008.

4. Словарь русского языка XI–XVII вв. вып. 14. – М., 1988.
5. Fogarasi M. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russische diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699)// Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungarica, т. 4, Budapest, 1958.
6. Дохтуров Г. Роспись города Лундану и всей англинской земли. В кн. Рогинского З.И. Лондон 1645–1646 гг. – Ярославль, 1960.
7. Алексеев М. П. Английский язык в России и русский язык в Англии. – ЛГУ, 1945.

Кушнир Е.Н.

Аспирант кафедры
лингвистического образования
и межкультурной коммуникации
Сургутский государственный
педагогический университет

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ ГЛАВНОГО ПЕРСОНАЖА И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛЫ «THE LION'S SKIN» BY W.S. MAUGHAM)

Аннотация. Представленное лингвистическое исследование на основе анализа текста новеллы «The Lion's skin» by W.S. Maugham затрагивает проблему повторной номинации, а также способы ее лексического выражения через стилистические и семантические средства. Особое внимание уделяется разграничению нейтральных и экспрессивных стилистических средств, связанных с повторной номинацией главного героя анализируемого текста

Abstract. The article concerns the problems of the secondary naming in an English fiction novel «The Lion's skin» by W.S. Maugham. In her article the author concerns a problem of the secondary naming, and lexical ways through stylistic and semantic means. The special attention is given to differentiation of the neutral and expressive stylistic means connected with the secondary naming of the protagonist of the analyzed text.

Ключевые слова: лексическая номинация, повторная номинация, стилистика, художественное произведение, новелла.

Key words: lexical naming, secondary naming, stylistics, fiction, novel/

Настоящая статья посвящена проблеме исследования стилистического использования повторной лексической номинации главного персонажа на материале новеллы «The Lion's skin» by W.S. Maugham.

Под повторной номинацией, вслед за Н.С. Валгиной, нами понимается «выбор средств словесной замены для уже названного субъекта или объекта» [3, 52].

В.Г. Гака отмечает, что разные обозначения одного и того же предмета различаются в зависимости от того, что кладется в основу наименования. Так, одно и то же лицо может быть названо не только его собственным именем, но и на основании самых разных признаков (внешность, пол, возраст). При этом при выделении признака, который берется за основу, основную роль играет установка именуемого субъекта [4, 525]. Следовательно, можно сделать вывод о том, что повторная номинация в художественном тексте может служить эффективным средством детальной характеристики персонажа, а также, что на основе анализа повторных номинаций появляется возможность изучить особенности стиля автора, его отношение к изображаемому.

К мнению В.Г. Гака присоединяется и Л.А. Брусенская, отмечая тот факт, что авторская позиция играет определяющую роль в изображении описываемого объекта, в результате чего выбор той или иной номинации автором или персонажем будет выступать важным средством выразительности описания образа персонажа [2, 149].

Задача настоящей статьи показать, какие стилистические средства использует автор в ходе повторной номинации главного персонажа в тексте новеллы «The Lion's skin» by W.S. Maugham.

Английская новелла начала XX века, к которой относится анализируемый нами рассказ «The Lion's skin», представляет собой, по мнению А.А. Бурцева, одну из жанровых форм открывшую новые возможности для художественного исследования общества и человека. Ее специфика, как отмечает автор, не допускает подробного, строго последовательного и многостороннего воспроизведения мира и, поэтому прямой, непосредственный анализ жизненных явлений и фактов все чаще уступает место средствам косвенной характеристики, особая роль при этом отводится искусству детали и подтексту [1, 330].

С. Моэм, автор рассказа «The Lion's skin», является признанным классиком британской новеллы, увлекательные сюжеты которого, как отмечает в своем исследовании «Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX — начала XX (слагаемые успеха)» И.В. Трикозенко, глубокое проникновение в судьбы героев, проблемы нравственного выбора и поиска правильного пути являются неотъемлемыми составляющими успеха его творческой деятельности [5, 19].

Сюжет новеллы «The Lion's skin» повествует о некоем мойщике машин

(Robert Forestier), разбогатевшим путем удачной женитьбы на богатой американке (Mrs. Forestier), который настолько поверил в собственную ложь о своем аристократическом происхождении, что в попытке доказать свою правоту своему старому знакомому из прошлой жизни (Fred Hardy), погибает при пожаре, пытаясь спасти собачку жены, что, как ему кажется, является проявлением высшего благородства среди английских аристократов.

Фактологическим материалом нашего исследования послужили случаи повторной лексической номинации главного героя в количестве 282 номинаций.

Из общего количества проанализированных лексем выступающих в роли повторной номинации денотата главного героя новеллы, на долю рассказчика приходится 45% от их общего количества, Mrs. Forestier – 36%, Fred Hardy – 16%. Кроме этого, в тексте новеллы присутствуют повторные номинации от лица самого Robert Forestier, в количестве 2%.

Количественный подсчет лексем описывающих главного героя, с учетом их повторений, выявил, что наиболее часто повторяющейся лексемой является местоимение *he*, которое в тексте анализируемого нами рассказа насчитывает 159 случаев или 56%. Далее, в порядке убывания (17%), идет имя собственное главного персонажа и словосочетания с ним (*Robert, Forestier, Captain Forestier, Bob, Bob Forestier*).

Первой лексемой, встречающейся в тексте новеллы, относящейся к денотату, является словосочетание *Captain Forestier*. Автор новеллы, С. Моэм, с первых строк повествования обращает внимание читателя на социальное положение персонажа, относящегося к касте военных, указывая на его воинскую должность *Captain – капитан – Captain Forestier – капитан Форестер*, при этом не упоминая его имени собственного *Robert*. В тексте имя главного героя в воинском звании капитана встречается в тексте 16 раз и только в речи рассказчика.

Далее автор, описывая социальный статус главного персонажа новеллы, использует такие стилистически нейтральные номинации как *a soldier* – солдат, *the retired officer* – офицер в отставке, *her [Mrs. Forestier's] husband* – ее [миссис Форестер] муж (для описания его семейного статуса), *a connoisseur of wines* – знаток вин и *an English sportsman* – английский спортсмен (для описания его увлечений).

Остальные номинации в речи рассказчика представляют собой разнообразную палитру чувств испытываемыми рассказчиком к главному персонажу, от сдержанно положительных (напр. *not a bad tennis player* – неплохой игрок в теннис) и явно положительных (напр. *the perfect type*

of an Englishman – совершенный тип англичанина) до сдержанно отрицательных (напр. *so much of a country gentleman that he made you think rather of an actor giving a marvelous performance of the part* – таким помещиком, что это напоминало об актере, прекрасно исполняющим свою роль) и явно отрицательных (напр. *a fortune-hunter who had married her [Mrs. Forestier] for her money* – охотник за состоянием, который женился на ней [миссис Форестер] из-за денег).

Общий процент эмоционально-окрашенных номинаций в речи рассказчика составляет всего 5%. Полученные данные подтверждают мнение исследователей, что характерной чертой С. Моэма является «позиция стороннего наблюдателя, позволяющего читателю самому сделать вывод» [5, 19]. Автор, при этом, является не более чем наблюдателем и хроникером изображаемого.

Анализ повторных номинаций от лица второстепенных персонажей новеллы (жены главного героя (Mrs. Forestier) и его старого знакомого (Fred Hardy)) обнаруживает их согласие по поводу внешней привлекательности Robert Forestier. Жена главного персонажа, описывая внешность своего горячо любимого мужа, воспринимает его как *the handsomest man I'd ever seen in my life* – самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела в своей жизни. Даже Fred Hardy, старый знакомый, относящийся к главному герою с легким пренебрежением, не может не признать что тот *a damned good-looking fellow* – чертовски привлекательный парень.

Однако дальнейшая характеристика Robert Forestier становится прямо противоположной. Так, в глазах жены, помимо привлекательно внешнего вида (*Robert, who always looked as though he had stepped out of a show-window* – Роберт, который всегда выглядел так, как-будто сошел с витрины; *a strong, husky chap* – сильный, крепкий парень), муж является воплощением бесстрашия (*that brave man* – тот смелый человек; *one of those man who simple doesn't know what fear is* – один из тех людей, которые просто не знают, что такое страх) и честности во плоти (*a man of complete integrity* – человек, абсолютной порядочности; *the cleanest man I've ever known* – самый честный человек из тех, кого я когда-либо знала; *a man whose principles are so high and who's prepared to stick to them at any cost* – человек, чьи принципы были так высоки и который был готов отстаивать их любой ценой).

Речь Mrs. Forestier изобилует эпитетами (*brave* – храбрый, *gallant* – галантный, *strong* – сильный, *husky* – крепкий, *fine* – прекрасный, *wonderful* – замечательный), что подтверждает слова рассказчика о том, что ее муж был для нее всем (*the man who was everything in the world to her*).

Подсчет экспрессивно окрашенной лексики в речи главной героини выявил 12% лексем реализующих повторную номинацию главного персонажа против 82% стилистически нейтральных, к которым относится местоимение *he* (67 случаев), имя собственное *Robert* (25 случаев) и его семейный статус до встречи с Mrs. Forestier (*a bachelor* – холостяк).

Другой второстепенный персонаж, *Fred Hardy*, наоборот отчетливо видит в главном герое прожженного лжеца и бездельника, о чем говорит ему прямо в лицо (*liar* – лжец; *a humbug* – обманщик; *a cheat* – мошенник; *a bum* – бездельник; *a bit of a slacker* – бездельник; *no common swindler who had got hold of a silly woman to keep him in luxury and idleness* – не обычный мошенником, женившимся на глупой женщине, чтобы жить в богатстве и праздности) с одной стороны потешаясь над ним (*too great a gentleman to hit a feller smaller than yourself* – слишком джентльмен, чтобы ударить парня слабее тебя), с другой испытывая к нему жалось (*that wretched fellow* – тот несчастный парень; *poor old chap* – бедняга).

Соотношение стилистически окрашенной и нейтральной лексики в речи *Fred Hardy*, согласно проведенному анализу, составило 62% к 38%.

Таким образом, наиболее стилистически окрашенной является речь второстепенного персонажа, старого знакомого главного героя, причем с преобладаем отрицательных коннотаций, в то время как жена главного персонажа (преимущественно посредством эпитетов) обожествляет его, а рассказчик остается как бы в стороне, лишь изредка позволяя себе выразить свое отношение к происходящему.

Результаты проведенного анализа рассказа «The Lion's skin» by W.S. Maugham свидетельствуют о том, что этот вид лексической номинации, обладая широкими возможностями для варьирования, наряду с осуществлением связности текста, усиливает его выразительность и придает яркую стилистическую окраску как образу самого главного персонажа, так и всей новелле в целом.

Литература

1. Бурцев А.А. Английский рассказ, конец XIX – начало XX века: Проблемы типологии и поэтики. – Иркутск: Из-во Иркут. ун-та, 1991. – 336 с.
2. Брусенская Л.А. Учебный словарь лингвистических терминов / Л.А.Брусенская, Г.Ф. Гаврилова, Н.В. Малычева. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2005. – 256 с.
3. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1998. – 768 с.

5. Трикозенко И.В. Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX – начала XX века (слагаемые успеха): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 181 с.
6. Maugham W.S. The Moon and Sixpence, Short Stories. Книга для чтения на английском языке [Текст]. – М.: Менеджер, 2000. – С. 240–266.

Маслечкина С.В

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧИЯ В ГЕРМАНИИ

Аннотация. За последнее время количество людей – билингвов возросло. Данная проблема касается, как России, так и Германии. Речь русскоязычных мигрантов привлекает внимание огромного количества ученых. В статье изложено мнение немецких исследователей Эллы Хандке и Ренаты Беленчиковой данной проблемы.

Abstract. The number of bilinguals have increased greatly recently. This is the case for Russia and Germany as well. The speech of Russian immigrants attracts attention of a great number of scientists. The article covers Ella Handke and Renata Belenchikova's investigations of the issue.

Ключевые слова: билингвизм, мигрант, контакт двух языков, калька.

Key words: bilingualism, immigrant, two languages in contact, calque.

В результате глубоких миграционных процессов последних двух десятилетий в Германии, образовались и продолжают образовываться русские диаспоры. По данным Федерального ведомства Германии по статистике (Statistisches Bundesamt Deutschland) на территории страны проживает около семи с половиной миллионов иностранцев разных национальностей, которые стремятся сохранить свои национальные черты (<http://www.destatis.de>, 25.01.2005).

Таким образом, Германия постепенно превращается в поликультурное общество, в котором сосуществуют разные культуры и языки. В их ряду существенное место занимают русские традиции и обычаи людей, эмигрировавших в Германию из бывшего Советского Союза, Российской Федерации и других стран постсоветского пространства. Их в настоящее время насчитывается около трех миллионов. Поэтому не удивительно, что процессы формирования поликультурного общества привлекают все

большее внимание языковедов, социологов, культуроведов, психологов и историков.

В Институте иностранных филологий Магдебургского университета в рамках кандидатской диссертации магистр Элла Хандке под руководством профессора Ренате Беленчиковой провела исследование русской речи русскоязычных мигрантов, проживающих в г. Магдебург (земля Саксония-Ангальт). Материал данного исследования составляют магнитофонные записи естественной, неподготовленной устной речи общей длительностью примерно 35 часов. Элла Хандке опросила 23 человека; в возрасте от 25-ти до 65-ти лет, эмигрировавшие в Германию из Российской Федерации, Украины и Узбекистана в конце 1990-ых годов. Преобладающее число пробандов - люди с высшим образованием и немалым профессиональным опытом. В целом это довольно гетерогенная группа, состоящая из:

1. Контингентных беженцев еврейской национальности (Kontingentfluechtlinge),
2. Немецких поздних переселенцев (Spätaussiedler)
3. Русскоязычных людей, переехавших в Германию по разным причинам (напр. в связи с учебой или заключением брака (Heiratsmigranten)).

При изучении речевого поведения мигрантов в немецкоязычном окружении Элла Хандке под руководством профессора Ренате Беленчиковой учитывала не только причины, побудившие мигрантов переехать в Германию, но и их готовность к интеграции, их языковую компетенцию пробандов в немецком языке. Важно отметить, что в связи с эмиграцией жизненная ситуация опрошенных радикально изменяется, и их соприкосновение с новой культурой начинается в большинстве случаев без солидной подготовки.

Изменив место жительства, и попав в иноязычное окружение, мигранты оказываются в ситуации двуязычия, контакта двух языков – русского (родного) и немецкого. Немецкий язык становится для них языком общения с новым окружением, возможностью реализовать себя в чужой стране. Одновременно они сохраняют и ценят русский язык и поддерживают связь с «первой» родиной, с родственниками и друзьями, имеют доступ к русскому телевидению, русскоязычной литературе, печати и видеофильмам.

Речевое поведение русскоязычных мигрантов выявляется в употреблении ими немецкого и русского языков в повседневной жизни. При этом определенную роль играют как место коммуникации, так и собеседники. Так, в новом языковом окружении мигранты (по мере своей языковой компетенции) используют немецкий язык в официальных учреждениях, больницах и клиниках, на новом рабочем месте, в магазинах, в учебных заведе-

ниях, в библиотеках и т. д. Они общаются с сотрудниками учреждений, с врачами, коллегами по работе, соседями, продавцами, преподавателями и студентами, с прохожими на улице, с партнерами-немцами и детьми в семейном кругу и т. д. Таким образом, мигранты представляют собой своего рода сцену, на которой проявляют себя результаты контакта двух языков: прежде чем выбрать язык, говорящий взвешивает и оценивает всевозможные варианты.

В своих исследованиях Элла Хандке под руководством профессора Ренате Беленчиковой придерживается концепции «широкого» понимания билингвизма: Билингвами считаются такие индивиды, которые в повседневной коммуникации регулярно пользуются двумя языками и могут переключаться с одного языка на другой в зависимости от коммуникативной ситуации. О билингвизме данной концепции можно говорить даже тогда, когда данное «переключение» реализуется в ситуациях ограниченного диапазона и с ограниченным инструментарием языковых средств.

Элла Хандке утверждает, что у билингвов есть возможность выбора между одноязычным и двуязычным модусом. В ситуациях, когда уместен один язык, второй язык как бы отключается. Если же собеседники определяют для себя коммуникативную ситуацию как двуязычную, то при таких обстоятельствах говорящие могут использовать коммуникативные возможности двух языковых систем, а границы между языками становятся взаимопроницаемыми. Это приводит к разнообразным проявлениям языкового контакта.

Во многих научных работах, посвященных сравнительному анализу языка билингвов, в основном рассматриваются отклонения от стандартной (литературной) нормы одного из языков, выявляются языковые уровни, наиболее подверженные влиянию другого языка, анализируется, например, состояние русского языка в немецкоязычном окружении с точки зрения его сохранения или разрушения.

Из исследований Эллы Хандке под руководством профессора Ренаты Беленчиковой следует, что в русской речи мигрантов очень часто встречаются немецкоязычные вкрапления. Их употребление тесно связано с вопросом межъязыковой (не) эквивалентности и со стремлением к языковой экономии. Эти аспекты влияют на успех или неудачу акта коммуникации. Высокую частотность употребления обнаруживают, напр., следующие вкрапления:

Amt (учреждение/отдел),

Arbeitsamt (биржа труда),

Bewerbung (лексема, не имеющая в русском языке однословного экви-

валента; «заявление о приеме на работу, о назначении на должность или о зачислении в учебное заведение»),

Heim (приемный пункт для мигрантов),

Kontingentfluechtlings (контингентный беженец),

Sozialhilfe (социальная помощь) и др.

Очень часто немецкие слова в исходной форме подвергаются русским типам словоизменения в соответствии с синтаксической конструкцией, напр.:

И, конечно, смотрю часто на *Angebot-ы*, которые существуют в магазинах.

От *Arbeitsamt-a* мне предлагались курсы. Я писала *Bewerbung-u*.

Они сначала получают деньги от *Jugendamt-a*.

Они жили в *Heim-e*. год.

В процессе заимствования немецкие слова могут подвергаться одновременно и морфологической и словообразовательной ассимиляции, напр.:

мельдоваться (от нем. sich melden – становиться на учет),

фермитовать (от нем. vermieten – снимать квартиру),

путцать (от нем. putzen – убирать, чистить),

шпарить (от нем. sparen – экономить).

Для речевого поведения мигрантов характерно образование и употребление семантических калек. Так, немецкие сложные слова определенных типов калькируются атрибутивно-субстантивными наименованиями, напр.: *детские деньги* (от нем. Kindergeld), *социальная помощь* (от нем. Sozialhilfe),

Помимо «точных» калек (Lehnuebersetzung) встречаются и «неточные» (Lehnuebertragung), напр., *страховка здоровья* (от нем. Krankenversicherung, буквально: «страховка для больных»), *страховая карта* (от нем. Versichertenkarte «карта застрахованного»). Не все «калькированные» словосочетания являются удачными номинациями: так, напр., в кальке *безработные деньги* (ср. нем. Arbeitslosengeld «деньги для безработных») русское субстантивированное прилагательное «безработный» как эквивалент первого компонента немецкого сложного слова (der Arbeitslose) синтаксически сочетается как прилагательное. Тем самым нарушается стандартная семантическая сочетаемость компонентов, что отражается на ложной «внутренней форме» номинации.

Часто калькируются немецкие глагольно-именные словосочетания, в особенности с функциональными глаголами haben и machen, напр.: *делать планы* (от нем. Pläne machen), *делать диплом* (от нем. ein Diplomstudium machen), *иметь впечатление* (от нем. den Eindruck haben), *быть на социале* (нем. Sozialhilfe bekommen, Sozialhilfeempfänger sein).

В речи мигрантов наблюдается также образование полукалек, напр.: *сделать Anmeldung* (от нем. eine Anmeldung machen, sich anmelden), *подать/поставить Antrag* (вместо: подать заявление, от нем. einen Antrag stellen), *иметь Termin* (от нем. einen Termin haben).

Во многих случаях путем семантического калькирования расширяется лексико-синтаксическая сочетаемость русскоязычных компонентов данных глагольно-именных словочетаний; таким образом семантический трансфер сопровождается синтаксическим, напр., *поставить Antrag на что-н.* (от нем. einen Antrag **auf** etw. stellen, ср. рус. подать заявление о чем-н.).

Немецкие кальки и полукальки с процессуальным значением употребляются в основном для номинации узуальных, типичных действий и ситуаций, связанных с посещением официальных инстанций, с оформлением документов и т. д.

В большинстве случаев кальки обозначают важные реалии нового социального окружения, которые либо не имеют аналога в повседневной жизни страны происхождения, либо возникли на «первой» родине уже после эмиграции пробандов.

Под влиянием немецкого языка некоторые иноязычные слова русского языка приобретают новые значения, напр.: *приватный* (частный/собственный, от нем. privat), *актуальный* (непросроченный/действительный, от нем. aktuell/gültig), *редуцированный* (по сниженной цене, от нем. reduziert), *реальность* (действительность, от нем. Realität), *функционировать* (работать/действовать, от нем. funktionieren).

Однако основной функцией и причиной распространения такого языка является номинация предметов и процессов, отсутствующих (или отсутствовавших на момент эмиграции) в русской языковой среде, либо имеющих иную специфическую прагматику. Например, понятие «*социал*» (от нем. «Sozialhilfe» – финансовая помощь от государства, выплачиваемая не имеющим работы и права на пособие по безработице) не имеет аналога на территории стран СНГ. Примерами понятий, отсутствовавших на момент эмиграции, являются наименования компонентов персонального компьютера, поскольку большинство эмигрантов 90-х гг. на родине не имели возможности работать с компьютером: «*фестплата*» (нем. «Festplatte» – жесткий диск) Одной из характерных черт языка билингва, как и любого смешанного языка, является словотворчество. Нередко встречается игра слов с целью создания коннотаций, понятных только носителю русского языка. Например, в результате редукции лексической единицы «*Arbeitslosengeld*» появляется Arbeitslose, и благодаря схожести с русским

словом «слезы» возникает лексическая единица «*арбайтслёзы*» (от нем. «*arbeitslos*» – безработный), обозначающее пособие по безработице и указывающее на небольшой размер этого пособия – такой, что «хоть плачь» [2].

Большой популярностью пользуется слово *Tschüssik*, которое образовалось в результате деривации – присоединения уменьшительно ласкательного суффикса – *ik* (ик).

Подводя итог проведенным наблюдениям Эллы Хандке и Е.А. Коломиец за языком билингва, можно сделать следующий вывод, что данный «вид» языка, формирующийся и развивающийся в условиях русско-немецкого двуязычия, можно охарактеризовать как язык, приближающийся по своим типологическим характеристикам к языкам-гибридам.

Литература

1. Голубева-Монаткина Н.И. (1995): Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции. В: Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской Академии наук. Москва: Институт русского языка РАН, 1/95, с. 70–92.
2. Голубева-Монаткина Н.И. (2001): Эмигрантская русская речь. В: Русский язык зарубежья.
3. Красильников Е. В. (Ред.), Москва: Эдиториал УРСС, с. 8–68.
4. Земская, Е.А. (2000): Речевой портрет эмигрантки первой волны. В: Русский язык сегодня.
5. Крысин Л.П. (Отв. ред.), Москва: “Азбуковник”, с. 100–121.
6. Крысин Л.П. (Отв. ред.), Москва: Языки русской культуры, с. 91–101.
7. Земская Е.А. (отв. ред.) (2001): Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография. Москва, Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах (= *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 53*).
8. Лопатин В.В. (ред.) (1999): Русский орфографический словарь. Москва: Азбуковник.
9. Протасова Е.Ю. (1996): Особенности русского языка у живущих в Германии. В: Русистика сегодня. Отделение литературы и языка Российской Академии наук. Москва: Институт русского языка РАН, 1/1996, с. 51–71.
10. Bechert Johannes; Wildgen, Wolfgang (1991): Einführung in die Sprachkontaktforschung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
11. Földes, Csaba (1999): Zur Begrifflichkeit von “Sprachenkontakt” und “Sprachenmischung”. In: Assimilation - Abgrenzung - Austausch. Interkulturalität in Sprache und Literatur. Lasatowics, Maria Katarzyna; Joachimsthaler, Jürgen (Hrsg.), Frankfurt a. M.: Lang, S. 33–54.
12. Goldbach, Alexandra (2005): Deutsch-russischer Sprachkontakt. Deutsche Transferenzen und Codeswitching in der Rede Russischsprachiger in Berlin. Frankfurt a. M.: Lang (= Berliner Slawistische Arbeiten, Bd. 26).

13. Retane Belentschikow, Ella Handke www.mapryal.org/itogi/germany.shtml
14. <http://www.bva.bund.de>.
15. <http://www.wikipedia.org>.
16. <http://www.mapryal.org/itogi/germany.shtml>.
17. <http://www.strannik.de/quelia/geschichte.htm>.

Харитонов Е.Ю.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
университет

СИМВОЛИЗМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СУБСТАНТИВНЫМИ КОМПОНЕНТОМ «ХЛЕБ» В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В данной статье исследуются сходства и различия в символическом значении фразеологизмов с субстантивным компонентом «хлеб» в немецком, русском и английском языках.

Abstract. This article examines the similarities and differences in the symbolic value of idioms with the substantive component «bread» in German, Russian and English.

Ключевые слова: лингвокультурология, картина мира, национально-культурный аспект, фразеологические единицы, символ, продукты питания, хлеб.

Key words: cultural linguistics, world picture, national-cultural aspect, phraseological units, symbol, food, bread.

Одним из важнейших направлений современной лингвокультурологии является изучение национальной специфики различных сторон материальной культуры народов. Особое место среди проводимых исследований занимает изучение пищевых традиций.

Целью настоящей статьи является лингвокультурологический анализ фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентом «хлеб» в немецком, английском и русском языках.

Изучая пищевые традиции разных народов, невозможно не обратить внимания на то обстоятельство, что все они без исключения обнаруживают уважительное и даже благоговейное отношение к хлебу, как к главному продукту питания.

Изучив 191 ФЕ с субстантивным компонентом **хлеб**, мы провели количественный анализ, результаты которого отображены в нижеследующей диаграмме.

Диаграмма №1.

Анализ фразеологизмов с компонентом **хлеб** показал, что они имеют различия не только в языковом, но и в символическом значении, т.к. имеют различные культурные коннотации. М.Л. Ковшова отмечает, что «реалия *хлеб* в русской культуре приобрела разные смыслы: ‘ценность’, ‘дар Божий’, ‘гостеприимство’, ‘пища, основа пропитания’, ‘основа существования’, ‘минимум питания’, ‘ограничение в жизненно необходимом’; они воплощены в разных знаках культуры, в том числе и во фразеологии» [3, 43]. Исследовав ФЕ с компонентом **хлеб** в русском, немецком и английском языках, представляется возможным выделить некоторые общие символические значения, отображенные в нижеследующей таблице.

Таблица 1.

Символическое значение ФЕ с компонентом «хлеб» в немецком, английском и русском языках

Символическое значение	Немецкий язык	Английский язык	Русский язык
Основа пропитания	das tägliche Brot das liebe Brot		хлеб – всему голова хлеб даром / зря есть без хлеба не обедают ешь пироги, хлеб вперед береги
Минимум питания	bei Wasser und Brot sitzen sein Brot mit Tränen essen etwas wie Salz und Brot brauchen trocken Brot macht Wangen rot in der Not schmeckt jedes Brot	bread and butter	перебиваться с хлеба на квас у голодной куме, хлеб на уме только ангелы с неба не просят хлеба

Гостеприимство		break bread with smb bread-and-butter-letter to eat smb's bread and salt	подносить хлеб-соль встречать хлебом-солью
Средства к существованию	sein eigen Brot essen sein Brot schwer verdienen, nach Brot gehen in Lohn und Brot bei j-m stehen überall sein Brot finden	earn make one's bread	
Само существование	er hat sein Brot bald verspeist j-m ist sein letztes Brot gebacken des einen Tod, des anderen Brot		живем, хлеб жуем человек хлебом живет, а не промыслом родись человек, и краюшка хлеба готова
Бедность	kaum das liebe Brot haben		сидеть на хлебе и воде хлеб да вода – солдатская / мужицкая / крестьянская / блаженная еда
Достаток	sein gutes Brot haben	have one's bread buttered on both sides have one's bread buttered for live	
Потребность в духовности	Der Mensch lebt nicht vom Brot allein.	Man cannot live by bread alone.	Не хлебом единым жив человек

Поскольку носители трех сопоставляемых языков являются христианскими народами, некоторые ФЕ с компонентом «хлеб», полностью совпадают из-за религиозных ассоциаций: *das tägliche Brot* (нем.) – *daily bread* (англ.), *хлеб насыщенный* (рус.); *j-m Steine statt Brot geben* (нем.), *ask for bread and be given a stone* (англ.).

Для русского языка характерно сочетание в ФЕ компонента **хлеб** с такими компонентами как **вода** (*сидеть на хлебе и воде; хлеб да вода – молодёцкая / солдатская / мужицкая / крестьянская / здоровая / блаженная еда; хлеб да вода хоть кому так промнут бока*), **соль** (*водить хлеб-соль с к-л.; подносить хлеб-соль; забывать хлеб-соль; хлеб-соль платежом красна; без соли, без хлеба – худая беседа*), **квас** (*с хлеба на квас перебиваться; ешь щи с мясом, а нет, так хлеб с квасом; как хлеб да квас, так и все у нас*). В немецком языке встречаются сочетания с субстантивными компонентами **Salz** (*Salz und Brot macht Wangen rot, etwas wie Salz und Brot brauchen*), **Wasser** (*bei Wasser und Brot sitzen*), **Käse** (*bei Käse und Brot leidet man keinen Not*); в английском языке - **salt** (*eat smb`s bread and salt*), **butter** (*quarrel with one`s bread and butter*).

Как можно заметить по приведенным примерам, общим для трех сопоставляемых языков является сочетание компонента **хлеб** с компонентом **соль**, что символизирует гостеприимство и простую доступную еду.

Наши наблюдения показали, что, несмотря на имеющиеся различия в символическом значении ФЕ с компонентом **хлеб** в разных языках, в двух случаях символическое значение совпадает во всех сопоставляемых языках: это ФЕ с религиозными ассоциациями и ФЕ, указывающие на минимальные средства к существованию, что свидетельствует об универсальности данных символов.

Изучение ФЕ также показало разницу отображения внеязыковой действительности в сопоставляемых языках, что указывает на перспективность такого подхода в изучении национально-культурной составляющей языковой картины мира. Лингвокультурологический подход позволяет не только «развивать теорию взаимосвязи мышления, сознания, культуры и языка, но и приблизиться к когнитивно-дискурсивным тайнам порождения национально-культурного компонента в семантике языкового знака» [1,104].

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта, Наука, 2010 – 224 с.
2. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А.Егазаров. – М.: Астрель, 2007. – 723 с.
3. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... докт.филол.наук. – М.: 2009. – 56 с.
4. Мальцева, Д.Г. Немецко-русский фразеологический словарь с лингвострановедческим комментарием. – М.: Азбуковник; Русские словари, 2002. – 350 с.
5. Потенба, А.А. Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛЕНГА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Т. ПИНЧОНА «ВЫКРИКИВАЕТСЯ ЛОТ 49»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей передачи сленговых элементов на материале романа современного американского автора. Особое внимание уделяется рассмотрению приемов метонимического переноса и контекстуального употребления слова с противоположной коннотацией. Отмечаются неточности в предлагаемых переводах романа на русский язык.

Abstract. The article deals with the analysis of the peculiarities of translating slang units on the basis of the novel by a contemporary American author. The special attention is focused on the methods of metonymic transference and contextual usage of a slang word with an opposite connotation. Some inaccuracy in the given Russian translations is mentioned.

Ключевые слова: сленг, перевод, контекстуальное употребление, метонимический перенос.

Key-words: slang, translation, contextual usage, metonymic transference.

В современном языкознании внимание к проблеме изучения и перевода сленга как особого слоя нелитературной лексики важно и актуально в связи с теми процессами, которые происходят в настоящее время в языке: современный язык (как английский, так и русский) характеризуется активным вторжением нелитературных единиц в различные сферы. Значительное место в этом процессе занимают единицы сленга, которые широко распространены не только в сфере устного общения (в частности, среди молодёжи), но и в текстах современной художественной литературы и в материалах средств массовой информации (например, журналов и газет). Сленговые лексические единицы появляются в произведениях художественной литературы и на страницах периодических изданий в большинстве случаев из-за того, что соответствующие им литературные варианты неудобны при частом использовании или не могут в полной мере отразить всю специфику сленгизмов. Всестороннее изучение сленговой лексики сегодня необходимо для составления рекомендаций по поводу использования и значения данных единиц как в произведениях современной художественной литературы, так и в живой речи молодёжи.

Материалом для исследования в рамках данной статьи послужил оригинальный текст романа Томаса Пинчона «Выкрикивается лот 49» («The Cruing of Lot 49», 1966) [8] и его переводы на русский язык, выполненные Г. Григорьевым; Н.В. Махлаюком и С.Л. Слободянюком. Роман, который кажется запутанным, хаотическим, перенасыщенным информацией и временами даже абсурдным, на самом деле подчиняется очень жесткой внутренней логике. События фатальны и предначертаны, исход предreshён, изменить ничего нельзя. Вся структура повествования соответствует центральной метафоре романа – энтропии, которая для самого Томаса Пинчона служит метафорой, которая применима к «действительности» лишь по аналогии, поскольку действие метафоры «является прорывом либо к правде, либо ко лжи, в зависимости от того, где вы в данный момент находитесь: внутри в безопасности или снаружи в смятении» [5].

Необходимо пояснить, что, несмотря на то, что роман Томаса Пинчона «Выкрикивается лот 49» достаточно небольшой по объёму, процесс прочтения и правильной интерпретации заложенного смысла в произведении представляется затруднительным. Язык автора достаточно сложен, и, хотя может показаться, что Томас Пинчон скуп на слова, в нескольких абзацах его текста может быть заложено столько смысла, сколько другими писателями закладывается в нескольких страницах. Текст насыщен различными образами, отсылками к реалиям того времени, говорящими именами и названиями. Например, название места действия романа – Сан Нарцисо – аллюзия на миф о Нарциссе (который гибнет от самолюбования) и на легенду о Святом Нарцисе, превратившем воду в масло для лампы. В романе есть прямая отсылка к этой легенде (картина с изображением святого, превращающего родниковую воду в масло для пасхальных лампад Иерусалима), которая, вероятно, ещё раз подчеркивает возможность чудесного спасения. Имя Пирса Инверэрити в английском языке созвучно слову “inveracity” («лживость, несоответствие истине») и “pierce” / “peers in variety” («проникновение и пристальное всматривание в разнообразие вещей»). Тристеро, как и следовало ожидать, несёт зловещие ассоциации, переключаясь с французским “tristesse” («печаль») и соединяя в себе “tryst” («встреча возлюбленных») и “terror” («ужас») [Там же]. Всё это делает роман достаточно сложным для перевода не только с точки зрения интерпретации заложенного в нём глубинного смысла, но и с точки зрения языкового наполнения (в частности, сленговой лексикой, интересующей нас в рамках данного исследования).

Передача сленговых единиц при переводе произведений современной американской художественной литературы на русский язык остаётся одной

из важных и нерешённых лингвистических проблем. Анализ сленгизмов, выявленных в романе Томаса Пинчона «Выкрикивается лот 49» и его переводах на русский язык, подтверждает данный факт. В целом переводчики справились с поставленной задачей, о чём свидетельствует разнообразие приёмов передачи сленговой лексики с английского языка на русский (метафорический перенос, сокращение, основосложение, метонимический перенос, перестановка букв и звуков в оригинальном иноязычном термине, конверсия, контекстуальное употребление слова с противоположной коннотацией). Однако при работе над текстом романа и его переводами был отмечен ряд расхождений, которые обусловлены, главным образом, спецификой индивидуального стиля автора (так, характерной чертой пинчоновской прозы является сочетание элементов высокого искусства прошлого и современной массовой литературы); индивидуальной манерой каждого из переводчиков, а также отсутствием в отечественном переводоведении единой традиции при передаче сленговой лексики с английского языка на русский ввиду некоторой осторожности переводчиков при работе с лексикой, выходящей за рамки литературного языка, ярким представителем которой является сленг (например, сленгизм KCUF (another word for F-U-C-K but it is just spelled backwards) [9]) Н.В. Махлаюк и С.Л. Слободянюк переводят нейтрально, избегая использования в тексте перевода романа грубых элементов).

В составленной по результатам исследования классификации сленгизмов отмечается частотность образования единиц сленга путём метафорического переосмысления значения слов (38,2% от общего корпуса слов). Столь частое использование переводчиками приёма метафоры обусловлено следующими фактами: само название романа «Выкрикивается лот 49» является метафоричным (сорок девятый номер лота можно трактовать как преддверие и обещание спасения в новой вере); вся структура произведения подчинена центральной метафоре – энтропии, которая получает своё последовательное развитие именно на страницах данного романа [5]. Однако на себя обращают внимание менее частотные способы перевода, так как работа над переводом сленговых единиц требует от переводчика широкого кругозора и знания языковых и культурологических особенностей английского и русского языков. В составленной классификации наименее часто использовались метонимический перенос (1,8%) и контекстуальное употребление слова с противоположной коннотацией (0,9%). Рассмотрим данные примеры.

В романе Томаса Пинчона было выявлено два случая образования сленгизмов посредством метонимического переноса: **to be in drag** – трансвестит

(Г. Григорьев) [4] ((especially of a man) – dressing in clothes of the opposite sex, often for humorous entertainment [7], женское платье (гомосексуалиста) [2, 216], женская одежда, одеваемая трансвеститами [6]). Приём метонимии при переводе заключается в назывании человека по отдельному предмету одежды. Н.В. Махлаюк и С.Л. Слободянюк переводят данную конструкцию следующим образом: под кайфом или нет [5] (в данном случае имеет место ошибка, так как переводчики работали с нечёткой ксерокопией текста оригинала, в результате чего прочли “drug” вместо “drag”). Перевод фразы, предложенный Г. Григорьевым, является более адекватным, что подтверждается предшествующим контекстом (главная героиня романа Эдипа Маас находится в баре для сексуальных меньшинств); **Brody** – самоубийство, высотный прыжок (Г. Григорьев) [4], свести счёты с жизнью (Н.В. Махлаюк, С.Л. Слободянюк) [5] (taking a header or fall (possibly a suicide attempt) from a bridge span or other elevated structure; coined for the name of the first guy that jumped off the Brooklyn Bridge [9] (в данном случае речь идёт о приёме антономасии – употреблении имени собственного в качестве нарицательного (настоящую трактовку данного тропа предлагает Л.Л. Нелюбин в «Лингвостилистике современного английского языка» [3, 115]. Там же Л.Л. Нелюбин отмечает, что антономасия в свою очередь является частным случаем метонимии [Там же], что и позволяет включить данный пример в рассматриваемую группу способов словообразования сленгизмов. При переводе данного сленгизма, на наш взгляд, было бы целесообразно привести небольшой переводческий комментарий, разъясняющий русскоязычному читателю значение имени собственного в данном контексте.

Носители сленга часто дают положительную характеристику с помощью слов, которые в обычной речи несут в себе отрицательную коннотацию. Например, прилагательное “bad” переводится на русский язык как «плохой»; в сленге же выражения с этим словом имеют исключительно положительную коннотацию. Например: “I can swear his new car is really a bad one. I wanna have the same one” [1, 395]. В романе Томаса Пинчона «Выкрикивается лот 49» также был зафиксирован пример контекстуального употребления слова, имеющего противоположные коннотации в сленге и общеупотребительной лексике: You **look wow!** Like training rebels up in the mountains (the term “wow” is used in slang for sarcasm or if you don’t like someone or something that someone says [9]. – Ну и видок! Будто вы на марше. Мятэжники на полигоне в горах (Г. Григорьев) [4]. Потрясно выглядишь. Никак в поход собрался? (Н.В. Махлаюк, С.Л. Слободянюк) [5].

Оценивая качество перевода данных сленговых единиц, можно отметить, что в целом переводчики сумели не только передать авторский за-

мысел, сохранить уникальный авторский стиль, но и передать своеобразие языкового наполнения текста романа. Однако мы отмечаем, что в связи с отсутствием в отечественной переводоведческой науке единой традиции при передаче элементов сниженной лексики (в частности, сленга) на русский язык, каждый переводчик для себя решает, использовать ли ему в текстах своих переводов элементы сниженной лексики или заменять её на нейтральные эквиваленты, (как в случае со сленгизмом KCUF, который Н.В. Махлаюк и С.Л. Слободянюк перевели нейтрально, пожертвовав при этом не только эмоциональной составляющей данного сленгизма, но и смысловой).

Литература

1. Захарченко Т.Е. Английский и американский сленг: словарь. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2009. – 478, [2] с.
2. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – 9-е изд. – М.: Русский язык, 2002. – 880 с.
3. Нелюбин Л.Л. Лингвостилистика современного английского языка: учеб. пособие. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 128 с.
4. Пинчон Т. Выкрикивается лот 49/ пер. с англ. Г. Григорьева [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/144496/read> (дата обращения: 23.01.2009).
5. Пинчон Т. Выкрикивается лот 49 / пер. с англ. Н.В. Махлаюка, С.Л. Слободянюка [Электронный ресурс]. – URL: http://fictionbook.ru/author/pinchon_tomas_ragglz/viykrikaetsya_lot_49/read_online.html (дата обращения: 20.04.2009).
6. АBBYY Lingvo [Электронный ресурс]. – URL: <http://lingvo.yandex.ru> (дата обращения: 10.05.2009).
7. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british> (дата обращения: 12.06.2010).
8. Pynchon T. The Crying of Lot 49. – New York: Harper and Row, 1966. – 183 p. [Электронный ресурс]. Систем. треб.: Adobe Acrobat Reader. – URL: <http://people.brandeis.edu/~mikek/books/pub/Thomas%20Pynchon%20THE%20CRYING%20OF%20LOT%2049.rtf> (дата обращения: 25.08.2009).
9. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 15.10.2010).

«СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ» COMPARATIVE TYPOLOGY OF LANGUAGES

Блохин А.В.

Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ФАКТОР ЭКОЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о берестяных грамотах как первом русском источнике эколингвистики, приводятся их признаки, относящиеся к эколингвистическим факторам, выявляются особенности функционирования данного типа письма в сравнении с пергаменными грамотами и другими лингвистическими источниками.

Abstract. The article deals with birch-bark charters as the first Russian source of Echolinguistics, their science, concerning Echolinguistic factors. It also describes the peculiarities of a certain type functioning letter in comparison with parchment charters and other linguistic sources.

Ключевые слова: берестяная грамота, эколингвистика, пергамент, источник.

Key words: birch-bark charter, Echolinguistics, parchment, source.

В наши дни эколингвистика (как, впрочем, и многое другое с первой частью эко- в сложных словах, таких, как *экосистема*, *экопродукты*, *эко-туризм*) становится весьма актуальной наукой, приобретающей новое значение в стремительно развивающемся мире. Правда, до сих пор пока не определены точные границы, методология, принципы описания и основные способы изучения данной отрасли языкознания. Однако если учитывать, что эколингвистика в первую очередь своей целью ставит изучение экологически чистых средств языка и речи во всех разновидностях и вариантах существования, то, пожалуй, основное внимание эколингвистика должна уделять чистоте материальных ресурсов и языковых средств, используемых при создании текстов. Минимизация нанесения вреда окружающей языковой и природной среде, экономия материальных и речевых

ресурсов, возможность неоднократного использования созданных текстов, воспроизводимость языкового и писчего материала, безопасное для здоровья (физического и психического) функционирование продуктов речетворческого производства, легкость и удобство их утилизации – вот далеко не полный перечень сферы интересов современной эколингвистики.

Вопрос об источниках новой науки о языке также немаловажен, и здесь исследователей может волновать не только вопрос о современном эколингвистическом состоянии того или иного языка, но и вопрос о хронологически первых памятниках, которые можно квалифицировать как тексты, соответствующие параметрам эколингвистики. Для русского языка такими источниками, бесспорно, являются берестяные, прежде всего древненовгородские, грамоты XI–XV веков.

Новгородские берестяные грамоты были впервые обнаружены при археологических раскопках в Новгороде в 1951 году. Сейчас подавляющее большинство известных грамот на бересте является новгородским по происхождению, хотя есть грамоты, найденные в Старой Руссе, Пскове, Смоленске, Витебске, Мстиславле, Твери, Москве, Звенигороде Галицком. Археологические раскопки продолжаются и в настоящее время и, как видно, дают свои результаты.

Берестяная грамота – это продолговатый лист бересты, как правило обрзанный по краям, обычно 15–40 см в длину, 2–8 см в ширину. Буквы выдавливались или выцарапывались на внутренней стороне бересты (т.к. она мягче) острием специального металлического или костяного инструмента – писала (стилоса). Реже встречаются грамоты, написанные на внешней стороне листа, и попадаются грамоты, написанные на обеих сторонах. Иногда найденные грамоты (фрагменты) являются частями единого целого, связанного и автором, и тематикой.

Порой на одной и той же грамоте находится текст отправителя и ответ получателя – своего рода «письмо-ответ».

Большая часть – это грамоты, которые написаны по-древнерусски, т.е. они придерживаются некой стандартной образцовой древнерусской языковой системы, а не церковнославянской. Отметим, что грамот, написанных по-церковнославянски, меньшинство. Найдены грамоты, написанные на неславянских языках: латинском, греческом, нижненемецком, финском, прибалтийских.

Уникальность и ценность с лингвистической точки зрения грамот в том, что они написаны самыми разными людьми, разных социальных слоев, разных возрастов, авторы их – как мужчины, так женщины. Тематика грамот обширна и разнообразна, как и их жанровая закреплённость. Подавляющее большинство – это частные письма, посвященные разным сто-

ронам и сферам текущей жизни – хозяйственным, семейным, денежным, торговым, лично-интимным и т.д.

Заметную часть составляют различные реестры (долговые списки, росписи денежных долгов и поставок). Имеются записи, сделанные для себя, а также ярлычки, содержащие имя владельца.

Можно выделить среди грамот и официальные документы (завещания, рядные, расписки, протоколы, жалобы, челобитные и т.д.), учебные (азбуки, перечни цифр, склады, упражнения), а также фольклорные и литературные (загадка, ученическая шутка, заговоры).

Довольно часто новгородские берестяные грамоты на тематико-содержательном уровне приближаются по своему характеру к деловым документам, поскольку отражают те или иные стороны внутрихозяйственной жизни Новгорода – это расписки, долговые обязательства, перечни должников, разного рода купчие, дарственные, жалованные, – но в меньшем социальном масштабе по сравнению с официальными документами. Показателем, отражавшим социальный статус древнего Новгорода, являлся прежде всего материал, на котором составлялись такие документы: более важные, обычно государственные и княжеские, писались на пергамене, менее важные, обслуживающие межличностные отношения, выдавливались кресалом на бересте. При этом нельзя отвергать и того предположения, что люди, наделенные высшей властью, могли прибегнуть в каких-либо случаях и по каким-либо причинам к обычному бытовому берестяному «рукописанию». В любом случае берестяное письмо было и дешевле, и, соответственно, доступнее, и, конечно, экологичнее, поскольку пергамен являлся дорогостоящим материалом – это особым способом выделанная шкура молодого теленка. Наиболее важные деловые документы, требующие длительной сохранности, писали на пергамене, причем делали это золотом или небезопасной для здоровья киноварью – смесью ртuti с серой.

Таким образом, берестяные грамоты являются одними из первых известных науке памятников экологически чистой в лингвистическом и материальном отношении передачи данных от одного лица другому с помощью таких языковых и писчих средств, которые практически не наносят вреда окружающей природе и сознанию человека, экономят и рационально используют эти средства, обладают здоровьесберегающими технологиями, имеют замкнутый цикл своего функционирования. В плане соответствия формы и содержания они идеальны, поскольку в минимальный объем берестяной грамоты помещен максимальный смысл, который автор стремился уложить в отведенные рамки, что способствовало выбору самых оптимальных (лаконичных и выразительных) языковых средств.

Литература

1. Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951г.). – М.: Изд-во АН СССР, 1953.
2. Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952г.). – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 91с.
3. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954гг.). – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 154 с.
4. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955г.). – М., 1958.
5. Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957гг.). – М., 1963. – 328 с.
6. Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961гг.). – М., 1963.
7. Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976гг.). – М.: Наука, 1978. – 192 с.
8. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
9. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983гг.). – М.: Наука, 1986. – 308 с.
10. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989гг.). – М., 1993.
11. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996гг.). Т.Х.– М.: Русские словари, 2000. – 432 с.

Болдырева Ю.А.,

Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Московский государственный областной
гуманитарный институт

Никандрова Т.Е.

Аспирантка кафедры русского языка
Московский государственный областной
гуманитарный институт

РУССКИЙ ЯЗЫК В ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVI- XVII вв.

Аннотация. В статье отражена история восприятия и передачи русских слов на материале записок о Московии С. Герберштейна и А. Олеария в XVI – XVII вв. Рассматривается их графическое и фонетическое оформление, изменение морфологического облика и лексического значения под влиянием родного языка.

Abstract. The present paper describes how the foreigners perceived and reproduced the Russian words in XVI-XVII according to the facts described in the Notes of Moskoviya by S. Herberstein and A. Olearius. The authors examine a graphic and phonetic presentation of the Russian words as well as change in their morphological appearance and lexical meaning under the influence of the native language.

Ключевые слова: чужая речь, родная речь, способ передачи, слово.

Key words: strange speech, native speech, the method of transfer, word.

Русские книжные памятники, в которых отражен по большей части письменный язык, не могут воссоздать полную картину живого русского языка XVI века. Различные диалоги и реплики в русских летописях и юридических актах чаще всего литературно обработаны или переданы косвенной речью. В связи с этим возникает необходимость обращаться к иноземным источникам, в которых может оказаться важный материал для изучения разговорной речи Московской Руси, а не книжно-славянского языка. Кроме того, иностранцы часто подмечают и письменно фиксируют интересные детали, которые для туземца являются обычными.

В Средние века Московское государство активно сотрудничало с европейскими странами. Климат, территория, культура, обычаи и быт вызывали большой интерес у европейцев. Московию пытались описать иностранные купцы, путешественники, послы, военные, ученые. Но всевозможные дневники, записки, воспоминания путешественников, посетивших Россию в XV – XVI вв., не могли воссоздать полную картину Московского государства, кроме того, нередко сообщались неверные данные, а то и все небылицы.

Далеким от истины было изображение «Московии» в «Трактате о двух Сарматиях» поляка Матвея Меховского, который никогда не был в России, а сведения о ней получал преимущественно от русских военнопленных. Несколько точнее сведения в «Космографии» Себастьяна Мюнстера. В географической литературе по-прежнему господствовали взгляды античных географов; на картах Руси наносились давно поменявшие свои названия Гиперборейские горы, реки Ра и Танаис [2, с.42].

Переломным моментом в представлениях иностранцев о Руси становятся записки о Московии опытного австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна. С целью упрочения связей с могущественным, хотя и временным союзником – Русью, Герберштейн дважды – в 1517 и 1526 гг. был отправлен туда в качестве посла, получив при этом указания собирать всевозможные сведения об обычаях и быте, политике и экономике этого го-

сударства. Его записки и по сей день считаются одним из наиболее полных и достоверных описаний Московии того времени.

В XVII веке происходит упрочение связей России с Западной Европой, находившейся в тот период в войнах. Находясь на пути между Европой и Азией, Российское государство вызывало большой интерес у Европы, стремившейся установить торговые отношения с азиатскими странами, в частности, с Персией. Поэтому получение разрешения торговли через Россию с Персией являлось обычной целью посольств торговых государств в XVII столетии. Именно с этой целью в середине XVII столетия страну посещает голштинское посольство, в составе которого находился знаменитый немецкий ученый-энциклопедист Адам Олеарий, автор «Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», которое затрагивает множество явлений природы, общественной жизни, быта и нравов.

Следует отметить, что ввиду огромного интереса к России иностранцы, путешествующие по стране, пытались достоверно излагать сведения, полученные ими во время пребывания, предварительно ознакомившись с материалами тех, кто уже слышал о России или кому уже довелось там побывать. Так для Герберштейна таким первоисточником был «Трактат о двух Сарматиях» поляка Матвея Меховского. А для Олеария, вполне возможно, что и «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна.

Однако, несмотря на это, при составлении достоверной картины жизни русского народа возникали трудности, которые, в первую очередь, заключались в языковом барьере. И хотя имеются подтверждения тому, что иностранные путешественники, в частности, Герберштейн и Олеарий владели русской разговорной речью, основное количество сведений о стране они получали от квалифицированных переводчиков, которые сопровождали посольства. Вследствие этого в данных свидетельствах при передаче многочисленных русских реалий возникали отклонения от прямого и, возможно, адекватного изображения русского языка. Такое отклонение, по мнению Б.А. Ларина, «обусловлено, прежде всего, естественным и неизбежным преломлением впечатлений от чужой и неосвоенной речи сквозь призму родного языка. Едва улавливается какое-нибудь даже отдаленное подобие своего в чужом языке, как это ведёт к подмене чужого своим» [3, 15].

Подобная «подмена чужого своим» вела либо к искаженной передаче внешней формы русского слова, либо к неверному восприятию его значения. Подобные «ошибки» делал и С. Герберштейн. По его словам, он был знаком со словенским языком, который «близок русскому и московитскому» [2, 56]. Однако его знания о грамматике русского языка были поверхностными. Некоторые примеры: *Derselb Ladoga, zu dem gmund des fluß Ir-*

tischa, где окончание род. пад. ед. ч. воспринимается им как окончание ж. р., поэтому он пишет дальше: von *der Irtische gmundt*; zu dem großen Poiassa («до ... пояса»), zu dem Poiassa и т.д. В некоторых местах он заменяет русское окончание соответствующим словенским: Camen Wolschega Poyassa (Камень Большаго Пояса). Смещение *B* и *W* характерно для штирийско-немецкого произношения [11, 327]. Герберштейн переписывал русские летописи, но сам он их не читал, а воспринимал на слух. В связи с этим появляются «слуховые» ошибки: имя «CALVWTZA der khlain» вместо «Малькъ (Малко) Любечанин» в результате неправильного слогораздела *mal-kolubčanin* (отсюда и эпитет «der khlain») [11, 328].

Интересна история возникновения несуществующего языческого божества по имени *Услад*. Это божество также является «слуховой ошибкой» австрийского дипломата, который пишет: «В Киеве Владимир воздвиг множество идолов. Первый, по имени Перун (Perum, Peru), был деревянный, но с серебряной головой; остальные назывались *Услад (Uslad)*, Хорс (Corsa), Дажьбог (Daswa), Стрибог (Striba), Симаргл (Simaergla) и Мокошь (Mascosch). Всем им, иначе именовавшимся кумирами, он приносил жертвы» [2, 63]. В Повести временных лет читаем: «И нача княжити Володимірь въ Кіевѣ единь, и постави кумирь на холмѣ внѣ двора теремнаго, Перуна древяна, а глава ему серебряна, а усъ *златъ* и Хорса и Дажбу Бога и Стрибу Бога и *Семаргла* и Мокошь...». Мифологическое божество по имени *Услад*, «родившееся» в XVI в. под пером посла-иностранца С. Герберштейна в результате неправильного «прочтения» русской летописи, попадает на родину лишь два века спустя благодаря русскому переводу книги Мавро Орбини «Славянское царство» и воспевается русскими писателями и поэтами до тех пор, пока А. Ф. Вельтман не разоблачил «лжеидола». Но и по сей день приходится разоблачать «бессмертного» *Услада* [1, 84–86].

Тем не менее, некоторым словам все же удавалось проникнуть в немецкий язык в неискаженном виде, более того, они смогли прочно укрепиться в нем, и даже войти в употребление. При этом следует отметить, что, перенимая иноязычное слово, язык преобразует его фонетический облик и морфологическое строение по своим грамматическим законам. Это хорошо прослеживается при анализе особенностей передачи русских слов в немецком языке на примере записок о Московии С. Герберштейна и А. Олеария.

По данным Е. В. Опельбаума, из 70 заимствований, проникших в течение XVI–XVII вв. из древнерусского в новонаемецкий язык, 32 слова впервые были засвидетельствованы у Герберштейна (Bachmat, Beluga, Boranetz, Gonetz, Griwna, Diak, Ikra, Jam, Jamschtschik, Kalpak/

Kolpak, Kwaß, Okolnitz, Poltina, Pud, Schapka, Sewruga, Starost, Sterlet, Werst, Zar) и Олеария (Ambar, Batogen, Braga, Gosten, Kabacke, Kindak, Kreml, Masleniza, Schaitan, Staniza, Stolnik, Prikas) [5, 235]. В фонетическом плане большую часть этих слов Герберштейну и Олеарию удалось передать довольно точно (например, Beluga, Poltina, Pud, Schapka, Kibitka, Staniza и т.д.). Но передача одних и тех же слов у них не всегда совпадает. Нередко наблюдаются графические, грамматические, а иногда и лексические несовпадения. Приведем сравнительную таблицу написания слов, которые засвидетельствованы в сочинениях Герберштейна и Олеария впервые, и некоторые из которых упоминаются в современном немецком языке до сих пор. Звездочкой отмечено первое издание «Записок о Московии» С. Герберштейна на латинском языке.

«Записки о Московии» С. Герберштейн, XVI в.	«Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию» А. Олеарий, XVII в.	Duden. Das Fremdwörterbuch 2007 г, XXI в.
Beluga (1549, 67*, 99*) Belvga (1557, 69) Beluga, m (1563, 110)	Bieluga m (1647, 233).	Beluga, f
Grifna (1549, 56*) Grifna f или n (1557, 59, 31) ain Griefen (1557, 59) grifen (1557, 37) Grifna n (1563, 39, 63) Griffna pl (1563, 41, 42)	Grieffen (1647, 160) Griffen (1647, 252)	_____
Ikhri (1549, 35*) Ikri (1557, 36), Ikhri (1563, 40)	Ikarij (1647, 122).	_____
Iama (1549, 56*) Iamma (1557, 2) Iama n или f (1557, 142)	Gam f (1647, 22)	_____
kvuas (1549, 35*) Kwass (1557, 36)	Quas (1647, 123)	Kwass, m
Czar (1549, 16*) Czar (1557, 16)	Zaar (1647, 34)	Zar, m

Pud (1549, 60*) Pvd (1557, 62) Pud (1563, 66)	Pude f (1647, 240)	Pud, n
Schapka (1549, 22*) Schapka (1557, 22)	Schapken pl (1647, 136)	—
Sterlet (1549, 67*) Sterled (1557, 68) Sterlet (1563, 75)	Sterling (1647, 240) Sterlinge (1647, 235) Storlinge (1647, 237)	Sterlet, Sterlett, m
vuerst (1549, 56*) Werst (1557, 63)	Werste pl (1647, 16)	Werst, f

В данной таблице отражены графическое и фонетическое оформление русских слов в немецком языке на примере одного из произведений о России XVI в., изменение облика слова в немецком языке спустя столетие и фиксация этого слова в словаре современного немецкого языка.

Разумеется, первоначальное упоминание Герберштейном или Олеарием того или иного слова не является фактом того, что это слово сразу же закрепилось в немецком языке и вошло в его употребление. Поэтому, говоря о первой фиксации иностранного слова, мы, в первую очередь, обращаем внимание на то, как это слово передавалось средствами немецкого языка, сохранялся ли его фонетический и морфологический строй, изменялось ли его лексическое значение.

Например, в слове *гривна* прослеживается фонетическое изменение: Герберштейн и Олеарий звонкий согласный *в* передают при помощи глухого немецкого согласного *f*. Известно, что сравнительно часто происходит смешение русских звонких *б, в, з, д, з* и глухих *п, ф, к, т, с* при передаче их немецкими согласными. Это происходит вследствие того, что в большинстве немецких диалектов звонкие *b, w, g, d, z* произносятся как слабые глухие смычные *p, f, k, t, s*. Поскольку Герберштейн смешивал звуки *б* и *в* [12, 327], то для передачи русского лабиодентального спиранта *в* он использует соответствующий глухой звук *f*. А форма *griefen* – от род. пад. мн. ч. *гривен* [там же, 499].

В слове *стерлядь* (*стерлеть*) мы видим фонетико-морфологические изменения. В немецком языке, так же как и в русском, звонкие согласные в конце слова оглушаются. У Герберштейна наблюдается колебание в написании конечной буквы. В современном немецком языке закрепилось написание с конечной буквой *t*. Олеарий же преобразует русское слово с помощью уменьшительного суффикса *-ling*. Очевидно, что это – стили-

стический неологизм, образованный от др.-русск. *стерлядь* (*стерледь*) по ассоциации с немецким *kleiner Stör* (маленький осетр).

Интересным, с точки зрения фонетического анализа, является и слово *пуд*. И у Герберштейна, и у Олеария это слово передается с конечной звонкой согласной *d*, таким образом, оглушение согласной на конце слова отсутствует. При этом у Герберштейна *пуд* не имеет грамматической категории рода, у Олеария это слово встречается как существительное ж. р, а в современном немецком языке оно уже фиксируется как существительное ср. р. Следует отметить, что графическое написание этого слова сохранило первоначальный вариант.

Графическая передача слова *ям* имеет различные варианты у Герберштейна и Олеария. Звук *ja* в начале слова Герберштейн передает буквосочетаниями *ia* или *ya*. А для Олеария вост.-ср.-нем. *g* = юж.-нем. *j*, ср.-вост.-нем. *Gauner* = юж.-нем. *Jauner*, *Gause* = *Jause*. Что касается соотношения этого слова с категорией рода в немецком языке, то у Герберштейна мы видим колебание рода – то ср. р., то ж. р., Олеарий же сразу относит это существительное к ж. р.

Вопрос о присвоении грамматической категории рода иностранным словам в любом языке является проблематичным, поскольку критерии, по которым происходит присвоение рода тому или иному иноязычному слову различны. Так для русского языка определение рода заимствованных существительных соотносится с категорией одушевленности/неодушевленности. Рассматривая этот вопрос в немецком языке на примере исследуемых произведений, можно говорить о том, что определение рода происходит по аналогии с имеющимся вариантом в немецком языке.

Например, слово *белуга* Герберштейн (а позднее и Олеарий) относит к категории сущ. м. р., поскольку это слово засвидетельствовано у него в значении рыбы из породы осетровых и, по-видимому, он соотносит это слово с мужским родом латинского слова *piscis* и немецкого слова *der Fisch* (*visch*). Интересно отметить, что в словаре иностранных слов немецкого языка это слово зафиксировано как существительное ж. р.

При анализе приведенных выше слов следует уделить внимание и слову *укра*, поскольку оно имеет самые различные формы написания как у Герберштейна, так и у Олеария.

По мнению Е.В. Опельбаума, вариант *Ikri* и, вероятно, также приведенный Олеарием вариант *Ikarij* происходят из др.-русск. род. п. *икры*. Е.В. Опельбаум полагает, что вставка *-a-* в *Ikarij* объясняется акустическим восприятием артикуляции группы согласных *-кр-* на стыке двух слогов. (Ср., например, англ. устар. *ikary*, впервые засвидетельствованное в 1591 г. в со-

чинении Дж. Флетчера «Of the Russe Commonwelth...»). Не исключено, однако, что эту форму Олеарий и позаимствовал из указанного сочинения.

Впоследствии с этим словом стало конкурировать синонимичное заимствование *Kaviar*, появившееся в XVII в. (1628) посредством итал. *caviaro* (совр. *caviale*). Герберштейн этого слова еще не знал, Олеарий же поясняет «Ikarij, die Deutschen aber *Cavojar*» (1647).

История восприятия русских слов иностранцами может быть интересна для преподавания русского языка. В ходе анализа слов, записанных С. Герберштейном и А. Олеарием в XVI–XVII вв., прослеживаются изменения их морфологической структуры, графического и фонетического облика под воздействием законов родного языка самих немецких путешественников, а также лексический состав языка в целом. Такой анализ может быть использован при изучении русского языка не только как родного, но и в качестве иностранного.

Литература

1. Болдырева Ю.А. Рождение, смерть и воскрешение языческого бога. // Русский язык в школе. 2007. №7.
2. Герберштейн С. Записки о Московии./Пер. с нем. Под ред. В.Л. Янина. - М., 1988.
3. Ларин Б.А. Парижский словарь москвитов 1586 г. - Рига: Изд-во Латвийского университета, 1948.
4. Олеарий, Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А.М. Ловягина. - СПб. 1906.
5. Опельбаум Е.В. Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. – Киев: Наукова думка, 1971.
6. Современный русский язык: Учебник. П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др. Под ред. П.А. Леканта. -5-е изд., стер.- М.: Высш. Шк., 2001.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т./М. Фасмер; пер с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер.– М.: Астрель: АСТ, 2003.
8. Duden. Das Fremdwörterbuch, 9, aktualisierte Auflage.- Pöbneck.: Druck und Bindearbeit GGP Media GmbH, 2007.
9. Herberstein S. Moskovia der Hauptstat in Reissen ... - Wien, 1557.
10. Herberstein S. Rerum Moscovitarum Commentarii... - Basileae, 1551.
11. Isačenko A.V. Herbersteiniana I. Siegmund von Herbersteins Russlandbericht und die russische Sprache des XVI. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slawistik - Berlin, 1957, Bd. II, Hf. 3, S. 321–347.
12. Isačenko A.V. Herbersteiniana II. Herbersteins Moskowiterbuch und seine Bedeutung für die russische historische Lexikographie. // Zeitschrift für Slawistik - Berlin, 1957, Bd. II, Hf. 3, S.493–527.

13. Olearius- Offt beehrte Beschreibung der newen Orientalischen Reyse, so durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation anden König in Persien geschen...Durch M.Adamum Olearium Ascanium Saxonen, Fürstl. Schleßwig-Holsteinischen Hoffmethemat., Schleßwig be Jacom zur Glocken. Im Jahr 1647.

Захарова О.И.

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
гуманитарный институт

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОДУКТИВНЫХ ТИПОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАМ

Аннотация. В статье в сравнительно-типологическом аспекте рассматриваются основные способы продуктивного словообразования: морфологический, морфолого-синтаксический и синтаксический – на материале русского, английского и немецкого языков.

Abstract. In this paper the comparative and typological characteristics of the main types of word-formation (morphological, morphological-syntactical and syntactical types) in Russian, English and German are under study.

Ключевые слова: морфологическое словообразование, морфолого-синтаксическое словообразование и синтаксическое словообразование, русский язык, немецкий язык, английский язык.

Key words: morphological word-formation, morphological-syntactical word-formation and syntactical word-formation, Russian, German, English.

Одним из необходимых условий подготовки высококвалифицированных специалистов по иностранному языку является необходимый уровень языковых, речевых и лингвокультурных компетенций. Переводчик и преподаватель иностранного языка должен не только свободно владеть речью в соответствии с коммуникативно-практическими задачами, но и правильно понимать строй языка. Сопоставительная лингвистика занимается выведением общих закономерностей и существенных характеристик признаков, наблюдаемых в ряде языков. В её рамках могут изучаться сходные и отличительные черты определенных языков, например, русского, английского и немецкого. Сопоставление может быть проведено на всех уровнях языковой структуры (фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом) [4].

Цель нашей статьи – рассмотрение типологических словообразовательных характеристик русского, английского и немецкого языков.

Универсальной чертой оформления слов является морфемный состав структуры языка. В языке существует ограниченное количество типов схем построения слов – *словообразовательных моделей*, – определяющих структуру производных слов или служащих образцом для создания новых словарных единиц. [3] Специфика каждого отдельного языка заключается в распространенности, продуктивности, одного и относительно непродуктивности другого способа словообразования.

Для сопоставляемых русского, английского и немецкого языков характерны три основных типа словообразования: *морфологический*, *морфолого-синтаксический* и *синтаксический*. Продуктивность того или иного способа словообразования зависит от типологических характеристик языка в целом.

Наиболее продуктивным в обогащении лексического состава современных русского, английского и немецкого языков является **морфологический способ словообразования**.

В современном русском языке, обладающем наиболее развитой и богатой системой служебных морфем, данный тип словообразования является ведущим. В то же время в английском и немецком языках, где заметно снижается удельный вес синтетического способа выражения значения, суффиксация играет менее заметную роль.

При **аффиксации** к основе слова добавляется тот или иной словообразовательный элемент: *суффиксальный*, *префиксальный* и *суффиксально-префиксальный*.

Количество суффиксов, отображающих категорию имени, в русском языке превышает число суффиксов в английском и немецком языках. Например, в сопоставляемых языках для выражения лиц мужского рода (а в английском языке и женского рода), выполняющих определенные действия, имеются определенные суффиксальные морфемы, например, в русском языке: *-арь* (*звонарь*, *слесарь*), *-овец* (*мхатовец*, *вузовец*), *-ец* (*суворовец*, *полководец*), *-ник* (*охотник*, *дворник*), *-ик* (*газовик*), *-ист* (*журналист*, *лицеист*), *-чик* (*вкладчик*, *ракетчик*), *-тель* (*преподаватель*, *писатель*), *-ак* (*чудак*, *рыбак*), *-щик* (*атомищик*, *гардеробщик*); в английском языке: *-ist* (*journalist*, *columnist*), *-ant* (*assistant*, *consultant*), *-ent* (*recipient*), *-ar* (*scholar*), *-ard* (*drunkard*), *-er* (*singer*, *blogger*), *-or* (*conductor*, *professor*), *-ier* (*cashier*), *-yer* (*lawyer*), *-eer* (*profiteer*); в немецком языке: *-er* (*der Lehrer*, *der Japaner*), *-ler* (*der Tischler*), *-ner* (*der Redner*), *-(i)aner* (*Kantianer*), *-ling* (*der Feigling*). Исключительно в английском языке выделяют небольшое количество

суффиксов, означающих реципиента действия, например, *-ee*: *appointee*, *askee*.

В русском и немецком языках имеются суффиксы для представления лиц женского пола: рус. *-ниц(а)* (*учительница*, *проводница*), *-щиц(а)* (*переводчица*), *-к(а)* (*студентка*), *-их(а)* (*трусиха*, *повариха*); нем. *-in* (*die Lehrerin*), *-heit* (*die Schönheit*). В английском языке суффиксы рода выражают род биологический, но не грамматический, ср.: *murder* (м.р.) – *murderess* (ж.р.).

Отличие от английского и немецкого в русском языке род существительных выражается с помощью не только суффиксов, но и флексий, например: *певецo* выступалo – *певицa* выступалa.

Во всех трех языках существуют суффиксы для обозначения абстрактных и собирательных понятий, например, в русском языке: *рыболовство*, *ясность*, *краснота*, *ельник*, *профессура*, *детвора*; в английском языке: *kindness*, *knowledge*, *neighborhood*, *boredom*, *ownership*, *importance*, *difference*; в немецком языке: *die Erwartung*, *die Möglichkeit*, *die Eigenschaft*, *die Malerei*, *der Egoismus*, *der Reichtum*, *die Erlaubnis*. Некоторые из таких суффиксов интернациональны: рус. социализм – англ. *socialism* – нем. *der Sozialismus*, рус. диктаторo – англ. *dictator* – нем. *der Diktator*, рус. анархистo – англ. *anarchist* – нем. *der Anarchist*.

Для сопоставляемых языков характерно наличие ряда суффиксов субъективной оценки, которые направлены на выражение разной степени экспрессивности. Среди них выделяют такие суффиксы, например, как суффиксы уменьшительности: рус. *крошечка*, *козлик*, *домик*; англ. *birdie*, *puppy*, *kitchenette*, *hillock*; нем. *das Mäuschen*, *das Tischlein*, и пренебрежительности: рус. *душонка*, *старушенция*, англ. *princeling*, *bastard*, нем. *die Lauferei*.

Суффиксация является в русском языке одним из главных способов глагольного словообразования, например: *завтрак–завтракать*, *соль–солить*, *лентяй–лентяйничать*. Число продуктивных суффиксов в данной категории в английском и немецком языках несколько меньше: англ. *diversify*, *dominate*, нем. *festigen*, *lächeln*.

В целом система суффиксов современного английского и немецкого языков развита значительно слабее, чем в русском языке.

При префиксации образованное производное слово обычно сохраняет признаки исходного слова и принадлежность к своему лексико-грамматическому разряду: рус. вид–*под*вид, шить–*вы*шить, англ. *active–in*active, *draw–with*draw. При этом модифицируется лексическое значение слова, например, ср.: англ. *ablaze*, *co-existence*, *unable*. Изоморфным признаком в русском, английском и немецком является использование двух или бо-

лее префиксов перед корнем: рус. *не|ре|рас|нре|*делять, *не|до|*молвки, англ. *mis|re|*presentation, *ex-|em|*bankment, нем. *Miss|ver|*ständnis, *be|un|*ruhigen.

Для существительных и прилагательных сравниваемых языков префиксация не является характерным словообразовательным процессом. Тем не менее, наблюдается известная корреляция лексических соответствий, например, рус. *после-* – англ. *after-* – нем. *nach-*: *последствие*–*aftereffect*–*die Nachwirkung*. В немецком и английском также выделяется ряд коррелятивных префиксов, присущих как существительным, так и прилагательным, например: нем. *un-* (*Unschuld*, *unschön*), англ. *un-* (*unemployment*, *unemployed*).

Отличием современного немецкого языка является наличие трех типов префиксов: неотделяемые, отделяемые и колеблющиеся. Неотделяемые префиксы не отделяются от корня и всегда безударны: *be-* (*betreten*), *ge-* (*gefallen*), *er-* (*erklären*), *ver-* (*verlassen*), *zer-* (*zerstören*), *emp-* (*empfehlen*), *ent-* (*entkommen*), *miss-* (*misslingen*). Отделяемые префиксы, например, *ab-* (*abfahren*), *auf-* (*aufstehen*), *ein-* (*einkaufen*), *hin-* (*hinfahren*) придают словам чрезвычайно многообразные значения. Колеблющиеся префиксы *durch-*, *unter-*, *über-*, *wieder-*, *um-* могут быть как отделяемыми, так и неотделяемыми. В первом случае префикс и глагол, к которому он присоединен, сохраняют свое основное значение, и ударение падает на префикс: *übersetzen* (перевозить), *unterhalten* (подставлять, поддерживать снизу), *wiederholen* (принести снова). Во втором случае префикс и глагол теряют свой основное значение, и ударение падает на корень: *übersetzen* (переводить с одного языка на другой), *unterhalten* (беседовать).

В отличие от глагольной префиксации английского и немецкого языков, которая носит лексический характер, в русском языке соответствующий тип префиксации выполняет также и грамматическую функцию выражения видовых отношений: *рыть*–*вырыть*, *делать*–*сделать*, *смотреть*–*просмотреть*.

Суффиксально-префиксальные словообразования, построенные по принципу присоединения к производящей основе и суффикса, и префикса, намного чаще встречаются в русском языке по сравнению с английским и немецким, например: *прикрепленный*, *застольный*, *подберезовик*. В современном английском языке данный способ словообразования представлен больше: *impossibility*, *unreadable*, чем в немецком: *Gespiele*, *anklicken*, *verlinken*.

Разные виды аффиксации имеют различную продуктивность в образовании частей речи: имена существительные и прилагательные чаще образуются посредством суффиксов, глаголы – посредством префиксов. Суф-

фиксально-префиксальный способ словообразования более продуктивен в области глаголов и менее – в сфере имен.

Морфологическое словосложение с использованием соединительных гласных *-o* и *e* продуктивно в русском языке как способ морфологического словообразования: рус. *снегопад*, *земледелие*. В современном английском языке этот способ не является продуктивным, так как интерфиксы *i*, *s*, *o* – остатки синтетического строя древнеанглийского языка: *Anglo-Saxon, statesmen, handicraft*. [1] В немецком языке для образования сложных слов используются соединительные *-(e)s*: *das Arbeitszimmer, das Tageslicht*; *-en* или *-n*: *das Klassenbuch, -ens*: *die Herzenslust, -er*: *der Kindergarten*; значительно реже *-e*: *der Zeigefinger*, и *-o*: *die Elektroenergie*. Сложные существительные, первой частью которых являются прилагательные (*das Hochhaus*), местоимения (*die Selbstkritik*), числительные (*der Dreifuß*), предлоги или наречия (*der Zwischenraum, der Wohlstand*), соединительных элементов не имеют.

Усечение, безаффиксный способ словообразования, имеет в каждом из трех языков свои специфические признаки. Если в английском и немецком усечение продуктивно, то в русском, напротив, оно не является продуктивным способом словообразования: англ. *advertisement > ad, mathematics > math, laboratory > lab*, нем. *der Kugelschreiber > der Kuli, der Pullover > der Pulli, die Demonstration > Demo, Universität > Uni*. [6] В русском языке усечение прослеживается чаще в сленге, разговорном стиле речи: *татуировка > тату, педагогический институт > пед, компьютер > комп*, при этом широко используются заимствования, например: *метро < метрополитен, фото < фотография, кино < кинотеатр*.

Аббревиация как способ образования новых слов в сравниваемых языках чрезвычайно распространенное явление: рус. *бомж, вуз*, англ. *asap* (< as soon as possible), нем. *knif* (< kommt nicht in Frage), *k.o.* (< knockout).

Русский язык характеризуется распространением аббревиатур из начальных слогов и частей компонентов словосочетаний, что не свойственно английскому и немецкому языку: *филфак, спецназ, профком* (но ср.: англ. *Internet < international network* – случаи единичны). К сложным словам прилегают сложно-сокращенные имена существительные, образованные путем сложения названий начальных букв, начальных гласных и согласных: рус. *ВАК, МЧС, МХАТ, ЮНЕСКО*, англ. *BBC, NATO, PC, VIP, TV-shop*, нем. *der VEB, die U-bahn*.

Редупликация присуща трем сравниваемым языкам, однако, наиболее выражена в английском языке, для которого наиболее характерна рифмованная редупликация, ср.: англ. *blah-blah, criss-cross, lovely-dovey, walkie-*

talkie, goody-goody, chin-chin, нем. *tick-tack, zick-zack, puff-puff*, рус. разг. *прямо жара-жара, соседи-рассоседи*.

Обратное словообразование – образование новых слов путем удаления аффикса – характерно и продуктивно в английском языке: *to beg < a beggar, to edit < an editor, to burgle – burglar, to enthuse – enthusiasm, to sculpt – sculpt*. Для русского языка обратное словообразование нетипично.

Телескопия (блендинг) наблюдается во всех языках, причем наиболее продуктивен этот тип словообразования в английском языке: *jazzercise < jazz + exercise, duracel < duration + cell, brunch < breakfast + lunch; Clintonomics < Clinton + economics, Bradgelina < Brad Pitt + Angelina Jolie*. В немецком языке такие сокращения встречаются реже: *Flei(per)verkehr < Flug + Eisenbahn – (Personen) – Verkehr*. Телескопия в русском языке ограничена случаями окказионального присоединения к отсеченной части предыдущего слова первого / последнего элемента последующего слова: *дурократы < дураки + демократы, аскофен < аспирин + кофеин, видиот < видео + идиот, Обамао < Барак Обама + Мао Цзэдун*, поскольку русский язык, будучи языком синтетического типа, больше тяготеет к аффиксальным формам словообразования.

Морфолого-синтаксическое словообразование можно представить сопоставительным сложением, субстантивацией, лексикализацией множественного числа существительного, конверсией.

Сложение основ без связок (соединительных гласных или дефиса) для немецкого и английского языков является одним из самых продуктивных способов словообразования: англ. *Blackberry, handbag, newcomer*, нем. *Fahrkartenverkäufer(in), Körperbau, Briefmarkenverkauf*, но не распространено в русском языке: *радиоузел, бортпроводник, Калининград*. Немецкое, в меньшей степени английское, словосложение отличается от русского языка шириной своего действия, также оно выделяется по количественным показателям и распространяется на различные части речи: нем. *die Gesetzgebung* (сущ.), *heutzutage* (нареч.), *teilnehmen* (гл.), *miteinander* (сущ.), *achtzehn* (числит.); англ. *indoors* (нареч.), *a bluebell* (сущ.)*l, laidback* (прил.), *to whitewash* (гл.).

Отличительной чертой немецкого и английского словосложения является использование разнообразных продуктивных моделей, например, основа существительного + основа существительного (нем. *die Reisebeschreibung*, англ. *door-bell*), основа прилагательного + основа существительного (нем. *das Schwarzbrot*, англ. *heavy-weight*), основа существительного + основа прилагательного (нем. *schneeweiß, jahreszeitlich*, англ. *knee-high*).

[5]

Субстантивация имени прилагательного или причастия одинаково характерна для английского, немецкого и английского языков: англ. *brave* > *the braves*, *wounded* > *the wounded*, нем. *krank* > *die Kranken*, *reisend* > *die Reisenden*, *bekannt* – *der Bekannte*, рус. *гостиная* (комната) > *гостиная* (при субстантивации в русском языке прилагательные и причастия переходят в разряд имен существительных путем отсечения ядерного слова от словосочетания).

Лексикализация множественного числа существительного является одним из способов субстантивного словообразования и одинаково представлена в сопоставляемых языках: англ. *colour* ‘цвет’ – *colours* ‘цвета’, ‘флаги’, *glass* ‘стекло’ (singularia tantum) – *glasses* ‘очки’ (pluralia tantum); нем. *die Wahl* ‘избрание’ – *die Wahlen* ‘выборы’; рус. *масло* ‘вещество’ – *масла* ‘виды, сорта вещества’, *радость* ‘чувство’ (singularia tantum) – *радости* ‘события, вызывающие эти чувства’.

Конверсия – безаффиксальный способ образования слов, при котором происходит переход слова из одного лексико-грамматического разряда в другой без изменения его формальной структуры. Сущностью конверсии является изменение синтаксической функции слов, сопровождаемое изменением значения. В современном английском и немецком языках, характеризующихся наличием слабо выраженной системой морфологии, конверсия как способ словообразования является продуктивной, она охватывает все части речи: англ. *a look* (сущ.) – *to look* (гл.), *intellectual* (прил.) – *an intellectual* (сущ.), *owing* (прич.) – *owing to* (пред.); нем. *leben* (гл.) – *das Leben* (сущ.), *es* (мест.) – *das Es* (сущ.), *morgen* (нареч.) – *das Morgen* (сущ.) и т.д.

Синтаксическое словообразование представлено синтаксическим словосложением и представляет собой активное образование сложных слов путем преобразования словосочетаний или целых предложений. Такой тип словообразования является отличительной чертой английского – языка аналитического: *kiss-me-quick*, *to-be-or-not-to-be question*, *right-to-work law*, *to nickel-and-dime*, *top-of-the-market*. [2]

В русском языке синтаксическое словообразование встречается редко: *не-тронь-меня*, *Иван-да-Марья*, *мать-и-мачеха*, *Ростов-на-Дону*. В немецком языке, где, при отсутствии данного способа словообразования, наблюдается сильное влияние английского языка, предлагающего свою модель образования сложных слов, данный способ может встречаться: *Sturm-und-Drang-Periode*, *das Hand-in-Hand-gehen*, *das Nicht-mer-Dazugehören*, *das Zu-den-Kleinsten-gehören*.

Обобщая сказанное выше, следует отметить, что при значительном сходстве основных словообразовательных систем сравниваемые языки

характеризуются определенными изоморфными и алломорфными признаками. Изоморфные черты обусловлены общим индоевропейским происхождением языков, в то время как алломорфные признаки определяются историческим развитием языков.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 295 с.
2. Белякова Е.И. Translating from English: Переводим с английского. – СПб.: КАРО, 2003. – 160 с.
3. Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 116 с.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
5. Розен Е.В. Как появляются слова? Немецкая лексика: история и современность. – М.: МАРТ, 2000. – 156 с.
6. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 247 с.

Катанова Е.Н.

Кандидат филологических наук, доцент
Воронежский филиал Московского
государственного университета путей
сообщения

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ И БРИТАНСКОЙ КУЛЬТУР ПРИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СВЕДЕНИЙ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы вербализации сведений о различных аспектах идентичности носителей американской и британской культур. Выявляются общие и специфические тенденции в речевом поведении коммуникантов.

Abstract. The article deals with the mechanisms of verbalization of separate identity aspects information typical for the representatives of American and British cultures. The author considers common and specific features in the speech behaviour of the speakers.

Ключевые слова: аспект идентичности, высказывание самоидентификации, парламентский дискурс, американская культура, британская культура.

Key words: identity aspects, self-identification utterance, parliamentary discourse, American culture, British culture.

На современном этапе лингвистических исследований ученые единодушно относительно того, что речевое поведение коммуникантов определяется множеством факторов, таких как характер коммуникации, ее локальные и темпоральные параметры, интенции участников коммуникации, их разнообразные личностные свойства и культурная принадлежность. В зависимости от этих факторов участники коммуникативного процесса могут активизировать разные комплексы сведений об окружающем их мире и о своей собственной личности, используя при этом различные средства языка. С данной точки зрения несомненный интерес представляет изучение дискурсивной деятельности субъектов, вербализующих суждения о различных аспектах своей идентичности и являющихся носителями родственных, но разных культур (американской и британской), в сходных условиях коммуникации.

Под аспектом идентичности в данном исследовании понимается та или иная ипостась личности говорящего как уникального индивида, как носителя определенной социальной роли или как представителя некоторой группы. Основным средством вербализации суждений о различных аспектах личностной и коллективной идентичности субъектов (самоидентифицирующих суждений) является высказывание самоидентификации (ВС). Наиболее благоприятной коммуникативной средой для порождения ВС является сфера парламентской деятельности, особенности которой отражает парламентский дискурс. Именно в парламентской среде, где взаимодействие коммуникантов происходит на уровне различных партийных и профессиональных группировок, создаются необходимые предпосылки для активизации суждений о различных аспектах идентичности субъектов. По этой причине объектом нашего внимания является парламентский дискурс; материалом исследования служат стенограммы заседаний Британского парламента и Конгресса США за 2005–2007 гг., из которых извлечены 2000 ВС. В ходе исследования предполагается решить следующие задачи: 1) определить, какие признаки идентичности субъектов активизируются в парламентском дискурсе, и выявить факторы, способствующие их активизации; 2) описать механизмы вербализации сведений о наиболее значимых аспектах идентичности членов парламента; 3) выявить общие и специфические тенденции в выборе средств языка, присущие носителям американской и британской культур.

Практический анализ материала позволил условно выделить 10 аспектов идентичности, информация о которых реализуется в парламентском

дискурсе: профессиональный, национальный¹, политический, региональный, семейно-ролевой, этнический, возрастной, конфессиональный, гендерный и индивидуальный². Количественные результаты анализа обобщены в таблице 1.

Таблица 1. Частотность активизации сведений о различных аспектах идентичности в парламентском дискурсе

Аспект	Лингвокультура	
	Американская	Британская
Профессиональный	56%	69,5%
Национальный	13%	4%
Политический	7%	4,5%
Региональный	7%	4,5%
Индивидуальный	4%	6%
Семейно-ролевой	2,5%	3%
Этнический	2%	1,5%
Возрастной	1,5%	1,2%
Религиозный	0,7%	0,7%
Гендерный	0,3%	0,1%
Сочетание различных аспектов	6%	5%
Итого	100%	100%

В результате анализа установлено, что наиболее значимыми факторами³, способствующими активизации данных сведений, являются:

- 1) тема парламентских заседаний и соответствующий содержательный контекст, задаваемый обсуждаемой тематикой;
- 2) особое дискурсивное пространство, которое формируется в результате специфической деятельности в парламенте;
- 3) имиджеобразующие и аргументативные дискурсивные стратегии, реализуемые членами парламента в процессе коммуникации;
- 4) личностный или коллективный характер идентичности.

Из таблицы 1 следует, что наиболее значимым для членов Конгресса США и Парламента Великобритании является профессиональный аспект идентичности. Для членов Конгресса США вторым по своей значимости является национальный аспект идентичности. Установлено, что сведения о национальной идентичности активизируются американскими парламентариями в 3 раза чаще, чем британскими парламентариями. Обнаруженная тенденция может получить объяснение с точки зрения культурной специфики американского сообщества. Эта специфика заключается в том, что носители американской лингвокультуры обладают особым чувством па-

триотизма, близким к эгоцентризму, им свойственно чувство гордости за все американское и замкнутость на своих национальных интересах [1; 5].

Активизируя информацию о том или ином аспекте своей идентичности, члены парламента по-разному подают информацию о своей личности, используя для этого определенные лексические единицы и синтаксические структуры.

Количественные данные, иллюстрирующие корреляцию между активизацией сведений о том или ином аспекте идентичности и выбором синтаксической структуры для именованя самоидентифицирующего суждения, представлены в таблице 2.

Согласно данным таблицы 2, основным способом вербализации суждений о профессиональной идентичности парламентариев в американском материале являются аппозитивные конструкции, а в британском – субстантивные и глагольные предложения.

Таблица 2. Активизируемый аспект идентичности и выбор средств вербализации самоидентифицирующего суждения⁴

Аспект	Синтаксическая структура							
	Американская лингвокультура (%)				Британская лингвокультура (%)			
	СБ	АД	ГП	АК	СБ	АД	ГП	АК
Профессиональный	30	9	28	33	38	4	37	21
Национальный	38	8	19	35	42	-	16	42
Политический	29	8	11	52	32	3	32	34
Региональный	22	18	47	13	20	8	62	10
Индивидуальный	45	17,5	20	17,5	46	15	26	13
Семейно-ролевой	27	-	36,5	36,5	27	15	31	27
Этнический	5	14	62	19	-	46	-	54
Возрастной	61	31	-	8	45	27	10	18
Конфессиональный	33	-	17	50	-	-	50	50
Гендерный	-	-	33	67	-	-	-	100

АМ⁵: Mr. Price: *As a physician, I have seen how dangerous government control of health care can be* (Sept 25, 2007, H10761).

БМ: Lord Berkeley: *As noble Lords know, I am chairman of the Rail Freight Group* (27 Oct 2005: Col 1385). Joan Ruddock: *I speak as a member of the Modernisation Committee*. (26 Jan 2005: Col 366).

При реализации профессиональной идентичности признаки личности обозначаются существительными, принадлежащими к группе функциональных имен или субстантивными словосочетаниями, которые содержат в своем значении функциональную сему. Функциональные имена называют лицо по функции, которую оно призвано выполнять, и представляют собой объективные обозначения лица [3, 336]. Благодаря этой особенности функциональные имена используются для реализации прямого способа са-

моидентификации, при котором адресант однозначно воспринимается как носитель определенной профессиональной роли или характеристики. При активизации сведений о профессиональной идентичности членов парламента, как американского (93%), так и британского (95%), прямая самоидентификация является преобладающей. В ходе анализа выделено 5 типов функциональных имен, обозначающих следующие характеристики: 1) должность, титул, военный чин: *chairman of the Subcommittee on Science, Speaker of the House* (АМ); *chairman of Rail Freight Group, health Minister* (БМ); 2) членство в парламенте: *member of the Senate, Senator* (АМ); *Member of Parliament, MP, parliamentarian(s)* (БМ); 3) членство в комитете, обществе, группе, делегации: *member of the Ethics Committee* (АМ); *member of the ministerial group* (БМ); 4) приобретенную профессию или специальность, род занятий: *businessperson, lobbyist, legislators* (АМ); *aviator, economist, journalist* (БМ); 5) группу людей, исполняющих определенные профессиональные функции: *Congress, House of Representatives* (АМ); *Government, Parliament* (БМ). При этом в двух группах материала зафиксирована как универсальная парламентская лексика (*chairman, Speaker, Minister*), так и специфическая для конгрессменов или британских парламентариев лексика (*attorney* и *barrister, Congress member* и *Member of Parliament, MP*).

Наиболее частотными синтаксическими структурами, используемыми для вербализации сведений о национальной идентичности парламентариев, являются в американском материале субстантивные предложения, а в британском материале – субстантивные предложения и аппозитивные конструкции.

АМ: Mr. Coburn: *No matter what our political philosophy, we are all Americans* (Jan 11, 2007, S425).

БМ: Tony Lloyd: *In that context, we as the United Kingdom have a special role in increasing the capacity of the legal and courts systems.* (13 July 2006: Col 1497). Lord Razzall: *It is my understanding that we are well ahead of other member states in the consultation exercise; that is inevitably the case as we are the financial centre of the western world* (2 July 2007: Col 889).

Для репрезентации сведений о национальной идентичности парламентариев показателен косвенный способ самоидентификации (80% в каждой группе материала), при котором обозначаемая адресантом роль или характеристика представляется адресату достаточно неопределенной. Косвенная самоидентификация осуществляется с помощью собирательных одушевленных существительных *community, country, nation, people, society*, а также многочисленных описательных оборотов и метафор, характеризующих государство и его деятельность (*hope and light of all those who would live in*

freedom, mosaic, nation of immigrants – АМ; *financial centre of the western world, maritime power, one of the most successful countries in the world* – БМ). Некоторые из этих лексических единиц употребляются как конгрессменами, так и членами Британского парламента (*country, nation*), а некоторые обладают очевидной национально-культурной спецификой (*Americans* и *Celts*) и являются маркерами культурной идентичности коммуникантов.

В целом, очевидно, что результаты проведенного исследования в сопоставляемых группах материала во многих отношениях обнаруживают определенное сходство. В то же время в каждой группе материала зафиксированы свои особенности, которые проявляются в выборе представителями различных культурных сообществ специфических единиц для оязыковления сведений о своей идентичности. Сходные тенденции состоят в том, что носители американской и британской культур, вербализуя самоидентифицирующее суждение в парламентской среде, активизируют одни и те же сведения о своей личности и используют при этом одни и те же средства языка, различие заключается в том, что делают они это с разной степенью интенсивности.

Сходство в использовании языка представителями американского и британского сообществ в парламентской среде обусловлено идентичными дискурсивными условиями, в которых осуществляется интеракция, наличием типичных для данной среды ситуаций общения и моделей речевого поведения, аналогичными коммуникативными намерениями членов парламента, ориентированными на аргументацию своей точки зрения и конструирование своего имиджа, родством культур и структурными особенностями английского языка, на котором говорят представители этих лингвокультур.

Расхождения обусловлены разными ценностными ориентациями американского и британского сообществ, особыми культурными традициями и конвенциями, существующими в этих сообществах, а также особенностями организации политического дискурса в конкретной парламентской среде.

Литература

1. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и Славянством. – М.: Раритет, 1997. – 676 с.
2. Катанова Е.Н. Функциональный анализ самоидентифицирующих высказываний (на материале американских и британских парламентских дебатов) дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 224 с.
3. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 707 с.

4. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1971. – 937 S.
5. Making America. The Society and Culture of the United States. – Washington, DC.: U.S. Information Agency, 1988. – 393 p.

Примечания

- ¹ Этническая идентичность трактуется как результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем определенного этноса. Национальная идентичность – результат самоидентификации индивида с определенным политическим (национальное государство) и культурным (национальная культура) сообществом.
- ² Под индивидуальной идентичностью понимается совокупность сведений о физических, интеллектуальных и нравственных проявлениях субъекта идентичности как уникального индивида.
- ³ Более подробно анализ этих факторов представлен в [2].
- ⁴ Условные обозначения: СБ – субстантивные предложения, АД – адъективные предложения, ГЛ – глагольные предложения, АК – аппозитивные конструкции. Три структурных типа предложения: СБ, АД, ГЛ, – выделяются в зависимости от характера сказуемого и способов выражения предикатива [4, 530]. Данные структуры являются носителями разного смысла, формирующегося в тесной взаимосвязи со значением той части речи, которая занимает в них позицию предикатива или сказуемого. АК представляет собой единый структурный и содержательный, расчлененный функциональный комплекс, обязательными компонентами которого являются аппозитив (приложение) и определяемое им слово. За 100% принимается количество структур, овнешняющих отдельный аспект идентичности.
- ⁵ АМ – американский материал, БМ – британский материал.

Нелюбин Л.Л.

доктор филологических наук, профессор
Московский государственный
областной университет

ПЕРЕВОД И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Аннотация. В докладе излагается связь перевода и сравнительной типологии, их взаимодействие на теоретическом и прагматическом уровнях, рассматриваются признаки их сближающие, определяется, что типология сравнивает системы языков, а перевод сравнивает языковые тексты.

Abstract. The report reveals the connection between translation and comparative typology, their interaction on theoretical and pragmatic levels, indicates

the approximation signs, determines that typology compares language systems there as translation compares linguistic texts.

Ключевые слова: система, сравнительный, перевод, признак, текст, теория, типология.

Key words: comparative, sign, system, text, theory, translation, typology.

Сравнительная типология и перевод, а точнее лингвистическая теория перевода, тесно связаны между собой и взаимодействуют друг с другом. Эта связь обусловлена тем, что теория перевода и лингвистическая типология занимаются сравнением и сопоставлением языков.

Л.С. Бархударов считает, что теория перевода по самой своей сущности есть не что иное, как научно обоснованное сопоставление систем двух языков [1, 14]. Действительно, если сопоставительная типология занимается выявлением характерных признаков систем двух или более языков и установлением закономерностей соответствий признаков между системами сравниваемых языков, то при переводе переводчик преобразует речевое произведение с языка на язык с одновременным выявлением отдельных случаев лингвистического изоморфизма (сходства) в системах обоих языков.

Ряд зарубежных лингвистов: Дж. Кэтфорд, Е. Найда, М. Халлидей и др., – рассматривают теорию перевода составляющей частью сравнительной типологии [7; 8; 10].

Перевод играет значительную роль при сравнении систем двух языков, а полное описание систем двух языков с точки зрения лингвистической типологии обогатило бы переводчиков в их практической деятельности. Вопросами лингвистической теории перевода занимались: Л.С. Бархударов, Р.К. Миньяр-Белоручев, Я.И. Рецкер, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер и др. [1; 2; 4; 5; 6].

Сравнительную типологию и переводоведение сближают следующие признаки:

- 1) общность единиц плана содержания;
- 2) идентичность процесса сравнения;
- 3) межуровневность соответствующих средств;
- 4) индефферентность к генетическому родству.

Рассмотрим их подробнее.

1) Общность единиц плана содержания.

Процесс сравнения систем двух языков можно строить исходя либо из плана выражения, либо из плана содержания,

В сравнительной типологии в зависимости от характера или цели процесса сопоставления исследования можно строить на том и на другом.

Однако более приемлемой можно считать организацию типологической операции на основе единиц плана содержания. Процесс перевода аналогичен по своему характеру процессу типологического сравнения. Переводчик также ищет эквивалентные формы выражения определенного смысла в другом языке, ибо перевод – это преобразование исходного текста при сохранении смысла.

Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, т.е. значения. Другими словами, при переводе, также как при типологическом сравнении, выявляются своеобразные языковые средства, эквивалентные определенному содержанию в языке, на который переводится текст.

2) Идентичность процесса сравнения.

Операции сравнительной типологии и перевода распадаются на два этапа. Типологическая операция состоит из этапов (а) абстрагирования или типологизации, и этапа (б) корреспондирования или преобразования.

Процесс перевода также происходит поэтапно: начальный этап – этап понимания чужого текста, этап подготовки к переводу, т.е. аналитический, абстрагированный процесс; второй этап – этап реализации данных первого этапа, синтетический этап.

Машинный перевод также осуществляется поэтапно: это этапы анализа и синтеза или операции выбора и операции преобразования. Первым этапом является лингвистический, который совпадет с первым этапом операций, производимых в сравнительной типологии, так как при типологических операциях также происходит процесс абстрагирования, или типологизации. Второй этап операций при переводе связан с синтезированием результатов лингвистического этапа, с дальнейшим корреспондированием, или преобразованием.

Результаты, полученные в процессе типологического анализа, используются при машинном переводе, ибо нельзя строить машинный перевод без наличия системного описания языков. Однако многие данные, полученные в результате типологических операций могут быть недостаточными для машинного перевода и, наоборот, результаты машинного перевода могут оказаться избыточными для сравнительной типологии (например, различные коды, формулы, алгоритмы, программы и пр.).

3) Межуровневость соответствующих единиц.

Особая гетерогенность (разнородность) систем неродственных языков требует выявления средств выражения той или иной категории на всех уровнях языковой иерархии. Не может идти речь о полноте сравнения или

сопоставления определенного текста разносистемных языков без фиксации средств выражения единиц всех уровней.

На аналогичных основах строится и теория перевода. Для перевода необходимы данные, выявленные типологической операцией. Особую роль имеют межуровневые типологические синонимы, или трансформационные варианты, поверхностные структуры. Например, если в одном языке определенная категория передается при помощи вербальной неноминализованной формы или конструкции, то в другом – соответствующие формы могут быть номинализованы. Если в языке источнике (ИЯ) определенный смысл выражается единицей уровня слова, то в языке перевода (ПЯ) соответствующие конфронты могут соотноситься с уровнем словосочетания.

Сравнительная типология и перевод связаны и теоретически и практически.

Связь на теоретическом уровне основывается на том, что представляя научные аспекты изучения языка, и сравнительная типология, и перевод занимаются установлением закономерностей соответствия средств двух и более самостоятельных языков.

На практическом уровне сравнительная типология связана с процессом обучения, а перевод – с ознакомлением читателя с иноязычным текстом.

4) Индифферентность к генетическому родству.

Хотя перевод и сравнительная типология относятся безразлично к генетическому родству систем сравниваемых языков, генетическая близость систем рассматриваемых языков может создавать благоприятные условия для перевода.

Переводческая эквивалентность повышается, если типологическая близость сопровождается генетическим родством, ибо у генетически близкородственных языков формально типологическая близость сопровождается смысловой и материальной близостью.

Например, типологическая близость сопровождается генетической близостью в близкородственных германских языках.

Если типологическая близость сопровождается генетической близостью, то при переводе не возникает особых трудностей. Переводчику легче перевести текст или составить словарные соответствия, если он имеет дело с системами близкородственных языков.

К рассмотренным идентифицирующим признаком можно отнести и то, что в сравнительной типологии и переводе пользуются почти одинаковыми лингвистическими методами и приемами.

Несмотря на аналогичность производимых операций и наличие других

общих черт у типологического сравнения и теории перевода существуют некоторые различия, дифференцирующие признаки, а именно:

- (1) наличие относительной свободы выбора у переводчика;
- (2) различие в плане содержания.

Свобода выбора при переводе осуществляется следующим образом: заменой единиц одного уровня единицами других уровней; употреблением описательных способов перевода независимо от одноуровневого соответствия;

выбором стилистически подходящих или более выразительных средств других уровней и разрядов слов;

употреблением синонимических форм и конструкций;

заменой текста другим текстом при условии сохранения глубинной общности (например, пословицы и поговорки).

Когда определенная информация перекодируется с языка на язык, переводчик может обратиться ко всем уровням для выбора соответствующих единиц из плана выражения. Обычно это происходит в двух случаях: (1) когда невозможно проявить одноуровневые соответствия и (2) когда переводчик стремится передать данное содержание при помощи более приемлемых в этом случае стилистических средств.

Эквивалентность может иметь разнообразные формы выражения. Так, например, минимальные соответствия могут быть следующими:

ИЯ (исходный язык) ПЯ (язык перевода)

морфема - слово

слово - морфема

слово - слово

слово - предложение

предложение - слово

предложение - предложение и т.д.

В сравнительной типологии свобода выбора используется (1) строго ограниченно, (2) в пределах определенных уровней.

Различия в плане содержания заключаются в том, что сравнительная типология изучает единицы языка в плане абстракции, а перевод – в плане реализации. Сравнительная типология сравнивает системы языков, а перевод реализует единицы этих систем.

Хотя сравнительная типология тесно связана с переводом, последний не следует считать составляющей сравнительной типологии: сравнительная типология сравнивает систему с системой, а перевод – текст с текстом.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
2. Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. – М.: Воениздат, 1980. – 237 с.
3. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учебное пособие. 2-е изд. – М.: Флинта: МПСИ, 2008. – 416 с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учебное пособие. 5-е изд. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, М.: ООО «Издательский дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2001. – 416 с.
6. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
7. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics. – Oxford: Oxford University Press, 1965. – 110 p.
8. Halliday M.A.C. On Language and Linguistics. London/New York, 2003. – 448 p.
9. Kelly L.G. The True Interpreter. A History of Translation Theory and Practice in the West. – Oxford: Basic Blackwell, 1979. – 282 p.
10. Nida E. A., Taber C. The theory and practice of translation. – Leiden: Brill. Nord, 1969. – 220 p.

Салахова А.С.

Кандидат филологических наук, доцент
Сургутский государственный
педагогический университет

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУФФИКСАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье основное внимание уделяется разработке суффиксальных схем и моделей существительных, приводятся результаты семантического соответствия суффиксальных моделей существительных в рассматриваемых языках.

Abstract. The article focuses on the development of schemes and models suffixed nouns, the results of the semantic matching models suffixed nouns in these languages.

Ключевые слова: словообразование, сопоставление, суффиксация, семантика, схема.

Key words: word formation, matching, suffixes, semantics, the scheme.

Для сопоставительного исследования словообразования, как и для любой другой области языкознания, необходимо выделение таких структур, которые отражали бы общие закономерности рассматриваемой системы. Словообразовательная модель рассматривается как типовая стабильная структура, способная наполняться тем или иным материалом, так как лишь структурные закономерности не могут исчерпать характеристики словообразовательной модели, поскольку семантика слова и его словообразовательная структура тесно взаимосвязаны. Для сопоставительного изучения суффиксального словообразования необходимо определить параметры, по которым будут сопоставляться языки на данном уровне. Такими параметрами в нашей работе являются:

1. Схема, по которой образуется суффиксальное слово;
2. Модель с указанием конкретного суффикса, который участвует в образовании нового суффиксального слова;
3. Словообразовательное значение, которое реализуется в данной модели [1, 102].

Суффиксальные схемы и модели немецкого и английского языков составлены нами на основе исследования методом сплошной выборки следующих словарей: словарь словообразовательных элементов немецкого языка по ред. М.Д.Степановой, Cambridge International Dictionary of English [2; 3]. В немецком и английском языках нами выделяются схемы, которые показывают, какие части речи участвуют в словообразовательном процессе и какая из них является производящей, а какая производной. Так, например, $V + Suf. = N$ обозначает, что от основы глагола при помощи суффикса образуется существительное. Внутри схем выделяются модели, которые описывают производящую основу, конкретный суффикс и производное слово. Так, в схеме $V + Suf. = N$ можно выделить разные модели: $V + er = N$ (*Schreiberei*); $V + er = N$ (*Springer*) и другие. В обоих языках различаются **транспонирующие схемы**, в которых производящая часть речи отличается от производной ($V + Suf = Sub$), и **нетранспонирующие схемы**, в которых производящая и производная часть речи совпадают ($Sub + Suf = Sub$). Для того чтобы выявить семантические соответствия суффиксов существительных немецкого и английского языков, мы сравним суффиксальные модели существительных в исследуемых языках. Результаты сопоставительного исследования суффиксальных существительных немецкого и ан-

глийского языков по семантическому аспекту представлены в следующих схемах и моделях: **Нетранспонирующая схема Sub+Suf=Sub**

модель немецкого языка $Sub+an=Sub$ соответствует модели английского языка $N+an=N$ по значению «лицо по роду занятий»:

немецкий язык английский язык

Kapellan physician

модель немецкого языка $Sub+drom=Sub$ соответствует модели английского языка $N+drome=N$ по значению «место»:

немецкий язык английский язык

Autodrom airdrom

модель немецкого языка $Sub+em=Sub$ соответствует модели английского языка $N+eme=N$ по значению существительных, обозначающих термины:

немецкий язык английский язык

Semem phoneme

модель немецкого языка $Sub+er=Sub$ соответствует модели английского языка $N+er=N$ по значению «лицо по профессии, по занятию»:

немецкий язык английский язык

Fleischer gardener

модель немецкого языка $Sub+esse=Sub$ соответствует модели английского языка

$N+ess=N$ по значению «лицо женского пола»:

немецкий язык английский язык

Baronesse actress

модель немецкого языка $Sub+ette=Sub$ соответствует модели английского языка $N+ette=N$ по значению «лицо женского пола»:

немецкий язык английский язык

Chansonette conductorette

модель немецкого языка $Sub+ismus=Sub$ соответствует модели английского языка $N+ism=N$ по значению «теория, учение, направление в искусстве, литературе; общественно-экономическая формация»:

немецкий язык английский язык

Darwinismus capitalism

модель немецкого языка $Sub+ant=Sub$ соответствует модели английского языка $N+ant=N$ по значению «лицо по роду занятий, действий»:

немецкий язык английский язык

Fabrikant libellant (истец)

модель немецкого языка $Sub+schaft=Sub$ соответствует модели английского языка $N+ship=N$ по значению «собирательности»:

немецкий язык английский язык

Arbeiterchaft friendship

Транспонирующие схемы:

V+Suf=Sub

модель немецкого языка $V+er=Sub$ соответствует модели английского языка $V+er=N$ по значению:

деятеля, наименования лица по признаку занятия:

немецкий язык английский язык

Lehrer teacher

предмет, орудие действия:

немецкий язык английский язык

Dampfer mixer

модель немецкого языка $V+ling=Sub$ соответствует модели английского языка $V+ling=N$ по значению «лицо, на которое направлено действие»:

немецкий язык английский язык

Prüfling suckling

модель немецкого языка $V+ung=Sub$ соответствует модели английского языка $V+ment=N$ по значению «действие, процесс или состояние»:

немецкий язык английский язык

Entwicklung movement

модель немецкого языка $V+ant=Sub$ соответствует модели английского языка $V+ant=N$ по значению «лицо, выполняющее действие»:

немецкий язык английский язык

gratulant attendant

модель немецкого языка $V+ion=Sub$ соответствует модели английского языка $V+ion=N$ по значению «процесса»:

немецкий язык английский язык

Diskussion translation

Adj+Suf=Sub

модель немецкого языка $Adj+ismus=Sub$ соответствует модели английского языка $A+ism=N$ по значению «учение, теория, направление, общественный строй»:

немецкий язык английский язык

Idealismus marxism

модель немецкого языка $Adj+nis=Sub$ соответствует модели английского языка $A+ness=N$ по значению «качество, свойство»:

немецкий язык английский язык

Bitternis calmness

Num+Suf=Sub

Модель немецкого языка $Num+er=Sub$ соответствует модели английского языка $Num+er=N$ по значению «возрастное обозначение лица»:

немецкий язык английский язык

Sechziger fiftener

Таблица 1. Семантические соответствия суффиксальных моделей английского и немецкого языков

Модель немецкого языка	Модель английского языка	Словообразовательное значение
Sub+Suf=Sub		
Sub+an=Sub	N+an=N	лицо по роду занятий
Sub+drom=Sub	N+drome=N	место
Sub+em=Sub	N+eme=N	существительные, обозначающие термины
Sub+er=Sub	N+er=N	лицо по профессии, по занятию
Sub+esse=Sub	N+ess=N	лицо женского пола
Sub+ette=Sub	N+ette=N	лицо женского пола
Sub+ismus=Sub	N+ism=N	теория, учение, направление в искусстве, литературе; общественно-экономическая формация
Sub+ant=Sub	N+ant=N	лицо по роду занятий, действий
Sub+schaft=Sub	N+ship=N	собирательность
V+Suf=Sub		
V+er=Sub	V+er=N	деятель, наименование лица по признаку занятия; предмет, орудие действия
V+ing=Sub	V+ing=N	лицо, на которое направлено действие
V+ung=Sub	V+ment=N	действие, процесс, состояние
V+ant=Sub	V+ant=N	лицо, выполняющее действие
V+ion=Sub	V+ion=N	процесс

Adj+Suf=Sub		
Adj+ismus=Sub	A+ism=N	учение, теория, направление, общественный строй
Adj+nis=Sub	A+ness=N	качество, свойство
Num+Suf=Sub		
Num+er=Sub	Num+er=N	возрастное обозначение лица

Общими схемами соответствия образования суффиксальных существительных в немецком и английском языках являются следующие: 1) Sub+Suf=Sub; 2) V+Suf=Sub; 3) Adj+Suf=Sub; 4) Num+Suf=Sub. Было выделено 254 модели образования суффиксальных существительных в рассматриваемых языках. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что немецкий язык по количеству функционирующих словообразовательных суффиксальных моделей превосходит английский: суффиксальные существительные в немецком языке образуются по трем транспонирующим схемам (77 моделей) и по одной нетранспонирующей схеме (89 модели); тогда как в английском языке суффиксальные существительные образуются по трем транспонирующим схемам (40 моделей) и по одной нетранспонирующей (48 моделей). Проведенный анализ семантики между суффиксальными моделями существительных позволяет сделать следующий вывод: часть суффиксов двух сопоставляемых языков могут выражать одинаковое значение. Общность схемы двух языков предопределяет общность семантической структуры каждой модели.

Литература

1. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка // М.Д. Степанова. – М.: Изд-во литер. на иностр. языках, 1953.–375 с.
2. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка // Зуев А.Н., Молчанова И.Д, Мурясов Р.З. и др.: Под рук. М.Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 1979. – 536 с.
3. Cambridge International Dictionary of English

ОГЛАВЛЕНИЕ
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Блох М.Я. ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ.....	3
Вишняков А.Г. О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ АКАДЕМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	7
Красилова И.Е. НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЛИНГВИСТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ.....	16

Секция №1 / Workshop 1

**«СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
И ЗАРУБЕЖНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ»
MODERN TRENDS IN RUSSIAN
AND FOREIGN SCIENCE OF TRANSLATION**

Narcisa Schwarz, Angela Jireghie, Rodica Biriş HUMAN TRANSLATION VERSUS MACHINE TRANSLATION.....	22
Rodica Biriş, Narcisa Schwarz, Laura Precup Spiegelbauer, Viorica Banciu BILINGUALISMUS UND MEHRSPRACHIGKEIT IN RUMÄNIEN.....	27
Rodica Biriş TRADUKTOLOGISCHE ANSÄTZE ZUR ABENDLÄNDISCHEN ESOTERIK TRANSLATION PERCEPTIONS IN WESTERN ESOTERICISM.....	32

Александрова Е.М., Дударева Д.Р. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ И ТЕРМИНОЛОГИИ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	39
Букин А.С. К ПРОБЛЕМЕ КООПЕРАТИВНОГО И НЕКООПЕРАТИВНОГО ДИАЛОГА.....	44
Воложанина Ю.В. ЭПИГРАММА И ЛИМЕРИК В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ	48
Голякова Ю.Б. ПЕРЕВОД ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ	51
Иванова Н.А. ДОСТИЖЕНИЕ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ РЕАЛИЙ.....	57
Иванова Н.Г. РОЛЬ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ПО ЮРИСПРУДЕНЦИИ.....	63
Кириллова А. В. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	67
Красилова И.Е. РЕСУРСЫ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА.....	71
Ларина С.Г. КОНФЛИКТ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ.....	74
Марчук Ю.Н. ПЕРЕВОД И ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ	79
Мильман К. С. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	84

Овчинникова М.В. АЛГОРИТМ ПЕРЕВОДА МАТЕРИАЛОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	91
Писарихина А.С. РЕАЛИЯ И ТЕРМИН В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ.....	96
Улиткин И.А. ПЕРЕВОДЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: КАК СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ РАБОТУ ПЕРЕВОДЧИКА	101
Филиппова И.Н. ОТ ТРАНСФОРМАЦИОНИЗМА И ИНТЕРПРЕТАЦИОНИЗМА К СИНЕРГЕТИКЕ И ХОЛИЗМУ	106
Осипова А.А., Хухуни Г.Т. РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕКСТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ: ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ	112
Абрамова Д.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ПЕЛЕВИНА).....	118

Секция №2 / Workshop 2
«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ»
THEORETICAL QUESTIONS
OF LINGUISTICS

Воскобойник Г.Д., Вебер Е.А. О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБАХ СНИЖЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА	123
Лызлов А.И. ОБ ЭЛАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ ПАРЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ	126

Леонтьева А.В. АКТИВАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЁМКОСТИ И АССОЦИАТИВНОЙ БАЗЫ СЛОВА.....	131
Рогозина Т.М. К ПРОБЛЕМЕ АППОЗИТИВНОЙ СВЯЗИ В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА.....	135
Дорохина М. Н. ОБРАЗОВАНИЕ ПОСЛЕЛОГОВ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД.....	138
Филатова Н.А. К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ И НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ, ОТРАЖАЮЩИХ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ.....	143
Хроменков П.Н. КОНФЛИКТОГЕНЕЗ В ДИСКУРСЕ ИДЕОЛОГИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ.....	147
Чурюканова Е.О. К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ СОКРАЩЁННЫХ РАЗГОВОРНЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	153
Шокуева М.К. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЕЛОВ В СЕМАНТИКЕ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ.....	160
Колоскова Т.А. ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ.....	163
Яковлева Э.Н. К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ЗНАЧЕНИЙ НЕКОТОРЫХ ВЕТХОХАВЕТНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ.....	169

Секция №3 / Workshop 3
«ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ЛИНГВОСТИЛИСТИКА»
CULTURAL AND STYLISTIC ASPECTS
OF LINGUISTICS

Ахренов А.В.

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО)..... 175

Ахренова Н.А.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ
ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВИСТИКИ..... 182

Букина В.А.

НОВОЗЕЛАНДСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА..... 188

Гатина А.Г.

АВСТРАЛИЙСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА..... 193

Женевская Е.В.

ИКОНИЗАЦИЯ
ФЛОРИСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «SILVER FERN»
В НОВОЗЕЛАНДСКОЙ КАРТИНЕ МИРА 199

Коротких Т.А.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ В КОНТЕКСТЕ
БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА 204

Котова Е.Г.

ЧЕРНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ИЛИ ЭБОНИКС 211

Лесниковская И.В.

АВСТРАЛИЙСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 214

Меренкова Д.Е.

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СКАЗОВОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
И ЕГО ВИДЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. С. ЛЕСКОВА) 218

Николаева М.Н.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН ЭПИТЕТА
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ..... 225

Павлова О.Н.

ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ 231

Седова М.И.

РЕКЛАМНЫЙ ВИДЕОРОЛИК – РАЗНОВИДНОСТЬ
КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА..... 236

Остапенко О.Г.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
РАННИХ АНГЛО-РУССКИХ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ 241

Кушнир Е.Н.

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ
ГЛАВНОГО ПЕРСОНАЖА
И ЕЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛЫ
«THE LION’S SKIN» BY W.S. MAUGHAM) 245

Маслечкина С.В.

ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧИЯ В ГЕРМАНИИ 250

Харитонова Е.Ю.

СИМВОЛИЗМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СУБСТАНТИВНЫМИ
КОМПОНЕНТОМ «ХЛЕБ» В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ..... 256

Шурупова М.В.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛЕНГА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ Т. ПИНЧОНА
«ВЫКРИКИВАЕТСЯ ЛОТ 49» 260

Секция №4 / Workshop 4

«СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ»
COMPARATIVE TYPOLOGY OF LANGUAGES

Блохин А.В. БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ КАК ФАКТОР ЭКОЛИНГВИСТИКИ	265
Болдырева Ю.А., Никандрова Т.Е. РУССКИЙ ЯЗЫК В ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVI–XVII ВВ.	268
Захарова О.И. СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОДУКТИВНЫХ ТИПОВ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАМ	276
Катанова Е.Н. СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ И БРИТАНСКОЙ КУЛЬТУР ПРИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СВЕДЕНИЙ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИДЕНТИЧНОСТИ	283
Нелюбин Л. Л. ПЕРЕВОД И СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ	289
Салахова А.С. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУФФИКСАЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	294

НОВОЕ
В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ
И ЛИНГВИСТИКЕ

*материалы
международной научно-практической
конференции*

Подписано в печать 24.12.2012.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 17,9
Тираж 100 экз.

Отпечатано в РА «Идеал»,
Московская область, г. Ликино-Дулёво, ул. Советская, д. 41